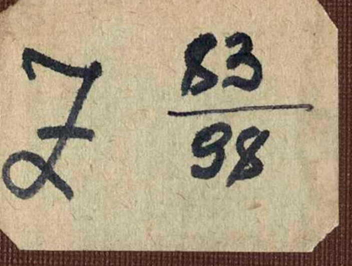
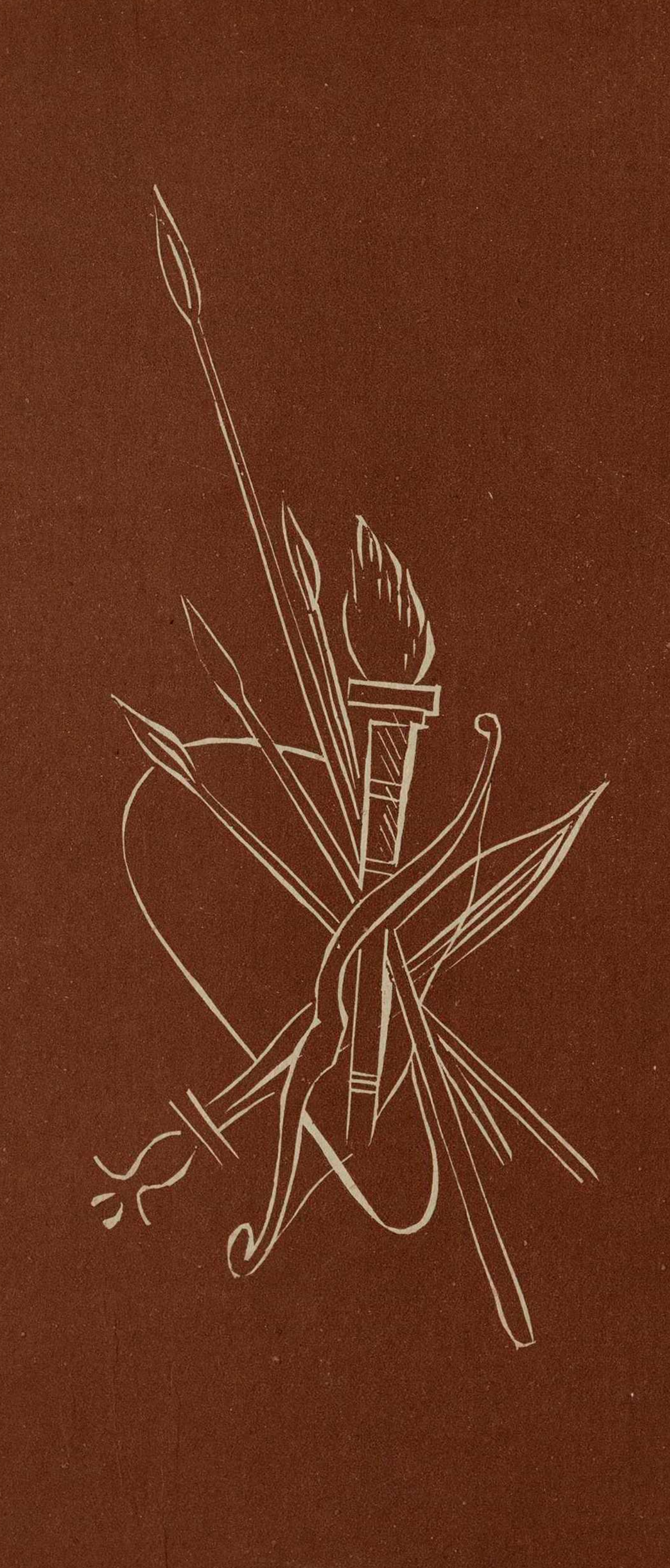
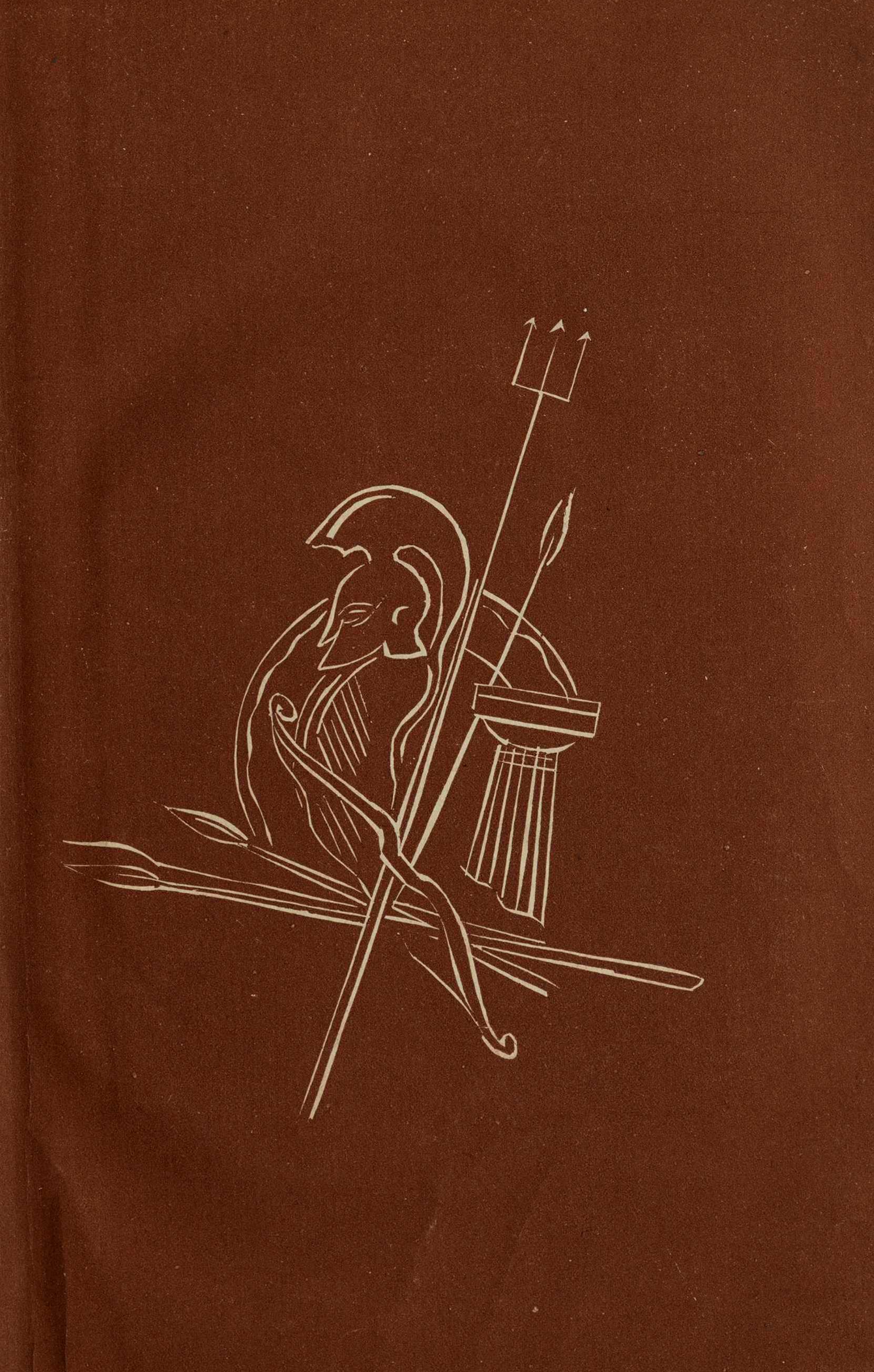
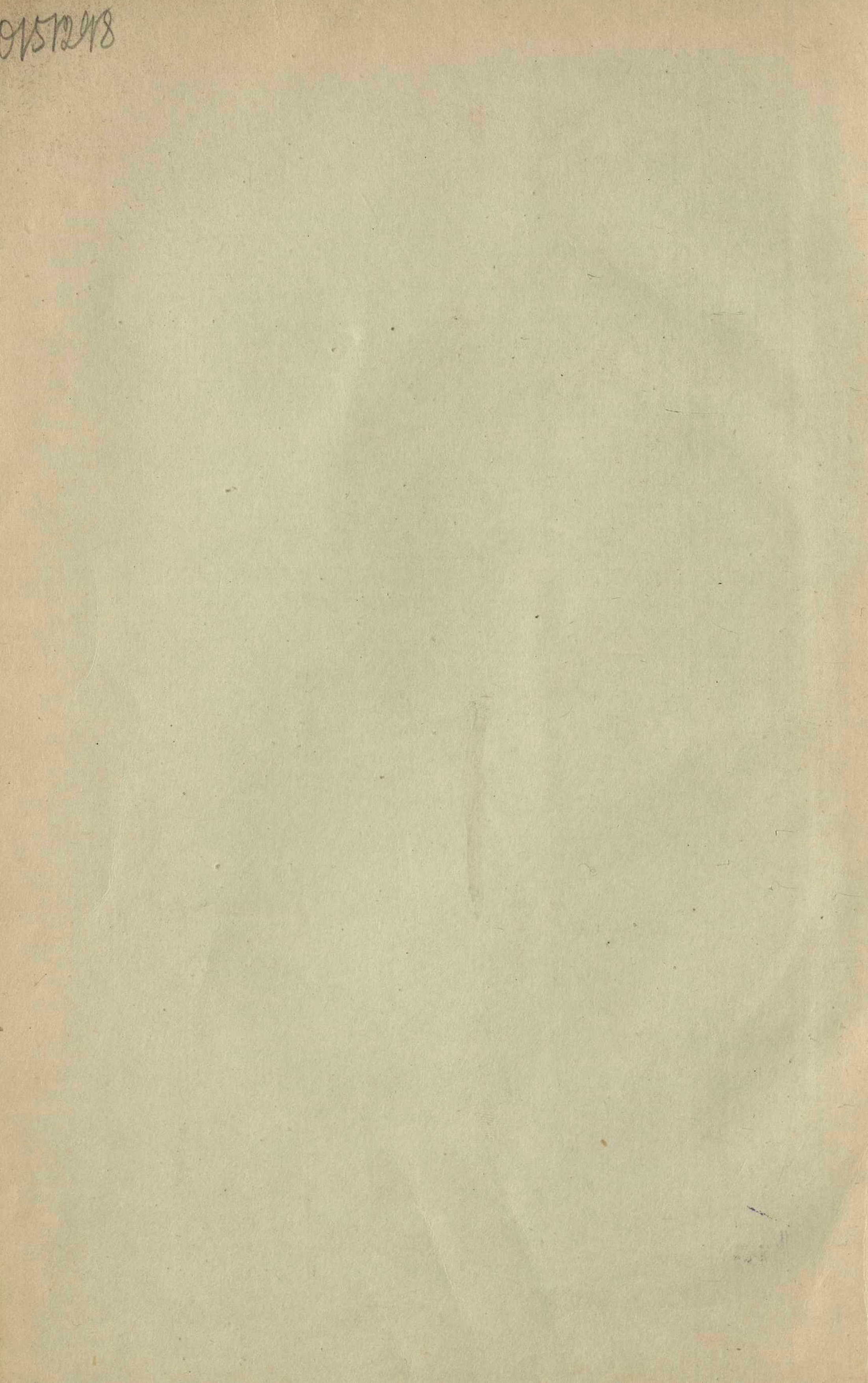

Z
83
98

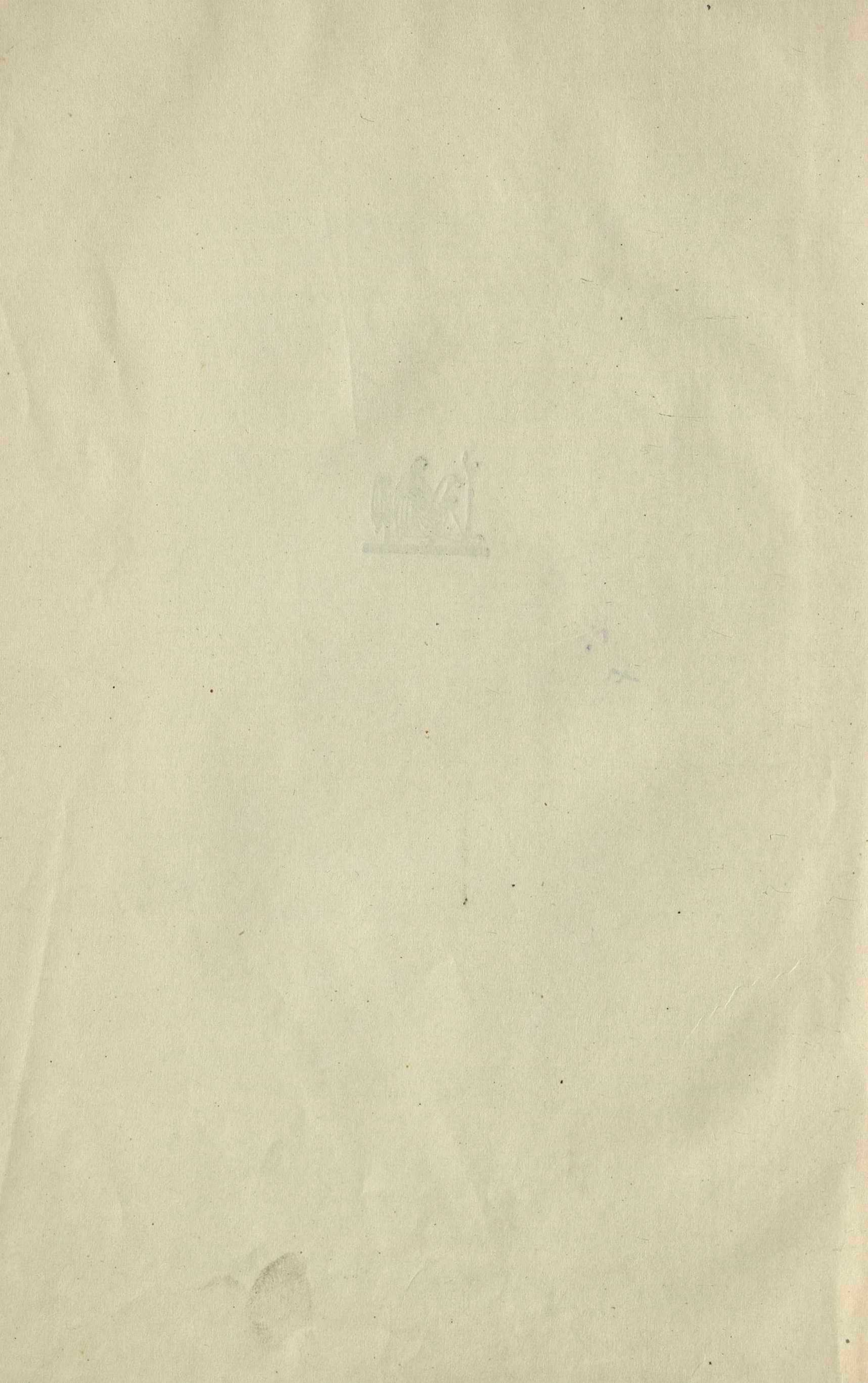

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОЭМЫ ГОМЕРА

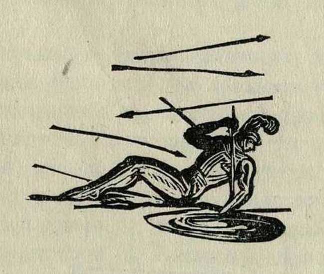

ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

ГОМЕР

ИЛИАДА

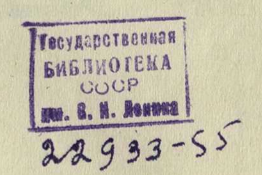
перевод Н. И. Гнедича
редакция и комментарии И. М. Троцкого
при участии И. И. Толстого

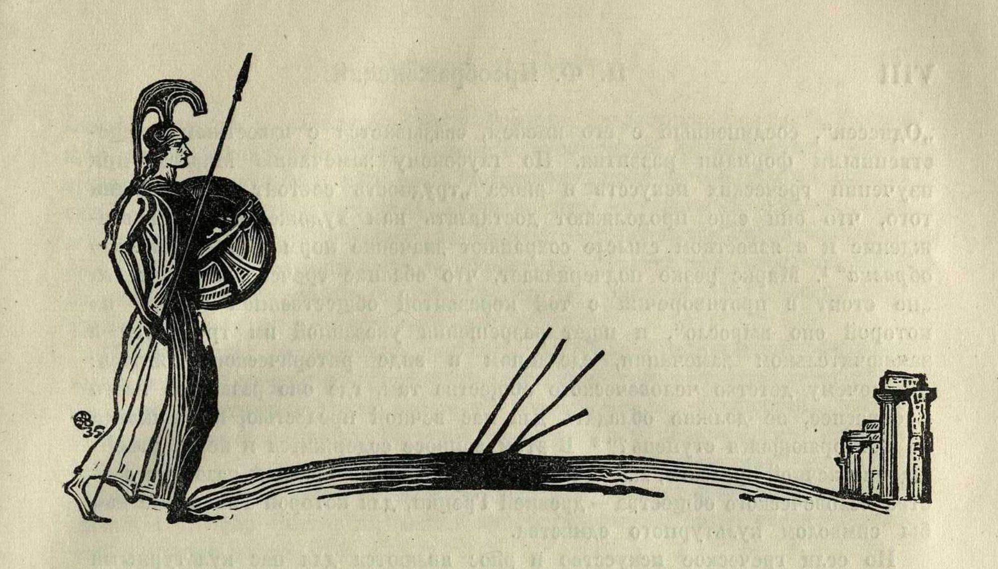
ACADEMIA
1 9 3 5

'ΟΜΗΡΟΥ
'ΙΛΙΑΣ

Титульные листы, заставки,
форзац, переплет и супер-обложка
А. А. Суворова

„ИЛИАДА“ и ГОМЕР

Семь городов соревнуют за мудрого корень Гомера:
Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины,

говорит старинное двустишие о споре греческих городов за честь быть местом рождения человека, бывшего для древнего грека просто „поэтом“, так как именно его произведения торжественно произносились на больших всенародных празднествах, как Панафинеи, по его произведениям училось греческое юношество, и из них вместе с творениями его эпигонов — кикликов греческая драматургия обильно черпала мифологические сюжеты, умело приспосабливая последние к злобе текущего дня, — недаром Эсхил называл свое творчество „крохой от Гомерова пиршества“. Современность, начиная с Вико и аббата д'Обиньи, создала вместо семи городов, может быть несколько наивно споривших о месте рождения своего великого поэта, целый сонм ученых, для которых гомеровский вопрос был, по выражению Кауэра, не только „проблемой из проблем“, но и проблемой, создавшей относительно себя не семь, а гораздо большее количество решений, начиная со сведения имени „Гомер“ к простому символу, покрывшему целую эпоху коллективного народного творчества, и кончая утверждением подлинности Гомерова лика. Не надо удивляться только что приведенной высокой оценке гомеровского вопроса, — конкретное понимание всей истории древнегреческого общества с его культурой немыслимо без того или другого понимания Гомера. И это вовсе не значит, что „понять“ Гомера — только объяснить, каким образом эпос „Илиады“ и

„Одиссеи", соединенный с его именем, связывается с известными общественными формами развития. По глубокому замечанию Маркса, при изучении греческих искусств и эпоса „трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение норм и *недосягаемого образца*"[1]. Маркс резко подчеркивает, что обаяние греческого искусства „не стоит в противоречии с той неразвитой общественной средой, из которой оно выросло", и ищет разрешения указанной им трудности в заключительном замечании, сделанном в виде риторического вопроса: „И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?"[2] В этом вопросе содержится и некое утверждение вечной прелести, заключенной в наиболее прекрасном развитии детства человеческого общества — древней Греции, для которой Гомер был как бы символом культурного единства.

Но если греческое искусство и эпос являются для нас культурными памятниками прекрасного детства человеческого общества, то и для развитой греческой политики, скажем для Афин эпохи пелопоннесской войны, гомеровский эпос также был историческим детством. А между тем именно в эпоху 500—400 гг. до нашей эры „Илиада" и „Одиссея" заняли особое, привилегированное положение среди других эпических поэм, получив исключительную связь с именем Гомера, и это обстоятельство стояло в прямой зависимости от укоренившегося обычая их публичной декламации во время панафинейского праздника. Возникает вопрос: что же именно влекло волнуемое бурной классовой борьбой афинское общество V века к этим самым значительным памятникам своего эпоса? Почему оратор Ликург, обращаясь к афинской демократии IV века, мог твердо заявить: „Ваши предки считали Гомера столь благородным поэтом, что они установили закон, по которому каждые четыре года празднования Панафиней его поэмы, и *только его одного,* должны быть произносимы рапсодами". Ведь мировоззрение Гомера, если пока условно покрывать этим именем творца или творцов „Илиады" и касаться только его социального содержания, глубоко аристократично. И это понятно, так как гомеровский эпос в своих корнях был рассчитан на удовлетворение социального заказа феодальной аристократии. Гомеровские вожди — басилеи — „жирные", „тучные", даже „равные богам", и эти эпитеты физиологического порядка как-то незаметно переходят в моральные — „хорошие", „лучшие", в то время как рядовой человек только „плохой" и „худой". Недаром Ницше так использовал эти, может быть, несколько наивные сопоставления в своей „Генеалогии морали". Можно сказать, что вся „Илиада" есть прославление рыцарской доблести храбрых героев-

[1] Введение „К критике политической экономии", Гиз, 1931, стр. 79.
[2] Там же.

вождей, еще не сделавшихся, как у Гесиода, „даропожирателями“. Резкие и, с точки зрения демократа V века, справедливые речи Терсита, обращенные к „полководцу народов“ Агамемнону, причем сам оратор описан как „безобразнейший“ из всех ахейцев, явно осуждаются эпосом, хотя вся противоположная аргументация Одиссея состоит в весьма неубедительном избиении демократического оппонента. Получается парадоксальное на первый взгляд положение, что афинские Терситы V—IV веков одобряли расправу со своим прообразом.

Но не только гомеровская „земля“ была чужда радикальной афинской демократии. Гомеровское „небо“ представляло собою также отчетливую иерархию антропоморфизированных божественных сущностей, иногда столь же предприимчивых и драчливых, как их человеческие образцы. Правда, власть Зевса на Олимпе более оформлена и отчетлива, чем власть верховного вождя ахейцев Агамемнона, для обоснования которой даже дряхлый резонер Нестор не может придумать ничего более убедительного, чем указание на то, что

Стан твой полон вина...
Много в палатках твоих есть вина...
Всем к угощенью обилуешь...

В „Илиаде“ имеется даже тенденция к выработке концепции единого верховного божества, воля которого до некоторой степени тожественна главнейшим мотивам позднейшей греческой драмы и поэтики. Dios âisa, „Зевсова“ судьба, неизбежность, таинственным образом связанная с Зевсовой волей, правит миром. Повидимому, еще не вскрытая исследователями жреческая спекуляция, проникшая в круг певцов-аэдов, стоит за этой монархизацией феодального божественного распорядка. Может быть, сюда же надо отнести и первые нотки проникающего мировоззрения позднейших трагических поэтов пессимизма, звучащие в словах Аполлона про

Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания...

И это несмотря на эпитет „бесстыдной суки“ (Kunòmuia), которым, по словам поэта, одна богиня корит другую. Но пусть элементы возвышенной теологии причудливо сочетаются с фривольностью по отношению к богам, за которую греческие философы, начиная с Ксенофана Колофонского, так упрекали Гомера. Важно совсем другое — именно гомеровская теология создала официальный греческий Олимп, так знакомый по традиционной мифологии и даже иконографии, так как канонизированный образ Фидиева Зевса — совершенно гомеровский. Но этот официальный олимпийский пантеон, признанный государственной традицией и запечатленный в демократической архитектуре и скульптуре, все же не был народной религией.

Пусть афинская демократия была консервативна в своей массе и по отношению к этому, застывшему в своей пластической изолированности, сонму бессмертных олимпийцев и за критицизм в сфере религии заставила Сократа выпить цикуту,— все равно рядовой афинянин жил в толще религиозных представлений, коренившихся в старинных культах демонов-предков, аграрных демонов и таких темных божественных сил, как „Эринния, мрака жилица“ или „вредоносная Ата“, о которых у Гомера встречаются лишь отдельные неловкие и смутные упоминания. Из-под тонкого, блистательного покрова олимпийской религии шевелился хаос неоформленных древних религиозных воззрений, и мрамор статуй богов не мог прикрыть матери — сырой земли. И тем не менее религия, созданная по образцу и закону полуфеодальной аристократии, Одиссеев ионийской колонизации, была возвеличена при господстве Терситов афинской демократии.

Разгадка этого парадокса может быть дана опять-таки в марксовой формулировке: „Относительно некоторых видов искусства, например эпоса, даже признано, что он в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, уже не может быть создан, как только началось художественное творчество в собственном смысле; что, таким образом, в области искусства известные формы, имеющие громадное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития“ [1]. Совершенная форма греческого эпоса возникла при иных социально-экономических условиях, нежели те, которые господствовали в эпоху расцвета афинской демократии, в условиях гораздо более элементарной общественной структуры. Более высокое общественное развитие как раз делало невозможным совершенство данной художественной формы, смененной с усложняющейся эволюцией общества другими формами художественного творчества, и это обстоятельство инстинктивно чувствовалось в эпоху расцвета греческой демократии. Не надо забывать, что этот расцвет, хотя он и основывался преимущественно на эксплоатации рабского труда и неполноправного населения, все же создал еще не повторившийся в мировой истории уровень художественного воспитания полноправной массы гражданства, и афинский демос, прекрасно ценивший даже техническую сторону ораторского искусства, устанавливавший во время праздника Великих Дионисий сравнительное достоинство представленных на всенародный конкурс драматических произведений, ценил в гомеровском эпосе именно его художественное совершенство, несмотря на социальную враждебность его содержания. Эта популярность Гомера в среде греческой демократии, кажущаяся несколько парадоксальной, имеет свою разгадку. Политически враждебный сюжет, антидемократическое настроение самого поэта отошли на задний план перед художественной законченностью эпоса, которая одна сохранила свою убедительность для среднего афинянина,— именно потому, что сам сюжет

[1] Там же.

потерял свою полную реальность, как бы транспонировавшись частью в область расцвеченной фантазией и богатой вымыслом сказки, а частью в область „божественного“ мифа.

Это последнее обстоятельство оказалось особенно важным в процессе освоения поэзии Гомера новым классом. Когда наиболее популярные из „богоподобных“, „богоравных“ гомеровских вождей и героев, как Ахилл, Агамемнон, Елена, приблизились к богам еще на одну ступень, сделавшись почитаемыми как полубоги „героями“, то обычный масштаб политической критики, применяемый человеком к человеку, как равным к равному, уже перестал существовать. Деяния и воззрения почитаемого героя-покровителя вышли из-под обстрела демократической критики. Пафос дистанции восторжествовал. Если некоторые из этих облеченных полубожественным нимбом героев проделали более сложную эволюцию — от какого-то божества к герою поэмы, а затем к герою культовому,— результат был один и тот же. Приобретя известный политический иммунитет внутри, Гомер в то же время вырос внешнеполитически. Рост и деятельность древнегреческой демократии почти что совпадают с возведенной Эсхилом и Геродотом на уровень эпоса эпохой борьбы с персидской монархией, когда, если и не создавалось национально-политического эллинского единства, приняло более или менее осязаемые формы единство культурное. И в этой-то обстановке борьбы с Персией Гомер сделался как бы символом первого эллинского объединения в борьбе с „Азией“ — с Троей и ее союзниками. Если спартанские басилеи, предводительствовавшие в борьбе с Персией V—IV веков, как Павсаний и Агесилай, реально чувствовали себя новыми Агамемнонами, то выполнявший одно время ту же роль афинский демос мог чувствовать себя Агамемноном идеальным, коллективным. Во всяком случае создавшая в драматургии Эсхила и в историографии Геродота свой собственный эпос борьбы с могучей азиатской державой афинская демократия делала себе близким и Гомера, создавшего, как ей казалось, прообраз этой борьбы на самой заре эллинской истории. Скучноватый для современного читателя гомеровский каталог кораблей, отправившихся под Трою, казался реальнейшим доказательством такой параллели.

Любопытно, что хронологически более близкий к Гомеру Гесиод сравнительно остро чувствовал гомеровский аристократизм. Для мелкого крестьянина, полного страха перед грядущим разорением, каким был Гесиод, гомеровская муза „умеет нагромождать ложь, похожую на истину“. Но эти чувства зажатого в тиски нужды беотийского крестьянина стали чужды ярко чувствовавшему весь блеск своего родного города афинянину, для которого Гомер стал воплощением художественной культуры демократических Афин. Гомер для образованного афинянина был синонимом не только „поэта“ вообще, но поэта, гений которого обессмертил героев древности. Недаром в своей знаменитой речи, скомпонованной Фукидидом, Перикл, прославляя Афины, не находит лучшего комплимента родному

городу, как указание на то, что „мы будем составлять предмет удивления и для современников и для потомков, нисколько не нуждаясь при этом в восхвалениях Гомера“. Примечательно и то обстоятельство, что реакционная публицистика эпохи упадка афинской демократии плохо относится к Гомеру,— Платон в своей „Политии“ вносит Гомера в список книг, запрещенных в идеальном государстве. Очевидно, для политических реакционеров, как Платон, Гомер казался чересчур близко связанным с ненавистной им демократией. В этом отношении все европейское человечество в своем развитии, отводя гомеровскому эпосу первое место среди эпических произведений различных народов, только повторяло опыт древней Греции в пору ее наивысшего художественного творчества.

К миру „гомеровского“ творчества всего интереснее, хотя, может быть, и труднее, подойти изнутри, из формальных особенностей и самого содержания „Илиады“, привлекая сюда отчасти и „Одиссею“, поскольку последняя и по традиции и по своим формальным особенностям тесно соприкасается с „Илиадой“. В самой „Илиаде“ ни разу не встречается певец, „аэд“, если не считать главного героя Ахиллеса, поющего и аккомпанирующего себе на форминге. Зато в „Одиссее“ дважды выводится на сцену профессиональный аэд в лице Демодока в стране феакийцев (может быть, старинный, вскрытый лопатой археолога, Крит) и Фемия на самой родине Одиссея, Итаке. Несомненно, что позднейшие „сказители“ гомеровского эпоса считали себя в каком-то отношении роднею или продолжателями Демодока и Фемия, и эта их взаимозависимость обладала какой-то реальностью. Задача исследователя и состоит в установлении реальных взаимоотношений между этими древними „аэдами“, с одной стороны, и „Гомером“ и гомеридами — с другой. Здесь прежде всего следует отметить основной факт: аэд Демодок поет в музыкальном сопровождении форминги, что было совершенно невозможно для позднейшего рапсода-гомерида, имевшего перед собой грандиозный эпос в 13 000 стихов, построенный на основе эпического гекзаметра. Уже Гесиод, выученик Гомера в стиле стиха, говорит в своей „Теогонии“, что музы, посвятившие его в звание поэта, дали ему в руки неформингу, а жезл, употреблявшийся оратором в собрании. Не надо, конечно, предполагать, что рапсод-гомерид просто „читал“ свой эпос. Скорее он был его ритмическим „сказителем“. Подобно речи античного оратора, его сказительство было чем-то средним между простой речью и пением — жанр произнесения, в значительной степени уже утраченный. Но все же именно потеря музыкального сопровождения и была революционизирующим фактом, обусловившим дошедшую до нас форму гомеровского эпоса. В его первоначальном развитии определяющей формой художественного творчества была песня, славившая подвиг героя или рассказывавшая божественный миф, строфически стянутая, наполненная драматическим действием, лишенная богатых и пышных сравнений, столь обильных в эпическом повествовании. Можно даже отметить одну особенность героического гекзаметра,

лишающую его всякой возможности инструментального аккомпанемента,— это разнообразие цезур, рассекающих гомеровский шестистопный дактиль с его возможными стяжениями. Именно это разнообразие цезурных рассечений, с одной стороны, нарушает равномерность стиха, с другой — делает его свободнее и шире, но во всяком случае делает невозможными мелодию и струнное сопровождение. Декламируемый рапсодами эпос прошел в своем развитии своеобразный путь — от старинной строфической песни, слитой с музыкой, имевшей мифологический или героический сюжет, через „малый“ эпос, где, повидимому, и совершился отрыв поэзии от музыки, к грандиозному эпосу „Илиады“, который вряд ли где мог быть произнесен сразу, кроме, может быть, Великих Панафиней, и в своем окончательном виде настоятельно требовал уже письменной фиксации, несомненно состоявшейся в VI веке, во время Писистратовой тирании в Афинах.

Само содержание „Илиады“ имеет ряд своеобразных особенностей. Поэма вовсе не содержит в себе подробного изложения своего как будто основного сюжетного стержня — десятилетней осады и взятия малоазиатского города Трои, или Илиона, соединенными силами европейских греков под предводительством царя Микен, Агамемнона. Вместо этого последовательного прагматизма оформитель эпоса применил прием, оцененный по своему достоинству еще в аристотелевой „Поэтике“, взяв лишь один драматический эпизод, разыгравшийся под стенами Трои,— ссору Агамемнона с главным ахейским витязем, вождем южнофессальского племени мирмидонов, Ахиллесом. Именно „Ахиллеида“, или точнее, „Гнев Ахиллеса“, и является главным сюжетным остовом поэмы. Однако этот вырез из прагматической цепи событий использован чрезвычайно тонко в художественном отношении. Над ссорой ахейских предводителей и конечной гибелью главного защитника Трои, Гектора, веют начало похода, похищение Парисом-Александром прекрасной Елены, и его трагический конец, смерть самого Ахиллеса и разрушение Илиона. Трагическое дыхание рока висит и над главными героями и над самим городом Приама. Умирающий Патрокл предвещает Гектору:

Жизнь и тебе на земле остается недолгая; близко,
Близко стоит пред тобою и смерть и суровая участь,
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука...

И когда железный перст судьбы простерся над Гектором, он в свою очередь говорит Ахиллесу:

Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!

И еще примечательнее, что и сам Ахиллес знает, что ему не вернуться из-под Трои:

Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери...

И Гектору ведома судьба родного города:

Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

И все-таки каждый из героев „Илиады“ смело идет навстречу своей судьбе — и Ахиллес совершает свои подвиги, и Гектор защищает свою родину.

Если борьба за доступ к Черноморью дала „широкий“ сюжет „Илиады“, а привлечение фессалийского героя Ахиллеса — „узкий“, то завязка троянского цикла, не раз прорывающаяся в гомеровском повествовании, взята из божественного мифа, вскрытого в своих наиболее древних формах Узенером. Похищение прекрасной Елены „боговидным“ Парисом, гнев оскорбленного Менелая и его брата — вот внешний повод к войне, если придерживаться фукидидовской терминологии при классификации причинностей в историческом процессе. Елена, эта классическая красавица древней Греции, имеет, несомненно, божественную родословную, ее культ сохранился в целом ряде мест в классическую эпоху, будучи особенно замечателен в лаконской Терапне. Ее, согласно древним сказаниям, похищал не только Парис, но и Тесей, от которого она была избавлена своими полубожественными братьями Диоскурами. И наконец, дошел еще остаток старинного мифа, впоследствии искаженного и Стесихором и Эврипидом, где божественная красота сохранила свою незапятнанность, так как Елена на самом деле была унесена Гермесом в Египет, откуда после окончания троянской войны и возвратилась к своему законному супругу, Менелаю. В этом мифологическом обрывке, курьезным образом использованном для морального обеления знаменитой красавицы, так как, согласно дополнительному мотиву, только образ Елены принадлежал Парису, сохранился отголосок древнего мифа о краже похитителем света, Гермесом, небесной богини Елены. Божественный образ Елены в значительной степени очеловечен у Гомера. И тем не менее оформитель эпоса испытывал некоторую беспомощность, когда перед ним стояла задача описать красоту женщины, из-за которой умирали ахейские и троянские герои. Еще Лессинг указал на значительность эстетического приема, при помощи которого Гомер в первый раз показывает Елену, описывая не прямо ее красоту, а лишь впечатление, произведенное ею на троянских старцев:

Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!

И над Еленой тяготеет своеобразный рок. Если гомеровский герой должен сражаться, то героиня должна любить. Пусть она считает себя обладающей взором псицы (Kunopis) за свое прелюбодеяние, пусть она не желает взойти на ложе Париса, когда он оказался побежденным в поединке с ее прежним мужем,— ей приходится ласкать изнеженного сластолюбца, так как этого требует грозная богиня любви, „дивная“ Афродита.

Но лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,
Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла...

Елене нужно повиноваться и итти на зов любви:

Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный.

Рок любви над Еленой, рок смерти над Ахиллесом, Гектором и даже над почти насильным похитителем ее ласк — Парисом. Так сконструирован у Гомера этот образ легендарной красавицы, которую величайший поэт европейской буржуазии, Гете, сочетал таинственным браком с доктором Фаустом, своим alter ego и спутником своего творческого пути, а хищники из Ругон-Маккаров Второй империи вывели на опереточные подмостки в виде полуобнаженной кокотки наполеоновского Парижа. От небесной богини до оффенбаховской „Прекрасной Елены“ — таков путь одного из самых пленительных и вместе с тем таинственных образов женщины в мировой литературе. Даже античный прообраз средневекового Фауста, полулегендарный соперник христианства Симон, мог сочетаться в глазах своих последователей браком с якобы новым воплощением этого прообраза женской красоты в античном мире, хотя, по злостным инсинуациям христианских полемистов, это новое воплощение было обретено им в каком-то грязном вертепе.

Центр тяжести „гомеровского вопроса“ несомненно связан с вопросом о композиции „Илиады“, и само представление о „Гомере“ тесно зависит от того или другого решения этого вопроса. Когда Вольф и Лахманн (конец XVIII — первая половина XIX века) считали, что обе гомеровские поэмы были оформлены только во времена Писистрата и материал для их оформления состоял из отдельных коротких песен, видоизменявшихся и продолжавшихся поколениями певцов (Вольф), или из оформленных до писистратовой эпохи 15 отдельных поэм (Лахманн, для „Илиады“), то это было, с одной стороны, открытым отрицанием „композиционности“ гомеровских поэм и грубой механичностью в решении гомеровского вопроса, а с другой — чрезвычайно неясным пониманием сущности „народной“ поэзии, на безымянные плечи которой возлагалось все гомеровское творчество. Последнее представление базировалось на взгляде, что народная

поэзия есть нечто весьма свободное, бьющее, как родник, из таинственной „народной души". Но уже блестящие исследования Радлова в области северотюркской народной литературы показали, что как раз здесь о „свободе" можно говорить в очень условном смысле. „Сказителем" является далеко не всякий член рода или племени, а только особо одаренный к этому индивид; и не только одаренность,— для сказительства нужна предварительная выучка, посвящение в тайны этого мастерства, связанные со знанием известных loci communes, традиционных приемов при описании целого ряда ситуаций, как то: рождения героя, его роста, приготовления к бою, выбора и красоты невесты, богатого пира. В социальном смысле здесь имеется выделение полупрофессиональной общественной группы в полуцеховой союз греческих певцов из рода (genos) Гомера, певцов-гомеридов, отчасти напоминающий лесбийский женский союз любительниц лирики во главе со знаменитой Сафо и представляющий собой род общественной группировки, генетически связанной и со скромным „бахши" туркменского кишлака. А в смысле композиционном даже поэзия вообще рождается именно с ограничения „свободы" известным каноном, известной условностью, составляющей логический постулат всякого творчества. Поэтому уже германовская теория „расширения" эпоса из первоначального зерна, определить состав которого и есть задача исследователя, теория, собравшая вокруг себя ряд крупных последователей, была по своему существу признанием некоего „плана" в композиции эпоса, так как именно таковым „планом" и был искомый „остов", или „зерно" поэмы. Это уже было отчасти ключом к истине, так как внимание исследователей было остановлено не на „деревьях", не на мало существенных для поэтического анализа противоречиях гомеровских поэм,— ведь выезжал же русский богатырь сразу и из „Индии богатой и Карелушки проклятой",— а на „лесе", на основном мотиве ахиллесова гнева, стянувшим все повествование о троянской войне. Отсюда и гротова „Ахиллеида" и кропотливое исследование Бете, определившего в размере приблизительно 1 500 стихов величину ахиллесова „menis", положенного в основу позднейшей „Илиады". Однако для Бете одного этого первоначального „зерна" оказалось мало, для него понадобилась и „скорлупа" в виде основного вывода следующего содержания: „Наша „Илиада" задумана как письменное произведение, выработана писателем и передавалась только путем письма". Пусть Бете признает и древнюю устную традицию, создавшую поэму об ахиллесовом гневе, и отдельные малые эпосы о Диомеде, Долоне, погребальных играх на могиле Патрокла, выкупе Гектора, и пусть даже его собственная гипотеза может быть подвергнута ряду критических замечаний, хотя, может быть, она и наиболее удовлетворительна в смысле объяснения существующих фактов,— все же за нею стоит не только ученая аргументация, но и определенный факт художественного восприятия, заключающегося в возможности спора о том, где больше архитектоничности — в платоновом „Государстве" или гомеровой „Илиаде", и в признании, что

„патос“ позднейшей греческой трагедии предвосхищен Гомером и что даже ей не удалось достичь той глубины „трагического“, которая дается в гомеровском эпосе.

В самом деле, огромная кривая, описанная не певцами-гомеридами, а учеными „гомеридами“, от Вольфа и Лахманна до Бете и Ленга, объясняется не только различными аспектами в ученом исследовании, но и тем несомненным фактом, что гомеровскую „Илиаду“ можно было для выяснения ее генезиса и анализа ее составных частей подвергнуть тщательному сопоставлению с эпическими произведениями других народностей — с саксонским „Беовульфом“, германским фрагментом „Финна“ и эпосом о Нибелунгах, эпической поэзией славянских народов, как это сделал Чадвик, с финской „Калевалой“, как это сделал Дреруп. Более того, при современном расширении этнологических знаний этот круг сравнений можно было бы значительно расширить, привлекши сюда родословные полинезийцев, героические сказания турецких и монгольских народов или такие перлы западно-африканской феодальной поэзии, как записанный Фробениусом эпос о богатыре Самба Гана и красавице Анналья Ту Бари. Но не следует обманываться относительно удельного веса этого сравнительно-исторического анализа. „Известные общественные формы развития“, с которыми связан рост эпоса, будут выяснены; станет столь же ясным состав отдельных эпосов, в том числе и „Илиады“; будет даже дана картина миграции и сплетения эпических мотивов, будут указаны специфические приемы эпического творчества, одним словом, будет более или менее точно охарактеризован весь запас эпического материала, выработанный „сказителями“ каждой отдельной народности; но один роковой вопрос останется,— почему в смысле эстетической ценности „Илиада“ производила и производит гораздо более сильное впечатление на читателя? Конечно, может последовать возражение — только на читателя определенной культуры. Да, но ведь у этого же самого читателя есть и „Песнь о Нибелунгах“ и „Песнь о Роланде“, и если подобно Трельчу говорить о современной европейской культуре как о некоем синтезе, то совершенно ясно, что доля германцев в этой культуре не меньше, если не больше, греческой; но, тем не менее, именно Гомер, а не Нибелунги, именно в Греции человеческое детство „развилось всего прекраснее“ (Маркс), именно „один народ должен ты изучать, возможность изучать который уже есть высокая слава и выделяющая редкостность,— греков“ (Ницше). Как раз на примере „Илиады“ ясно сказывается, что по отношению к этой конкретной художественной индивидуальности, какой является гомеровская поэма, одного голого указания на исключительную роль греков и Греции в истории человеческой культуры еще мало, и, может быть, конечным пунктом последнего гомеровского исследования будет некий нерастворимый осадок, подобие недоказуемой математической аксиомы, именем для которого и следует оставить слово „Гомер“. Если древняя Греция, по Марксу, прелестна, „как никогда не повторяющаяся

ступень"[1], то на этой ступени существовал и никогда не повторявшийся поэт, сумевший так оформить эпические предания своего народа, что не только родная ему малоазиатская Иония, но и вся Греция сделала его просто „поэтом", даже не нуждающимся в особом имени. И нарицательное имя может быть собственным. Недаром Шиллер недоумевал, как Гете мог подвергнуться лахманновскому миражу, хотя, впрочем, автор „Фауста" понемногу обрел в себе веру в живого Гомера. Разумеется, прав в конечном счете Виламовиц: „Пусть для нас станет ясным, что в Гомере как человеке для нас заключается вовсе немного. Нам важна „Илиада", ее поэт или поэты в ней, поскольку они дали что-то индивидуальное в своих стихах. Имя — звук пустой (Schall und Rauch), и если все следы его телесного существования сметены, это не может быть поставлено ему в укор. Также и в науке значима лишь истина, которая достигнута: она укрепляется и остается. Тот, кто добыл ее, рано или поздно станет безразличен". Может быть, именно поэтому Пушкин только „старца великого тень чуял смущенной душой". А древний эллин, канонизировавший Гомера в своей литературе и обиходе, желая своеобразно выделить фигуру „поэта", сделал его даже слепым в своей иконографии, как бы подчеркивая гениальность оформителя своего национального эпоса, сумевшего слепыми глазами увидеть недоступное зрячим. Для определенным образом установленного научного ума могло казаться, что только теории Вольфа — Лахманна открывали двери подлинного научного познания,— в них „Гомер" разлагался на более мелкие, как будто лучше осязаемые величины, он как бы атомизировался, и в этом атомизировании и усматривалось решение „гомеровской" проблемы. Но что делать, если этим совершенно не решалась задача понимания „Илиады" как нормы и недосягаемого образа? Именно этим последним путем не „Гомер" (в кавычках), а просто Гомер возвратился в какой-то форме в рамки научного исследования.

Однако у каждого поэта есть своя собственная судьба. Как уже указано Виламовицем, имя — „звук пустой"; и действительно, слову „Гомер" трудно даже придать какое-либо личное звучание,— он скрыт для нас за величественным эпосом „Илиады". Каллин в 680 г. до нашей эры знает Гомера, но как автора „Фиваиды". Это древнейшее свидетельство о Гомере. Тщательные разыскания того же Виламовица приводят к небогатому результату, что Гомер был уроженцем Смирны, жил и творил на острове Хиосе, где его имя из эолийского Гомар (Omar) стало ионийским Гомер (Omer). Хронологически получается дата около 750 г. до нашей эры, совпадающая со временем возникновения „Илиады". Таким образом Гомер — из немногих мировых поэтов, всецело растворившихся в своем произведении, характер которого таков, что оно эпически объективно и хранит упорное молчание о субъективной личности своего

[1] Там же.

автора. В эпосе увековечен только безыменный, хотя и имеющий свое имя, его предшественник, „вдохновенный“, „чтимый в народе“, „преисполненный бога“ Демодок, да и то при сомнительном условии, что мы припишем сказочный эпос „Одиссеи“ творцу подлинно героического эпоса „Илиады“. А это последнее допущение более чем сомнительно. В упоминании Смирны, как места рождения Гомера, как бы запечатлен и канонизированный на много веков язык эпической поэзии древних греков. Именно этот город служит местом постоянной вражды греков ионийского и эолийского наречий до тех пор, пока ионийцы окончательно не завладели им. И язык греческой эпики остался ионийским с равномерно рассеянной примесью эолизмов. И таковым он удержался, несмотря на начавшееся господство аттицизма в греческой литературе.

В этой безличности Гомера как субъективной личности и в его личной индивидуальности как творца „Илиады“ запечатлевается и самый характер эпоса. Он глубоко аристократичен,— Терситы для него противны и смешны, но там, где он уходит от шума ахейско-троянской распри, маленькая копия которой видна и на мастерски исполненном Гефестом щите Ахиллеса,—

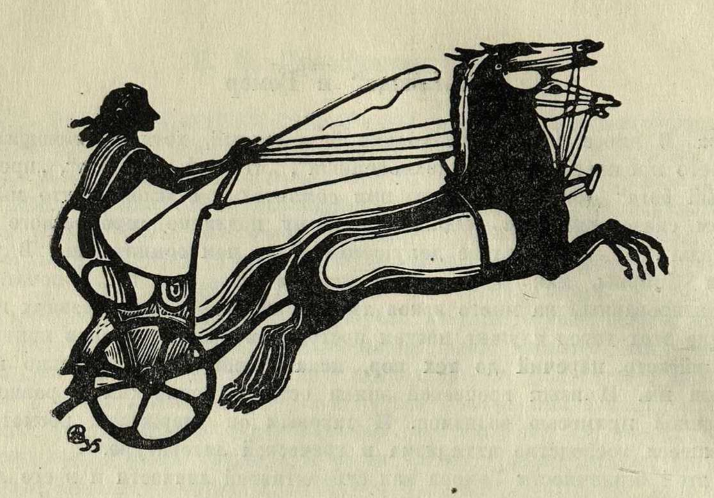
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то непронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою,—

там он видит и другие картины — труда пахарей, жнецов, виноградарей, пастухов, труда, благословенного великим поэтом, и пляски юношей и дев, где

В круге их отрок прелестный по звонкорокочущей лире
Сладко перстами брящал, припевая прекрасно под струны
Голосом нежным...

Так и своего предшественника, более безвестного, чем Демодок, вырезывает на ахиллесовом щите творец „Илиады“. Эта эпическая объективность за грохотом бури и ссорами басилеев видит и нечто более твердое и вечное — постоянный героизм человеческого труда. И кажется, что не Ахиллес, вооруженный гефестовым щитом, отправился в бой на погибель троянцев, а Гомер, с „Илиадой“ в качестве божественного щита, величественно и спокойно, как его гекзаметр, стоит в первом ряду героев не человекоубийственных войн, а творцов великих произведений мировой литературы. Ибо древний грек был настолько мудр, что „героем был для него не только великий воин, но и великий деятель в человеческой жизни“.

П. Ф. Преображенский

ПРОБЛЕМЫ ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА

1

„Творение Гомера есть превосходнейшая энциклопедия древности... И кто любит восходить к юности человечества, чтобы созерцать нагую прелесть природы или питаться уроками времен минувших, пред тем целый мир, земной и небесный, разовьется в „Илиаде“ картиною чудесною, кипящею жизнью и движением, прекраснейшею и величайшею, какую только создавал гений человека. Не славу одного какого-нибудь племени, но целого великого народа; не одни блестящие свойства какого-либо героя, но все характеры, все страсти человечества юного, все страны [т. е. стороны] жизни героической обнял и изобразил великий живописец древности“. Так характеризовал гомеровское творчество Гнедич в предисловии к первому изданию перевода „Илиады“ (1829),— и если отвлечься от архаически-торжественной формы, в которую русский переводчик Гомера облек свое суждение о греческом эпосе, им совершенно правильно передано настроение, невольно возникавшее у многих поколений почитателей гомеровских поэм, прославлявших „простоту“ и „объективность“ эпоса. Любители гомеровской поэзии издавна представляют себе Гомера современником той эпохи, если не тех самых событий, о которых он повествует, и нередко — даже в наши дни — повторяют грубую, давно разоблаченную ошибку механического отожествления поэтического видения мира с реальной действительностью, без учета классового восприятия этой действительности и вырастающих на почве классовой идеологии

методов художественного оформления. Непосредственное чувство современного читателя Гомера — будь то любитель литературы или даже историк — упорно борется с мыслью, что оно стало жертвой иллюзии, что пресловутая гомеровская „объективность“ в действительности представляет собою строжайший классовый отбор, сознательное выключение многообразнейших объектов из поля поэтического зрения; что гомеровские поэмы являются продуктом далеко не „юной“, а во многих отношениях перезрелой и отмирающей культуры; что мир, изображаемый в „Илиаде“ и „Одиссее“, не отвечает, как целое, никакой исторической реальности; что „Гомер“ — проблема необычайной остроты и сложности, одна из наиболее сложных проблем всеобщей истории литературы. Двадцатипятивековая аберрация читательского восприятия свидетельствует о мощной суггестивности поэм, но лишь освободившись от этой аберрации, можно правильно оценить их художественную целеустремленность и литературное мастерство.

У читателя, незнакомого с условиями изучения гомеровских поэм, легко возникнет недоумение — как можно было в течение веков ошибаться в столь простом, казалось бы, вопросе, как взаимоотношение картин греческого эпоса с исторической действительностью, принимать тенденциозное классовое отображение за абсолютную объективность.

Дело в том, что до сравнительно недавнего времени гомеровские поэмы являлись единственным документом как о той эпохе, в которую они возникли, так и о той, к которой приурочено их действие. Проблема соотношения между эпосом и историей в сущности и не могла быть поставлена; оценка литературных возможностей гомеровской поэзии была возможна лишь на основании внутренних критериев. И в настоящее время наука обладает лишь некоторыми опорными пунктами для разрешения проблем, связанных с греческим эпосом; для нахождения даже этих немногих масштабов зачастую приходится итти чрезвычайно сложными косвенными путями.

2

Когда в VI веке до н. э. афинский тиран Писистрат учредил на панафинейском празднестве мусическое состязание („агон“), на котором профессиональные исполнители эпических песен — рапсоды — выступали с декламацией гомеровских поэм, ни у кого еще не возникало сомнения в том, что гомеровское повествование основано на реальных исторических событиях, имевших место в далеком прошлом. Первые греческие историки считают возможным восстанавливать это прошлое механическим устранением сверхъестественных или сказочных элементов из древних преданий. Даже осторожный Фукидид, при всех своих критических сомнениях, оперирует данными гомеровского эпоса, как историческими материалами. Поход греческих витязей на Трою воспринимался как звено,

одно из последних, наиболее поздних звеньев в хронологической системе повествований о *героях,* старинных царях, родоначальниках широко разветвленных групп аристократических семейств, основателях городов-государств; вера в историческую подлинность этих повествований прочно коренилась в идеологии землевладельческой аристократии, как господствующего класса государства-города; лишь в эпоху распада старинных общественных отношений родилась, как один из моментов борьбы против аристократической идеологии, радикальная критика, начисто отрицавшая историчность героического предания.

Герои — „святые“ греческой религии — люди, при жизни отмеченные печатью чудесного избранничества и сохранившие после смерти обладание высшей мощью. Каждая организация, будь то община, отдельный род или профессиональная корпорация, искала себе патрона в лице героя, к которому возводилось происхождение рода или основание организации. Как творец социально-значимых связей, герой мыслился не только реальной личностью в прошлом, но и реальной силой в настоящем,— как все души предков, он живет в недрах земли — в глубине своей могилы — и оттуда оказывает действенную помощь своим почитателям: мощь героя — залог сохранения государства и тех социальных отношений, которые воплощены в организационной структуре общины. Такая соотнесенность настоящего с прошлым была прочным устоем аристократической идеологии: недаром духовный центр греческой аристократии — оракул Аполлона в Дельфах — широко практиковал фабрикацию героев.

Наибольшим почитанием пользовались предполагаемые предки тех родов, которые претендовали на особую социальную ценность, аристократических, „царских“ родов. Эти „предки“ выдвигались в качестве патронов всей общины,— в соответствии со значением своих „потомков“. Могила такого героя находилась на городской площади, в воротах города или на каком-либо другом видном месте и служила предметом государственного культа. Партикуляризм греческих общин требовал местных культов, почитания сил, неразрывно связанных с данной территорией, конкретно за ней закрепленных. Могила представляла именно такое „закрепление“ — в земле. Герой был ближе, а потому и конкретнее божества.

Избранники среди героев, герои первого разряда, пользовавшиеся особым почетом, являются основными фигурами греческой саги. В свете указанных представлений,— а они сохраняли полную силу, пока господствующим классом в греческих городах оставалась аристократия,— рассказы о героях не могли восприниматься иначе, как повесть об историческом прошлом.

Но это — особого рода прошлое, принципиально отличное от того прошлого, которое греки VI—V вв. могли находить в своих скудных и не очень глубоко идущих назад исторических записях. Каким бы уважением исторические деятели ни пользовались в памяти потомства,

они не ставились в один ряд с героическими фигурами, в лучшем случае становились героями низшего разряда и ограниченного значения. Если не считать отдельных скоропреходящих отклонений, античное сознание — в особенности античное литературное сознание — никогда не отожествляло мифа с историей. Миф мыслился как совершенно несомненная история, но чем-то отличная — качественно отличная — от той истории, которую мы склонны считать единственно подлинной; миф — такая же субстанциональная действительность, но допускает вольное обращение с собою в гораздо большей степени, чем историческая действительность. И — обратная сторона того же соотношения — миф стабилизируется, окончательно укладывается в канонические формы лишь в ту эпоху, когда, после распада государства-города, вера в мифы была утрачена, и в рассказах о богах и героях видели лишь продукты фантазии старинных поэтов.

Сущность мифа — и в этом конститутивный момент всякого мифообразования с первобытных времен — в магической связи, которая устанавливается между объектом мифа — прошлым — и социально-значимой актуальностью, в соотношении настоящего с его предполагаемым прообразом в минувшем. Когда характерные для первобытного общества мифы о происхождении каких-либо явлений природы или общественных установлений рассказываются в сопровождении магической пляски, воспроизводящей содержание мифа,— это происходит потому, что первобытный миф менее всего предназначен для удовлетворения теоретических или эстетических потребностей и имеет целью не объяснение, а закрепление явлений помощью динамической и словесной магии, путем двойного воспроизводства соответствующего явления в действии (пляска) и слове (рассказывание мифа). Мифообразование и магия одинаково коренятся в идеологии первобытного общества, которое, не умея ни анализировать мир, ни реально на него воздействовать, стремится лишь закрепить за собой наличные благоприятные факторы; наиболее верным средством представляется подражательное воссоздание предполагаемой обстановки возникновения этих факторов: новый акт сотворения должен укрепить их действенную силу. Творчество идеологов первобытного общества вырабатывает главным образом представления о происхождении вещей. Разумеется, представления эти создаются по образцу производства вещей в человеческом обществе. Так получается мифологическая картина мира, где и самая структура и содержание определены особенностями первобытного мышления, которое весьма несовершенно отделяет элементы вещей от самих вещей и рассматривает предметы главным образом в их целостности. Реальная связь между вещами, их сходство или рядоположность представляются глубоким и таинственным внутренним сродством; изображение вещи, миметическое воспроизведение действия, произнесение имени вещи — все это магически воздействует на самую вещь.

Отсюда ясна социальная функция мифа,— она консервативна в самой основе: миф гарантирует незыблемость существующего миропорядка, со-

относя некоторое явление настоящего с тем прошлым, в котором это явление было „сотворено“, а иногда и магически повторяя этот акт сотворения. Миф — история, но особая, „священная“ история, источник норм для настоящего, которые устанавливаются путем проекции их в прошлое. Миф отличается от истории не тем, что в нем усматриваются какие-либо элементы вымысла, а тем, что он есть нечто большее, нежели история, что он соотнесен с реальностью более значительной и действенной, нежели реальность только историческая. Мифологическое прошлое выводится за пределы обыденной сферы и непосредственно соотносится с настоящим, минуя все промежуточные этапы.

Рассказы о греческих героях отделены тысячелетиями от первобытной стадии мышления, но они покоятся на представлениях того же типа, переосмысленных и усложненных в соответствии с изменениями социальной структуры. Если античная риторическая теория устанавливает три вида повествования — мифологическое, историческое и вымышленное,— эта классификация целиком и полностью совпадает с той, которую современный этнограф, Бронислав Малиновский, наблюдал у жителей Тробриандских островов. Землевладельческая аристократия, как господствующий класс греческого государства-города, достигает идеологического оправдания своих наследственных привилегий тем, что проецирует их возникновение в прошлое, когда герои, избранники, обладавшие высшей мощью и обычно связанные родством с богами, учредили существующие общественные отношения. Не менее значительно то, что идеология господствующего класса конструирует непрекращающееся посмертное воздействие героя на судьбу общины: герой — воплощенный носитель связи между мифическими временами и сегодняшним днем. Но в отличие от первобытного мифа, непосредственно сочетающего повествование о мифологическом персонаже с социально-значимой реальностью, система рассказов о герое имеет своей целью укрепить веру в мощь героя, мыслимую абстрактно, и, обосновывая общественный порядок в целом, не стремится к увязке отдельных элементов повествования с элементами социальной структуры. На первый план выдвигаются моменты, подчеркивающие избранничество героя: подвиги, необычайная судьба, выделяющая его из среды остальных людей. Вокруг героя могут, таким образом, концентрироваться различные сюжеты, непосредственно не связанные с его социальной функцией.

Но система в целом свою социальную функцию должна сохранить, и здесь мы подходим к корням той изменчивости мифа, того вольного обращения с ним, которое кажется столь несовместимым с верой в его историческую подлинность. Будучи постоянно соотносим с настоящим, миф приспособляется к изменениям, происходящим в реальных общественных отношениях и в общественной идеологии. Всюду, где идеологическая система построена на принципе оправдания настоящего прошлым, изменения социальной структуры происходят под лозунгом восстановления „подлинной“ старины, забытой или сознательно искаженной. Идеализация

героического века требует постоянного устранения тех элементов предания, которые не отвечают представлениям той или иной общественной группы о прошлом. Изменчивость мифа является, таким образом, прямым следствием веры в исключительную значимость того прошлого, о котором он повествует. Миф, ставший стабильным,— археологическая вещь, документ былой культуры, не дающий уже ответов на актуальные запросы дня; письменно закрепленный миф иногда вырождается в мумифицированное „священное учение“, но в этом случае его стабильность — фикция: вокруг омертвевшего „писания“ концентрируются и более свежее мифотворчество и работа комментаторов, перетолковывающих предание в соответствии с новыми идеологическими запросами. О том, что гомеровские поэмы являются ярким образцом радикально переработанного мифологического предания, речь еще будет впереди; здесь необходимо указать на своеобразие методов переоформления мифа, который лишь редко создается заново, а чаще всего конструируется помощью дополнений и поправок к прежним вариантам, с переключением идеологической направленности традиции при сохранении ее фабульного остова, знакомых имен и ситуаций. Так, вера в истинность традиционного рассказа сочетается с потребностью в его изменении.

В отличие от консервативности жреческого предания, непосредственно связанного с культом, героическая сага, распространяемая эпическими поэтами, позволяет себе известную свободу в расстановке мифологических фигур. Социальный заказ аристократии, ожидающей прославления героев, требует лишь создания вокруг них особенной атмосферы, которая оправдывала бы нормативное значение героической эпохи.

Претензия на историческую подлинность повествования, свойственная саге, вытекает из отнесенности сюжета к этому „героическому“ прошлому, как к проекционной плоскости. И для современного исследователя проблема историчности греческой героической саги начинается с вопроса о реальности или фиктивности той эпохи, в которой эта сага локализована, независимо от происхождения отдельных сюжетных схем или мифологических имен, с проблемы экрана, как ни многоразличны по месту своего истока те лучи, которые на этот экран падают.

3

С твердой верой в историческую подлинность не только общей картины, но и целого ряда деталей гомеровского повествования приступил *Генрих Шлиман* к тем раскопкам, с которых началась новая эра в изучении древнейших этапов греческой культуры. Его первоначальная задача была формулирована столь же просто, сколь и фантастически,— раскопать места, прославленные эпосом, с целью обнаружить остатки пред-

метов, о которых эпос повествует, и установить — с вещественными документами в руках — правдивость гомеровских описаний.

Шлиман отправился „по следам Гомера“ и нашел богатейшую культуру, которая и по внутренней мощи и по силе экспансии значительно превосходила культуру раннего периода „исторической“ Греции. Вскрылись пласты, уводящие исследователя на тысячелетия глубже, чем древнейшие факты, известные греческим историкам. Троя, „многозлатые“ Микены („Илиада“, XI, 46), „крепкостенный“ Тиринф („Илиада“, II, 559), славившийся своим богатством Орхомен („Илиада“, IX, 381) — все эти центры героической саги предстали, после раскопок Шлимана, как центры древней, дотоле неизвестной культуры. Исходя из указаний саги, Шлиман обратил внимание и на остров Крит; систематические раскопки на Крите удалось, однако, организовать лишь после смерти Шлимана английскому археологу Эвансу, и тогда обнаружилось, что открытая Шлиманом „микенская“ культура является уже в значительной мере продолжением и излучением более древней и более мощной культуры критской.

„Критско-микенская“ культура во многих отношениях остается, по выражению современного исследователя, „атласом без текста“. Критские письмена еще не прочитаны, и нельзя учесть, какого рода перспективы сулит их возможное дешифрирование в будущем. Однако памятники материальной культуры сами по себе, вне сопровождения письменным комментарием, дают основание для весьма вероятных догадок, а в иных случаях устанавливают и совершенно твердые данные относительно древнейших судеб обитателей Греции и окружающих ее островов.

Греция начала заселяться лишь в эпоху неолита, и Крит принадлежит к числу тех местностей Греции, которые одними из первых получили человеческих обитателей. Географическое положение Крита связывало этот остров не только с греческим континентом и архипелагом Эгейского моря, но и со всеми культурными центрами азиатского и африканского Средиземноморья, и Крит становится крупным центром морской торговли, а также производства гончарных и металлических изделий и играет значительную роль в международных отношениях средиземноморского мира. Об оживленности внешних сношений свидетельствует уже то обстоятельство, что критское производство очень часто основано было на импортном материале. Золото, серебро, медь, фаянс, алебастр, слоновая кость широко применялись в изделиях критских мастеров, но почти весь этот материал был привозным в силу скудости или даже совершенного отсутствия местных залежей. Суда критян упоминаются и в египетских источниках.

Преобладающей формой хозяйства оставалось, разумеется, земледелие, однако значительное количество густо застроенных поселков, „городов“, с многоэтажными домами указывает на то, что большие группы населения были заняты ремеслами и участием в морской торговле. Роскошные и обширные дворцы Крита предполагают значительную экономическую мощь

господствующих родов, для вкусов которых характерны стремление к комфорту, пышная отделка помещений, роскошные туалеты женщин, любовь к празднествам и развлечениям. К критской культуре были бы вполне применимы слова, которыми царь Алкиной, властитель сказочной страны мореплавателей-феаков, характеризует свой народ в „Одиссее“ (VIII, 246–249):

Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны,
Быстры ногами зато несказанно и первые в море,
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе...

с той лишь оговоркой, что критяне высоко ценили спорт и атлетические упражнения.

Быстроходные корабли гомеровских феаков, роскошный дворец царя Алкиноя — быть может, поздние рефлексы сказаний о былом могуществе и исчезнувшей пышности критской культуры. Фольклор мореплавателей, который лежит в основе рассказов о странствиях Одиссея, может восходить ко временам морской державы Крита.

Критская религия основана главным образом на почитании сил плодородия; центральное место занимает женское божество, которое в различных своих функциях чтилось, быть может, под различными именами, но по существу близко напоминает „великую матерь“ малоазиатских народов, воплощение вегетативной силы. Мужское божество играет сравнительно подчиненную роль — это юный спутник великой богини, умирающий и воскресающий бог плодородия. Культовые обязанности выполнялись преимущественно женщинами. И если учесть, что критские дворцы одновременно являлись святилищами и что, повидимому, властителям этих дворцов принадлежали и жреческие функции, естественно предположить, что в руках знатных дам была сосредоточена религиозная власть — поздняя и осложненная стадия матриархального строя. Социальная роль женщины объясняет то исключительное внимание, которое критские мастера уделяют изображению пышно разодетых красавиц. Для идеологии, коренящейся в первобытно-земледельческом укладе, характерно глубокое чувство зависимости от таинственных подземных сил. Хтоническая направленность религии предопределяет культовую роль предметов, которые мыслятся тесно связанными с землей,— деревья, камни, души мертвых. Жизнь глубоко пронизана культом; магические обряды и церемонии — постоянные сюжеты критского искусства, и мы в праве предполагать для Крита развитую и богатую фантастическими элементами мифологию.

Времени наибольшего расцвета критской державы предшествует около 1700 г. до н. э. период потрясений, сопровождавшийся разрушением дворцов Кносса и Феста. Ближе определить характер событий, имевших тогда

место, еще не удалось [1]. Было ли это нашествие иностранцев или внутренняя война, события привели к значительным политическим и идеологическим сдвигам. Остров скоро оправился, дворцы были отстроены, центр политической жизни окончательно перешел на север, в Кносс, наступил период решительного продвижения критской культуры на греческий континент, где начали оседать первые „ахейские“ волны переселенцев из дунайских стран, от скрещения которых с местным населением впоследствии образовались греческие племена. В искусстве этот сдвиг отмечен переходом от декоративно-орнаментального стиля к натуралистическому. Резкий поворот в художественном видении мира свидетельствует о каком-то новом этапе в развитии социальных отношений, в связи с возобладанием кругов, стремившихся к агрессивной экспансии, ориентированной на север и северо-восток. Греческая сага отразила этот подъем критского могущества в сказаниях о Миносе, царе кносском, владыке моря, который достиг господства над архипелагом и получал дань от Афин. Сага знает и о распаде державы Миноса и последующем обезлюдении Крита. Действительно, около 1400 г. континентальные ахейцы, повидимому, завладели большей частью Крита; прежнее население частью было покорено, частью покинуло остров; культурные центры переместились на континент, и для Крита наступил период увядания. Многовековая культурная традиция, однако, не была оборвана полностью, и несколько веков спустя критские мастера снова оказались учителями художников архаической Греции.

* * *

Параллельно с ослаблением Крита, на греческом континенте, особенно в его южной части, Пелопоннесе, развивается та культура, которая была открыта Шлиманом и во многих отношениях показалась наглядной иллюстрацией к описаниям гомеровских поэм. Носителями этой культуры являлись уже „греки“ — ахейцы и явоны (ионийцы); обычно она именуется „микенской“, по имени города, где ее впервые обнаружили (в 1876 г.) раскопки Шлимана.

Шлиман исходил, как обычно, из показаний гомеровских поэм, приурочивающих к „многозлатым“ Микенам столицу Агамемнона, верховного вождя греков в троянском походе. Расположенный на скалистом холме в северо-восточной части Аргоса, микенский акрополь доминировал над

[1] В настоящей статье, написанной в 1930 г., еще не могла быть учтена богатая интересными, но зачастую весьма проблематичными конструкциями статья Б. Л. Богаевского „Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах“ (в сборнике „Академия наук СССР памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883—1933“. Лгр. 1933. Стр. 675—730). Рассматриваемый нами здесь период истории Крита Б. Л. Богаевский считает временем „отмены матриархата“.

аргосской равниной и горными путями, ведущими на север. Площадь акрополя со временем расширилась и была окружена мощной стеной (три метра в толщину). Неподалеку от главного прохода, защищенного башней („Львиные ворота"), оказалось шесть шахтовых гробниц, в которых было найдено девятнадцать трупов и огромное количество драгоценных предметов. В одной из гробниц, где были похоронены три женщины и двое детей, оказалось свыше восьмисот золотых вещей. Лица погребенных мужчин покрыты золотыми портретными масками; в одной из гробниц обнаружены были скипетры. Это обстоятельство, равно как и вся роскошь погребения, с очевидностью показывает, что гробницы предназначены были для микенских „царей". В насыпях поверх гробниц найдены трупы людей и животных, принесенных в жертву при царском погребении, а остатки сосудов свидетельствуют о культе, который воздавался умершим властителям Микен вплоть до VI века.

Помимо этих шахтовых гробниц, в Микенах были обнаружены позднейшие купольные гробницы и остатки дворца, которые, однако, по сохранности значительно уступают дворцу, раскопанному Шлиманом в другом центре Аргоса, Тиринфе (1884—1885). Если по отношению к Микенам оказался справедливым гомеровский эпитет „многозлатые", Тиринф оправдал свой эпитет „крепкостенного". Сложенные из неотесанных глыб стены Тиринфа (толщиной в среднем в 7—8 метров, но доходят и до $17^1/_2$ метров) возбуждали изумление еще в древности. Раскопки обнаружили в Тиринфе сложную систему укреплений и обширный, богато украшенный, расписанный фресками дворец, не достигающий, впрочем, ни по размерам, ни по блеску уровня дворцов Крита.

Памятники „микенского" типа найдены были и в других местах Пелопоннеса (в Лаконии, в Каковато — гомеровском Пилосе), в Беотии с ее крупными „микенскими" центрами — Фивами и Орхоменом, в Фессалии, Аттике, на Эвбее и ряде Эгейских островов.

Во многих отношениях микенская культура представляется как бы ответвлением критской. Микенское искусство создано мастерами, прошедшими критскую школу. Но вместе с тем ряд глубоких отличий свидетельствует о совершенно ином типе социальной структуры. Сложные укрепления микенских замков находятся в резком контрасте с открытым доступом в главные центры Крита. При раздробленности изрезанного горными хребтами греческого континента и наличии многочисленных хозяйственно и политически самостоятельных мелких областей, угроза военной опасности, разумеется, была всегда велика, даже в гораздо более поздние времена, но самый вид замка микенской эпохи, доминирующего над окрестными деревенскими поселениями, показывает, что власть ахейских царей покоилась в первую очередь на военной силе — здесь мог играть роль и антагонизм между завоевателями и покоренным населением. Судя по ряду пережитков, сохранившихся в историческую эпоху, ахейцы были организованы по типу кочевых разбойничьих племен. Верховный вождь,

царь, пользовался значительной властью, а после смерти становился, как мы видели, объектом культа. Сооружения типа микенской или тиринфской крепости требовали большого количества рабочих рук: власть царя распространялась на довольно значительную территорию с многочисленным населением, которое, очевидно, было обязано поставлять рабочих и являться на войну. Сеть дорог свидетельствует о налаженных сношениях между различными областями. В XVI веке до н. э. Микены являются уже крупным и богатым центром. На памятниках материальной культуры замечается сильное влияние Крита, но „микеняне“ во многих отношениях сохранили свои вкусы и навыки. Архитектура, керамика, орнамент — все это представляет любопытное сплетение северных европейских элементов с южными. В отличие от критского искусства, часто встречаются изображения войны и охоты. Для более низкого культурного уровня континента очень показательно, что искусство письма, достигшее на Крите высокого развития, „микенянами“ было использовано лишь в самой незначительной степени. Но в отношении военной мощи ахейские племена, распространившиеся по архипелагу и малоазиатскому побережью, составляли весьма весомую единицу в международных отношениях Средиземноморья. В египетских текстах неоднократно упоминаются „ахайваша“ и „данауна“, т. е. „ахейцы“ и „данайцы“ греческого эпоса; а из недавно дешифрированных хеттских документов видно, что ахейцы („аххиява“) вели в XIII веке активную завоевательную политику, нападая на Кипр, а в Малой Азии — на Карию.

Если судить по памятникам искусства, „микенская“ религия в общих чертах напоминает критскую. Однако импортный характер микенского искусства, его критское происхождение заставляют подходить с большой осторожностью к вопросу о том, в какой мере сцены, изображенные на произведениях микенской эпохи, соответствуют местным религиозным представлениям. Уже один факт посмертного культа царей ставит резкую грань между религиями Крита и Микен. В строго патриархальном микенском обществе мужское божество, естественно, играло более значительную роль, чем на Крите. Но в связи с общим характером микенской культуры весьма вероятно, что и культовая практика представляла собою смешение элементов местного „элладского“ происхождения с ахейскими и критскими верованиями. Скрещение этих элементов, по-своему протекавшее в различных местностях и многообразные соприкосновения скрещенных форм во время постоянных войн и переселений обусловили будущее богатство греческой мифологии. Ряд фигур греческого пантеона уже определенно оформился в микенский период. Владычица зверей Артемида и богиня войны Афина с ее атрибутами, огромным щитом и копьем, хранительница городов, восходят к микенской эпохе, продолжая линию женского божества Крита. Возможно, что сюда же следует отнести и Геру, как местное божество Аргоса. Образ „колебателя земли“, Посидона, владыки глубин земли и моря, повидимому, тоже микенского

происхождения. Заметную роль играли хтонические культы, религия плодородия и связанные с нею божества.

Бросается в глаза, что среди перечисленных богов отсутствуют два имени огромной культовой значимости для позднейшего времени — Зевс и Аполлон. Действительно, хотя в отдельных своих функциях эти божества заместили каких-то вытесненных ими богов микенского мира, памятники не дают возможности установить прямую связь между культовыми фигурами микенской эпохи, с одной стороны, и Зевсом и Аполлоном — с другой. Надо полагать, что это не случайно: в „Илиаде" явственно сохранены следы представлений о Зевсе и Аполлоне, как о чужеземных богах, покровителях враждебных ахейцам племен. Время, когда эти боги станут, наряду с Афиной, в центре греческого государственного культа, еще впереди.

Микенская культура, создавшаяся в связи с переселением в Грецию первых волн северных племен, погибла в результате дальнейших вторжений. На грани первого и второго тысячелетий северо-западные дорийские племена захватили почти весь греческий континент и южную группу островов. Ахейцы были либо покорены, либо оттеснены в горы (Аркадия); часть ахейцев, особенно из северных „эолийских" групп, передвинулась на северо-западную часть малоазиатского побережья. Не затронутыми дорийским нашествием остались главные центры ионийцев („явонов"), Аттика и Эвбея, а также большая часть островов, однако и ионийцам частично пришлось устремиться в Малую Азию. Новое переселение всколыхнуло весь бассейн Эгейского моря; старые центры были разрушены, наступили более примитивные общественные отношения; средиземноморская торговля перешла в руки финикийцев. Различные племена вновь скрещивались в процессе столкновений и миграций. Детали этого процесса ускользают от историка и лишь частично могут быть восстановлены на основании родственных взаимоотношений греческих диалектов и их географического размещения. Передвижения, вызванные натиском дорян, были последним крупным миграционным толчком, предшествовавшим письменно документированной эпохе греческой истории. С окончанием этого толчка мы имеем уже в оформленном виде „исторические" племена греков.

Критская и микенская культуры относятся к „бронзовому" веку: в поздне-микенскую эпоху встречаются уже в незначительном количестве железные изделия. После переселения дорян окончательно наступает „железный век". Эта хронологическая грань между бронзовым и железным веками нам еще понадобится в связи с „гомеровским вопросом".

* * *

На малоазиатском побережье, к югу от Дарданелл, находилась крепость, доминировавшая над пролегавшими у входа в Дарданеллы караванными дорогами. Владыки крепости держали в своих руках важный

торговый путь и легко могли взимать пошлины с проходящих купцов. Вполне понятно, что за обладание таким местом неоднократно разгоралась борьба. Это и была Троя (Илион).

Точное местоположение Трои, относительно которого еще в древности шли (впрочем, и до сих пор не умолкнувшие) споры, было установлено — по данным „Илиады“ — Шлиманом. Она лежала в пяти километрах от моря, на небольшом холме,— в настоящее время этот холм называется Гиссарлык,— возвышаясь над равниной, орошаемой реками Скамандром и Симоисом. Раскопки, производившиеся на этом месте с 1871 г. Шлиманом и законченные лишь в 1894 г., уже после смерти самого Шлимана, Дерпфельдом, обнаружили остатки девяти городов, последовательно возникавших на протяжении почти трех тысячелетий.

Троя I — неолитическое укрепление, относящееся к первой половине третьего тысячелетия. Керамика этого слоя близко напоминает предметы, найденные по ту сторону Дарданелл, во Фракии, и свидетельствует, по мнению археологов, о фракийском происхождении первых поселенцев Трои.

Трою II Шлиман считал „гомеровской“ Троей. Эта крепость существовала в течение нескольких столетий (около 2500—2000 гг.) и дважды перестраивалась. Площадь в 8 000 кв. метров окружена была высокой и толстой (в 5 метров) стеной. Несколько ворот, представлявших собою большие четырехугольные выступы с узкими проходами (Шлиман полагал, что он при этом с точностью установил местонахождение гомеровских „Скейских ворот“), впоследствии попали уже внутрь стенного кольца. Посреди крепости находился дворец, состоявший из двух отделенных узкой полосой зданий (может быть, женский и мужской дома) и по архитектурным особенностям приближавшийся к „северному“, а не средиземноморскому, типу построек. Шлиман нашел ряд кладов, из которых особенно замечателен так называемый „большой клад“. Содержание этих кладов составляют серебряные слитки, золотые и серебряные сосуды, множество золотых вещей — серьги, браслеты, диадемы, булавки и т. п.— и бронзовое оружие. В значительной части предметы эти импортные и, вероятно, являются вынужденными „подарками“ купцов владыкам крепости. Троя II погибла от большого пожара, уничтожившего дворец и самые стены; это обстоятельство и убеждало Шлимана в том, что раскопанный им слой представляет собою „подлинную“ гомеровскую Трою. Весьма вероятно, что город действительно был сожжен неприятелем, так как в течение ряда столетий он не отстраивался.

Троя III, IV и V — бедные и не укрепленные поселения, последовательно возникавшие на месте старой Трои.

Шлиману не удалось дожить до момента, когда расширение территории раскопок привело к обнаружению новой крепости, и притом микенского типа. Это — Троя VI, которая имеет гораздо больше прав на отожествление с гомеровской Троей, чем Троя II. Городская стена и стены зданий сделаны из гладко отесанных камней, как это указывается в

„Илиаде“ по отношению к дворцу Приама (VI, 244). Город поднимается концентрическими террасами и частично лежит на равнине — это также совпадает с гомеровской топографией Илиона. Нижняя часть стены поката, поэтому Патрокл мог „взбегать“ на стену („Илиада“, XVI, 702). Постройки, сосуды и предметы домашнего обихода принадлежат микенской эпохе, и это опять-таки соответствует предполагаемому времени троянской войны.

Современная микенской культуре Троя VI была разрушена. Следующее поселение, Троя VII, возникает уже гораздо позже, около VIII века, когда на троянской равнине поселились киммерийцы из Фракии. Троя VIII относится к эллинистической, а Троя IX — к римской эпохе; эти последние поселения уже не представляют интереса с точки зрения проблем гомеровского эпоса.

На Гиссарлыкском холме дважды создавались и гибли крупные центры, Троя II и Троя VI. И греческая сага знает о дважды совершившемся разрушении Трои: еще до троянской войны стены Трои однажды были снесены Гераклом. Это сказание заключает в себе правильное историческое воспоминание, хотя сага, никогда не оперирующая длительными промежутками времени, и допустила два анахронизма, сблизив хронологически оба разрушения и приписав позднейшему разрушению тот пожар, от которого на несколько столетий раньше погибла Троя II.

4

Археологический заступ, направленный „по следам Гомера“, увел на тысячелетия назад от греческого эпоса, открыл культуры, облик и содержание которых исчезли в исторической памяти греков. Сага оказалась надежным отправным пунктом для установления связей гораздо большего охвата, чем вопрос о реальности или фиктивности гомеровских описаний. Неожиданная роль, которую суждено было сыграть греческой саге по отношению к критско-микенской эпохе, в свою очередь бросает свет на историю самой саги.

Встающая здесь проблема была четко формулирована несколько лет тому назад шведским исследователем Нильсоном: Шлиман исходил из Гомера и открыл микенскую культуру; мифы о Миносе привели Эванса к Криту; эту связь надо додумать до конца, систематически сопоставляя центры, в которых локализовались греческие мифы, с центрами микенской культуры.

Сопоставление это привело Нильсона к совершенно определенному результату: мифологические центры совпадают с центрами микенскими, и мифологическая значимость той или иной местности соответствует ее реальной значимости в микенскую эпоху.

Разумеется, каждая область имела свои локальные сказания, но если взглянуть на те места, к которым приурочены наиболее значительные

мифы, легко убедиться, что дело идет о микенских центрах. Основной очаг микенской культуры на континенте — Арголида, с ее главными городами — Микенами и Тиринфом. Преобладание третьего города, Аргоса, относится к более раннему периоду, а затем и к послемикенским временам, когда Микены и Тиринф потеряли всякое политическое значение. Сага делает Арголиду крупнейшим мифологическим центром, подчеркивая значение Тиринфа и Микен. Здесь локализованы мифы о Прете, Персее, Беллерофонте, Атрее и Тиесте, наконец об Агамемноне и его потомках. Микенский царь Агамемнон стоит во главе общеахейского похода против Трои; на службе у микенского царя Эврисфея находится любимый герой греческого фольклора Геракл, потомок Персея. Фигуры, являющиеся в хронологической системе саги более ранними, помещены с правильным чувством перспективы в Аргос (Ио, Данай). Преобладание Арголиды отмечено и тем, что общим наименованием для греков у Гомера служат термины „аргивяне“ и „данаи“ (одно из племен Арголиды), наряду с термином „ахейцы“.

Вторым по значению очагом микенской культуры является Беотия. Вокруг ее южного центра — Фив — опять-таки сконцентрирован большой цикл широко распространенных мифов (Кадм, Эдип, поход семерых против Фив, сказание о золотом руне). Рано потерявший свое значение северно-беотийский центр Орхомен также нашел отражение в саге (Миний, аргонавты).

По сравнению с аргосским и фиванским циклами прочие группы сказаний занимают лишь второстепенное место. Но и Аттика с ее сказаниями о Тесее, получившими впоследствии, в связи с ростом Афин, общегреческое значение, и Лаконика со сказаниями о Тиндарее, Леде, Елене и Диоскурах, локализованных в старинных Амиклах и Ферапнах, фессалийский Иолк — родина Ясона, Пилос — город Нестора,— все это области микенской культуры. При этом сага оказывает явное предпочтение ахейским центрам перед ионийскими. Ионийский архипелаг совсем не затронут; зато Крит представлен циклом Миноса.

Если к этим наблюдениям прибавить, что доряне в греческой саге почти совершенно игнорируются, а северные „эолийские“ области ахейцев (например, Фессалия) играют очень большую роль,— отчетливо выявляются два момента, основоположные для истории греческой саги: носителями ее являются ахейские племена, а географической и хронологической базой основного ядра саги являются взаимоотношения между областями микенской культуры, ко времени которой это ядро и должно восходить.

Очень возможно, что не одна только значимость географических центров греческой саги является отзвуком былой исторической реальности. В упомянутых уже хеттских документах XIII века обнаружились имена царей народа „аххиява“, совершенно совпадающие с именами, дотоле известными лишь из греческой саги. Чтение и толкование хеттских документов еще слишком молодое дело, чтобы на нем можно было бази-

ровать какие-либо выводы, но по существу нет ничего невозможного в том, что сага сохранила исторические имена царей микенской эпохи. Ведь, как мы знаем, цари эти после смерти героизировались, становились объектами культа. Естественно, что эти имена сохранились, и вокруг этих имен концентрировались сказания.

Греческий культ героев является продолжением микенского культа царей. В некоторых случаях археологически установлено, что могилы, у которых воздавалось почитание героям, суть могилы микенского времени. Конкретная обстановка этой эпохи была уже совершенно забыта, но сага донесла ряд имен и событий, сведя многовековую историю до повести о судьбах нескольких поколений царских родов. В этих именах естественно, а подчас и исторически правильно было видеть тех героев-основателей, культ которых общины по традиции сохраняли, а в иных случаях и заново создавали вследствие отсутствия или утери традиции. Опрокинутая дорийским переселением микенская культура оставила свои следы и в культе и в саге. Как это обычно бывало в древности, новые поселенцы усваивали старые культы, отправление которых, по мнению старожилов, было залогом благополучия местности, и вводили их в систему своих верований; новые храмы создавались на месте микенских святилищ; легко приспособляющаяся к социальным изменениям сага обосновывала эти изменения, создавая новые взаимоотношения между мифологическими фигурами, попрежнему отнесенными к той эпохе, когда и культы и сказания впервые оформились.

Итак, греческая героическая сага прикрепилась к эпохе микенской культуры. Забытая, как реальная история, эта эпоха оставила свой след в памяти как проекционная плоскость для отнесения к ней всего того, что позднейшие времена желали приписать своим „героям" путем соответствующей модификации героической саги.

И самый монументальный памятник этой саги, гомеровский эпос, в первую очередь локализован в микенской культуре: здесь Шлиман был прав.

Но локализован лишь как в идеальном прошлом, в таком прошлом, которое можно любым образом оформлять, не ощущая сопротивления со стороны оформляемого материала.

5

Открытие микенской культуры произвело резкий переворот в сознании исследователей Гомера. Гомеровская эпоха прежде рассматривалась как начало всех начал, как самый ранний из доступных изучению периодов греческой культуры. Судить об этой культуре можно было лишь на основании самих поэм, не имея контрольных инстанций. Историки невольно шли методом отожествления гомеровских картин с реальной действительностью, черпая методологическое оправдание такого отожествления в

якобы „объективном“ характере гомеровского изложения. Открытие микенской культуры положило конец изолированности Гомера и указало пути к историческому пониманию греческого эпоса.

Первое время даже казалось, что проблема гомеровской культуры в целом может считаться разрешенной. Микенские памятники во многих отношениях явились как бы археологическим комментарием к Гомеру. Стало ясно, почему оружие гомеровских героев, за редкими исключениями, изготовлено из бронзы. На микенских изображениях предстали огромные щиты, в человеческий рост, которые у Гомера чередуются с позднейшими, круглыми щитами. План тиринфского дворца дал возможность уяснить расположение отдельных частей в доме Одиссея. В Микенах в одной из шахтовых гробниц был найден кубок, близко напоминающий гомеровский кубок Нестора, и кинжалы, металлические инкрустации которых проливают свет на выделку щита Ахиллеса. Если в поэмах Гомера храмы и статуи богов представляют исключительно редкое явление (только один раз статуя Афины в VI книге „Илиады“), то это опять-таки сближает Гомера с микенской культурой.

Число примеров можно было бы увеличить, но все же они останутся частностями, деталями, которым противостоят другие детали, характерные для более поздних эпох. Так, одежда и прическа „лепокудрых“ гомеровских героев совершенно отличны от микенских и воспроизводят восточные моды, проникшие в IX—VIII веках в Малую Азию и греческие области; панцырь Агамемнона, описанный в начале XI книги „Илиады“, археологи относят к VIII веку. Храм и статуя Афины уводят нас в еще более поздние времена. Но, если отвлечься от частностей, гомеровская материальная культура, которая одна только и допускает сопоставление с более или менее твердо датируемыми памятниками, оказывается далеко не однородной: в ней смешаны бронзовый и железный век, микенское оружие с позднейшим, и вообще вкусы, техника и навыки разных веков. Гомеровская материальная культура не может быть целиком отожествлена с микенской культурой.

* * *

Указанные наблюдения создают самую неблагоприятную презумпцию, когда мы обращаемся к социальной структуре гомеровского общества и к его идеологии. Микенская культура дала только один опорный пункт для понимания Гомера, осветив истоки эпоса. А в наших исторических сведениях об эпохе, последовавшей за упадком микенской культуры, попрежнему остается провал вплоть до VII века, заполняемый почти исключительно на основании показаний гомеровских поэм.

Одно можно утверждать с полной уверенностью: гомеровское общество не есть микенское общество. Наличие хозяйственно-мощных центров на континенте и на Крите уже забыто: общество гораздо беднее. О поли-

тических соотношениях микенского времени остались лишь воспоминания в сюжетном расположении фигур саги. Культ мертвых существует лишь в рудиментах, место микенского погребения заняло трупосожигание. Пантеон резко изменился, а в представлениях о загробной жизни произошел любопытнейший сдвиг: души мертвых мыслятся совершенно отрешенными от земной жизни; культ героев теряет всякий смысл и исчезает.

Этому несомненному отрицательному результату гораздо труднее противопоставить какой-либо положительный. Ведь уже заранее есть серьезное основание опасаться, что картина гомеровского общества в целом окажется столь же неоднородной и противоречивой, как гомеровская материальная культура. И возможно ли разобраться в этом клубке вопросов при отсутствии сколько-нибудь значительного контрольного материала извне?

Поэтому, прежде чем приступить к анализу основных проблем гомеровского общества, полезно отдать себе отчет в возможных путях истолкования противоречий, которые замечены в гомеровской картине материальной культуры.

Первая возможность — перенести целиком и полностью все противоречия в реальную действительность. Гомеровский эпос, с этой точки зрения, изображает некую переходную эпоху, на грани „бронзового“ и „железного“ веков, когда остатки микенской культуры сосуществовали еще с начатками позднейшего быта. Поэмы, при таком предположении, необходимо датировать весьма ранним временем, X веком или еще раньше (возможность отдельных позднейших вставок, разумеется, не исключена). Гомер остается все тем же „объективным“ поэтом, точно отобразившим свое время, несмотря на введение старинных героических имен. Это чисто механическое снятие проблемы движущих противоречий эпоса неприемлемо и по методологическим соображениям и уже хотя бы потому, что гомеровское общество во всех отношениях слишком далеко ушло от микенского, чтобы быть отнесенным к грани между вторым и первым тысячелетиями.

Другое, не менее „радикальное“ решение вопроса состоит в том, чтобы все противоречия отнести за счет поэта. Получается теория „поэтического идеализма“, полного произвола поэта, который по художественным соображениям перемешивает материалы различных эпох, пренебрегая их несовместимостью, а может быть, и не сознавая ее. При таком взгляде на вещи проблема гомеровского общества теряет всякий смысл. Изолируя поэта и рассматривая его вне всяких общественных связей, эта теория не учитывает и характера героической саги, которая допускает свободное обращение с материалом лишь в известных пределах и конструируется на основании социально-значимых представлений о героической эпохе.

Третий путь, которым идет большинство исследователей гомеровского вопроса, предполагает перенесение противоречий в процесс возникновения эпоса. Это — теория культурных слоев. Сага в своем многовековом раз-

витии всосала в себя элементы различных веков и культур, и неоднородность гомеровской культуры является непроизвольным отложением истории саги. В своей крайней формулировке эта теория отожествляет историческую последовательность культурных слоев с последовательностью возникновения тех частей эпоса, в которых эти слои представлены. Но и независимо от такой формулировки, теория культурных слоев страдает механистичностью построения: учитывая исторический момент, она на место одного „объективного“ Гомера ставит последовательный ряд столь же „объективных“ поэтов, фотографически отображающих свое время, а затем предполагает, что эти отображения механически переходят из одной эпохи в другую, не подвергаясь сколько-нибудь значительному переоформлению. В этой теории правильно оценены консервативные моменты сагообразования, но обойдены и непрерывная переработка саги в связи с новыми социальными запросами и творческая роль самого поэта.

Возможен, однако, и четвертый подход к противоречиям картины гомеровского общества, исходящий из противоречивой сущности героической саги, как одной из форм идеологии. Проецируя в героический век классово сконструированную модель настоящего и вместе с тем, по самому своему заданию, сохраняя многочисленные элементы традиции, сага неизбежно таит в себе ряд противоречий, которыми и определяется ее движение. Противоречия между не устранимыми из предания реальностью и идеологией прошлого, с одной стороны, оформлением предания под углом зрения актуальных идеологических запросов — с другой, и пульсирующими под противоречивым идеологическим покровом реальными отношениями настоящего — с третьей стороны, составляют жизнь саги. При раздельном учете этих трех моментов — исторического прошлого, настоящего и восприятия прошлого в настоящем — проблема гомеровской культуры получает следующую постановку: какие классовые соотношения и в какую эпоху (или в какие эпохи) потребовали того конкретного оформления героического века, того своеобразного и противоречивого смешения микенских истоков, живой современности и не отвечающих никакой реальности представлений о прошлом, которое предстает перед нами в гомеровских поэмах (учитывая, разумеется, в известных пределах и вольное оперирование поэта с его материалом)?

* * *

Героический век должен быть отличен от современности и одновременно отвечать на ее запросы. С утерей чувства дистанции он становится пустой формой, традиционной маской; утрата связи с актуальностью превращает сагу в археологию, в памятник прошлого. В истории греческой саги оба эти момента наступят почти одновременно, когда аристократия перестанет быть господствующим классом, и исчезнет социальная база

сагообразования. Но пока героическая сага живет, она сохраняет эту принципиальную двуликость.

Гомеровский эпос строго соблюдает „дистанцию“. Характер эпического изложения лишь изредка допускает подчеркивание этой дистанции путем прямых авторских ремарок, противопоставления героев „ныне живущим людям“. Здесь вырабатываются более сложные приемы перенесения действующих лиц в специфическую среду. Архаический реквизит века героев подан на контрастном фоне стилистического орнамента, оперирующего образами иной культурной среды. В повествовании поэт избегает всего того, что почему-либо кажется ему несовместимым с древностью и возвышенностью предмета,— но многое из этого оказывается вполне уместным в сравнениях и метафорах, в „субъективном“ элементе, который воспринимается слушателем эпоса как сфера поэта, а не его персонажей. Давно уже замечено, что гомеровские герои не знают письменности (единственное исключение — „Илиада“, VI, 168—169, ср. комментарий), не надевают на головы венков, как это было обычно у позднейших греков, не скачут верхом на конях, а только ездят на колеснице (исключение — „Илиада“, X, 513— специально мотивировано), не трубят в рог перед боем, не употребляют в пищу молока, птиц и рыб (исключения —„Одиссея“, IV, 368, и XII, 331—332 — также особо мотивированы— жестоким голодом), а мясом питаются только в жареном виде. Но гомеровские поэмы, как целое, вряд ли мыслимы без письменной фиксации, и в сравнениях и метафорах упоминаются и венки, и верховая езда, и боевой рог, и варка мяса, ловля птиц, ужение рыбы, молоко и приготовление сыра. Поэт устраняет из героического обихода все то, что кажется ему недостаточно древним (письменность, венки, верховую езду и т. д.) или недостойным героев, которым надлежит, по его мнению, вкушать лишь жареное мясо „тучных“ волов, баранов и т. д. Точно так же, наделяя своих героев почти исключительно бронзовым вооружением, поэт отлично знаком с употреблением железа не только как орудия, но и как оружия, и в „Одиссее“ дважды повторена поговорка, что в хмелю „само собой прилипает к рукам роковое железо“ (XVI, 294; XIX, 13).

Но рядом с этой „архаизацией“ имеется такая же „модернизация“, борьба с архаической неуклюжестью образов саги, наполнение их новым содержанием, отметание устарелых и грубых черт, идеологически непригодных для поэта.

Эти замечания лишний раз обнаруживают неприемлемость теории раннего Гомера, описывающего свое время, так как эта теория, вопреки всякой очевидности, должна отрицать факт архаизации. Равным образом неприемлемой оказывается теория культурных „слоев“, постулирующая в гомеровских поэмах лишь „бессознательные“, механически возникшие архаизмы. А для того, чтобы избежать теории „поэтического идеализма“, надо попытаться проанализировать ту идеологическую систему, которая лежит в основе картины „героического века“ у Гомера.

6

Послемикенский период принадлежит к числу самых „темных“ в греческой истории. Лишь наиболее общие очертания характеризующих эту эпоху социальных процессов могут быть указаны на основании рисунка классовых соотношений в более поздние, письменно документируемые времена.

В конце второго тысячелетия не одна только микенская культура пришла в упадок: одновременно с этим распалась в Малой Азии хеттская держава; для Вавилонии и Египта наступил период длительного застоя. Торговые связи между различными частями средиземноморского бассейна ослабевают; в течение нескольких веков греки будут вести лишь пассивную торговлю. Эксплоатация земледельческого населения приобретает более децентрализованный характер. Это — пора мелких политически-самостоятельных государств; замки и сокровища микенского времени становятся уже преданием, и заметно снижается уровень материальной культуры и техники.

Новые завоеватели, будь то доряне или выселившиеся ахейцы, захватив некоторую территорию, распределяют ее между дружиной. Надел дружинника состоит из трех участков: в городе — городская оседлость дружины необходима для сохранения власти, вблизи города и, наконец, в более отдаленной местности. Равномерность наделов соблюдалась редко. Дружинные вожди захватывали преобладающую часть добычи и, вместе с остатками прежней знати, образовывали местную аристократию. Рядом с главным „царем“ находятся „цари“ низшего ранга. По зову „царя“ дружинник является на войну; он имеет право на часть добычи и на угощение с „царского“ стола. Подчиненность земледельческого населения принимает в разных местах разные формы — от податной зависимости до полного закрепощения. Характерное для позднейшего античного общества использование рабского труда имеет в эту эпоху чисто „патриархальный“ характер. „Царь“ угощает в своем дворце дружину и держит большие стада; в силу этого он нуждается в некотором количестве челяди. Примитивность земледельческой техники и малые размеры земельных наделов создавали условия, при которых постоянное содержание несвободной рабочей силы представлялось менее выгодным, чем временный наем батрака на страдную пору,— ремесло было еще слишком неразвито, чтобы со своей стороны нуждаться в рабском труде. Мелкие земледельцы (обычно свободные) и некоторое количество ремесленников и батраков — таков был состав демоса, противостоявшего аристократии. Поскольку родовой строй еще не разложился окончательно, за демосом сохранялись такие традиционные права воинов, как право участия в „народном собрании“, сходе вооруженной общины, но фактически го-

сударственная власть принадлежала аристократии, организованной в „совет“ старейшин.

Социальная мощь аристократии повышается как за счет концентрации земельной собственности и обезземеливания или закабаления разоряющегося и входящего в долги свободного крестьянства, так и за счет того, что экономическая самостоятельность аристократии позволяет ей обращать в свою пользу вновь возникающие источники дохода, как то грабительские экспедиции, в том числе заморские, а также организацию новых производств. Это последнее имело в первую очередь место на малоазиатском побережье и островах архипелага, где возник ряд центров производства вина, оливкового масла, тканей и керамики. Повышение военной и торговой активности греческих аристократов имело своим последствием, с одной стороны, развитие денежного хозяйства и рост городов, с другой стороны — падение царской власти. „Цари“ становились лишь „первыми“ среди „равных“ внутри аристократии, а затем теряли и эту привилегию. К началу VII века почти во всех греческих областях царская власть осталась лишь титулом, который был связан с отправлением известных сакральных функций и в большинстве случаев перестал быть наследственным. Одновременно с этим аристократия организует по берегам Средиземного моря сеть колоний, которые снабжают местное население греческими изделиями и вывозят в Грецию сырье и хлеб. Служа временными резервуарами для выведения некоторого контингента безземельного, а стало быть, социально-опасного для аристократии населения, колонии доставляли дешевый хлеб и открывали возможность перехода на более выгодные культуры винограда и маслины и интенсификации ремесла с применением в нем рабской силы. В наиболее развитых экономически областях, как ионийские города Малой Азии и архипелага, земельная аристократия превращается в аристократию денежную.

В результате этих процессов хозяйственный облик большинства греческих общин резко изменился. Стали быстро нарастать противоречия между городом и деревней, между аристократией, мелкими землевладельцами и городским населением. Обострившаяся классовая борьба привела к революциям VII—VI вв., которыми в сущности и открывается строго документируемая греческая история. В этих революциях создавались основы античного общества, с характерным для него рабовладельческим хозяйством и полуколониальной эксплоатацией малокультурных народов.

Гомеровский эпос находится еще по ту сторону революционной эпохи. В свете указанных процессов и надлежит найти место для гомеровской идеологии, учитывая при этом, что поэмы Гомера — продукт ионийской культуры. Иония была форпостом экономического развития Греции,— здесь впервые расцвели новые хозяйственные формы и была пробита первая брешь в системе аристократической идеологии: в Ионии VI века родились греческая наука и греческая философия.

* * *

Гомеровский эпос интересуется „питомцами Зевса“, „богоравными“ царями и знатью; непосредственное окружение „царей“, царская свита, даже челядь привлекают внимание эпического певца, но низшие классы, как таковые, систематически остаются вне поля его зрения. „Превосходнейшая энциклопедия древности“ являет в этом отношении глубокий провал. Только изредка мелькают указания на неприглядную долю батрака, которая кажется гомеровскому герою самым тяжелым из земных уделов, на судьбу вдовы, изделием рук зарабатывающей скудное пропитание для детей. Общество разделено на „худых“ и „лучших“,— у последних собраны все ценные, с точки зрения автора, качества. Вокруг царей разлита атмосфера социального благополучия. Проецированная в прошлое, она образует колорит героических времен, и даже в орнаментальной части поэм лишь одинокие штрихи вносят беспокойную дисгармонию (например, тирада о неправедных судьях — „Илиада“, XVI, 386—388).

Устранение „низменных“ областей жизни из сферы поэтического видения менее всего свидетельствует о „наивности“ в классовой установке поэта, увлеченного архаическим материалом саги. Есть все основания думать, что поэт сознательно отвлекается от тех сторон действительности, перенесение которых в идеальную картину прошлого представляется для него неприемлемым. Один раз эта современность прорывается, и этот случай позволяет уточнить классовую позицию певца.

Во второй книге „Илиады“ имеется любопытная сцена „испытания“ войска. В распоряжении поэта находился, повидимому, архаический, уже непонятный материал (см. комментарий), подлежавший поэтому модернизации. Получилась картина из современной поэту жизни — взаимоотношения между царями и знатью уже напряжены, в массах намечается недовольство. При изображении демагога, „ненавистника царей“, эпическому певцу изменяет его обычное спокойствие; он с удовольствием описывает усмирение „буйного“ Ферсита Одиссеем. Подавить массовое движение репрессиями, энергично призвать к порядку аристократию — таков политический урок, который поэт преподносит слушателям в сцене „испытания“.

Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими.

(„Илиада“, II, 204—206)

И в виде наглядной иллюстрации к идее наследственной монархии божией милостью в той же II книге рассказана история скипетра Агамемнона:

Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;

Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Тиесту,
И Тиест наконец Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.
(„Илиада“, II, 102–108)

Впрочем, оправдание царской власти божественным происхождением — уже архаизм, извлеченный из арсенала саги, в подкрепление политической тенденции. Богатая медитативным и тем самым более актуальным материалом XII книга „Илиады“ выдвигает другое обоснование царских привилегий:

Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас как на жителей неба?
И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
„Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!“
(„Илиада“, XII, 310–321)

Критика царских прав уже налицо; защита их помощью ссылки на обязанности царей во время войны — призрачный довод в пользу отмирающего института. Слабость аргументации подчеркивается и тем, что непосредственное ощущение социальной значимости военного вождя в сущности уже утеряно. За только что приведенными стихами следует скорбное размышление:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуть, ни избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!
(„Илиада“, XII, 322–328)

Певец у Гомера обычно является придворным певцом: его обязанность — услаждать царских гостей за трапезой. Отсюда его роль, как

идеолога царской власти. Эпос не чуждается даже старинных, „первобытных“ представлений о царе-маге, носителе плодородия, лишь слегка модернизируя их:

Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях, и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
(„Одиссея“, XIX, 109—114)

Цари, разумеется, могут опереться только на аристократию. В счастливом государстве феаков царь Алкиной правит вместе с двенадцатью другими „царями“ или „старейшинами“; однако окончательное решение вопросов и исполнительная власть принадлежат Алкиною. К правам и вольностям аристократии эпический поэт относится с величайшим вниманием и с этой точки зрения конструирует взаимоотношения между царями и знатью в героическую эпоху. Исследователи, искавшие у Гомера исторически-реальной картины царской власти, находили и абсолютную монархию, и взаимоотношения типа средневекового феодализма, и господство аристократии. Действительно, современная поэмам жизнь, период упадка царской власти, отражается в ряде отдельных штрихов, особенно в более поздней „Одиссее“; с другой стороны, традиция саги сохраняет черты более полновластного могущества царя — такова верховная, богоустановленная власть Агамемнона, который в праве, например, даровать Ахиллесу в удел семь городов; в эпоху мелких самостоятельных государств отношения между властелином обширной державы и его вассалами уже не совсем понятны,— но общая картина продиктована стремлением перенести в прошлое отношения между царями и аристократией в таком виде, в каком их желали бы установить цари накануне своего падения.

Эти соображения создают первый опорный пункт для хронологической датировки поэм.

* * *

Историки, в особенности историки античного хозяйства, поступают очень неосторожно, доверяясь Гомеру. Разумеется, у Гомера можно найти много ценных исторических указаний. В гомеровской картине легко обнаружить остатки родового быта и коллективной земельной собственности и вместе с тем наблюдать сдвиги, свидетельствующие о разложении родовых связей и образовании классового общества. Но установка эпического певца на изображение века героев исключает возможность показа социальной трансформации во всем ее объеме. Если гомеровские поэмы рисуют картину сравнительно замкнутого патриархаль-

ного хозяйства, с мало развитой пассивной торговлей, с незначительным применением рабского труда, с царями, лично обрабатывающими свои участки земли,— эту картину нельзя безоговорочно переносить в современную поэмам действительность. Мы уже видели, что певец сознательно избегает перенесения в героический век ряда черт новой жизни, и то, что имеет место в отношении материальной культуры, тем более применимо к рисунку социальных отношений, если учесть консервативную позицию певца, заставляющую его подозрительно относиться к новым способам приобретения богатств, к активизации торговли и связанному с ней перерождению аристократии. Пренебрежение к купцу, проскальзывающее в эпосе (например, „Одиссея“, VIII, 159 и сл.), в сущности свидетельствует только о наличии торговых связей. Афина является Телемаху в образе тафийского царя, который отправляется со своим кораблем в Темесе (южная Италия) для того, чтобы обменять железо на медь. Корабли, принадлежащие частным лицам, не являются в „Одиссее“ редкостью и постоянно курсируют между различными областями Греции. Но даже более архаичная „Илиада“ упоминает о невольничьем рынке, о торговой роли Лемноса. Эвней посылает из Лемноса корабли, нагруженные вином, для ахейского ополчения: царям в подарок,—

Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
Те за своих полоненных.

(„Илиада“, VII, 472—475)

Монеты, действительно, в гомеровском эпосе нет. Греческие общины начали чеканить монету лишь в VIII веке, и это нововведение не подлежало перенесению в эпоху героев.

Зато традиционные способы обогащения — набеги на соседей, увод скота, похищение имущества, женщин, уничтожение жатв — родная сфера для гомеровских героев. Война — источник славы и добычи; но сама по себе, война ради войны, не вызывает сочувствия эпического певца. Хотя много страниц в „Илиаде“ занято описанием боев, „приносящих славу мужам“,— война обычно изображается как тяжелая, ненавистная необходимость. Гомеровские витязи совсем не походят на бесстрашных рубак западноевропейской саги — они робеют перед неприятелем, обращаются в бегство. Самая храбрость неоднократно мотивируется,— например, божественным вмешательством. В начале XI книги „Илиады“ Зевс посылает к ахейским кораблям Вражду, которая вдохнула в сердце каждому ахейцу

Бурную силу без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

(„Илиада“, XI, 12—14)

Непосредственное упоение боем у Гомера наблюдается редко; заметно даже стремление занять в этом вопросе эстетически-безучастную позицию.

Разумеется, гомеровская аудитория интересовалась военными сценами, и войны продолжали оставаться в эту эпоху — как и позже — достаточно обыденным явлением в греческой жизни. Но война, как ремесло, уже больше принадлежит саге, чем действительности, и аристократическое общество скорее настроено на мирный лад. А певец царей, оперирующий старинными сказаниями, спасает отмирающую идеологию переключением ее в эстетический план:

...Отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнию были они у потомков.

(„Одиссея", VIII, 577–580)

* * *

Гомеровский эпос не знает социальной проблематики; лишь в более поздней „Одиссее" можно усмотреть отголоски того, еще совершенно чуждого „Илиаде", заострения этических проблем, под знаком которого проходит классовая борьба VII–VI вв. и которое с одинаковой силой проявляется и в творчестве беотийца Гесиода (ок. 700 г.), представителя обезземеливаемого свободного крестьянства, и в идеологическом перевооружении континентальной аристократии, духовным центром которого становится храм Аполлона в Дельфах. Это обстоятельство может отчасти рассматриваться как хронологическое показание, критерий для датировки поэм; отчасти же оно объясняется местными условиями Ионии и идеологической установкой певца.

Гомеровские герои почти никогда не испытывают организованного давления со стороны коллектива, над ними не тяготеет аппарат государственного принуждения. Не играет большой роли, особенно в „Илиаде", и религиозная санкция норм поведения: исследователи отмечают, что к божественной справедливости чаще всего апеллируют притесняемые, когда не имеют возможности прибегнуть к более действенным аргументам. Зато чрезвычайно велико уважение к установившимся нормам общежития. Отсюда традиционализм в выполнении обрядов, строгая церемонность отношений, боязнь общественного мнения, дурной славы у людей. Взаимоотношения между людьми регламентированы; нарушение принятых форм с чьей-либо стороны является оскорблением для чужой „чести" и дает право требовать компенсации. Герои Гомера могут колебаться в выборе наиболее пригодных средств для достижения намеченной цели, но они не знают колебаний этического порядка. Норма незыблема, и реакция однозначно следует за раздражением; когда поэт хочет эту связь разорвать, он прибегает к божественному вмешательству: анализ внутренних переживаний, не обнаруживающихся в конкретном действовании, наблю-

дается у Гомера лишь в самых зачаточных формах. Умение разбираться в противоречивых чувствах появится в новой социальной обстановке, в лирике революционной эпохи, и разовьется в афинской драме,— в „гомеровском обществе“ нет места ни для внутреннего разлада, ни для этических сомнений.

Норма всегда предполагается, но сравнительно редко находит себе позитивное выражение; она незримо присутствует под маской автократизма героев и вместе с тем ставит ему пределы. Ошибочно говорить об „аморализме“ гомеровских персонажей; проблема в том, чтобы отыскать социальные истоки этой „морали героев“, в которой так резко выдвинуты на первый план личные побуждения к богатству и славе и сравнительно мало укреплены моменты санкции.

Исследователи ищут объяснения в общественных условиях неспокойной эпохи колонизации малоазиатского побережья; смелым набегам и грабительским экспедициям вождей, собиравших вокруг себя дружины витязей, неизбежно сопутствовала ломка родового быта и родовой морали; власть вождя приобретала почти неограниченный характер. В песнях, которые составлялись придворными или дружинными певцами, моменты погони за славой и добычей должны были занимать видное место.

Мы имели, однако, возможность убедиться в том, что для гомеровских поэм та стадия разложения родового быта, которая соответствует этому реконструируемому веку „колонизации“, уже отошла в область прошлого. Разумеется, эта эпоха многими чертами отложилась в греческом эпосе; при отсутствии всяких исторических данных, здесь трудно разграничить микенские и позднейшие элементы; но в целом было бы ошибочно искать у Гомера отражения реальной картины нравов века колонизации. Прославление военной удали героев происходит в значительной мере ретроспективно, а суровый колорит саги не вызывает сочувствия. Нравы стали мягче. Надменность, жестокость, насилие не симпатичны певцу, который предпочитает акцентировать лишь лицевую сторону „героических подвигов“. Материал саги далеко не всегда поддается переработке в этом направлении, но даже в отношении к неприятелю, где гомеровская этика войны обычно не допускает проявления какой-либо мягкости, последняя книга „Илиады“ пытается внести ряд примирительных моментов. Еще более показательно то обстоятельство, что гомеровские герои почти совершенно свободны от предрассудков и суеверий, свойственных времени разложения родового быта и, в частности, тем социальным группам, для которых война является ремеслом. В гомеровских поэмах сага подана в очищенном виде, приноровлена к новой идеологии.

Автократизм гомеровских персонажей — не следует упускать из виду, что это обычно „цари“ — явление сложное. Перерождение ионийской военно-землевладельческой аристократии в торгово-рабовладельческую плутократию, зафиксированное в гомеровском эпосе на одной из своих начальных стадий, вело к окончательному изживанию родовой морали и

типичных для нее форм санкции поведения. Хозяйственная мощь индивида начинает превалировать над его значением как носителя мощи рода: „человек — деньги“,— гласит греческая поговорка этого времени. Неудивительно поэтому, что в этике гомеровской аристократии так усиленно выдвигаются моменты стремления индивидуума к богатству и славе. С другой стороны, нарождающиеся производственные отношения с их новыми формами государственного строя встречают робкую оппозицию со стороны певца, который, освобождая своих героев из-под власти рода, не подводит их еще под юрисдикцию государства и апеллирует к сословной чести „лучших“ и традиционным нормам поведения, как единственному ограничению самостоятельности индивида. Гомеровская этика словно висит в воздухе, и это отражает реальные противоречия в идеологии ионийской знати. Модернизованный автократизм героев саги, вождей и „царей“ прошлого, перекликается с современными поэту тенденциями; но, лишенный старой базы, он не может получить нового обоснования у идеолога частично отмирающей, частично перерождающейся прослойки. Здесь, как и во многих других случаях, цельность гомеровского изображения достигается лишь суверенным игнорированием проблем, которые нарушили бы мнимую картину социального благополучия.

* * *

Специфические особенности „гомеровской“ идеологии нигде не проявляются с такой степенью яркости, как в сфере религиозной, в области представлений о богах и загробной жизни. И, быть может, нигде картина, развернутая эпосом, не заслонила так резко, в сознании позднейших времен, реальных верований и культовой практики греческих общин. Привычные, канонизированные и литературой и искусством — в древности и в новое время — образы греческой религии и мифологии в основном покоятся на гомеровской концепции. Однако концепция эта чрезвычайно далека и от гражданской религии греческих государств, и от верований народных масс, и от богословской спекуляции религиозных реформаторов. „Поэтическая“ религия греков занимает совершенно особое место в истории античной культуры и представляет собой первую попытку рождающейся античной формации — преодолеть „табу“ и архаическую связанность религиозных представлений, и в этом смысле первый шаг к созданию новых форм идеологии, к науке и философии.

Позднейшие греки считали „Гомера“ систематизатором, в известной мере творцом своих представлений о богах. Геродот полагал, что Гесиод и Гомер „составили для эллинов родословную богов, снабдили имена божеств эпитетами, поделили между ними достоинства и занятия и начертали их образы“. Художники рассматривали гомеровские описания богов как канонические. Правда, гомеровская религия менее всего представляет собой какую-либо стройную систему. В этой сфере поэт больше, чем где бы то ни было, находится во власти саги и старинного материала;

в эпосе уживаются воззрения самых различных времен и стадий; зато силе сопротивления материала отвечает и повышенная энергия переоформления, стремление дать одним моментам решительный перевес над другими, произвести отбор традиции и переработать ее под определенным углом зрения.

Общественно-политический строй, установившийся в греческих областях с окончанием эпохи переселений, был поставлен в религиозном плане под покровительство верховного небесного бога Зевса, культ которого принесли с собой завоеватели. В натуралистическом аспекте Зевс — бог облачного неба и горных вершин, посылающий дожди, громы и молнии; как бог завоевателей, он занял первое место в официальной религии. Под его охраной мыслились государство, все социальные институты, правовые и этические нормы. Разумеется, культу Зевса пришлось столкнуться с многочисленными старинными культами, и признание верховенства Зевса было результатом длительной борьбы, ряд отзвуков которой сохранился в греческой мифологии. При этом Зевс иногда становился на место прежних богов, получая их имена в качестве эпитетов, а в ряде случаев совсем не вытеснял старых культов, получая место на ряду с ними. Эта совместность находила мифологическое оформление в том, что старинные божества признавались родственниками Зевса, братьями, сестрами, женами, детьми. С женскими божествами микенской культуры Зевс чаще всего вступал в „священный брак“, брак неба и земли, который представлялся источником плодородия. С другой стороны, во славу аристократических родов, стремившихся возвести свое происхождение к Зевсу, создавались многочисленные мифы о любовных связях Зевса со смертными женщинами. Многообразные скрещения старых и новых культов, варьировавшие в различных общинах соответственно местным условиям, обусловливали интенсивное мифотворчество, в значительной мере направляя его по линии установления генеалогических связей между божествами. Носителями этого мифотворчества по преимуществу являлись эпические певцы; поэты, а не жрецы, были идеологами господствующего военно-землевладельческого класса, и их роль в оформлении и распространении религии Зевса была, вероятно, очень значительна.

Классовые соотношения определяли собою и пронизывающий всю историю греческой религии дуализм между небесными и хтоническими божествами. Господствующий класс сохранил всю ту систему аграрной обрядности, которая, по старинным верованиям, обеспечивала плодородие, но аристократическая религия клала в основу резкий перевес мужских, „патриархальных“ богов над женскими, „матриархальными“. Религия богини-матери, представления о ее спутнике, умирающем и воскресающем боге плодородия, уходили в низы, цепко держась в верованиях подвластного земледельческого населения и всплывая на поверхность в эпохи социальных сдвигов. Взаимоотношения между культами складывались не одинаково в различных областях Греции. Партикуляризм греческих госу-

дарств имел своим последствием и религиозный партикуляризм. Община, стремившаяся к хозяйственной и политической самостоятельности, требовала культа местных божеств, специфических покровителей, которые были тесно увязаны в сознании почитателей с родной землей, со своими святилищами и священными участками, хотя бы теоретически эти боги мыслились и на небе и хотя бы они почитались и другими, быть может, даже враждебными общинами.

Между тем гомеровские боги — целиком небесные, „олимпийские“ боги. „Илиада“ развертывает картину небесного государства на Олимпе, где отдельные божественные фигуры уже в значительной мере утеряли свою изначальную самостоятельность, сохранявшуюся за ними в культе. Этим государством правит Зевс, „отец бессмертных и смертных“; сюда проникло уже разделение труда, и большая часть богов имеет свои специфические функции. Гениальный предшественник марксизма, Джамбаттиста Вико уже в XVIII веке усмотрел в гомеровском божественном государстве типичные черты аристократического строя. Зевс правит среди сонма главных богов, членов своей семьи, как земной царь среди знати. И, как земной царь, он очень озабочен поддержанием мирных отношений между строптивыми обитателями Олимпа. Это не местные боги греческих общин, они оторваны от локальных культов, будучи лишь рудиментарно связаны с местами своего почитания. Сюжет „Илиады“ содержит много следов того времени, когда новоселы греческого пантеона Зевс и Аполлон ощущались еще как враждебные греческим племенам боги, в то время как Гера, Афина и Посидон являлись древними божествами греков, восходящими к микенской эпохе. Но такого рода противоречия, сохраняясь в сюжете, отсутствуют в гомеровской концепции взаимоотношений между богами и порождают новые сюжетные мотивировки расслоения олимпийцев на враждебные лагери. У Гомера Зевс менее всего является чужим, неприятельским божеством, и просвечивающие в эпосе остатки племенной и местной закрепленности отдельных олимпийских фигур отражают соотношения далекого прошлого, более ранних стадий оформления саги, а не культовой современности гомеровского эпоса. Да и самое олимпийское государство ни в какой мере не базируется на культовых представлениях и не отвечает взаимоотношениям богов в культовой практике греческих общин. Характерно, что это противоречие дано в самом эпосе. Хотя боги живут на Олимпе, молящиеся никогда не обращаются туда с призывом: молитва направлена либо к небу, либо к земным местам реального культа. Исследователи вообще отмечают, что обрядовые действия и даже речи гомеровских персонажей гораздо более близки к действительным верованиям греков, чем картина божественного правления, изображенная в эпосе от лица поэта.

На гомеровском Олимпе нет места аграрным божествам, о них упоминается редко и вскользь. Хтоническая сторона греческой религии почти полностью выпадает из эпоса, присутствуя в нем лишь представлениями,

связанными со смертью и преисподней; впрочем, и эти представления, как мы вскоре увидим, далеко отходят от общепринятого культа. Культ фетишей, почитание богов в виде животных — явления, игравшие очень значительную роль в реальной религии, нашли отражение у Гомера лишь в совершенно рудиментарном виде. Гомеровские боги целиком антропоморфны; это — идеальные образы людей, отличающиеся от них величиной и силой. Уже одно создание таких образов свидетельствует о том, что гомеровская идеология далеко продвинулась по пути преодоления первобытного страха перед мертвой природой и животным миром.

Гомеровские боги вмешиваются в человеческую жизнь, помогая своим любимцам и преследуя недругов; но конкретная форма их вмешательства сравнительно редко имеет грубо-чудесный характер. Если оставить в стороне сказочный материал повествований „Одиссеи", не случайно вложенный в уста самому Одиссею и переданный, таким образом, не от имени поэта,— гомеровская форма предания, при сличении ее с другими традициями, обычно оказывается уже рационализованной. Певец устраняет такие элементы мифа, как неуязвимость Ахиллеса, которого мать купала в воде Стикса, как сказочный „безмолвный" брак Пелея и Фетиды, и даже в описании циклопа Полифема нигде прямо не сказано, что это чудовище имело лишь один глаз посреди лба. На общем фоне гомеровского отношения к сверхъестественному выделяются лишь некоторые центры сосредоточения архаического материала, например V книга „Илиады", с ее шапкой-невидимкой, копьем, прислоненным к туману, и особой кровью богов. В общем сверхъестественное у Гомера отличается от естественного количественно, мощью богов, превышающей человеческую мощь, но отнюдь не качественно.

Олимпийские сцены „Илиады" богато уснащены комическим элементом, резко контрастирующим с серьезностью развертывающихся на земле событий. „Бурлескный" характер этих сцен неоднократно вызывал осуждение со стороны античных моралистов; боги „Илиады" грубы, жестоки и мелочны. Примитивная грубость в раздорах между богами была дана поэту традицией, но характерно то, что он не устранил этого материала, а предпочел перевести его в несколько иронический, а иногда и фривольный план. Фантастическое божественное государство на Олимпе не является в сущности объектом религиозных верований ни для гомеровских героев, ни для самого певца, который очень далек от какого-либо скепсиса по отношению к божественному управлению миром. В эпосе можно даже заметить известную тягу к выработке абстрактных представлений о всемогуществе и всеведении богов, в первую очередь Зевса, хотя подобные концепции очень часто и оказываются в противоречии с сюжетным движением саги, исходящей из совершенно иных предпосылок. В дальнейшей истории греческой религиозной мысли концентрация монотеистических идей вокруг образа Зевса сопровождалась рационалистической критикой мифологии; гомеровская религия уже делает известные шаги

в этом направлении. Верования ставили на ряду с богами и даже выше богов Мойру, „судьбу“, „участь“, и эпос часто апеллирует к ее велениям; это представляло и технические удобства, поскольку в ведении сюжета „судьба“ могла лишь выполнять и оправдывать авторские намерения; но вместе с тем „судьба“ часто оказывается лишь проявлением воли богов, в частности Зевса, или простым орнаментальным привеском к божественному правлению. Противоречивость в концепции „судьбы“ неизбежно вытекает из того, что идея всемогущего бога находится еще в становлении. Одновременно с этим появляются сомнения в истинности знамений и оракулов. С другой стороны, этическое углубление греческой религии, сопровождавшее классовые бои VII—VI вв., лишь слегка коснулось гомеровского эпоса, главным образом в более поздней „Одиссее“; а религия Аполлона Дельфийского, под знаменем которой на материке собирались реакционные силы землевладельческой знати, осталась совершенно чуждой эпосу.

Эти особенности гомеровской религии вполне подтверждают те выводы о классовой позиции певца, к которым привел предыдущий анализ. Исключительное предпочтение, оказываемое небесным богам, игнорирование земледельческой религии являются ярким документом классово-аристократического отбора. Но глубокий отрыв от массовых верований и рационалистические тенденции в трактовке мифов свидетельствуют о том, что классовое расслоение продвинулось очень далеко, и господствующие классы Ионии успели отказаться от многих архаических предрассудков. В континентальной Греции процессы эти наступили значительно позже, отражая становление рабовладельческого общества. Естественно поэтому думать, что и в Ионии, где перерождение военно-землевладельческого класса в торгово-рабовладельческий произошло раньше, чем в прочих областях Греции, специфически античное преодоление табу было связано с становлением специфически античной рабовладельческой формации. Античный способ производства был новой, более высокой ступенью господства человека над природой и в значительной мере освобождал производственные отношения от первобытной связанности; идеологическим отражением этого было освобождение мысли от мифологических оков, переход от примитивного магического мышления к более развитому формально-логическому. Очеловечение богов и рационализация мифов в гомеровском эпосе — один из первых шагов по пути, который в дальнейшем привел — в первую очередь в той же Ионии — к радикальной критике мифологии и заложению основ греческой науки и философии. „Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки“ (Энгельс[1]).

[1] „Анти-Дюринг“, Гиз, 1931, стр. 162.

Очень возможно, что в своей противоположности к хтонической религии гомеровская концепция опиралась на какие-либо старинные представления завоевателей Греции, в культе которых преобладающую роль играло почитание небесных сил. В пользу этого свидетельствует и локализация богов на фессалийском Олимпе. Фессалия, с ее закрепощенным крестьянством, продвинулась дальше всех греческих областей по пути феодализации; здесь легче всего могли окрепнуть и представления о взаимоотношениях между богами, напоминающих структуру феодального государства. С другой стороны, Фессалия была одним из центров, где долго сохранялись вытесняемые ахейцы и откуда они перебирались на малоазиатское побережье; исторический путь ахейской саги ведет из южной Греции через Фессалию в эолийские, а затем и ионийские области Малой Азии и прилежащих к ней островов. В начале этого пути лежат события микенской эпохи, в конце — гомеровский эпос, отражающий первые стадии развития античной общественно-экономической формации.

* * *

Заслуживает внимания еще одна сторона гомеровской религии — область представлений о загробной жизни. От микенской эпохи к историческим временам идет непрерывная линия культа мертвых и культа героев.

Душа умершего требует жертв и возлияний, по временам выходит на поверхность земли, сохраняет восприимчивость к тому, что на земле происходит, и мстит за пренебрежение к себе. Местопребывание души может при этом мыслиться в непосредственной близости к могиле или где-то в Гадесе, в „невидимом царстве“,— неизменным остается представление, что мертвые активно воздействуют на живую жизнь. Вне этой предпосылки культ героев теряет всякий смысл. В числе прочих таинственных сил, живущих в глубине земли, мертвые рассматриваются как источник плодородия.

Совершенно иное у Гомера. Здесь душа, отделившись от тела, уходит в Гадес, где влачит жалкое существование, как бессильная немощная тень, совершенно оторванная от земной жизни, неспособная реагировать на действия живых. Традиционные погребальные обряды получают новое осмысление: так, надгробный холм насыпается не для того, чтобы быть жилищем умершего, а для сохранения памяти о нем у поздних потомков. Слава в потомстве — единственное реальное бессмертие для гомеровского героя. Мертвые спят „медным сном“; бледная тень, обитающая в „невидимом царстве“, не только не является квинт-эссенцией личности, но мыслится вообще как нечто раздельное от человеческого „я“. Как личность, человек лишен перспектив загробного существования,— эта мысль иногда омрачает радостность гомеровских героев. Лишь немногих своих любимцев боги уносят в Элисийское поле, где люди живут полной и

притом блаженной жизнью, но тогда момент смерти отсутствует. Избранники Элисия бессмертны, они унесены живыми и продолжают вести земное существование. Таково преобладающее представление о загробной жизни в гомеровском эпосе; в отдельных эпизодах (погребение Патрокла, нисхождение Одиссея в Гадес), где использован более архаический материал, на первый план выдвигаются концепции, более близкие к верованиям масс; впрочем, комплекс „смерть — загробная жизнь“ вообще принадлежит к числу тех областей, где очень легко уживаются взаимоисключающие друг друга представления.

В то время как микенская эпоха погребала трупы в земле и даже бальзамировала их, и погребение в земле осталось характерным и для позднейшей Греции,— в гомеровском эпосе прибегают исключительно к сожжению трупов. В реальном греческом быту трупосожигание имело место, но, судя по археологическим данным, которыми располагает современная наука, этот способ погребения применялся редко. Вопрос о происхождении гомеровского обычая не выяснен; существует предположение, что кремация внутренне связана с эпической концепцией загробной жизни: полное исчезновение тела соответствует представлению о душе, отрешенной от земной жизни. Как бы то ни было, эпический Гадес не менее далек от реальных верований, чем эпический Олимп. Гомеровская религия в этом пункте не только диаметрально противоположна хтонической, но и рационалистична по существу. Любопытнее всего то, что эпос отвергает культ героев и в сущности подрубает тот сук, на котором держится вера в реальность саги и ее персонажей. Эпический певец веры еще не утерял, но от его позиции до скептического отношения к мифическим героям путь недалек, и ионийская мысль вскоре этот путь проделала.

Э. Роде, выдающийся исследователь античной культуры, впервые выявивший все особенности гомеровской концепции загробной жизни, объяснял их тем, что эпоха переселений, заставляя покидать могилы предков, способствовала прекращению культа умерших,— таким образом отмирали и соответствовавшие культу верования. Сам Роде, однако, оговаривался, что это объяснение не затрагивает коренных причин ослабления культа мертвых и что гомеровские представления могут значительно отличаться от реальных верований. Действительно, чуждая обстановка, в которую попадали переселенцы, могла ускорить процесс перерождения психики, но основной причиной остается все та же секуляризация ионийского мышления, отразившая переход к античной общественной формации.

В сфере религиозных представлений ярче всего обнаружилась причастность эпического певца, прославлявшего „век героев“, к веяниям новой культуры, причастность, обусловленная противоречивым единством классового сознания перерождающейся аристократии. Гомеровский эпос отражает обращенную к прошлому сторону идеологии становящегося класса. Отмирающая культура переключается в эстетический план, в кото-

ром новое видение мира пытается охватить традиционные ценности.* Освобожденное от архаической связанности мироощущение переосмысляет идейное содержание саги, конструируя, в качестве реквизита, архаический культурный фон, стремясь сохранить колорит былого времени. Все мелкие противоречия „гомеровской культуры" вытекают из этого основного, ведущего противоречия. Поэмы Гомера — грандиозный синтез общинно-родовой Греции в условиях становящегося античного общества.

7

Не менее пятисот лет отделяют „Илиаду" и „Одиссею" от той эпохи, историческая обстановка которой составила фон греческой героической саги. Прочность эпической традиции способствовала сохранению не только общего рисунка политических соотношений, но и целого ряда деталей культуры и быта. Не зафиксированная ни в каких письменных памятниках, микенская эпоха была забыта, как история, но она преобразилась в мифологическое прошлое благодаря непрерывности культовой практики и непрерывности устного поэтического творчества. По отношению к западноевропейскому эпосу часто встает вопрос, не использован ли в поэмах — прямо или косвенно — исторический материал хроник,— греческий эпический поэт не мог иметь в своем распоряжении письменных источников, которые восходили бы к микенской культуре, и устный характер традиции здесь неоспорим.

Очень возможно, что гомеровским поэмам предшествовали уже те или иные записанные эпические произведения,— античность ничего о них не знала. Хотя предшествующее изложение показало, что теория „раннего Гомера" неудовлетворительна и что гомеровские поэмы должны быть отнесены к VIII–VII вв., все же они остаются древнейшими памятниками греческой литературы, дошедшими до нас. Гесиод или Архилох — в лучшем случае младшие современники гомеровского эпоса. Литературная история греческой саги до Гомера может быть реконструирована лишь на основании самих поэм; она отложилась в них рядом любопытных особенностей, истолкование которых требует, однако, очень осторожного подхода и постоянной оглядки на аналогичные явления других литератур.

Наиболее ясным и недвусмысленным характером отличаются показания гомеровского языка. „Илиада" и „Одиссея" написаны „искусственным" языком, объединяющим в себе формы двух диалектов: эолийского (т. е. северно-ахейского) и ионийского. Объединение это не основано на каком-либо реальном „смешении" диалектов в местах совместного жительства эолян и ионян: живая ионийская ткань гомеровского языка испещрена архаическими „староэолийскими" узорами, крепко увязанными с привычным ритмическим ходом стиха, очень частыми в традиционных формулах. Отсюда очевидно вытекает, что ионийской стадии эпического языка предшествовала более ранняя — эолийская — стадия; это тем более

естественно, что творцами саги были, как мы уже знаем, ахейцы, а не ионяне. Эпический стих, гекзаметр, и ряд эпических формул были, таким образом, подготовлены задолго до гомеровских поэм,—ионийские певцы, осваивая развитое уже искусство эолян, создали специфический литературный язык эпоса.

Что такие сложные поэмы, как „Илиада" и „Одиссея", могли явиться лишь продуктами долгого развития эпического мастерства, ясно само собой. О характере предшествующих стадий можно лишь догадываться. Некоторые указания содержатся, однако, и в самих поэмах. „Илиада" почти не упоминает об аэдах, профессиональных певцах: бездействующий Ахиллес сам услаждает свою душу звонкой лирой, воспевая „славу мужей" (технический термин, обозначающий песни о героях). Музыкальное образование и в более позднее время оставалось классовым признаком греческой аристократии, но это нисколько не исключало наличия профессионалов эпического пения. Фигура аэда могла казаться недостаточно архаической или не вполне подходящей к военной обстановке; в „Одиссее", где развернута картина мирного быта, певцы встречаются неоднократно. Они составляют необходимую принадлежность царского двора; обязанность аэда — услаждать пирующих у царя гостей. Аэд исполняет песни небольшого размера, выбирая темы из сказаний о героях и богах и сопровождая исполнение бряцанием на лире; поет он по „божественному вдохновению", т. е. скорее импровизирует, чем исполняет готовые песни с закрепленным текстом. Такая полуимпровизационная стадия эпического песнопения засвидетельствована у многих народов, и современные фольклористы нередко наблюдали ее в живом бытовании. Русский сказитель былин или сербский гусляр, дважды исполняя одну и ту же песню, не повторяют ее механически. Певец запоминает общий ход сюжета и по-своему оформляет его, имея в своем распоряжении богатый запас „типических мест", т. е. традиционных ситуаций, описаний, сравнений, эпитетов и т. п. Исполнение песни — творческий, а не механический акт, и у разных певцов песня звучит совершенно по-разному, в зависимости от индивидуальности исполнителя или его „школы". Современные наблюдения чаще относятся, однако, уже к периоду отмирания эпических песен, как пережитка феодальной культуры в крестьянских массах. Живущая и развивающаяся песня требует еще большей импровизационной свободы певца; новое и интересное событие немедленно получает свое эпическое оформление.

Как говорится в „Одиссее", слушатели больше всего любят „новейшую" песню, т. е. на свежую тему; это подтверждают и показания фольклористов там, где эпос еще не закостенел. Героическая сага, отнесенная к идеальному прошлому, требует иного способа реагирования на актуальные явления, но и она, постоянно приспособляясь к условиям времени и места, по существу не допускает вполне твердого зафиксированного текста. Полуимпровизируемая песня небольшого размера может с значительной

вероятностью быть реконструирована в качестве этапа, предшествующего гомеровскому эпосу. В германском эпосе налицо та же последовательность; аналогия тем более убедительна, что общественные условия догомеровской Греции, разложение родового быта и тенденции к феодализации представляют много общих черт с эпохой феодализации Западной Европы, для которой именно и характерна песенная стадия эпоса. Как и у большинства других народов, греческий эпос следует представлять себе как тягучую, монотонную напевность, которую время от времени сопровождают или прерывают звуки струнного инструмента. Структура гомеровского гекзаметра дает основание предполагать, что он возник из слияния двух более коротких стихов, которые, быть может, некогда произносились двумя чередующимися исполнителями, наподобие древнегерманских или финских песен; но для специфического „пения“ аэда гекзаметр мог быть уже вполне пригодным и как целое.

„Одиссея“ вводит аэдов в героическую обстановку; но самые гомеровские поэмы рецитировались уже иначе. Место импровизатора-аэда занял декламатор-рапсод, уже не принадлежность царского двора, а странствующий певец, исполнявший перед незнакомой ему аудиторией более или менее закрепленный текст; так в Западной Европе жонглеры и шпильманы сменили прежних певцов в эпоху создания поэм большого стиля. Функция художественного творчества отделилась от функции художественного исполнения, хотя бы они по временам и объединялись в лице рапсода, декламировавшего свои собственные произведения. Античность всегда представляла себе „Гомера“ рапсодом. Центр тяжести переходит на исполнение, которое обставлялось с большой торжественностью. Роскошно разодетый артист, покрытый золотым или лавровым венком, держал в руке жезл, символ магической власти и права слова на собрании (см. комментарии к „Илиаде“, I, 234). Старинная лира уже была не нужна; рапсод декламировал, сопровождая свое чтение оживленной жестикуляцией. „Илиада“ и „Одиссея“ рассчитаны на рапсодическое исполнение и предполагают письменную фиксацию текста. Об этом свидетельствует не только самый размер поэм (емкость репертуара певцов бывает очень велика), но и сложность их структуры: исследователи отмечают, что тонкая словесная вязь речей, вложенных в уста действующих лиц „Илиады“ и „Одиссеи“, немедленно распалась бы, если бы поэмы были предоставлены на произвол устной импровизации. Сохраняя еще многие особенности песенной поэтики, „Илиада“ и „Одиссея“ являются связными и цельными поэмами, которые хотя и могут исполняться по частям, но так, что каждая часть является лишь рапсодически законченным эпизодом, главой в контексте целого. Вне интерпретации рапсода гомеровский текст часто должен был оставаться темным и маловыразительным. Проще всего было бы предположить, что поэмы Гомера изначала были предназначены для сплошного исполнения несколькими певцами, как это имело место позже на панафинейском состязании. Обстановкой

могло служить какое-либо празднество, продолжавшееся несколько дней. Иначе пришлось бы допустить, что „Илиада“ и „Одиссея“ были уже задуманы как книги для чтения, что, конечно, возможно при высоком культурном уровне Ионии. Вопрос, однако, должен остаться открытым за отсутствием каких-либо данных об исполнении поэм в дописистратовское время.

Условия перехода от песни к поэме — один из самых сложных и трудных вопросов исторической поэтики. У многих народов эпическое развитие остановилось на песенной стадии и не привело к образованию поэм большого стиля (например, русский, сербский, эстонский эпос); финские руны были объединены Ленротом в „Калевалу“, но работа ученого собирателя XIX века, исходившего из романтического постулата о первичном единстве „народного“ эпоса, не может служить аналогией, уясняющей происхождение поэмы как жанра. В ряде случаев, где имеются эпические поэмы, соответствующие им песни не сохранились: по отношению к французским chansos de geste самый факт песенной стадии, как этапа, предшествующего поэмам, оспаривается господствующей в настоящее время теорией (Бедье). В германском эпосе представлены обе стадии. Новейшая теория развития германского эпоса, принадлежащая А. Гойслеру (A. Heusler), усматривает основное морфологическое различие между песней и поэмой в стилистических моментах. Сжатой концентрированности песенного стиля противостоит „распространенный“ стиль поэмы. Поэма создается не путем нанизывания отдельных песен, а в процессе „разбухания“ песенного стиля, когда в сюжетную рамку песни вводится все новый и новый материал, в том числе материал статического типа, медитативный и описательный. В основе поэмы, которую Гойслер представляет себе уже „книжным“ эпосом, лежит совершенно иной стилистический принцип, чем в основе песни, — принцип, вызванный потребностью к психологическому углублению сюжета. Наблюдая в пределах песенного стиля тенденции к „разбуханию“, Гойслер считает однако, что германский книжный эпос не возник органическим путем: оформление больших поэм опиралось на иностранные образцы. Так, „Песнь о Нибелунгах“ создается уже на основе романской поэзии XII века, за которой стоит Вергилий, „стало быть, в последнем счете — Гомер, прародитель западноевропейского героического эпоса“.

Если конструкция Гойслера правильна, германский материал, не представляя еще решающих критериев в вопросе о переходе песни в поэму, позволяет уточнить соотношение между этими двумя видами эпоса. Поэма качественно отлична от песни. Количественное „разбухание“ песни еще не создает качественного отличия. В Германии переход к новому качеству был во всяком случае облегчен использованием импортного материала; по отношению к греческому эпосу это последнее не могло иметь места. В Греции качественное изменение произошло совершенно самостоятельно.

* * *

Вполне естественно было бы поставить вопрос, не связан ли на греческой почве переход от песни к поэме с той же эпохой становления античного способа производства, которая отразилась в гомеровской идеологии. Поскольку нельзя с уверенностью сказать, что „Илиада“ была первой развернутой поэмой греков или что первые большие поэмы появились незадолго до гомеровского эпоса, точный ответ на этот вопрос невозможен. Но если оставаться в рамках „Илиады“ и „Одиссеи“, не трудно убедиться, что принципы внутренней структуры гомеровских поэм, определяющие их „распространенный“ стиль, прочно связаны с основными тенденциями ионийской культуры, развертывавшимися в период возникновения античного общества. В противоположность архаической эпике, которая сосредоточивает внимание на ходе основного действия, никогда не теряя его из виду, и оперирует небольшим количеством лиц и ситуаций и ограниченным бытовым реквизитом,— для гомеровского эпоса характерно стремление к показу экстенсивного, но в то же время строго расчлененного, отдифференцированного многообразия. Мир образов Гомера чрезвычайно велик; несмотря на строгость классового отбора, в поэмах собран огромный и разнообразный материал,— недаром они могли казаться „энциклопедией древности“,— и рассыпано множество наблюдений. Интерес к материалу, как к таковому,— мифологическому, этнографическому, военному, медицинскому,— дает знать о себе на всем протяжении поэм. Редкие мифы, старинные и непонятные обычаи, особенности земель и народов привлекают внимание поэта. Наука еще не отделилась от поэзии: дидактический эпос Гесиода и его школы вскоре поставит себе задачей собирание и систематизацию мифов и составление перечней богов и героев; первые шаги ионийской науки будут направлены в сторону разработки историко-географического и этнографического материала, с одной стороны, естественно-научного, в частности медицинского — с другой. Не преследуя непосредственно дидактических целей, гомеровский эпос свидетельствует о наличии предпосылок для будущего развития ионийской науки, об острой наблюдательности и многостороннем интересе к природе и общественной жизни. „Перечень кораблей“ во второй книге „Илиады“ уже является прямым собиранием историко-географических и этнографических сведений; правда, „перечень“ обычно считается позднейшей вставкой (см. комментарии).

Поданный в „Илиаде“ и „Одиссее“ огромный материал в общем подчинен художественному заданию, организующему единство каждой поэмы; но разработке отдельных частей уделено гораздо больше внимания, чем сцеплению между частями, которое зачастую мотивируется очень небрежно. Обе поэмы делятся на эпизоды с самостоятельным сюжетным движением, иногда с самостоятельными зачинами и концовками. Эта „многовершинность“ действия приводит к тому, что драма-

тическая патетика части заслоняет общее движение целого, и поэт напоминает об общей ситуации, вставляя отдельные ремарки или перебивая одно действие элементами другого. Эпизод, в свою очередь, очень четко членится на более мелкие части, обычно с таким же взаимоотношением части и целого. Чем мельче часть, тем она рельефнее; особенно тщательно отделываются детали. Мы имеем, таким образом, композицию кусками, скульптурными единицами; но они не распадаются, а постоянно друг с другом соотносятся. „Композиционное искусство поэта развертывается в параллелях и контрастах, в вариациях, поворотах, перебоях и подъемах действия, в волнующих ретардациях и внезапных переломах“ (Дреруп). Иногда замечается даже строгая, почти симметричная архитектоника эпизодов. Несмотря на дробность членения, композиционные единицы почти всегда разнообразны. В „Илиаде“ много описаний боев, но они не повторяют друг друга, а внутри каждого описания представлены многообразные этапы боя; повторение ситуации обычно дается уже с вариантами. В большом и малом поэт компонирует расчлененное многообразие дифференцированных и соотнесенных в ходе действия объектов и ситуаций.

То же имеет место и в показе характеров. Галлерея гомеровских фигур очень разнообразна, и каждой фигуре присущи ярко выраженные индивидуальные черты, в противоположность типическим образам примитивной эпики, оперирующей небольшим количеством штампованных персонажей. Прямая характеристика встречается редко; характеризуя героев действиями и речами, гомеровские поэмы не повторяют своих фигур. Образ „жены“ представлен в „Илиаде“ Гекубой, Андромахой и Еленой, в „Одиссее“ — Пенелопой, Еленой и Аретой, — и все эти образы совершенно различны; несмотря на многочисленность греческих вождей, собранных под Троей, все характеры индивидуализированы. Четкая отделка характерологических черт богов также принадлежит эпосу, а не культу. Развитой наблюдательности к путям человеческого поведения соответствует и более углубленная трактовка сюжета: носителем действия становится твердо зафиксированный в своих индивидуальных особенностях облик героя. Гомеровские образы статичны, им недоступно внутреннее развитие; но скульптурно они вполне закончены. Перед слушателем нередко проходит в одном эпизоде целая вереница образов; заметно стремление сопоставить их хотя бы путем последовательной подачи одного образа за другим: техника массовых сцен находится еще в зачаточном состоянии.

Преодоление архаической условности и комплексности мировосприятия, умение усмотреть дифференцированную многогранность мира, свойственное ионийской культуре вообще и гомеровскому эпосу в частности, немыслимо в обществе эпохи родового быта. Мы уже наблюдали этот процесс, когда речь шла о рационализации мифов и очеловечении богов. Предпосылкой идеологического переворота является разрушение вековой

связанности производственных отношений, усложнение и дифференциация общественной структуры. Знание природы расширяется экстенсивно и поднимается на более высокий уровень в освобождении мысли от оков мифологического миросозерцания. В этом глубочайшая основа гомеровского мировосприятия, являющаяся и результатом и фактором распада мифологической картины мира, а стихийная сила свежего видения мира обусловила жизненность и многовековую суггестивность поэм. Если „развернутый“ стиль поэм обусловлен именно этим многогранным видением мира, то и образование греческого эпоса должно быть поставлено в связь с становлением античного общества в Ионии. Западноевропейское феодальное общество создает эпос тоже лишь в становлении светской „рыцарской“ культуры.

* * *

Античное общество впервые создало рациональное мировоззрение, но не выработало в его плане динамического отношения к миру, и на всей античной культуре лежит печать формального схематизма. В этой области — наивысшие достижения античной культуры, и здесь ее слабость. Но на заре античного общества, в гомеровском эпосе, красочное многообразие статической картины мира сочетается с многочисленными элементами не изжитой еще архаики. Современный читатель, даже взяв правильную установку к восприятию поэм Гомера, склонен будет останавливать свое внимание именно на остатках примитивной эпики.

От песенной, полуимпровизационной стадии в гомеровских поэмах сохранилось чередование сжатого и торопливого изложения с замедленным, детализирующим,— постоянное употребление „типических мест“, „стоячих“ эпитетов, застывших формул. Повторяются целые стихи и группы стихов. Высчитано, что в „Илиаде“ и „Одиссее“ число стихов, повторяющихся целиком или с незначительными отклонениями, достигает 9 253, т. е. трети всего состава поэм. Эта особенность, хорошо известная и из эпоса других народов, является не только пережитком песенной стадии,— она в известной степени связана с условиями восприятия поэм слушателями при устном исполнении. Наиболее часто повторяющиеся традиционные формулы являлись для слушателей паузами, моментами отдыха и ослабления внимания, а иногда бывали необходимы и для правильного понимания слышанного. В диалоге реплики всегда вводятся формулой, указывающей, кому реплика принадлежит; например:

Быстро к нему обратяся, вещал Агамемнон могучий.

Если за репликой следует повествование, оно открывается указанием на то, что реплика закончена — „Рек...“. Такие формулы позволяют следить со слуха за движением диалога и предохраняют слушателя от ошибки.

Значительные своеобразия получаются и от того, что, несмотря на

сложность и многопланность действия, рассказ ведется, как и в старину, прямолинейно во времени. Сюда относится открытый Ф. Ф. Зелинским „закон хронологической несовместимости“ у Гомера. Когда нужно сообщить два одновременных события, они либо подаются как последовательные, либо одно из них вовсе опускается. Если параллельно текут несколько линий рассказа, получаются частые перебои, связное действие расщепляется на отдельные куски. Когда действие ведется одновременно в земном и в олимпийском плане, эти планы могут перекрещиваться, и получаются двойные мотивировки одного и того же события — волею людей и волею богов („закон двойного зрения“ Ф. Ф. Зелинского). „Божественное вмешательство“ часто приходит на помощь поэту, когда он хочет мотивировать неожиданный ход действия.

Многопланность повествования предохраняет его от однообразия. Так, олимпийские сцены „Илиады“ вносят более легкий тон в суровое настроение земного действия. Но в гомеровском эпосе применяются и другие средства. Рассказ прерывается введением статического материала: сентенции, размышления, вложенные в уста героев, речи и эффектные описания оживляют повествование. Но совершенно особое место занимают в этом отношении „гомеровские“ сравнения, зачастую развертывающие перед слушателями целую картину, лишь незначительно связанную с ходом рассказа. Героическая стилизация саги перебивается в них картинами природы или образами отличной от героических времен культурной среды. Самый прием сравнений является традиционным в эпике; по содержанию некоторые сравнения даже архаичны,— но поэт пользуется ими для создания контрастного, чаще всего современного фона; они вводят или замыкают эпизоды или прерывают монотонные описания боев.

С традицией эпики связан и безличный тон повествования. Сага, претендующая на историческую достоверность, не может рассматриваться как вымысел певца. Отсюда формула обращения к Музе, от которой певец получает свое „знание“ о прошлом. Высказывания от лица автора и авторские оценки очень скупо рассыпаны по гомеровским поэмам. Послегомеровский эпос уже отошел от этой безличности изложения, которая создает иллюзию гомеровской „объективности“.

8

Пока эпическое творчество не было отделено от исполнения, и прозвучавшая песня бесследно исчезала, аэд-импровизатор еще не был автором нигде не зафиксированного „произведения“. Книжный, закрепленный эпос уже может ставить вопрос о творце, но безличный тон повествования на первых порах не вызывает особого интереса к автору. Традиционная эпическая стилизация исключает возможность упоминания имени автора в тексте поэмы,— прием, к которому прибегали дидактические и лирические поэты греков. В декламационных выступлениях рапсодов

исполнитель интересовал аудиторию больше, чем автор текста. Эпические поэмы часто остаются безыменными. Мы не знаем, кто был автор „Песни о Роланде“ или „Песни о Нибелунгах“. Послегомеровский эпос уже связан с определенными именами, но эти имена зачастую еще колеблются в традиции, и поэмы приписывались различным лицам. Что до „Илиады“ и „Одиссеи“, то они в античной традиции совершенно определенно связаны с именем поэта, с Гомером.

Но тут вступает в свои права „гомеровский вопрос“.

Античность и Новое время вплоть до XVIII века, в сущности, не знали гомеровского вопроса. У бесчисленных читателей „Илиады“ и „Одиссеи“, как в эпоху, близкую к составлению поэм, так и отдаленную от них двумя с половиной тысячелетиями, не возникало сомнения в том, что поэмы представляют собой плод творчества индивидуального автора. Традиция приписывала обе поэмы одному лицу и называла его Гомером. Вокруг этого имени в древности циркулировали многочисленные легенды, создавались фантастические измышления. Неизменным в потоке предания оставалось только имя; обо всем прочем спорили: о месте рождения, о времени жизни, о составе литературного наследия. Самый характер измышлений в античных биографиях свидетельствует о том, что древние не располагали никакими материалами для биографической канвы. Тут и таинственное внебрачное рождение,— конечно, от бога,— и личное знакомство с мифическими персонажами эпоса, и странствия по тем городам, которые считали Гомера своим гражданином, и украденные у Гомера рукописи поэм, относительно авторства которых существовали споры,— прозрачные и наивные попытки заполнить пустое место гомеровской биографии. В одном из стихотворений, приписываемых Гомеру, в гимне Аполлону Делосскому, говорится о слепом певце, живущем на Хиосе, и Гомер стал в традиции слепцом: образ, канонизированный искусством. Самое имя, вполне мыслимое как имя собственное, иногда истолковывалось в древности и в настоящее время как нарицательное имя — „слепец“, „провожатый“, „заложник“, и в связи с этими толкованиями творились новые легенды. На Хиосе существовали какие-то „гомериды“,— неизвестно, род или корпорация; гомеридами назывались и рапсоды. Надо полагать, что они чтили Гомера, как предка или „героя“, но отсюда еще не следует, что этот предок или герой был исторической личностью.

Дело, однако, не в реальности имени. Серьезнее то, что имя это имело почти собирательный характер. Гомеру приписывались очень многие эпические произведения, из которых лишь позднейшая критика отобрала „Илиаду“ и „Одиссею“ как подлинные. Между тем уже древнейшее упоминание имени Гомера, у ионийского элегика Каллина, в первой половине VII века, связывает его с другой поэмой, „Фиваидой“. Гомер считался автором пародийной поэмы о герое-дурачке („Маргит“) и ряда поэм так называемого эпического цикла, для которых впоследствии отыскались другие авторские имена; под именем Гомера до нас дошел сборник

эпических гимнов и мелких стихотворений. Критика V века, отделяя подлинного Гомера от неподлинного, не имела в своем распоряжении какой-либо исторической традиции. По меткому выражению Ницше, Гомер, как автор „Илиады“ и „Одиссеи“, является не исторической традицией, а эстетическим суждением. Две наиболее выдающиеся эпические поэмы были выделены из общей массы и приписаны Гомеру. В более позднее время возникали спорадические сомнения в принадлежности обеих поэм одному лицу. Тогда за Гомером оставляли одну „Илиаду“, которая считалась художественно более совершенной, или объясняли различие между „Илиадой“ и „Одиссеей“ тем, что Гомер написал первую поэму в молодости, а вторую — уже будучи стариком.

Античные сомнения шли, однако, и дальше. Филологи эллинистической эпохи, изучавшие и комментировавшие гомеровские поэмы, замечали в них неувязки, противоречия, излишние повторения. Причину этих неувязок обычно видели в искажении подлинного гомеровского текста, пострадавшего от различного рода дополнений и вставок. Такова была точка зрения видных александрийских филологов, работавших над вопросами канонического текста поэм. Более радикальное направление не удовлетворялось гипотезой интерполяций. В движении сюжета находили такие недостатки, которые нельзя было объяснить одними вставками. Приписывать эти недостатки самому автору, Гомеру, решались очень немногие. Особенное внимание обращало на себя противоречие между законченностью отдельных частей и неувязками в композиции целого. Чтобы выйти из этого затруднения, прибегли к довольно сложной и любопытной конструкции.

Известно было, что в VI веке афинский тиран Писистрат учредил на панафинейском празднестве состязание рапсодов, исполнявших гомеровские поэмы по частям, но в последовательности текста. Повидимому, при этом был установлен и некоторый официальный текст. В ученой литературе IV века уже встречаются указания, — вероятно, основательные, — что этот текст содержит несколько интерполяций, прославляющих Афины. Предание о редакторской работе, проделанной над гомеровскими поэмами во времена Писистрата, послужило отправным пунктом для нового построения. Гомер, согласно этой гипотезе, не оставил своих поэм в письменном виде; они сохранились лишь в памяти певцов, в виде отдельных, разрозненных частей; по поручению Писистрата, разрозненные песни были записаны и объединены в цельный текст. Писистрат, таким образом, восстановил утраченную было цельность поэм. Письменной фиксации гомеровского эпоса предшествовал период, когда устная традиция расколовшихся частей могла исказить первоначальный замысел, — отсюда противоречия между отдельными частями. С другой стороны, и писистратовские редакторы могли ошибиться и не угадать намерений поэта. Так, высказывалось предположение, что „Долония“, десятая книга „Илиады“, была написана Гомером особо, вне общей связи эпоса, и включена в

„Илиаду“ только писистратовскими редакторами. В пользу такой концепции истории гомеровского текста античные ученые, повидимому, приводили и другие соображения: гомеровские герои не знают письменности, от эпохи троянской войны не сохранилось никаких письменных памятников,— поэтому легко допустить, что и сам Гомер еще не пользовался письмом. Так, в недрах античной науки созревали предпосылки для постановки „гомеровского вопроса“: налицо были и внутренние побудительные мотивы и исторические аргументы, без изменения воспринятые основоположниками современной „гомеровской критики“. Нехватало лишь одной, революционной идеи — сомнения в первоначальной целостности поэм. В представлении античности гомеровский эпос оставался величайшим литературным памятником, нормой эпоса, а Гомер — величайшим поэтом; несовершенства поэм могли объясняться одними лишь искажениями; радикальная критика пыталась глубже проникнуть в причину искажений, чем это умела сделать теория интерполяций, но античность не выходила за пределы догмата об изначальном совершенстве, а стало быть, и целостности „Илиады“ и „Одиссеи“, и не могла отказаться от идеи единого автора если не обеих поэм, то по крайней мере каждой из них. Впрочем, и в античности было немного сторонников изложенной радикальной теории. А для постановки „гомеровского вопроса“ нужна была эпоха, литературное сознание которой перестало бы воспринимать гомеровский эпос как художественную цельность или считало бы возможным осмыслить эту цельность, не связывая ее с творческим замыслом индивидуального автора.

Французский классицизм XVII века давал резко отрицательную оценку „Илиады“ и „Одиссеи“. Для господствующего литературного вкуса этой эпохи общий тон и стиль гомеровских поэм казались недостаточно „возвышенными“, чувствования — недостаточно „благородными“. Нормативной поэмой признавалась не „Илиада“, как в античности, а „Энеида“ Вергилия. В атмосфере литературных споров о сравнительных достоинствах греческого и римского эпоса, с одной стороны, древней и новой литературы — с другой, родилась мысль использовать античное предание о писистратовской редакции для окончательного развенчания „Илиады“. Аббат д'Обиньяк доказывал, что недостатки в построении „Илиады“, как то: отсутствие единого плана, единого героя, повторения и противоречия, однообразие приемов,— являются недостатками лишь в том случае, если рассматривать „Илиаду“ как единое целое, как большую поэму. Но, по античным сведениям, „Илиада“ долгое время не была записана; между тем такое большое произведение немыслимо без первоначальной записи. Очевидно, единой поэмы и не было, как и не было никакого Гомера. Было множество поэтов, сочинявших отдельные стихотворения об осаде Трои. По отношению к этим самостоятельным, не связанным между собою стихотворениям не применимы упреки, которые делаются „Илиаде“ как целому. „Илиада“ — не единая поэма, а работа компилятора, механически объединившего ряд самостоятельных произведений.

Трактат д'Обиньяка, написанный в 60-х годах XVII столетия, но опубликованный лишь в 1715 году, прошел почти незамеченным. Проблема устной словесности еще не стояла на очереди. Непонятной для современников осталась и замечательная концепция Джамбаттиста Вико, который сумел усмотреть в картине гомеровской культуры хронологически последовательные стадии и, правильно отнеся поэмы к эпохе около 700 года до христианской эры, считал Гомера „наполовину“ персонификацией многовековой эпической поэзии греков; у Вико уже намечается, хотя и в неясных очертаниях, центральный пункт гомеровской проблемы — вопрос о взаимоотношении между поэтом и отложившейся в поэмах историей. Почву для постановки „гомеровского вопроса“ создал лишь повышенный интерес XVIII века к проблеме „естественного“ или „народного“ поэта. Буржуазная стихия в литературной теории XVIII века принесла с собою новое отношение к „дикой красоте“ и „естественности“ поэм Гомера, „оригинального гения“, творившего вне всяких искусственных „правил“ и самостоятельно читавшего книгу природы. В противоположность классицизму, для которого Гомер и Вергилий были явлениями одного порядка, идеология подымающейся буржуазии, особенно в Англии, вырыла глубокую пропасть между „естественным“ и „искусственным“ эпосом. Гомер оторвался от книжного эпоса и попал в другую сферу; его сопоставляли с певцами староанглийских баллад. Образ „естественного“ поэта глубокой древности нашел воплощение в созданной Макферсоном фикции кельтского певца Оссиана, песни которого будто бы сохранились в более чем тысячелетней устной традиции бардов. В идеях Гердера „естественная“ поэзия раскрылась как поэзия „народная“, как самобытное проявление национального духа. Такого рода теории открывали возможность по-новому подойти к поэмам Гомера: если „народный“ эпос принципиально отличен от книжного, если художественная ценность „народного“ творчества — в слиянности творцов с национальным духом,— вполне мыслимо художественное единство произведения, основанное только на единстве „народного“ сознания и не имеющее индивидуального автора.

Когда в 1795 году Фридрих-Август Вольф выпустил „Введение к Гомеру“, положившее начало современному „гомеровскому вопросу“, он в сущности лишь повторил, хотя и в гораздо более научной форме, аргументы своих предшественников относительно позднего возникновения греческой письменности и немыслимости большого эпоса без письменного закрепления; античные сообщения о писистратовской редакции он перетолковал в том смысле, будто, по единодушному свидетельству древности, при Писистрате был впервые установлен и записан связный текст. Сохранение песен до их записи Вольф приписывает школам рапсодов по аналогии макферсоновских бардов. Он не делает радикальных выводов и большую часть песен „Илиады“ приписывает — опять по макферсоновскому образцу — индивидуальному Гомеру; позднейшие поэты сочинили ряд других песен, которые сохранились в рапсодической традиции вместе

с подлинным Гомером и объединены с ним при Писистрате. Но эта уступка традиции никого не заинтересовала; современники увидели в доводах Вольфа исторически документированное подтверждение своих излюбленных литературных теорий, и „Введение к Гомеру" вызвало со всех сторон оживленные отклики. Молодой вождь романтического движения, Фридрих Шлегель, сразу же выявил все особенности новой постановки вопроса. Единство гомеровских поэм есть единство саги, единство „творящего народа"; Гомер как индивидуальность исчезает, растворяется в совокупности эпических певцов, которые все с равным правом являются „гомеровскими". Задача исследования не в том, чтобы отличить подлинного Гомера от неподлинного, а в том, чтобы отделить творчество эпических певцов от редакторской обработки. Анализ поэм должен выяснить условия их возникновения.

Так начался не решенный еще в науке спор между „аналитиками", разлагавшими гомеровские поэмы на части, и „унитариями", защищавшими монолитность поэм. С 1795 года этот спор уже успел пройти через ряд стадий; позиции сторон неоднократно менялись, менялись и границы, отделяющие оба лагеря. В настоящее время противоположность взглядов не только не сгладилась, но даже обострилась; „солидные" критические журналы предпочитают даже не принимать рецензий на книги по гомеровскому вопросу. В пределах настоящей статьи можно наметить лишь основные моменты, составляющие сущность спора. Детали читатель найдет во вступительных статьях к „Илиаде" и „Одиссее" и в комментарии.

* * *

Действенная сила аргументации Вольфа в значительной мере заключалась в том, что она была основана на критериях, лежащих вне эпоса. Вольф доказывал, что греки не имели до VI века развитой письменности, и ссылался на античные свидетельства об объединении отдельных песен во времена Писистрата. Таким образом, уже заранее было известно, что поэмы Гомера не цельные произведения, а собрания самостоятельных песен. С этой позиции была ясна задача анализа поэм, и можно было ожидать, что анализ приведет к научно-значимому результату. Там, где мы заведомо имеем чисто механическое объединение самостоятельных элементов, всегда есть шансы, что нам их удастся выделить. Однако уже давно известно, что оба довода Вольфа ошибочны. Надписи показали, что уже в VIII веке письменность была отлично известна грекам; что же касается объединения песен при Писистрате, то это не историческая традиция, а ученое построение некоторых античных филологов, к тому же неверно изложенное Вольфом и выданное им за единодушное мнение древности. Таким образом, внешние опоры вольфианского учения отпали совершенно. Вне эпоса нет моментов, которые заставили бы занять ту или иную позицию в гомеровском вопросе. Только внутренними доводами, анализом поэм, можно такие

моменты обнаружить. Совершенно отвергнута в настоящее время и теория механического объединения песен в эпос. Имманентное художественное единство самостоятельных песен, создающихся в спонтанном процессе народного творчества („народная песня, которая сама себя творит“), оказалось иллюзией романтиков. Идеологическая направленность гомеровского эпоса менее всего свидетельствует о каком-либо его „народном“ происхождении, это — поэзия высших классов, созданная профессиональными певцами. Самая сага, как мы видели, изменена, переосмыслена, рационализирована. Подчиненность материала гомеровских поэм художественному заданию неоспорима (в этом не сомневались и авторы „песенной теории“), и ее нельзя объяснить механически. С другой стороны, наблюдения над морфологией жанров обнаружили глубокие различия между песней и поэмой, исключающие возможность возникновения поэмы путем механического объединения песен. Эпизодическая композиция „Илиады“ позволяла разложить ее на отрезки небольшого размера, но эти эпизоды не заключают в себе сюжетной законченности песни, а по стилистическому типу не имеют ничего общего с эпической песней, как она известна из других литератур, и отвечают „распространенному“ стилю эпоса. Образ „механического редактора“, „поэта-сшивателя“ уже почти исчез со страниц гомеровской критики. Если видеть в гомеровских поэмах плод творчества разных авторов, надо иметь в виду не механическое объединение, а творческую переработку.

Не менее очевидно, что сага, содержащая материалы микенской эпохи, переоформлялась много раз в устной, а может быть и в письменной традиции, прежде чем отлиться в гомеровские поэмы. Вполне естественно поэтому ожидать, что в трактовке традиционных тем найдутся следы предшествующих оформлений, плохо вмещающихся в ход сюжета у последующего творца. Для поэта, обрабатывающего сагу, бывает характерным стремление сохранить старый материал, хотя бы его и не удалось целиком пронизать новой концепцией. В „Одиссее“, где использован ряд сказочных сюжетов, можно на контрольном материале сказок обнаружить такие рудименты, приводившие в немалое смущение комментаторов. Момент творческой переработки предания не устраняет всех остатков прошлого, и в произведении заведомо единого автора можно иногда услышать голоса его далеких предшественников.

Воинствующие унитарии, которые в последнее время начинают задавать тон в гомеровской ученой литературе, склонны отрицать даже и такую постановку вопроса, между тем как аналитики, работая над выявлением и истолкованием противоречий и неувязок в гомеровском эпосе, надеются восстановить ход сюжета и в значительной мере даже текст тех поэм или песен, которые были использованы автором ведущего художественного замысла каждой поэмы (назовем его для удобства Гомером). и вместе с тем выделить расширения и изменения, которым подвергся гомеровский текст. Спор идет уже не о едином Гомере или многих

Гомерах,— самые решительные аналитики признают единство ведущего художественного замысла. Водораздел проходит по другой линии: являются ли обнаруженные в поэмах противоречия отложениями последовательных стадий сюжета, документами возникновения эпоса, и возможно ли эти стадии реконструировать.

Гипотезы аналитиков всегда основывались в первую очередь на противоречиях в эпосе. От неувязок, перебоев, не доведенных до конца мотивов, противоречий в движении сюжета, в характеристике действующих лиц в картине гомеровского общества и в гомеровской идеологии умозаключали к наличию в эпосе наслоений творческой работы разных поэтов и отделяли „первичный“ непротиворечивый сюжет и даже текст от позднейшей переработки. Предпосылкой метода является, стало быть, принцип непротиворечивости самостоятельного творчества. Поскольку речь может итти о глубоких внутренних противоречиях, отражающих реальные общественные противоречия, подобный формально-логический принцип в корне неправилен. Мы имели возможность убедиться, что в общем гомеровская картина века героев представляет собою единую в своей противоречивости концепцию внутри каждой поэмы; известное отличие между „Илиадой“ и „Одиссеей“ в этом отношении существует. Впрочем, и для аналитиков противоречия в гомеровской культуре играли меньшую роль, чем мелкие сюжетные противоречия, которые и служили главной основой для их построений. Но вопрос об этих противоречиях не так прост, чтобы подойти к нему с грубо рационалистической меркой. У крупнейших писателей нового времени обнаружены, хотя и в гораздо меньшем количестве, противоречия того же типа, что и в гомеровском эпосе. „Энеида“ Вергилия, которая является, быть может, наиболее удобным образцом для сравнения, содержит ряд сюжетных противоречий. То же имеет место в примитивной эпике; по наблюдениям фольклористов, слушатели не замечают этих противоречий. Огромное большинство гомеровских противоречий может быть установлено лишь при кабинетном анализе; читатель их не замечает, тем менее мог их заметить слушатель, на которого поэмы рассчитаны, и тем более оснований было у поэта не заботиться об их сглаживании. В иных случаях гомеровская критика педантически придиралась к ничтожным деталям. Композиционные особенности гомеровского эпоса, стремящегося к изолированию отдельного эпизода, допускают, как мы уже указывали, небрежность мотивировки и перебои в ходе действия; некоторая неловкость в ведении сюжета глубоко коренится в гомеровской поэтике.

Если, однако, и согласиться, что противоречия, указанные аналитической критикой, могут уместиться в произведении единого автора,— объяснения они все-таки требуют; далеко не всегда речь идет о деталях или об особенностях гомеровской поэтики. Прежние унитарии в таких случаях прибегали к гипотезе интерполяций, даже очень значительных по размеру; современные унитарии выдвигают эстетические мотивы

но приходится признать, что их объяснения часто производят очень натянутое и искусственное впечатление. Вполне мыслимо предположение, что некоторые неувязки между отдельными частями поэм возникали в процессе длительной работы поэта; „Илиада“ и „Одиссея“ вряд ли были написаны в один присест и могли неоднократно перерабатываться самими авторами; это источник ряда противоречий у писателей нового времени. Противоречия у Вергилия часто связаны с использованием традиции предшественников, и лишь предвзятость может не видеть этого в гомеровском эпосе, где в силу отношения поэта к материалу не только могли, но и должны были сохраниться многочисленные рудименты прежних трактовок саги. Материал гомеровского эпоса не в полной мере подчинен моментам, организующим единство сюжетной концепции.

Противоречия между ведущим художественным замыслом и материалом поэм можно объяснить по-разному. Теория „первоначального зерна“ представляет себе возникновение поэм таким образом, что малого размера „пра-Илиада“ или „пра-Одиссея“, заключавшие в себе уже весь замысел, были впоследствии расширены введением нового материала. С этой точки зрения „Гомер“ является первой стадией в развитии поэм. Другая теория считает Гомера последней стадией: поэт, перерабатывавший старинный материал, не в состоянии был подчинить его целиком своему замыслу и уничтожить все следы самостоятельности сказаний,— это, в сущности, чисто унитарная позиция, с тем лишь отличием от современного унитаризма, что она учитывает предшествующие Гомеру ступени эпоса. Наконец, третья точка зрения мыслит Гомера некоторой средней стадией: „Илиада“ и „Одиссея“, уже в качестве поэм большого стиля, были несколько расширены и дополнены новыми эпизодами.

Уже самое разнообразие аналитических теорий внушает известное недоверие. Но внутри каждого из указанных типов существует очень много вариаций, и разные аналитики делают из одинаковых наблюдений совершенно различные выводы. Двух одинаковых аналитических построений, как правило, не бывает, и это свидетельствует о бессилии метода привести к научно-значимому выводу. Метод вскрытия противоречий, обнаруживая под покровом гомеровских поэм следы различных трактовок сюжета, не в состоянии привести к достоверной реконструкции этих трактовок. В основе метода лежит произвольное допущение отсутствия всяких противоречий на подлежащей восстановлению стадии развития сюжета; предпосылка эта восходит к романтическому представлению о „совершенстве“ народной поэзии: чем древнее, тем совершеннее. С другой стороны, всюду, где налицо творческая, а не механическая переработка старого материала, анализ противоречий лишь при особо благоприятных условиях может восстановить полную картину предшествующей стадии. Между тем аналитики неоднократно пытались восстановить самый текст, использованный последующими поэтами, и даже точно установить долю участия последовательного ряда творцов в дошедшем до нас тексте.

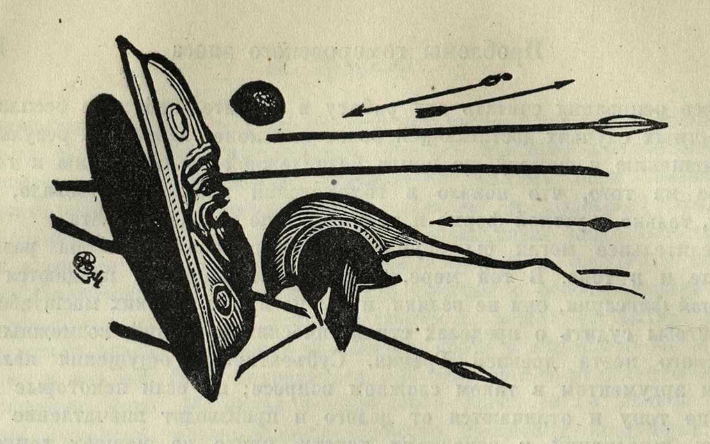
Есть все основания считать эту работу в значительной мере бесплодной, в известных случаях достигающей более или менее вероятных результатов по отношению к сюжету, но почти безнадежной по отношению к тексту. Многое из того, что попало в гомеровский эпос, существовало, быть может, только в устной форме и не имело еще твердого текста.

Убедительнее могли бы звучать указания аналитиков на различия в стиле и в тоне. В той мере, в какой эти различия поддаются объективной фиксации, они не велики, и мы не имеем никаких масштабов для того, чтобы судить о пределах стилистических вариаций, возможных для эпического поэта древней Греции. Субъективные ощущения являются плохим аргументом в таком сложном вопросе; но если некоторые части поэм по тону и отличаются от целого и производят впечатление позднейших дополнений к основному тексту, ничто не мешает допустить, что эти дополнения были впоследствии введены тем же автором.

Не следует, конечно, упускать из виду, что гомеровский эпос не является продуктом эпохи, уважавшей в произведении индивидуальность автора. Первые стадии большого эпоса относятся к переходному периоду между импровизацией аэда, оформляющего на свой лад чужой сюжет, и закрепленным текстом поэта, издающего свои сочинения в виде книги. Даже книга не всегда предохраняет текст от изменений. Поэт-рапсод мог перерабатывать существующие поэмы и песни, вводя в них свои дополнения или заимствуя отрывки из них для своих произведений. И в более поздние времена античная литературная практика позволяла гораздо более свободное использование предшественников, чем это допускают современные литературные нравы; тем более возможна была такая практика на заре греческой литературы, когда центр тяжести еще лежал на исполнении, а не на тексте, и произведение заслоняло автора. Аналогичные явления устанавливаются в средневековом эпосе и в литературах древнего Востока. Не говоря уже об интерполяциях,— этой судьбы не избежало почти ни одно крупное произведение античной литературы,— нет ничего невероятного в том, что гомеровский эпос, содержа в себе ряд заимствований из прежних поэтов, и сам не всегда дошел до нас в своем первоначальном виде, хотя анализ и не может с достоверностью это обнаружить.

Аналитической критике не удалось восстановить последовательные стадии возникновения гомеровского эпоса; мы знаем его лишь в законченном виде и не в праве отделять ведущий художественный замысел от основной массы сосредоточенного в поэмах материала. Каждая из гомеровских поэм, при всех своих противоречиях, представляет собою идеологическое и художественное единство. При таком состоянии вопроса наиболее вероятной остается гипотеза единого для каждой поэмы творца, переработавшего старые материалы в новое целое, т. е. гипотеза „позднего Гомера“, „последнего“ поэта, оставившего свое произведение в общем в той форме, в какой оно дошло до нашего времени.

И. Троцкий

„ИЛИАДА“

1

В Дельфах каждые восемь лет перед летним солнцестоянием, в месяц Илей, справлялся странный праздник, обрядность которого была уже совершенно непонятна празднующим. На площади — „гумне“ — сооружали деревянную постройку, с виду похожую на царский дворец. Ночью туда направлялась „путем так называемой Долонии“ процессия с зажженными факелами, сохраняя на своем пути абсолютную тишину; к постройке вели мальчика. Участники процессии помощью своих факелов поджигали постройку, опрокидывали „стол“ и немедленно обращались в бегство, не смея оглянуться назад. Заключительной частью обрядового действия были блуждания, служба и очищения мальчика. Обряд этот входил в систему празднеств, связанных с дельфийским культом Аполлона и его победой над змеем Тифоном, но сам по себе он не имел никакого отношения к борьбе Аполлона с Тифоном. Культ Аполлона поглощал и вводил в свою орбиту много старинных священнодействий; к числу их относится и описанная выше церемония ночного поджога. Поджог специально для этой цели построенных палаток с последующим бегством — такая последовательность обрядовых действий имеет место и в других греческих культах.

Два собственных имени обращают на себя внимание в этом не очень для нас вразумительном описании дельфийского обряда, составленном на основании кратких и случайных сообщений античных писателей. Процес-

сия направлялась „путем так называемой Долонии“. Что это за Долония, мы ближе не знаем. Но название „Долония“ носит эпизод „Илиады“, составляющий десятую ее книгу. Это ночная экспедиция двух греческих героев в троянский лагерь, во время которой они захватывают в плен троянского лазутчика Долона,— экспедиция, настолько не связанная с общим ходом действия „Илиады“, что уже античные филологи спрашивали себя, не является ли эта книга самостоятельным произведением. Второе собственное имя — название месяца, в котором празднество происходило: Илей. Ил — было имя мифического троянского царя, от которого троянский город получил свое название — Илион. И с этой стороны дельфийская церемония заставляет вспомнить об „Илиаде“. Самый миф о троянской войне также кончается поджогом Илиона, за которым следуют немедленное бегство и долгие скитания греческих вождей. Что заставило творцов мифа сделать успешное взятие Илиона лишь преддверием к скитаниям и злоключениям победителей? Эпическая поэзия не сумела придумать сколько-нибудь убедительной мотивировки этого перехода; ясно одно: традиция давала последовательность того же типа, что и дельфийский обряд. И не введен ли в „Илиаду“ эпизод о Долоне на основании смутного воспоминания о том, что для осады Илиона необходима какая-то Долония, хотя для самого певца уже могло быть не вполне ясным, в чем эта Долония состоит? Так, от мифа о троянском походе тянутся разнообразные нити к дельфийскому обряду; если дальше разматывать эти нити, они ведут в глубокие слои первобытного миросозерцания. Герман Узенер установил связь этого обряда с мифами о борьбе за небесную богиню, похищенную и запертую враждебными демонами; небесный бог отправляется на поиски ее, разоряет твердыню векового врага и спешно покидает табуированное место; нарушение табу вызывает, однако, злоключения, преследования, требует искупления. Бегство от преследования после благополучного отыскания похищенной царевны — таково неизменное сюжетное сцепление в схеме волшебной сказки. Похищенная троянцами Елена — древнее растительное божество. Борьба между вегетацией и враждебными ей силами, которую народы северных частей Европы обычно представляют себе в виде борьбы лета и зимы, в средиземноморской культуре часто бывает приурочена к летнему зною, к моменту иссякания растительности. И если дельфийский обряд происходит летом, в месяц Илей, который именем своим заставляет вспомнить о взятии Илиона, то в системе обрядов русской масленицы, изображающих победу над зимой, кое-где и до наших дней сохранился обряд взятия снежного или ледяного городка, завершающийся купанием победителей в проруби, заключительным моментом искупления.

Все это, конечно, только возможности, не поддающиеся строгому доказательству, но иногда бросающие внезапный свет на сцепление событий в сказании о троянской войне. Сюжеты саги, претендующей на историческую подлинность, оперирующей историческими именами, обыч-

но бывают гораздо древнее, чем самые имена или чем та географическая и этническая локализация, в одеянии которой сага выступает. И если сказания о греческих героях поданы в обстановке микенской культуры, сюжетные схемы сказаний могут иметь — и в большинстве случаев, вероятно, имеют — долгую „домикенскую“ историю, будучи укреплены в старинных мифологических представлениях.

2

Гомеровская Троя реально существовала. Дважды, как мы уже видели (см. стр. XXXIII), были уничтожены крепости, воздвигнутые на Гиссарлыкском холме, причем первый раз крепость действительно погибла от пожара. Двоекратное разрушение Трои свидетельствует о том, что крепость, доминировавшая над старинным торговым путем, вызывала враждебное к себе отношение. Может быть, справедливо предположение, что Троя была своего рода „разбойничьим гнездом“, жившим за счет взимания дани с проходивших купцов. Микенцы издавна устремлялись на малоазиатское побережье, и поход ахейцев на Трою может быть вполне реальным историческим фактом. Историческое объяснение как будто конкурирует с мифологическим, хотя, разумеется, не устраняет его. Разрушение Трои VI микенцами, смешавшись в памяти с пожаром, в котором погибла Троя II, могло войти в мифологическую сюжетную схему. Однако, по существу, ни то, ни другое объяснение еще не является ключом к концепции „Илиады“.

Как ни представлять себе значение Трои, с одной стороны, и мощь микенских царей — с другой, поход „всех ахеян“ на Трою, объединение всех греческих племен для совместных военных операций против Гиссарлыкской крепости является историческим абсурдом. Характерный для „Илиады“ общегреческий универсализм, стремление собрать и вместе показать огромное количество героических фигур из разных областей Греции, коренится не в исторических воспоминаниях и не в мифологической схеме, по существу своему требующей весьма ограниченного количества действующих лиц. Лишь в рамках развернутого эпоса, объединяющего и перерабатывающего многочисленные разрозненные сказания, нанизывающего их на единый сюжетный стержень, получает свое оправдание концепция „общеахейского“ похода на Трою. А сказания эти могли и не быть связаны с малоазиатской Троей. Материал „Илиады“ мог уместиться лишь в большой поэме; ряд персонажей и ситуаций является либо творчеством самого поэта, либо перенесением в троянскую обстановку прежде независимых от троянского сюжета элементов эпической традиции, подобно тому как в „Одиссее“ образ главного героя стал центром, вокруг которого собран многообразный сказочный материал.

Фигуры сказания о троянском походе могут в известной части носить имена реальных исторических лиц; но, помимо эпоса, мы знаем о них

только из культов греческих общин, где они почитались как „герои“ или даже как боги. Как в отношении сюжета осады Илиона исторический аспект не устраняет мифологического, так в отношении персонажей культовый момент не устраняет исторического, поскольку цари микенской эпохи являлись, как нам известно, объектами культа. Но гомеровская концепция загробной жизни исключает самую возможность культа героев, и все соображения относительно исторической и культовой значимости отдельных фигур могут распространяться лишь на предшествующие гомеровскому эпосу стадии развития саги. Рационализирующие тенденции гомеровской идеологии вели к затемнению мифологических моментов предания. В „Илиаде“ лишь один Ахиллес сохраняет более или менее явственные черты своей былой мифологической сущности, у прочих фигур она поблекла и может быть в некоторых лишь случаях восстановлена на основании материала, находящегося вне гомеровского эпоса.

Объединяя в троянском походе многоразличных героев, сага переносит в троянскую обстановку мотивы, которые до того были, вероятно, локализованы в других местах. Кроме похищения Елены Парисом, существует рассказ о похищении Елены Тесеем (ср. комментарии к „Илиаде“, II, 356), который стоит гораздо ближе к мифологической основе предания и локализован в Пелопоннесе, где имело место реальное почитание Елены. Гроб Гектора, главного троянского героя „Илиады“, чтился на греческом материке, в Фивах. Сюжеты и фигуры троянской саги претерпели немало изменений, прежде чем отлились в форму, канонизированную греческим эпосом.

3

Современная наука не в силах восстановить, хотя бы в самых общих чертах, историю сказания о троянском походе. В составных элементах его отложилось развитие ахейской саги в целом, ее путь из южной Греции (Агамемнон и его круг) через северно-ахейскую Фессалию (Ахиллес) на малоазиатское побережье, родину гомеровского эпоса. „Илиада“ предполагает и самое сказание и главных действующих лиц уже известными слушателям. Поэт не излагает последовательного хода троянской войны: он ставит себе целью распространенное изложение одного эпизода, сюжета небольшой длительности; лишь попутно упоминается о некоторых событиях, предшествующих действию „Илиады“. Послегомеровские эпические поэмы строились иначе, поэты разрабатывали элементы саги, не вошедшие в старый эпос, в виде связной серии эпизодов; повествование приобретало „исторический“ характер. Новые поэмы были рассчитаны на то, чтобы сомкнуться с гомеровским эпосом и образовать полный „эпический цикл“. Причина троянской войны, ее начало и все события, предшествующие „Илиаде“, рассказаны были в „Киприях“; продолжениями „Илиады“, доводившими повествование до падения Трои, были „Эфиопида“ и „Разрушение Илиона“, а также „Малая Илиада“. Поэма „Возвращения“

имела сюжетом приключения греческих вождей на обратном пути из-под Трои, связывая, таким образом, „Илиаду“ с „Одиссеей“. „Телегония“ была продолжением „Одиссеи“. Все эти поэмы сохранились в незначительных отрывках, но их богатое эффектными и законченными эпизодами действие было неисчерпаемым источником сюжетов для греческих художников и поэтов VI—V вв., особенно для аттической трагедии. „Илиада“, при всей своей литературной славе, не находила столь многочисленных отзвуков.

Одну из причин такого предпочтения, оказывавшегося эпическому циклу, отметил уже Аристотель в своей „Поэтике“: „Илиада“ представляет собою цельное и законченное действие и может дать материал лишь для одной или двух трагедий, в то время как „Киприи“ или „Малая Илиада“ давали материал для многочисленных трагических тем. Эпическая развернутость „Илиады“ и ее экстенсивность не поддавались транспозиции в другой жанр. „Илиада“ была менее всего задумана как часть какого-либо цикла. Поэт словно отмежевал для себя небольшой промежуток времени, один эпизод, для того, чтобы сконцентрировать в нем обширное действие, не стремясь заглядывать в прошлое или в будущее. В своей внутренней полноте „Илиада“ почти оторвана от сюжетного движения саги. И, вместе с тем, совершенно ясно, что эта внутренняя полнота свойственна самой поэме, как развернутому эпосу, а не заимствована механически из какой-либо менее развернутой обработки предания. Достаточно немногих предпосылок, чтобы обосновать действие „Илиады“.

„Киприи“ повествовали о яблоке, брошенном богиней раздора, о споре трех богинь и суде Париса. Для „Илиады“ всего этого не существует; она предполагает лишь похищение Елены Парисом, ничем не мотивируя этого похищения (см. комментарий к „Илиаде“, XXIV, 28—30). Отсюда еще не вытекает, что поэт не знал о суде Париса или что это сказание было создано лишь после составления „Илиады“: одна из любопытных особенностей гомеровского изложения состоит именно в том, что поэт отвергает мотивы, почему-либо для него неприемлемые, но оставляет в силе все их последствия. Парис увез Елену и много сокровищ, нарушив законы гостеприимства. Оскорбленный Менелай и его брат Агамемнон собирают рать из всех греческих областей для похода на Трою под верховным предводительством Агамемнона. В походе участвуют выдающиеся герои: Ахиллес, сын Пелея и Фетиды, Диомед, два Аякса, Одиссей, Нестор и ряд других. Отплытие происходит из Авлиды, в Беотии. С Авлидой связан рассказ о жертвоприношении дочери Агамемнона, Ифигении. „Илиада“, повидимому, этот рассказ знает, но избегает упоминать о человеческом жертвоприношении (см. комментарий к „Илиаде“, I, 106). Едва упомянуты, и то лишь в подозрительном в отношении подлинности „Перечне кораблей“, эпизоды о Филоктете, который был укушен змеей и покинут греками на Лемносе, о Протезилае, который первым соскочил

на троянский берег и погиб от вражеского удара. Действие „Илиады“ отнесено к десятому году войны: еще в Авлиде было знамение, истолкованное прорицателем Калхасом в том смысле, что греки будут безуспешно воевать девять лет и лишь на десятый год возьмут Трою. Эти десять лет, вероятно, были даны сагой и представили для поэта немало затруднений. Их нечем было заполнить, и всю экспозицию приходилось давать на десятом году, как будто он и был началом военных операций. При чтении многих частей „Илиады“ удобнее забыть о том, что это десятый, а не первый год осады Трои. Троянцы, со своей стороны, собирают многочисленных союзников. Престарелый царь Приам не принимает непосредственного участия в военных действиях, но его сын Гектор является мощным защитником Трои. В промежутке Ахиллес, храбрейший герой греков, разоряет соседние города. Вот почти все, что рассказано в самой „Илиаде“ о предшествующих событиях, и поэт не упустил ничего существенного для своего сюжета. Еще менее интересует поэта будущее: только близкая смерть кратковечного Ахиллеса и сознание грядущей гибели Трои отбрасывают свою тень на действие „Илиады“.

4

Два момента организуют сюжетное движение „Илиады“. Оба они развернуты в первой книге, содержащей экспозицию поэмы, оба они уже намечены в первых стихах, где поэт объявляет свою тему. Один взят в земном плане, другой — в олимпийском. Эти моменты — „гнев Ахиллеса“ и „воля Зевса“.

Ахиллес — центральная фигура „Илиады“. Создать такую центральную фигуру среди большого количества греческих вождей было нелегкой задачей для поэта, который еще очень несовершенно владеет техникой одновременного показа разнообразных фигур и предпочитает итти путем их последовательного сопоставления во времени. Для того, чтобы действие не распалось на отдельные эпизоды, создается их отрицательное объединение: две трети „Илиады“ поставлены под знак неучастия Ахиллеса в военных операциях, возможны только при условии его бездействия. Стоит Ахиллесу появиться, как прочие герои становятся ненужными. Он действует один, заслонив всех других. Этим путем поэт достигает нескольких целей: устанавливается решительное превосходство Ахиллеса над остальными героями, открывается возможность развернуть многостороннее и многовершинное повествование во время его отсутствия и облегчается задача объединения плохо спаянных между собой фессалийских и южногреческих элементов предания. Агамемнон и его круг поданы, в сущности, раздельно от Ахиллеса, но так, что фигура отсутствующего Ахиллеса доминирует над всем ходом действия.

Любопытно присмотреться к „гневу Ахиллеса“. „Гнев“ мотивирован тем, что Агамемнон, пользуясь правами верховного вождя, отнял у

Ахиллеса присужденную было ему пленницу. Поэт сконструировал сложный юридический казус, где сталкиваются преимущественные права верховного вождя на отбор добычи и права подчиненного на уже полученную им долю. Ахиллес считает себя „обесчещенным“ и отказывается от участия в войне. Он вернется — и это подтверждено богами — лишь тогда, когда получит удовлетворение, и когда ему заплатят за „бесчестие“ еще более богатыми „дарами“. Мы естественно предполагаем, что так и случится. Однако события развертываются иначе. В отсутствии Ахиллеса ахейцы терпят поражение, как этого и следовало ожидать. Оттеснив греков к берегу, троянцы грозят зажечь ахейские суда и отрезать путь к возвращению домой. Тогда Ахиллес посылает своего друга Патрокла против неприятеля, но дает ему наказ отразить лишь непосредственную опасность: в случае полной победы Патрокла над троянцами греки уже не будут заинтересованы в Ахиллесе и не вознаградят его за „бесчестие“. Патрокл, однако, увлекается своей победой и гибнет от руки Гектора. Потрясенный смертью друга, Ахиллес отрекается от „гнева“, возвращается к военным действиям по собственной воле, как мститель. Правда, он свои „дары“ получает, но это уже формальность, он принимает их нехотя, готов итти в бой без „даров“ и без извинений Агамемнона. Удовлетворение, на мотиве которого была до этого момента построена вся „Илиада“, которое было обещано богами, потеряло смысл,— „гнев“ был напрасен.

На этот момент не стоило бы обращать внимание, если бы он не был акцентирован в самой „Илиаде“, и притом двояким образом. Еще до эпизода с Патроклом к Ахиллесу отправляется ахейское посольство с предложением „даров“. „Дары“, таким образом, отнюдь не забыты. Аристократическая мораль была очень щекотлива в вопросах чести, и мотив удовлетворения надлежало довести до конца. Поэт, однако, дорожил образом Ахиллеса, бросающегося в бой после смерти друга; Ахиллес и Патрокл были, повидимому, тесно связаны и на более ранних стадиях сюжета: древнейшая сага любит такие героические „пары“, восходящие еще к примитивной эпике. „Патроклия“ в своих основных предпосылках требует иной мотивировки бездействия Ахиллеса, чем та, которая развернута в первой книге „Илиады“. Эпизод „посольства“, где Ахиллес отвергает предложенные ему „дары“ и упорствует в своем „гневе“, является некоторым выходом из положения. Поэт сам это подчеркивает. Один из членов посольства, старый воспитатель Ахиллеса Феникс, рассказывает в назидание ему следующую историю.

Во время войны этолян с куретами этолийский герой Мелеагр так стеснил неприятелей, что они не осмеливались выйти за стены своего города (полная аналогия с концепцией „Илиады“: троянцы не решаются выйти в открытый бой, пока Ахиллес участвует в войне). В результате сложного семейного конфликта Мелеагр предался „гневу“ и отказался воевать. Тщетно его молили, предлагая „великий дар“. Лишь когда куреты взошли на городские укрепления этолян и стали зажигать их

город (опять полная аналогия с будущей ситуацией в „Илиаде“), жена Мелеагра умолила его, наконец, отразить врага. „Ему еще не было отдано многих прекрасных даров; он и без того отразил бедствие“. Старец убеждает Ахиллеса не следовать примеру Мелеагра.

Путанное и перебивающееся изложение истории Мелеагра производит впечатление сжатого пересказа какого-то более древнего эпоса. Между тем аналогия между „гневом“ Ахиллеса и „гневом“ Мелеагра, доходящая до деталей, вряд ли случайна. Отсюда остроумная гипотеза Георга Финслера о том, что „гнев“ Ахиллеса в „Илиаде“ построен по образцу „гнева“ Мелеагра. На более ранних стадиях сюжета об Ахиллесе и Патрокле бездействие Ахиллеса должно было объясняться иначе, и следы этой былой мотивировки Финслер находит в самой поэме: мотив „гнева“ в „Илиаде“ нередко перемежается с другим мотивом, с „кратковечностью“ Ахиллеса: в бою Ахиллесу угрожает близкая смерть. Поэтому он остерегается боя, и лишь желание отомстить за гибель друга заставляет его прервать свое бездействие. „Кратковечность“ Ахиллеса — древний элемент сказания, она связана с его мифологической сущностью, как юного умирающего бога, и гипотеза Финслера вполне правдоподобна.

Изменение мотивировки по аналогии эпоса о Мелеагре и эпизод „посольства“ усложнили образ Ахиллеса. Теперь нужно было показать душевный сдвиг, смену настроений, колебания героя. Но такая проблема еще неразрешима для гомеровского эпоса. В „Илиаде“ потрачено немало усилий, чтобы подготовить сдвиг, оправдать противоречивые настроения. Но в то время как отдельные, статически взятые моменты душевной жизни Ахиллеса вполне удаются поэту, переходы даны не ярко. И правильно указание Дрерупа, что характер Ахиллеса не столько развивается, сколько развертывается.

5

Для того, чтобы Ахиллес получил удовлетворение, требуется поражение ахейцев, которое надлежало, однако, обставить так, чтобы не унизить ахейских героев. Эта задача разрешена в „Илиаде“ следующим образом: ахейские вожди сначала представлены во всем своем блеске, а затем поставлены перед неодолимым препятствием, перед желанием Зевса оказывать покровительство троянцам, пока Ахиллесу не будет воздано должное. Божественное вмешательство представляет собою обычное явление в греческой саге. Среди эпических фигур имеются старинные боги, вытесненные религией Зевса и превратившиеся в „героев“, имеются мифические „предки“, якобы родившиеся от союза божеств со смертными. Покровительство божества герою, таким образом, вполне естественно. В „Илиаде“, однако, божественное вмешательство не только используется для мотивировки сюжетного движения, оно развертывается в самостоятельное параллельное действие.

В концепции „Илиады“ троянская война разделила богов на два враждебные лагеря. Расстановка божественных сил должна восходить к древним преданиям, потому что для самого поэта она не вполне ясна. Старинные ахейские божества, культ которых относится еще к микенскому времени, покровительствуют грекам. Это — Афина, Гера, Посидон. Новоселы греческого пантеона — Аполлон и Афродита — на стороне троянцев; здесь сохранено исторически правильное воспоминание, так как есть основания считать культы этих божеств занесенными в Грецию из Малой Азии. И сам владыка Олимпа, Зевс, сохраняет в известной мере черты враждебного ахейцам божества и не скрывает своего расположения к троянцам. Взаимные упреки Зевса и Геры играют видную роль в олимпийских сценах „Илиады“.

Решение Зевса помогать жителям Трои мотивировано в „Илиаде“ просьбой Фетиды, матери Ахиллеса. Осуществляется оно не сразу: сперва, как уже было сказано, идут успехи ахейцев и покровительствующих им богов. Затем Зевс берет руководство войной в свои руки, запретив прочим богам спускаться на землю для участия в боях. Тем не менее действие в олимпийском плане не прекращается, и боги нарушают запрет Зевса, пользуясь его невнимательностью и тем, что он временно усыплен Герой.

В конструкции этого олимпийского плана проходит красной нитью, что распря между Зевсом и Герой по поводу троянской войны является лишь повторением, в известной мере копией другого, более раннего семейного конфликта на Олимпе. Небожители с ужасом вспоминают о расправе Зевса над Герой и прочими богами, когда Гера однажды усыпила Зевса для того, чтобы устроить беду ненавистному для нее Гераклу. Олимпийское действие „Илиады“, как указывает Мюльдер, в значительной мере построено по образцу сказания о Геракле.

Получился любопытный итог. Оба основных мотива, организующих действие „Илиады“, являются заимствованными. И устанавливается это на основании указаний самой поэмы: поэт не скрывает своих источников, а подчеркивает их, устанавливая преемственную связь между судьбами различных поколений героев. Троянский поход занимает одно из наиболее поздних мест в системе греческой саги и неоднократно сопоставляется в „Илиаде“ со сказаниями о более древних подвигах.

Если правильно, что ведущие моменты „Илиады“ перенесены в троянскую обстановку из других циклов, нельзя не усмотреть в этом работы поэта, задумавшего развернутый эпос на троянскую тему и обогащавшего свое изложение материалом, прежде не связанным с походом на Трою. Многообразнейшие предания спаяны в единстве творческого замысла, хотя ряд не сросшихся окончательно деталей и свидетельствует о былой самостоятельности составных частей поэмы.

„Илиада“ — законченная поэма. Поэт, избравший темой своего прославления древних героев „гнев Ахиллеса“, обдуманно ведет действие по

намеченному *руслу* — через победы ахейцев, нагнетающие над Троей атмосферу обреченности, к их поражениям, к гибели Патрокла, которая требует отмщения, и к смерти Гектора от руки Ахиллеса. А в тот момент, когда свершились погребальные обряды над Патроклом и Гектором, все последствия гнева Ахиллеса исчерпаны, и сюжет доведен до конца.

* * *

Предыдущие соображения являются уже экскурсией в „гомеровский вопрос“, а в этой области редко можно встретить два одинаковых мнения. Необходимо поэтому указать те части „Илиады“, относительно принадлежности которых к целому поэмы существуют наиболее серьезные сомнения. Сюда относятся, помимо „Перечня кораблей“ во II книге „Илиады“, события второй битвы и последовавшей за ней ночи, т. е. книги VIII—X (вместе с подготовляющей их заключительной частью VII книги) и последние два эпизода поэмы, игры в честь Патрокла (XXIII книга) и выкуп тела Гектора (XXIV книга). В этих частях отмечаются особенности, сближающие их с „Одиссеей“ и с поэмами эпического цикла. Ряд исследователей, однако, и не только из лагеря чистых „унитариев“, признает и эти эпизоды полностью или частично „гомеровскими“: вполне возможно, что мы в иных случаях имеем дело с переработкой, произведенной самим поэтом (ср. стр. LXXI). При неразрешенности проблемы в научной литературе вполне законно подойти к традиционному составу „Илиады“ как к целому: комментарий к „Илиаде“ в настоящем издании составлен именно с этой точки зрения.

Текст „Илиады“ разбит александрийскими филологами на 24 книги (неправильно именуемые иногда „песнями“, хотя деление александрийских ученых, в действительности, не имеет отношения к песням-рапсодиям эпических певцов) по числу букв греческого алфавита. Это искусственное деление не всегда удачно проведено, но оно остается общепринятым [1]. Мы сохранили и традиционные заглавия книг, хотя они не в полной мере покрывают собой содержание эпизодов.

Вопрос об идеологических основах развернутой в „Илиаде“ картины „века героев“ подробно освещен в общей вступительной статье, по преимуществу основанной на материале „Илиады“. Настоящее вступление имело целью наметить основные линии сюжета поэмы в связи с происхождением и соотношением организующих ее мотивов.

И. Троцкий

[1] Дреруп предлагает следующее деление канонического текста „Илиады“ (за исключением „Перечня кораблей“ во II кн.) на 18 рапсодий: 1) I—II, 483; 2) III—IV; 3) V; 4) VI—VII, 312; 5) VII, 313—VIII; 6) IX; 7) X; 8) XI; 9) XII—XIII, 344; 10) XIII, 345—XIV; 11) XV; 12) XVI; 13) XVII; 14) XVIII—XIX; 15) XX—XXI, 525; 16) XXI, 526—XXII; 17) XXIII; 18) XXIV.

ГНЕДИЧ КАК ПЕРЕВОДЧИК „ИЛИАДЫ“

Гнедич работал над переводом „Илиады“ более двадцати лет. Сперва принялся он ее переводить рифмованным шестистопным ямбом, так называемым александрийским стихом, начав с VII книги, в продолжение труда Кострова, который в конце XVIII века именно ямбами перевел первые шесть [1]. Вскоре, однако, отчасти под влиянием Уварова, Гнедич разочаровался в александрийском стихе и стал заново переводить „Илиаду“ уже всю целиком, с первой книги, гекзаметрами, т. е. размером греческого оригинала: тем самым в мелодике своей метрической фразы он подошел очень близко к мелодике гомеровского стиха. Греческий язык Гнедич знал превосходно, и, переводя „Илиаду“, он взвешивал каждый стих, вникал в смысл каждого слова, параллельно изучая западную ученую литературу о Гомере и пользуясь для освещения греческого текста „Илиады“ лучшими в его время критическими и комментированными изданиями [2].

[1] Гомерова Илиада, переведенная Ермилом Костровым. Во граде С. Петра, 1787 г.

[2] При сличении перевода Гнедича с греческим текстом нетрудно убедиться, что особенно усердно штудировал он превосходный комментарий геттингенского профессора Христиана-Готлиба Гейне (C.-G. Heyne, „Homeri Ilias“, Leipzig 1802): во многих случаях спорного рукописного предания или загадочных, различно толкуемых выражений греческого подлинника Гнедич следовал мнению именно Гейне.

Среди литературных творений Гнедича перевод „Илиады“ занимает особое, совершенно самостоятельное место. Язык его своеобразен и мало похож на язык других произведений Гнедича. Наиболее типичной чертой, характеризующей слог „Илиады“ Гнедича, является очень ярко выраженная общая возвышенность тона, созданная преимущественно подбором славянских и старинных русских слов, не употребительных в обиходной речи: I, 317 *туков воня* вместо „запах жира“, III, 104 *пожрем* („принесем в жертву“), *сулица* (копье) и т. д., и другие, хотя и менее редкие, но столь же далекие от разговорного языка слова, вроде *выя, перси, рамо, зрел,* рядом с обычными „шея“, „грудь“, „плечо“, „видел“. Посредством славянских же и древнерусских слов переводятся Гнедичем, в большинстве случаев, и двухсоставные гомеровские эпитеты, например, *шлемовеющий, коneборный, лилейнораменная, велемудрый,* чем опять-таки создается настроение величавости слога. Последняя еще иногда усиливается греческими словами, оставляемыми без перевода: осса (молва), скимн (лев), хлена (плащ) и т. п. Любовь к выспреннему лежала в самой природе Гнедича. И, однако, было бы заблуждением думать, будто тот высокий словесный стиль, в каком Гнедич строил свой перевод „Илиады“, был продиктован ему исключительно его тягой к возвышенному. Гнедич писал и иначе: в лирике и в поэме-идиллии „Рыбаки“ язык у него другой, бесконечно далекий от условной пышности форм языка его „Илиады“. Но замечательно, что уже в первых опытах перевода античной поэмы ямбами Гнедич пишет тем же особенным, величавым, уснащенным славянизмами слогом, какой дает он потом и в гекзаметрах, только менее выработанным: это не случайно. Гнедич преследовал определенную цель. Для него, как и для большинства западных, да и русских образованных его современников, мир героев Гомера был эпохой „юности человечества“, древний язык которого, „еще не стесняемый условиями образованности“, не мог быть „подобен нашему“ [1]. К характеру этого-то, непохожего на наш, древнего языка Гнедич в своем переводе и старался приблизиться: насыщенным архаизмами стилем он хотел передать архаику условного гомеровского диалекта, в которой филологи ошибочно усматривали тогда примету старинного народного языка. „Отличительные свойства поэзии, языка и повествования Гомерова,— замечает Гнедич в своем предисловии,— суть простота, сила и важное спокойствие“: величавости греческого подлинника и должен был, по мысли Гнедича, отвечать возвышенный, архаизирующий слог перевода.

Но Гнедич стремился, с меньшим, несомненно, успехом, выразить также и ту простоту гомеровской речи, которая так чаровала его и на которую он так настойчиво, несколько раз, в своем предисловии указывает. И вот, желая приблизиться к примитивному строю гомеровской фразы, он упрощает конструкцию русских своих предложений, созна-

[1] Предисловие Гнедича к переводу.

тельно отказывается от периодизации и, по возможности, избегает отрывистых, столь любимых в его время, фраз, „принадлежащих слогу искусственному“. В живом ощущении простоты гомеровского повествования он местами дерзает даже прибегать к „простонародным“ словам, пользоваться, согласно его собственному выражению, „наречиями областными“. Для нас былые его вульгаризмы уже неощутимы: они для нас заглушены общим тоном величавости языка его перевода, по сравнению с которым подлинник, безусловно, проще: там, где в гомеровском тексте стоит, скажем: „распустили собрание“ (I, 305), Гнедич переводит: *„разрушили сонм“;* простое „красивую женщину“ у Гомера (III, 49) Гнедич заменяет торжественным оборотом — *„славу их жен“;* в греческом (XVI, 27) — „Эврипил“, у Гнедича — *„блистательный сын Эвемонов“*. В свою очередь, упрощенность синтаксиса, имевшая целью создать иллюзию примитива, дала в результате ту тяжеловесность слога, главным образом за которую и нападала на Гнедича последующая литературная критика.

Ошибок и недосмотров у Гнедича мало[1]. Он точен. Следует, впрочем, оговориться. Того педантически бережного отношения к мелочам, какое теперь считается обязательным при издании или переводе античного текста, в то время от переводчика еще не требовалось. И Гнедич, искавший точности в главном, был равнодушен к целому ряду частностей, в трактовке которых он разрешал себе очень большие вольности. Так, „керы“, женские гении смерти греческой народной религии, без всякого затруднения заменяются Гнедичем римскими богинями судьбы, Парками (II, 302); „плодоносная пашня“ (II, 548) обращается у него в матерь-землю. Равным образом Гнедич вовсе не дорожит повторением в разных частях поэмы одних и тех же стихов: он склонен, напротив, их несколько разнообразить, очевидно, во избежание, непривычной для современного читателя, монотонности повторений такого рода. Два, например, абсолютно тожественных стиха, XVI, 443 и XXII, 181, им слегка видоизменяются: *„волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим“* (XVI, 443) и *„волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги“* (XXII, 181). Столь же свободно обходится Гнедич с эпитетами: пропускает их, ставит там, где в греческом они отсутствуют, заменяет один другим, варьирует их переводы.

Для переводческой техники Гнедича характерен прием развернутого или расширенного перевода, когда одно какое-нибудь слово греческого текста передается двумя или несколькими русскими. Так, вместо одного греческого „медник“ (XII, 295) Гнедич дает русских целых три: *„художник, медник искусный“*. Лишь одно слово „так“ (XXIV, 413) развернуто им в особое предложение, отвечающее на вопрос „как“: *„все, как и был, невредимый“*. Часто вводит он в свой перевод пояснение. В греческом (XII, 264) сказано кратко: „метали“; Гнедич комментирует,

[1] Из них важнейшие указаны ниже в комментариях к тексту поэмы.

поясняя читателю, чем именно ахейцы метали: *„камнями, копьями били врагов“*. Гектор (VII, 80) хочет, чтобы в случае, если его убьют, троянцы предали его тело огню: *„честь воздавая последнюю“*,— добавляет Гнедич, словами этими поясняя читателю, что речь идет о погребальной почести, об обряде сожжения мертвеца.

К иной категории вставок относятся те, которые Гнедич вносит в свой перевод в целях усиления динамики повествования. Так, слова „порази Менелая“, которые Афина говорит Пандару (IV, 100), у Гнедича предваряются вставкой, усиливающей их вес: *„Пандар, дерзай, порази Менелая, высокого славой“*. Тем же приблизительно целям служит у Гнедича прием повторения слова, искусственно задерживающий на повторяемом слове внимание: XXII, 387 *„не забуду его, не забуду“*; XV, 718 *„светочей, светочей дайте“*; XXIII, 644 *„пора, пора уступить мне“*. Иногда подобного рода диплоза отливается у него в форму анафоры: XVII, 437 *„слезы у них, у печальных, слезы горючие с вежден на черную капали землю“*. Такие диплозы вносят нередко в текст настроение романтического сентиментализма, которого в греческом оригинале, разумеется, нет. В двух местах, однако, XX, 371 и XXII, 127, где в гомеровском тексте имеется фигура типичного повторения в духе подлинно народной поэзии, Гнедич с поразительной чуткостью уловил своеобразный ее характер и в точности передал его на русский язык: XX, 371 *„хоть огню его руки подобны, руки подобны огню, а душа и могучесть железу“*, и XXII, 127 *„...как юноша с сельскою девой: юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно“*.

„Величайшая трудность, предстоящая переводчику *древнего* поэта,— говорит Гнедич в предисловии,— есть беспрерывная борьба с собственным духом, с собственною внутреннею силою, которых свободу должно беспрерывно обуздывать, ибо выражение оной было бы совершенно противоположно духу Гомера“. Гнедич боролся с потоком поэтических образов, рождавшихся его собственным художественным темпераментом, и старался сдержать его волны в русле точного перевода. Но сила потока была велика, и временами, чаще всего в мелочах, поток прорывался: когда Зевс бросает у Гнедича (VIII, 75) свой пламенный перун *по лазури* или когда в „Перечне кораблей“ (II, 520), где идет сухой перечень городов, вдруг появляются у него *„веселые долы“* Криссы, мы имеем перед собой поэтические образы, которых не только нет в греческом тексте, но которые последнему и стилистически чужды. Инородными в гомеровском тексте телами оказываются и некоторые из кратких характеристик, от себя даваемые Гнедичем в обманчивой форме античных эпитетов: III, 200 *„почтенный Приам“*, I, 75 *„праведный гнев Аполлона“*, XXIV, 795 *„прах драгоценный“* (в греческом тексте „кости“), XI, 418 *„гордый зверь“*, и многочисленные прилагательные типа *младой* и *милый* в таких сочетаниях, как XV, 568 „Антилоха младого“ или XIX, 300 „юноша милый“. Случается даже, Гнедич вносит

в текст дополнительную, подсказанную ему его собственной творческой фантазией или литературными реминисценциями, черту в самое движение изображаемой в „Илиаде“ картины, подчеркивающую тот или иной отдельный ее момент. Гектор у Гнедича (XXII, 36) *молча* стоит перед воротами Трои, выжидая приближающегося к нему Ахиллеса: этого „молча“ в греческом тексте нет. Еще пример. В картине стихийного бегства ахейских воинов к кораблям Гнедич изобразил Одиссея погруженным в раздумье: II, 170 *„думен стоял* и один доброснастного черного судна он не касался“. Слово „думен“ добавлено Гнедичем от себя: его нет в гомеровском тексте [1]. Вероятно, живопись гомеровских описаний приводила Гнедича еще и к другому формальному нарушению особенностей античного эпического повествования: к замене прошедшего времени настоящим. Гомеровский сказ ведется всегда в прошедшем (удалились, увидели, нашли, веселился); Гнедич зачастую дает настоящее (удаляются, видят и пр.).

Противоречат Гомеру еще и такие мелочи, как риторические вопросы, вроде XXII, 111: *„Но... и почто же“*, или часто вставляемое Гнедичем в речи действующих лиц патетическое восклицание *„боги!“*, чуждое древнему эпосу, но зато очень близкое как античной, так и новой (псевдоклассической) трагедии, которою Гнедич всегда, и в юности и в зрелом возрасте, увлекался.

Притягательная сила гнедичевского перевода, помимо его высокохудожественных достоинств, заключается, конечно, и в исключительно добросовестном отношении переводчика к поставленной им перед собой грандиозной задаче. Историческое значение творения Гнедича не подлежит сомнению. Своей „Илиадой“ Гнедич приоткрыл русскому читателю подлинное, неприкрашенное лицо Гомера, в прямое нарушение правил господствовавшего тогда манерного вкуса, неизменно требовавшего от всякого изображения античности условной идеализации. И вполне естественно, на первых порах перевод Гнедича не имел успеха: его находили тяжелым. Книга, которой впоследствии, как верно угадал Пушкин, предстояло оказать „столь важное влияние на отечественную словесность“, встретила далеко не единодушное одобрение. Гнедич заранее предчувствовал суровую критику, но в непреклонном стремлении так передать греческий подлинник, как он сам понимал его, ничего не опуская и ничего не изменяя в нем, он мужественно остался верен себе и ничем в угоду чужому вкусу не поступился, не сробев даже перед всесильным

[1] Выражение „думен“, в ином контексте, встречается у Гнедича еще дважды: XVII, 90, где в подлиннике стоит „запечалившись“ (о Менелае), и XIX, 269 „думен восстал“ (об Ахиллесе), где, как и в случае с Одиссеем, выражение это является добавлением переводчика. Гнедичу оно, несомненно, правилось. Он дал его и в „Рыбаках“:

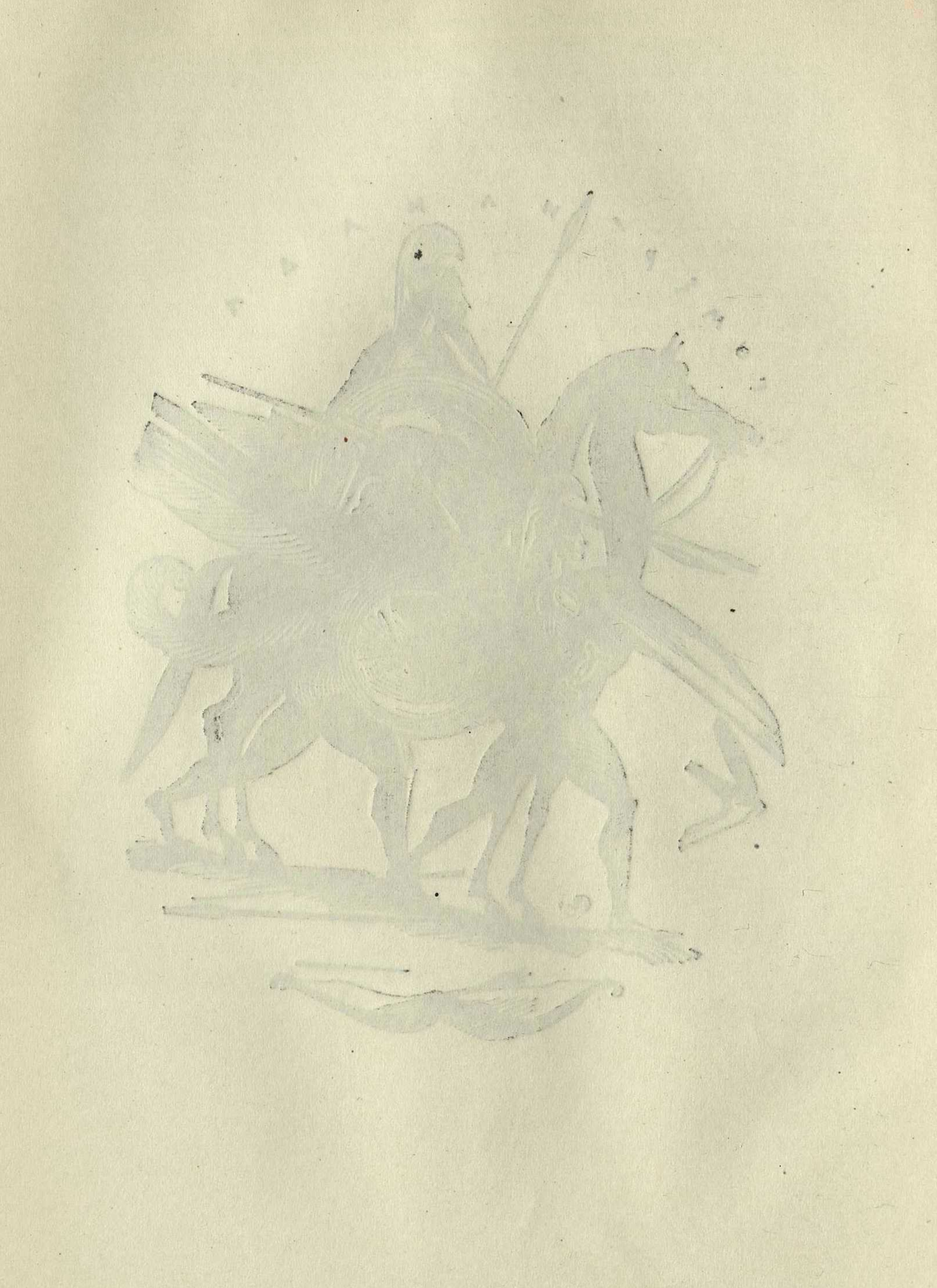
А дед мой, старик, на ладонь опираяся, думный
На лавке сидел, и из глаз его капали слезы.

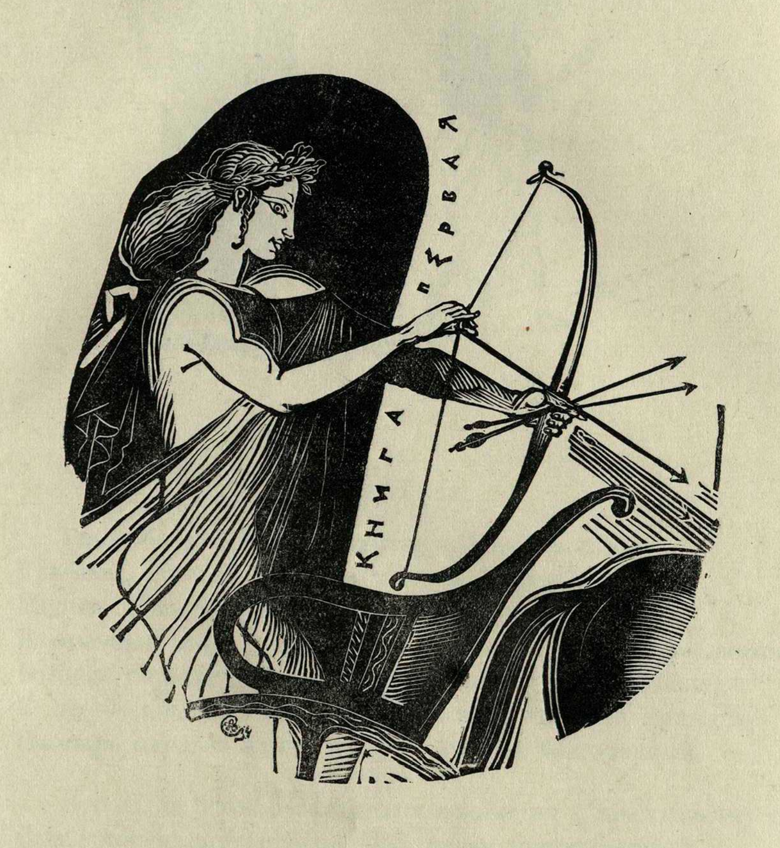
мнением культурных верхушек, той петербургской знати, в кругах которой он постоянно бывал, но для которой он, скромный библиотекарь Публичной библиотеки, сын мелкопоместного захудалого дворянина, безденежный и неродовитый, был, по существу, человек чужой. Гнедич знал хорошо петербургский свет и отлично умел с ним ладить, но подчинять свое творчество его указке он отказывался со всей решительностью: „Переводчику Гомера должно,— писал он в своем предисловии,— отвлечься от раболепства перед вкусом гостиных, перед сею прихотливою утонченностью и изнеженностью обществ, которых одобрения мы робко ищем, но коих требования и взыскательность связывают, обессиливают язык“. Гнедич не подчинился. Он отверг предлагавшиеся ему слащавые литературные шаблоны и для передачи античной эпической формы нашел подсказанное ему его собственным большим дарованием совершенно иное и, бесспорно, более правильное, серьезно-строгое выражение.

Ив. Толстой

ГОМЕР ИЛИАДА

Книга первая

Язва. Гнев

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид, и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),—
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты, Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриза.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп,
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Светлый венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
„Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!

„О! Да помогут вам боги, имущие домы в Олимпе,
„Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
„Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
„Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба“.

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
„Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
„Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай появляться!
„Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
„Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
„В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
„Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
„Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!“

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покоряся,
Идет, безмолвный, по брегу немолчно-шумящей пучины.
Там, от судов удалившися, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрыя Леты могущему сыну:
„Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
„Хризу, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
„Сминфей! Если когда я храм твой священный украсил,
„Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
„Коз и тельцов, — услышь и исполни одно мне желанье:
„Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!“

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан со стрелами закрытый;
Громко крылатые стрелы, бияся за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Страшный звон издает сребноблещущий лук Аполлонов.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
В мысли ему то вложила богиня державная, Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
„Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
„В до́мы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
„Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
„Но испытаем, Атрид, и вопросим жреца, иль пророка,
„Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают):
„Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
„Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
„Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
„Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?“

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахеян суда по морям предводил к Илиону
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.
Он, благомыслия полный, вещал перед сонмом ахеян:
„Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
„Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога.
„Я возвещу; но и ты согласись, поклянись мне, что верно
„Сам ты меня защитить и словами готов и руками.
„Я опасаюсь, прогневаю мужа, который верховный
„Царь аргивян, и которому все покорны ахейцы.
„Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:
„Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,
„Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,
„В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли ты мне?“

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:
„Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!
„Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,
„Молишься ты, открывая данаям вещания бога:

„Нет, пред судами никто, покуда живу я и вижу,
„Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет
„В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,
„Властию ныне верховной гордящегось в рати ахейской“.

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:
„Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
„Феб, но за Хриза жреца: обесчестил его Агамемнон,
„Дщери не выдал ему, и моленье и выкуп отринул.
„Феб за него покарал и бедами еще покарает
„И от пагубной язвы разящей руки не удержит
„Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
„Дщери его черноокой и в Хризу святой не представят
„Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклоним“.

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
„Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
„Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
„Доброго слова еще не измолвил ты нам, ни исполнил.
„Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
„Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
„Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хризеиды
„Я не хотел; но в душе я желал черноокую деву
„В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
„Девою взятой в супруги; ее Хризеида не хуже
„Прелестью вида, приятством своим и умом, и делами!
„Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
„Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
„Вы ж мне в сей день замените награду; да в стане аргивском
„Я без награды один не останусь: позорно б то было;
„Вы же то видите все — от меня отходит награда“.

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
„Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!

„Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
„Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ;
„Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
„Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
„Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
„Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
„Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить".

Быстро, к нему обратяся, вещал Агамемнон могучий:
„Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
„Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
„Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
„Молча сидел? И советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
„Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
„Столько ж приятною сердцу, достоинством равною первой.
„Если ж откажут, предстану я сам и из куши исторгну
„Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
„Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
„Но об этом беседовать можем еще мы и после.
„Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
„Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
„И сведем Хризеиду, румяноланитую деву.
„В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
„Идоменей, Одиссей Лаертид иль Аякс Теламонид
„Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье страшнейший!
„Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!"

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
„Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
„Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
„Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
„Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
„Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
„Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
„В счастливой Ффии моей, многолюдной, плодами обильной,
„Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
„Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.

„Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
„Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
„Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
„Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
„Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
„Но с тобой никогда не имею награды я равной,
„Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
„Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
„Руки мои подымают, всегда, как раздел наступает,
„Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
„В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
„Ныне во Ффию иду: для меня несравненно приятней
„В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
„Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ“.

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
„Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
„Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
„Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
„Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
„Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны.
„Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
„В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
„Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
„Гнев твой вменяю в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
„Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хризеиду;
„Я возвращу,—и в моем корабле и с моею дружиной
„Деву пошлю; но к тебе я приду, и из куши твоей Бризеиду
„Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
„Сколько я властию выше тебя, и чтоб каждый страшился
„Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!“

Рек он,—и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалося мыслей:
Или, не медля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.

В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он,— явилась Афина,
С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратяся, познал несомненно
Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
„Что ты, о дщерь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
„Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
„Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
„Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!"

Сыну Пелея рекла светлоокая дщерь Эгиоха:
„Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
„С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
„Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
„Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
„Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
„Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
„Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
„Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся".

К ней обращаяся вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
„Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
„Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
„Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют".

Рек, и на сребренном черене стиснул могучую руку
И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:

„О винопийца, со взорами пса, но с душою еленя!
„Ты никогда ни в решительный бой ополчиться с народом,

„Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
„Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
„Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
„Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
„Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты,—
„Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
„Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся,
„Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
„Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
„Вновь не прозябнет,—на нем изощренная медь обнажила
„Листья и кору,—и ныне который ахейские мужи
„Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи,—
„Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
„Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
„Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
„Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
„Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
„Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил".

Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.
Два поколенья уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.
Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
„Боги! Великая скорбь на ахейскую землю приходит!
„О! Возликует Приам и Приамовы гордые чада,
„Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
„Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю,—
„Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
„Но покоритесь, могучие! Оба меня вы моложе,
„Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
„С ними в беседы вступал, и они не гнушалися мною.
„Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,

„Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
„Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителям равный,
„И рожденный Эгеем Фезей, бессмертным подобный!
„Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
„Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
„С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
„Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
„Дальную Апии землю: меня они вызвали сами.
„Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стязаться
„Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
„Но — и они мой совет принимали и слушали речи.
„Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
„Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
„Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
„Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
„Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
„Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
„Мужеством ты знаменит, родила тебя матерь-богиня;
„Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
„Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
„Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
„Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской“.

Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
„Так, справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
„Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех превысить,
„Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
„Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
„Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
„Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?“

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
„Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
„Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.
„Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
„Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
„Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:

„В битву с оружьем в руках никогда за плененную деву
„Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
„Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
„Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
„Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
„Черная кровь из тебя вкруг копья моего заструится!“

Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахеян.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хризеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
Все очищались они и нечистое в море метали.
После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря;
Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудилися в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедывал, гневный:
„Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
„За руки взяв, пред меня Бризеиду не медля представьте:
„Если же он не отдаст, возвратитеся, сам я исторгну:
„С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет“.

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближася к кущам и быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущей своею сидящим
В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке

Стали, ни вести сказать, ни его вопросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
„Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!
„Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
„Он вас послал за наградой моей, за младой Бризеидой.
„Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Бризеиду;
„Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
„И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
„И пред царем сим неистовым,— ежели некогда снова
„Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
„Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;
„Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
„Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!“

Рек, и Менетиев сын покорился любезному другу,
За руку вывел из сени прекрасноланитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеням ахейским;
С ними отходит печальная дева.— Тогда, прослезяся,
Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную матерь:
„Матерь! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
„Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
„Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
„Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил;
„Подвигов бранных награду похитил, и властвует ею!“

Так он в слезах вопиял, и слышала вопль его матерь,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерея.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
„Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
„Сердце твое? Не скрывайся, поведай, да оба мы знаем“.

Ей, тяжело застонав, отвечал Ахиллес быстроногий:
„Знаешь, о матерь: почто тебе, знающей все, возвещать мне?

„Мы на священные Фивы, на град Гетионов ходили;
„Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
„Все меж собою, как должно, ахеян сыны разделили:
„Сыну Атрееву Хризову дочь леповидную дали.
„Вскоре Хриз, иерей престарелый царя Аполлона,
„К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
„Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп,
„И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
„Светлый венец, умолял убедительно всех он ахеян,
„Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
„Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
„Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
„Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
„Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
„Жрец огорчился и вспять отошел; но ему сребролукий
„Скоро молящемусь внял, Аполлону любезен был старец:
„Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
„Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
„С края на край по широкому стану.— Тогда прорицатель,
„Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.
„Первый советовал я укротить раздраженного бога.
„Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
„Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
„В Хризу священника дщерь быстроокие чада ахеян
„В легком везут корабле и дары примирения богу.
„Но недавно ко мне приходили послы и из куши
„Бризову дщерь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
„Матерь! Когда ты сильна, заступися за храброго сына!
„Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
„Ежели сердцу его угождала ты словом иль делом.
„Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
„Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
„Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
„В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
„Гера и царь Посидаон и с ними Афина Паллада.
„Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
„Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,

„Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках:
„Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
„Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
„Боги его ужаснулись, и все отступили от Зевса.
„Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
„Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
„Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
„Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
„Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
„Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив“.

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
„Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
„Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
„Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
„Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!
„В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
„Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
„Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
„Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
„Гнев на ахеян питай, и от битв удержись совершенно.
„Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
„С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
„Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
„И тогда я пойду к меднозданному Зевсову дому,
„И к ногам припаду, и царя умолить уповаю“.

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красно-опоясанной деве,
Силой Атрида отъятой. — Меж тем Одиссей велемудрый
Хризы веселой достиг с гекатомбой священною Фебу.
С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань;
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
Там они котвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,

И низводят тельцов, гекатомбу царю Аполлону,
И во след Хризеида на отчую землю нисходит.
Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
„Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
„Дочерь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
„Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
„В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства“.

Рек, и вручил Хризеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь.—Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря велелепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают, и соль и ячмень подымают.
Громко Хриз возмолился, горѐ воздевающий руки:
„Феб сребролукий, внемли мне! О ты, что хранящий обходишь
„Хризу, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе!
„Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
„И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
„Также и ныне услышь, и исполни моление старца:
„Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских“.

Так он взывал,—и услышал его Аполлон сребролукий.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
Бедра не медля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
И когда питием и пищею глад утолили,
Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Целый ахеяне день ублажали пением бога;

Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.
Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,
Сну предалися пловцы у причал мореходного судна.
Но, лишь явилась заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вкруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
Черное судно они извлекли на покатую сушу
И высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вкруг по своим кораблям и по кущам.

Он между тем враждовал, при судах оставаяся черных,
Зевса питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось,
И на светлый Олимп возвратилися вечные боги
Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседящего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбрадия тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
„Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
„Словом была или делом, исполни одно мне моленье!
„Сына отмсти мне, о Зевс! Кратковечнее всех он данаев;
„Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
„Сам у него и похитил награду, и властвует ею.

„Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
„Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
„Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят“.

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
„Дай непреложный обет, и священное мание сделай,
„Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
„Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся“.

Ей, воздохнувши глубоко, ответствовал тучегонитель:
„Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
„Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
„Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
„Спорит и во̀пит, что я за троян побораю во брани.
„Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
„Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
„Зри, да уверенна будешь,—тебе я главой помаваю.
„Се от лица моего для бессмертных богов величайший
„Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
„И не свершиться не может, когда я главой помаваю“.

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный.

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялися.

Там олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все примечала, узрела, как с ним полагала советы
Старца пучинного дочь, сребреногая матерь Пелида.

Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
„Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
„Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
„Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
„Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!“

Ей отвечал повелитель богов и отец человеков:
„Гера, советы мои не все ты надейся уведать;
„Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
„Что невозбранно познать, никогда никто не познает
„Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
„Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
„Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных“.

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
„Тучегонитель! Какие ты речи, жестокий, вещаешь?
„Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
„Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
„Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
„Старца пучинного дочь, среброногая матерь Пелида:
„Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
„Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
„Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами“.

Гере не медля ответствовал тучегонитель Кронион:
„Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
„Но произвесть ничего не успеешь; более только
„Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
„Если соделалось так, — без сомнения, мне то угодно!
„Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
„Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
„Если, восстав, наложу на тебя необорные руки“.

Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.

Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейно-раменной:
„Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
„Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
„Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
„Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
„Матерь, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
„Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
„Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
„Если восхощет отец, олимпиец, громами блестящий,
„Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
„Матерь, потщися могучего сладкими тронуть словами,
„И немедленно к нам олимпиец милостив будет“.

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок двудонный
Матери милой подносит и снова так ей вещает:
„Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
„Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
„Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
„Помощь подать: тяжело олимпийцу противиться Зевсу!
„Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
„Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
„Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
„Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
„Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли“.

Рек; улыбнулась богиня, лилейно-раменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок приляла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черпая кубком из чаши.
Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем

Звуками лиры прекрасной, брящавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших брящанию сладостным гласом.

Но, когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонилися каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

КНИГА ВТОРАЯ

Сон. Беотия или Перечень кораблей

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:
„Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
„Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
„Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
„В бой вести самому повели кудреглавых данаев
„Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
„Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
„Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
„Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель".

Рек он,— и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,

К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амврозический сон разливался.
Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
„Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
„Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
„Коему вверено столько народа и столько заботы!
„Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
„Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
„В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
„Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
„Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
„Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
„Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
„Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
„Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный".

Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! Не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч сребргоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
К сонму немедленно кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекалися быстро.

Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
„Други! Объятому сном, в тишине амврозической ночи,
„Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
„Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
„Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
„Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя ко̀ней!
„Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
„Коему вверено столько народа и столько заботы!
„Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.
„Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
„В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
„Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
„Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
„Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
„Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
„Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
„Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
„Други! Помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
„Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
„Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
„Вы же один одного от сего отклоняйте советом“.

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
„Други! Вожди и правители мудрые храбрых данаев!
„Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
„Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
„Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
„Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян“.

Так произнесши, первый ушел из собрания Нестор.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы из горных пещер вылетая роями,

Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются,
Или то здесь, неисчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж оными Осса пылала,
Их возбуждавшая, вестница Зевса; они собирались;
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Шедших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящих глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданьем:
Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Тиесту,
И Тиест наконец Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.
Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседящим ахеям:
„Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
„Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
„Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
„Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
„Ныне же злое прельщение он совершил, и велит мне
„В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
„Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
„Многих уже он градов сокрушил высокие главы
„И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
„Так,—но коликий позор об нас и потомкам услышать!
„Мы, и толикая рать и народ таковой, как данаи,
„Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
„С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели.
„Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,

„Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
„И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
„Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
„Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца,—
„Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!
„Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы
„В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
„Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
„Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
„Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
„Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
„Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
„Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
„Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
„Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
„Други, внемлите, и что повелю я вам, все повинуйтесь:
„Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
„Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!“

Так говорил,— и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Если и Нот и Эвр, на водах Икарийского понта,
Их воздымают, ударив из облаков Зевса владыки;
Или, как Зѐфир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалося; с криком ужасным
Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымалися крики
Жаждущих в домы; уже кораблей вырывали подпоры.

Так бы, судьбе вопреки, возвращение в домы свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
„Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
„Или со срамом обратно в любезную землю отчизны

„Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
„Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
„Бросят Елену аргивскую, ради которой под Троей
„Столько данаев погибло, далёко от родины милой?
„Мчися стремительно к воинству меднодоспешных данаев!
„Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
„В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных“.

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь:
Быстро достигла широких судов аргивян меднобронных;
Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:
Думен стоял и один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце, и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дщерь Эгиоха:
„Сын благородный Лаерта, герой, Одиссей многоумный!
„Как? Со срамом обратно, в любезную землю отчизны
„Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реясь?
„Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
„Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
„Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?
„Шествуй не медля к народу ахейскому; ревностно действуй;
„Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
„В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных“.

Так провещала; и голос вещавший познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но оную поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, ифакийский глашатай.
Сам Одиссей Лаертид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский, вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
„Муж знаменитый! Тебе ли, как робкому, страху вдаваться?
„Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
„Ясно еще ты не знаешь намерений думы царевой;
„Ныне испытывал он, и не медля накажет ахеян;

„В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
„Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
„Тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса;
„Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель“.

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
„Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
„Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
„Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
„Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам, аргивянам!
„Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
„Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
„Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими“.

Так он господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей,
С воплем: подобно как волны немолчно-шумящего моря,
В берег огромный гремят и гулом понт оглашают.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Ферсит меж безмолвными каркал один, праздисловный;
В мыслях имея всегда непристойные многие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
„Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
„Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
„В кущах твоих, которых тебе аргивяне избранных
„Первому в рати даем, когда города разоряем.

„Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
„Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
„Коего в узах я бы привел, иль другой аргивянин?
„Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
„В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
„Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
„Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
„В домы свои отплывем; а его мы оставим под Троей,
„Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
„Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.
„Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
„Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
„Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
„Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!“

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Ферсит; но внезапно к нему Одиссей устремился.
Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
„Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
„Смолкни, Ферсит, и не смей ты один порицать скиптроносцев.
„Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,
„Нет меж ахеян, с сынами Атрея под Трою пришедших.
„Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
„Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
„Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
„Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
„Ты, злополучный, Атрида, вождя и владыку народов,
„Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
„Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
„Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
„Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
„Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
„Пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемака,
„Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
„Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
„И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
„Вон из народного сонма, позорно избитого мною“.

Рек, и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Ферсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
„Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
„К благу всегда и совет начиная и брань учреждая.
„Ныне ж герой Лаертид совершил знаменитейший подвиг:
„Ныне ругателя буйного он обуздал велеречье!
„Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
„Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!“

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
С скиптром в руках; и подле героя Паллада Афина,
В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах и в далеких данайские мужи
Слышали речи его и постигнули разум совета.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
„Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
„Вечный позор перед племенем ясноглаголивых смертных,
„Слово исполнить тебе не радеют, которое дали,
„Ратью сюда за тобою летя из цветущей Геллады,—
„Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.
„Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,
„Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом возвратиться.
„Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
„Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
„Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
„Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
„Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
„Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
„Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
„Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома возвратиться!
„Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
„Верить ли нам пророчеству Калхаса, или не верить.

„Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
„Коих еще не постигнули смерть наносящие Парки.
„Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
„Сонмом слетались, несущие гибель Приаму и Трое;
„Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
„Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
„Где, из-под корня древесного, била блестящая влага.
„Там явилося чудо! Дракон и кровавый и пестрый,
„Страшный для взора, самим олимпийцем на свет извлеченный,
„Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
„Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листами таяся,
„Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
„И девятая матерь, недавно родившая пташек...
„Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
„Матерь кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
„Вверх он извившись, схватил за крыло и стенящую матерь.
„Но, едва поглотил он и юных пернатых, и птицу,
„Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
„В камень его превращает сын хитроумного Крона;
„Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
„Страшное чудо богов при священных явилося жертвах.
„Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
„Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Геллады?
„Знаменьем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
„Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
„Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
„(Восемь их было в гнезде и девятая матерь пернатых),
„Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
„Но в десятый разрушим обширную стогнами Трою.
„Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.
„Бодрствуйте ж, други, останемся все, браноносцы данаи,
„Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!“

Рек,— и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:

„Боги! В собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
„Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.
„Что и моления наши и клятвы священные будут?
„Или в огонь и советы пойдут и заботы ахеян,
„Вин возлиянья и рук сочетанья на верность союзов?
„Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
„Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
„Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
„Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
„Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
„Их ты оставь исчезать,— не исполнятся помыслы робких:
„Нет, не воротимся к Аргос, доколе мы въявь не познаем,
„Зевса, эгиды носителя, ложен обет, иль не ложен.
„Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
„В самый тот день, когда на суда быстролетные сели
„Рати ахеян, троянам грозя и бедою, и смертью:
„Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
„Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться,
„Прежде, покуда троянской жены на одре не обымет
„И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
„Если же кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
„Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
„Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и погибель.
„Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
„Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
„Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
„Пусть помогает колено колену и племени племя.
„Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
„Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
„Робок, иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
„Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града,
„Или по слабости войск и неведенью ратного дела“.

Сыну Нелея не медля ответствовал царь Агамемнон:
„Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!
„Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
„Десять таких у меня из ахеян советников было,

„Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
„Наших героев руками плененный и в прах обращенный!
„Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
„В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
„Я с Ахиллесом Пелидом стязался за пленную деву
„Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
„Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
„Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
„Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.
„Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
„Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
„Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
„Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
„Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
„Разве что ночь наступившая воинов ярость разнимет.
„Пóтом зальется ремень на груди не единого воя,
„Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
„Пóтом покроется конь под своей колесницей блестящей.
„Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
„Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
„В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!“

Рек,— и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
Воют при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
Первого Нестора старца и критского Идоменея,
После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незваный,

Зная любезного брата, и как он в душе озабочен.
Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
„Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!
„Дай, чтобы солнце не скрылось, и мрак не спустился на землю
„Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных чертогов,
„Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;
„Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
„Медью пробив; и кругом его многие други трояне
„Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!“

Так он взывал, но к молитве его не склонился Кронион:
Жертвы приял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедра не медля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них распростерли части сырые.
Все сожигали они на сухих, безлиственных ветвях;
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
„Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!
„Более здесь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
„Делом великим не будем, которое бог нам вверяет.
„Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
„Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают.
„Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
„Сами пройдем, да скорее возбудим жестокую битву“.

Рек; не отринул совета владыка мужей Агамемнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.

Вестники подняли клич,— и они собирались поспешно.
Быстро цари, вкруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани вращая эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром развевалися, чистое злато,
Дивно плетенные все и цена им — стотельчие каждой.
С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без устали вновь воевать и сражаться.
Всем во мгновенье война им кровавая сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Словно огонь истребительный, вспыхнув на горных вершинах,
Лес беспредельный палит и далеко заревом светит,—
Так, при движении воинств, от пышной их меди чудесной
Блеск лучезарный кругом восходил по эфиру до неба.
Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи,
Диких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных
В злачном азийском лугу, при Каистре широко текущем,
Вьются туда и сюда и плесканием крыл веселятся,
С криком садятся противу сидящих и луг оглашают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
С шумом неслись на долину Скамандра; земля под толпами
Страшно кругом застонала от топота кòней и воев.
Стали ахеян сыны на лугу Скамандра цветущем,
Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною.
Словно как мух неисчетных рои собираясь густые
В сельской пастушеской куще, по ней беспрестанно кружатся
В вешние дни, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так неисчетны противу троян браноносцы данаи
В поле стояли и, боем дыша, истребить их горели.

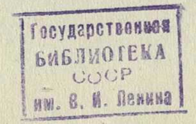
Их же, как пастыри коз меж бродящих стад необъятных
Скоро своих отлучают от чуждых, смешавшихся в пастве,
Так предводители их, впереди, позади учреждая,
Строили в бой; и меж них возвышался герой Агамемнон,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,

Станом — Арею великому, персями — Эинносигею.
Словно как бык среди стада стоит, перед всеми отличный,
Гордый телец, возвышается он меж телиц превосходный:
В день сей таким сотворил Агамемнона Зевс олимпиец,
Так отличил между многих, возвысил средь сонма героев.
Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа:
Вы — божества, вездесущи, и знаете всё в поднебесной;
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел не слабеющий голос и медные перси;
Разве, небесные Музы, Кронида великого дщери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
Аркезилай и Леит, Пенелей, Профоѐнор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Греи мужѐй и широких полей Микалесса;
Окрест Илезия живших и Гаумы и окрест Эрифры;
Всех обитателей Гил, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устроением пышный,
Копы, Эвтрез, и стадам голубиным любезную Физбу,
Град Коронею, и град Галиарт на лугах многотравных;
Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
Всех, населяющих град Гипофивы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посидонов алтарь и заветную рощу;
Арн, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфѐдон предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.
Град Аспледон населявших и град Миниѐев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ее возвышѐнный

Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.
  Вслед ополченья фокеян Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита, царя потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифон населяли;
Криссы веселые долы и Дàвлис и град Панопею;
Жили кругом Гиампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
Оба вождя устрояли ряды ополчений фокейских,
И близ беòтян, на левом крыле, ополчалися к бою.
  Локров Аякс предводил Оилеев сын быстроногий:
Меньше он был, не таков, как Аякс, Теламòнид могучий,
Меньше далеко его; невеликий в броне полотняной,
Но копьеметец отличный меж гелленов всех и данаев.
Он предводил племена, населявшие Кинос и Опус,
Вессу, Каллиар и Скарф и веселые долы Авгеи;
Тарфы и Фроний, где воды Воàгрия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
С воинством локров мужей, за священною живших Эвбеей.
  Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Коринфе приморском и в Диуме, граде высоком,
Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Каристе,
Вывел и в бой предводил Элефèнор, Ареева отрасль,
Сын Халкодòнов, начальник нетрепетных духом абантов.
Он предводил сих абантов, на тыле власы лишь растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясеневых копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.
  Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехфèя, которого в древние веки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных,—

Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней и мужей щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.
В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф крепкостенный,
Град Гермиону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезѐну, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых,
Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекѐстия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель:
Осмьдесят черных судов под дружинами их принеслося.
Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
И в богатом Коринфе и в пышных устройством Клеонах;
Орнии град населявших, веселую Арефирею,
Град Сикион, где царствовал древле Адраст браноносный,
Чад Гиперисии всех, Гоноѐссы высокоутёсной;
Живших в Пеллене, кругом Эгиона мужей обитавших,
Вдоль по поморью всему, и окрест обширной Гелики,—
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
Рать многочисленней всех, превосходнее всех ратоборцы
С ним принеслися; он сам облекался сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
Саном верховным своим и числом предводимых народов.
Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Бризии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гѐлосе, граде приморском;
Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих:
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;
Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,

Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахеян,
Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной Елены.
В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой,
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипариссию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелос и Дорион, место, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.
Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство брядать на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский:
С ним девяносто судов принеслись, красивые строем.
Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Близко могилы Эпита, мужей рукопашных на битвах,
В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами богатом,
В Рипе, Страт и мужей обитавших и в бурной Эниспе,
И Тегеи в стенах и в странах Мантинеи веселой,
В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших,—
Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.
Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.
Вслед вупразийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин пограничный,
И утес Оленийский и холм Алезийский вмещают:
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслось кораблей с многочисленной ратью эпёян.
Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалпий:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;
Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю равный,
Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.
Рать из Дулихии, рать с островов Эхинадских священных,

Тех, что за морем широким лежат против брега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который
Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отцова.
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Ифаке мужей и при Нѐрите трепетолистном;
Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших в Самосе,
Живших в Эпире мужей, и на бреге противолежащем,—
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.
Рать из племен этолийских Фоас предводил Андремонид,
Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,
И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде приморской.
Не было больше на свете сынов браноносных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр светлокудрый;
И в Этòлии царствовать вверено было Фоасу.
Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.
Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
В Гносе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,
Ликт населявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
И Мерион, Эниàлию равный, губителю смертных;
Осмьдесят черных судов принеслося под критской дружиной.
Но Тлиполѐм Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Иялѝс и Камир белокаменный вкруг населяли:
Сих предводил Тлиполем, копьеборец, гибельный в битвах,
Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астиохой,
Взятой героем в Эфире, у вод Селлеиса, когда он
Многие грады рассыпал питомцев Зевсовых юных.
Сей Тлиполем лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,

Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
Скрылся, бежа по морям, устрашаяся мести грозивших
Всех остальных, и сынов и потомков Геракловой силы.
Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человеков:
Он им богатства несметные свыше излил, олимпиец.
Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
Юный Нирей, от Харопа царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;
Но не мужествен был он, и малую вывел дружину.
Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
Град Эврипилов Коос и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный Антиф,
Оба Фессалом рожденные, царственным сыном Геракла.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.
Ныне исчислю мужей, в пелазгическом Аргосе живших,
Алос кругом населявших, и Алоп удел, и Трахину,
Холмную Ффию, Элладу, славную жен красотою,
Всех — мирмидонов, ахеян и элленов имя носящих;
Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.
Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.
В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
Гневный за дочь Бризееву, пышноволосую деву,
Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг и Минета.
Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.
В Филаке живших мужей, населявших Пираз цветущий,
Область Деметры любимую, матерь овец Итонею,
Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый морем,—
Сих ополчения Протезилай предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.

В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.
Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
Их же к сражениям строил Подаркес, Ареева отрасль,
Сын Филакида Ификла, владетеля стад среброрунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протезилая,
Но летами юнейший; и старше его и сильнее
Протезилай воинственный был; потерявши героя,
Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;
Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалося черных.
В Ферах живущих и вкруг при Бебеидском озере светлом,
Беб населявших, Глафиры и град Иаолк пышнозданный,
Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их,
Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дщерей.
Живших в Мефоне, и окрест Фавмакии нивы пахавших,
Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых,—
Сих племена Филоктет предводитель, стрелец превосходный,
Вел на семи кораблях; пятьдесят воссидело на каждом
Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.
Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
Скоро при черных судах о царе Филоктете воспомнят.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.
Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
Коего с Реной младою родил Оилей градоборец.
Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутесной,
И обитавший в Эхалии, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Живших в Ормении храбрых мужей, у ключа Гипереи,
В власти имевших Астерий и белые главы Титана,—

Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.
В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олооссон,—
Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший в битвах,
Ветвь Пиритоя, исшедшего в мир от бессмертного Зевса,
Сын, Пиритою рожденный женой Ипподамией славной,
В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
Сбил с Пелиона кентавров и гнал до народов эфиков.
Он предводил не один, но при нем Леонтей бранодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчалося черных.
Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя эниан и воинственных, сильных перребов,
Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли пахавших, по коим шумит Титарезий веселый,
Быстро в Пеней устремляющий пышно катящиесь воды,
Коих нигде не сливает с Пенеем сребристопучинным,
Но всплывает наверх и подобно елею струится:
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.
Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пенея и вкруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Профоой быстрый:
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?
Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретиад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,
Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах пиерийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.
Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атреева сына,

В сердце питая; дружины его на береге моря
Дисков и сулиц и стрел забавлялися праздным метаньем.
Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруи, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
Так застонала глубоко земля под стопами народов,
Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

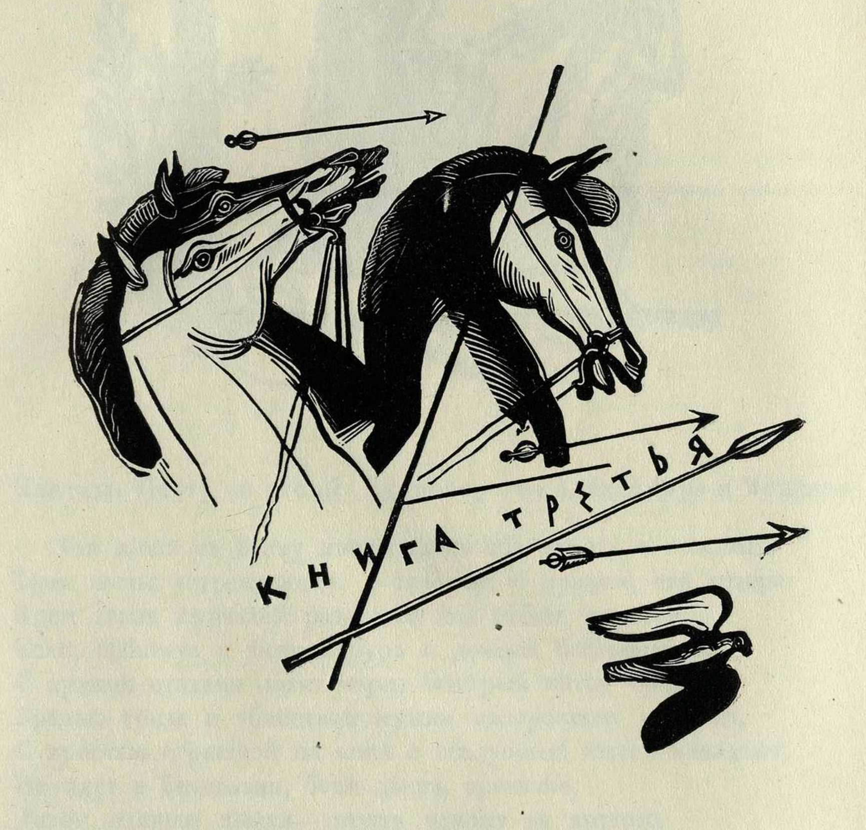
Тою порою троянам подобная вихрям Ириса,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
Став посреди, провещала посланница Зевса, Ириса,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
В виде его провещала посланница Зевса Ириса:
„Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
„Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!
„Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
„Но вовек таковых и толиких я ратей не видел!
„Как листы на древах, как пески при морях, неисчетны
„Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
„Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
„Много народов союзных в Приамовом граде великом,
„Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.
„Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
„Он и вождем на боях и строителем граждан да будет“.

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:
Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.
Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеёй,
Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины.
Там и троян и союзников их разделилися рати.

Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий,
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчилися мужи, копейщики, бурные в битве.
Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.
Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелох:
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
Граждан богатых, пиющих Эзеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.
Но Адрастеи мужей, Питиеи и веси Апеза,
И народ, заселявший Терею, высокую гору,
Сих предводили Адраст и Амфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Меропа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Трою итти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.
В Перкоте живших мужей и кругом населявших Практион,
Грады Сèстос, Абйдос и граждан священной Аризбы
Рати устроивал Азий, мужей повелитель, Гиртакид,
Азий Гиртакид, который на пламенных кòнях великих
В Трою принесся из дальней Аризбы, от вод Селлеиса.
Гиппофóой предводил племена копьеборных пелазгов,
Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;

Гиппофоой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пелазгийского Лефа, Тевталова сына.
Но фракиян предводил Акамас и воинственный Пирос.
Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.
Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,
Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.
Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в странах Амидона, где катится Аксий широкий,
Аксий, водою чистейшей священную землю поящий.
Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадятся дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.
Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.
Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.
Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригиян, и оба, бесстрашные, боем пылали.
Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
Оба сыны Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высоком рожденных.
Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Ффиров лесистую гору,
И Меандра поток и Микала вершины крутые;
Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номионова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, украшаяся златом, как дева.
Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.
Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
Живших далеко в Ликии, при Ксанфе глубокопучинном.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая

Так лишь на битву построились оба народа с вождями,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают.
Но идут в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая,— стоять одному за другого.

Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень,—
Так из-под стоп их прах, подымаяся мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.

И, когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,

С кожею парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.

Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой,—
Радостью вспыхнул как лев, на добычу нежданно набредший,
Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
Гладный, неистово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами младыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прянул на землю.

Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты,—
Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь Атреева сына.

Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
„Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
„Лучше бы ты не родился, или безбрачен погибнул!
„Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
„Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
„Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
„Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
„Вид твой красён, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
„Бывши таков ты, однако дерзнул в кораблях мореходных
„Бурное море исплавать, с толпою клевретов любезных,
„В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
„Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,

„В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
„В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!
„Что же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы
„Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.
„Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
„Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смесился.
„Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
„Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!“

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
„Гектор, ты в праве хулить, и твоя мне хула справедлива.
„Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
„Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
„Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
„Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
„Но не порочь ты любезных даров златой Афродиты.
„Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам бессмертных:
„Их они сами дают; произвольно никто не получит.
„Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
„Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
„И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;
„Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
„Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
„В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
„Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святые, владейте
„Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
„Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою“.

Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью:
И, на средину исшед, и копье ухватив посредине,
Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.
Но на Гектора луки ахеян сыны натянули,
Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
„Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
„Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий“.

Рек,— и ахеяне прѐрвали бой, и немедленно стали
Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:
„Сонмы троян и ахеян красивопоножных! внимайте,
„Что предлагает Парис, от которого брань воспылала.
„Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
„Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
„Сам посреди ополчений с воинственным он Менелаем
„Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
„Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
„В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
„Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим“.

Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:
„Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
„Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
„Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
„Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.
„Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
„Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь не медля.
„Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу
„Солнцу принесть и земле; а Крониду пожрем мы другого.
„Пусть призовут и Приама владыку, да клятву положит
„Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
„Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
„Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
„Старец, меж ними присущий, вперед и назад прозорливо
„Смотрит, обеих сторон соблюдая взаимную пользу“.

Так говорил, и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконец от трудов изнурительной брани:
Коней становят в ряды, с колесниц своих прядают сами;
Быстро снимают доспехи, на зѐмлю слагают их близко
Друг против друга: меж воинств осталося узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнцев поспешно принесть и древнего вызвать Приама.

Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию
К сеням ахейским итти и принесть на заклание агнца;
Он поспешил, повинуясь державному сыну Атрея.

С вестью Ириса явилась к Елене лилейнораменной.
Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антенорид царь Геликаон,
Образ младой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.
К ней приступив, быстроногая так говорила Ириса:
„Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
„Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
„Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
„В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
„Ныне безмолвно стоят; прекратилася брань; ратоборцы
„Все на щиты преклонилися, копья их воткнуты в землю.
„Но герой Александр и Атрид Менелай браноносный
„С копьями длинными выйдут одни за тебя подвизаться;
„И супругой любезной тебя наречет победитель“.

Так изрекла и влияла ей в душу сладкие чувства,
Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, сребристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из терема шествует, с нежной слезой на ресницах.
Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный,
Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева отрасль,
Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,
Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:

Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.
Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
„Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
„Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
„Истинно, вечным богиням она красотою подобна!
„Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Гелладу;
„Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!“

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
„Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
„Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
„Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
„Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
„Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
„Кто сей, пред ратью ахейской, муж и великий и мощный?
„Выше его головой меж ахеями есть и другие,
„Но толико прекрасного очи мои не видали,
„Ни толико почтенного: мужу царю он подобен!“

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
„Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
„Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
„Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
„Братьев, и милую дочь, и веселых подруг мне бесценных!
„Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
„Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданион:
„Муж сей есть пространнодержавный Атрид Агамемнон,
„Славный в Гелладе, как мудрый царь и как доблестный воин.
„Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!“

Так говорила,— и старец, дивяся Атриду, воскликнул:
„О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!
„Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!
„Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
„Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;
„Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:

„Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
„Там находился и я, и союзником оных считался,
„В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
„Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев“.

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
„Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
„Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнон,
„Но плечами он шире и персями с вида взрачнее.
„Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
„Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит:
„Он мне подобным овну представляется, пышному волной,
„В стаде который великом гуляет меж агниц сребристых“.

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
„Муж сей, почтенный Приам, Лаертид Одиссей многоумный,
„Взросший в народе Ифаки, питомец земли каменистой,
„Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов“.

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
„Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
„Некогда к нам приходил Одиссей Лаертид знаменитый,
„Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.
„Я их тогда принимал и угащивал дружески в доме;
„Свойство узнал обоих и советов их разум изведал.
„Если они на собранья троянские вместе являлись,—
„Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
„Сидя же вместе, почтеннее был Одиссей благородный.
„Если они пред собранием думы и речи сплетали,—
„Царь Менелай всегда говорил, изъясняяся бегло,
„Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
„Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.
„Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
„Тихо стоял и в землю смотрел, потупивши очи;
„Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
„Но незыбно держал, человеку простому подобный.
„Счел бы его ты разгневанным мужем или скудоумным.
„Но когда издавал он голос могучий из персей,

„Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!
„Нет, ни единый бы смертный стязаться не смел с Одиссеем;
„Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду“.

Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
„Кто еще оный ахеянин, столько могучий, огромный?
„Он и главой и плечами широкими всех перевысил?“
Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
„Муж сей — Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.
„Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
„Идоменей, и при нем предводители критян толпятся.
„Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
„В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.
„Вижу и многих других быстрооких данайских героев;
„Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
„Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
„Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком,
„Братья, которых со мною родила единая матерь.
„Или они не оставили град Лакедѐмон веселый?
„Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных;
„Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
„Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!“

Так говорила; но их уже матерь земля сокрывала
Там, в Лакедѐмоне, в недрах любезной земли их родимой.
Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнцев и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу и кубки златые;
Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:
„Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают вельможи
„Трои сынов конеборных и меднодоспешных данаев
„Выйти на ратное поле, да клятвы святые положат.
„Ныне герой Александр и с ним Менелай браноносец
„С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
„Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;
„Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем

„Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
„Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою“.

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
Коней запречь в колесницу; они покорились охотно;
Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,
Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между троян и ахеян срединою шествуют старцы.
В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамемнон,
Мудрый восстал Одиссей, и почтенные вестники жертвы
К клятвам святым совокупно представили; в чаше единой
Вина смесили и на руки воду царям возлияли.
Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши
Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
Волну отрезал на агнчих главах, и глашатаи оба,
Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.
Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:
„Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
„Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!
„Реки, земля, и вы, что в подземной обители души
„Оных караете смертных, которые ложно клянутся!
„Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святые:
„Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
„Он и Елену в дому и сокровища все да удержит;
„Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
„Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
„Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
„Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
„Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков.
„Если же мне и Приам и Приама сыны отрекутся
„Должную дань заплатить по паденьи уже и Париса,
„Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
„Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству“.

Рек и гортани овнов пересек он суровою медью
И на злачной земле положил их, в трепете смертном
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.
После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:
„Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
„Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
„Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
„Их вероломных и чад,— и пришельцы их жен да обымут!“

Так возглашали, но их мольбы не исполнил Кронион.
Царь Дарданид между тем обратился к народам, вещая:
„Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
„Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
„Мне не достанет сил, чтобы видеть своими очами
„Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
„Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
„В битве кому из подвижников смертный конец предназначен“.

Рек,— и овнов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.
Старцы, назад обратяся, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
Прежде измерили место сражения; после, повергнув
Жребии в медный шелом, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопротивника первый копье медяное пустит.
Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:
„Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
„Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
„Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
„Нам же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!“

Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.

Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбруи.
Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздный
С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;
Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривою конскою; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

И едва лишь каждый в дружине своей воружился,
Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.
Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Но — не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пикой
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
„Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!
„В прах моею рукой низложи Приамида Париса;
„Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных потомках
„Злом воздавать за приязнь добродушному гостеприимцу“.

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пронзила
И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.

Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч сребргвоздный,
Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шеломом
В три и четыре куска раздробившися, пал из десницы.
Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:
„Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
„Я наконец уповал покарать Александра злодея;
„И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
„Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!“

Рек,— и напал на него, и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившися к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный—
Вплоть у него под брадой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьем; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу.
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедѐмоне граде
Вȯлну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
„В дом возвратися, Елена: тебя Александр призывает.
„Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
„Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
„С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
„Хочет итти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив“.
Так говорила,— и душу Елены в груди взволновала:
Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,

Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
„Ах, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
„Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
„Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
„Если и там обитает любезный тебе земнородный?
„Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
„Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
„Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?
„Шествуй к любимцу сама, от путей отрекися бессмертных
„И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
„Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
„Будешь им названа или супругою, или рабою!
„Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
„Ложе его украшать; надо мною троянские жены
„Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!“

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
„Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
„Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
„Вместе обоих народов, троян и ахеян, свирепство
„Я на тебя обращу, и погибнешь ты бедственной смертью!“

Так изрекла,— и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
„С битвы пришел ты? О, лучше б, несчастный, навеки погибнул,
„Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
„Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя

„Силой своей и рукой и копьем превзойдешь в ратоборстве!
„Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
„Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
„Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
„Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
„Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!“

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
„Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердца;
„Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
„После и я побежду: покровители боги и с нами.
„Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
„Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
„Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
„Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных,
„И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
„Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный“.
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательно-убранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший:
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
„Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
„Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
„Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
„Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
„Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков“.

Так Агамемнон вещал,— и в хвалу восклицали ахейцы.

5*

Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном

Боги, у Зевса отца, на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
Вдруг олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:
„Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
„Гера Аргивская и Тритогѐния Алалкомена.
„Обе, однако, вдали воссидя и с Олимпа взирая,
„Сим утешаются; но с Александром везде Афродита,
„Помощь ему подает, роковые беды отражает,
„И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
„Но победа над ним несомненно царя Менелая.
„Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
„Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
„Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?

„Если сие божествам и желательно всем и приятно,
„Будет стоять нерушимою Троя Приама владыки,
„И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится“.

Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
„Сердцем жестокий Кронион! какой ты глагол произносишь?
„Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным и пот мой бесплодным,
„Коим, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
„Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
„Волю твори; но не все от бессмертных ее мы одобрим“.

Ей негодующий сердцем ответствовал Зевс тучеводец:
„Злобная! старец Приам и Приамовы чада какое
„Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
„Град Илион истребить, благолепную смертных обитель?
„Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
„Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
„И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
„Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
„Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
„Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
„Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
„Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человеков,—
„Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
„Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
„Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
„Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,
„Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
„Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама.
„Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
„Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает“.

Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
„Три для меня наипаче любезны ахейские града:

„Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
„Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
„Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
„Сколько бы в гневе моем ни противилась их истребленью,
„Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
„Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
„Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
„И, богиня старейшая, дщерь хитроумного Крона,
„Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
„Ты нарицаешь, ты, над бессмертными всеми царящий.
„Но оставим вражду и, смиряяся друг перед другом,
„Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
„Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
„Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
„Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
„Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".

Так говорила,— и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
„Быстро, Афина, лети к ополченью троян и данаев;
„Там искушай и успей, чтоб славою гордых данаев
„Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".

Рек — и подвигнул давно пылавшую сердцем Афину:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вкруг из нее неисчетные сыплются искры,—
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
„Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
„Быть перед Троей; или полагает мир между нами
„Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель".

Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,

Мужа Лао̀дока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, ищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
Пандар, стоял, и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
„Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
„Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?
„В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
„Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
„Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
„Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай браноносный,
„Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
„Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
„Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
„Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
„В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены“.

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прянуть: ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.
Лук сей блестящий стрелец, натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрѐлу,
Новую стрѐлу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрѐлу
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
Разом повлек и пернатой ушки и воловую жилу;

Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дщерь светлоокая Зевса:
Став пред тобою, она возбраняет стреле смертоносной
К телу касаться; ее отражает, как нежная матерь
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
Медь направляет богиня туда, где застежки златые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
И насквозь растерзала изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробила,
Повязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую повязь пронзила
И рассекла могучая верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Так, как слоновая кость, обагренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждут обресть; но лежит драгоценная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньем и коннику славой,—
Так у тебя, Менелай, обагрилися пурпурной кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюсь током из язвы.
В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
„Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
„Выставив против троян одного за данаев сражаться:

„Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
„Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
„Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.
„Если теперь совершить олимпийский Зевес не рассудит,
„Поздно, но он совершит,—и трояне великою платой,
„Женами их и детьми, и своими главами заплатят.
„Твердо уверен я в том, убеждаяся духом и сердцем,
„Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
„Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
„Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,
„Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
„Сим вероломством прогневанный: то неминуемо будет.
„Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горесть,
„Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
„Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
„Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
„В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
„Нашу Елену и кости твои середь поля истлеют,
„Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.
„Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
„Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
„Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!
„Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
„Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
„Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая героя.
„Скажет,—и тогда расступися земля подо мною!“

Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
„Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
„В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
„Запон мой испещренный ее укротил, а под оным
„Пояс и повязь, которую медники мужи ковали“.

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
„Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
„Язву же врач знаменитый не медля тебе испытает
„И положит врачеств, утоляющих черные боли“.

Рек — и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:
„Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,
„Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.
„Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
„Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
„Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!“

Рек — и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:
Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями.
Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:
„Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;
„Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,
„Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
„Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!“

Так говорил он,— и душу Махаона в персях встревожил.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску данаев,
И, когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый
Был поражен, где собравшись ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;
Но, когда он повлек, закривились шипы у пернатой.
Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и повязь, которую медники мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелою;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

Тою порой, как данаи заботились вкруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;
Снова данаи оружьем покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным:
Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;

Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев:
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившися пеш, проходил он ряды ратоборцев.
Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбудительной речью:
„Аргоса вои, воспомните ныне кипящую доблесть!
„Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
„Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье,—
„Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
„Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
„В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Трою“.

Но, встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:
„Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
„Что пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
„Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
„Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы,—
„Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
„Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
„Наших судов лепокормных, на береге моря седого,
„Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?“
Так он, начальствуя, вкруг обходил ратоборные строи.
Скоро приближился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вкруг отважного Идоменея;
Идоменей впереди их подобился вепрю, могучий;
Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамемнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:
„Идоменей, тебя среди сонма героев ахейских
„Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
„Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
„К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
„Где предводители прочие меднодоспешных данаев
„Пьют известною мерой, но кубок тебе непрестанно

„Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
„Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней гордился“.

И Атриду ответствовал критских мужей воевода:
„Славный Атрид, неизменно твоим я остануся другом,
„Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
„Но спеши и других возбудить кудреглавых данаев.
„Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы
„Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
„Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!“

Так он вещал,—и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пеших.
Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представляяся черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру,—
Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копья.
Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон
И, к вождям обратяся, крылатую речь устремляет:
„Храбрые мужи, Аяксы, вожди меднолатных данаев!
„Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
„Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
„Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб луконосец!
„Если б у каждого в персях подобное мужество было,
„Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
„Наших героев руками плененный и в прах обращенный!“

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
Строил свои он дружины и дух распалял их на битву.
Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель народов.

Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
„Нет,— чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
„Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться,
„Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
„Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
„Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
„Так поступая, и древние стены и грады громили,
„Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях“.

Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою
И, обратяся к нему, устремляет крылатые речи:
„Если бы, старец, доныне еще, как душа твоя в персях,
„Ноги служили тебе, и осталися в свежести силы?
„Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
„Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!“

И Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
„Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
„Быть таковым, как я был, поразивший Эревфалиона.
„Но совокупно всего не дают божества человекам:
„Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
„Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
„Словом моим и советом: вот честь, остающаяся старцам.
„Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
„Родшиесь после меня и надежные больше на силу“.
Так произнес,— и Атрид удаляется, радостный сердцем;
Он Менесфея, отличного конника, близко находит
Праздно стоящим, и окрест — афинян, искусных в сраженьях.
Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
Праздно стояли, еще не слыхавшие бранной тревоги:

Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахеян, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.
Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
„Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса!
„Так же и ты, одаренный коварствами, хитростей полный!
„Что, укрываяся здесь, вы стоите, других ожидая?
„Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
„Быть впереди и пылающей брани в лицо устремляться.
„Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
„Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
„Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
„Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
„Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
„Вас упредили фаланг и пред вами сражалися медью“.

Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
„Речи какие, Атрид, из уст у тебя излетают?
„Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если ахейцы
„Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
„Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
„Узришь отца Телемакова в битве с рядами передних
„Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!“

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,
И, к нему обращаяся, начал он новое слово:
„Сын благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
„Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
„Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
„Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
„Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
„После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!“

Так произнесши, оставил вождей и к другим устремился.
Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим
Подле коней и своей составной колесницы блестящей;

С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.
Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
Он к Диомеду воззвал, устремляя крылатые речи:
„Мужа бесстрашного сын, укротителя ко̀ней Тидея,
„Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
„Так трепетать не в обычае было Тидея героя;
„Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
„Так говорили — дела его зревшие; я с браноносцем
„В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.
„Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
„Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
„Брань подымали они на священные фивские стены
„И просили микенян дать им союзников славных.
„Те соглашалися дать и решились исполнить прошенье;
„Но Зевес отвратил их явлением знамений грозных.
„Оба вождя отошли и путем обратным достигли
„Брега Асопа густокамышного, тучного злаком.
„Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
„В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
„Многих, пирующих в царском дому Этеокловой силы.
„Там, не взирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
„В страх не пришел, находяся один среди многих кадмеян:
„К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
„Всех победил: таково поборала Тидею Афина.
„Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
„И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев
„Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:
„Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
„И Автофонов сын, Ликофон, ненасытимый боем.
„Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
„Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
„Меона он отпустил, покоряяся знаменьям бога.
„Так был воинствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
„Доблестью бранною низшего, высшего только витийством“.
Рек он; ни слова царю Диомед не ответствовал храбрый,
Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки;
Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:

„Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь.
„Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
„Воинство в меньшем числе приведя под Арееву стену,
„Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,
„Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.
„Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
„Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!“

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
„Молча стой, Капанид, моему повинуясь совету:
„Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон,
„Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
„Слава ему, предводителю, если данайские мужи
„Мощь одолеют троян и святый Илион завоюют;
„Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.
„Но устремимся, и сами воспомним кипящую храбрость!“

Рек — и с высот колесницы с оружием прянул на землю.
Страшно медь зазвучала вкруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

Словно ко брегу гремучему быстрые волны морские
Идут, гряда за грядою, клубимые Зефиром-ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые скачут и брызжут соленую пену,—
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы богатого мужа в овчарне,
Стоя тмочисленные и млеком наполняя дойницы,
Все непрестанно блеют, отвечая блеянию агнцев,—
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,

Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть соступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит,—
Так от сразившихся воинств и гром разлиялся, и ужас.

Первый тогда Антилох поразил у троян браноносца
Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.
Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
И пронзает чело: пробежало глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упадшего за ноги царь захватил Элефенор,
Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных абантов,
И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь — но не долго его продолжалась забота:
Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агенор
В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.
Там он дух испустил, и при нем загорелося дело,—
Яростный бой меж троян и ахеян: как волки, бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

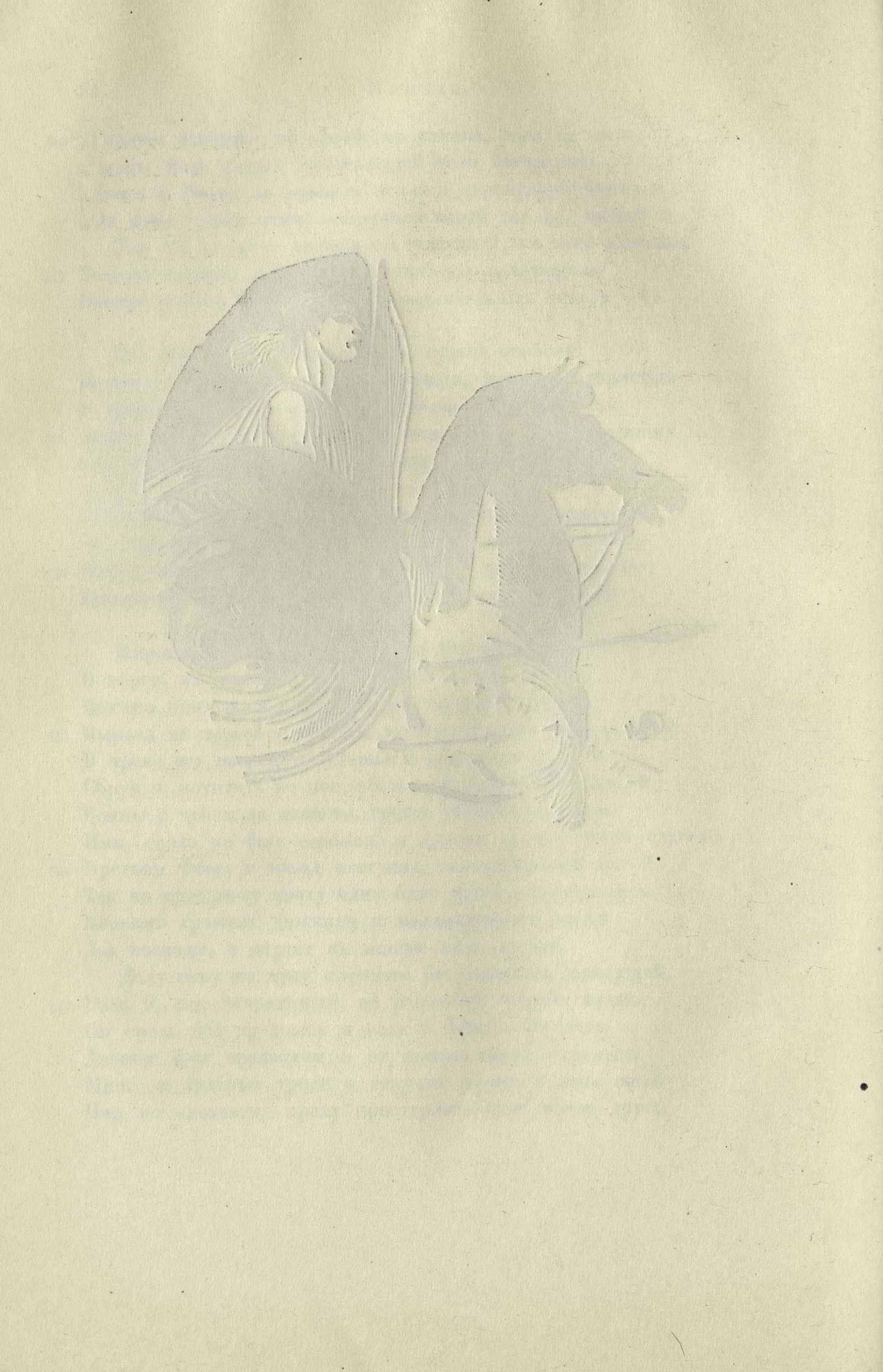
Тут поражен Теламонидом сын Анфемиона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого матерь,
Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых брегах Симоиса:
Родшийся там, наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.
Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через рамо
Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
В прахе лежит он и сохнет на бреге потока родного,—
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов
Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид пестролатный
Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;
Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
Гневом герой Одиссей за его пораженного вспыхнул;
Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;
К телу приближася, стал и, кругом оглянувшися, мощно
Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копье не напрасное ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,
В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.
Пикой его Лаертид, раздраженный за друга, уметил
Прямо в висок: на другую страну сквозь висок просверкнула
Острая пика,— и тьма Приамидовы очи покрыла:
С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.
Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;
Громко вскричали ахеян сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон раздражился,
Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:
„Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля

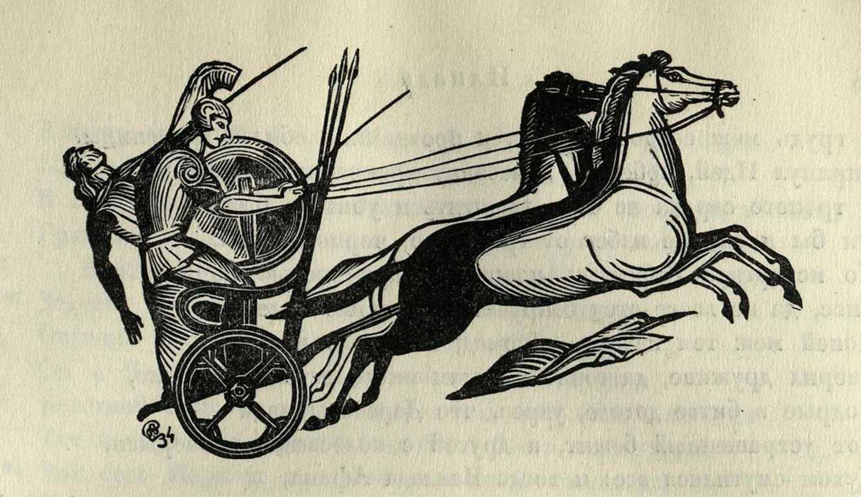
„Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
„Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.
„Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
„Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает“.
Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
Зевсова славная дочь, Тритогения, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубристым
В правую голень: его поразил предводитель фракиян,
Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаяся, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся,—и мрак осенил ему очи.

Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику
Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;
Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Воины с чубом на маковке, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебленный силой.
Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракиян и медноружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.
Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлося друг подле друга.

КНИГА ПЯТАЯ

Подвиги Диомеда

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
Блеском подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана,—
Пламень подобный зажгла вкруг главы и рамен Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волненье.

Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели противу Диомеда;
Но они на конях,— Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:

В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многоместным. Трояне,
Бодрые в битве дотоле, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
Духом смутилися все: и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
„Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
„Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
„Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
„Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?“

Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данаи; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:
Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.
Идоменей поразил меонийцем рожденного Бором
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.
Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаясь Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнометкий, гордился:

Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убегавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулся в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.
Вождь Мерион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеслые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
Воя сего Мерион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копием,—и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало:
С воплем он пал на колена, и падшего смерть осенила.
Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
Мегес Филид, на него устремяся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.
Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом,
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила багровая смерть и могучая участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахеян?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
Ни зеленых полей удержать изгороды не могут,

Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы,—
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелою
И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму
В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
Прямо вонзилась в плечо: оросилася кровию броня.
Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
„Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели копей!
„Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
„Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
„Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!"

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
„Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
„Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрёлу".

Так он сказал,—и Сфенел с колесницы спрянул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюсь стрёлу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
„Слух преклони, необорная дщерь громоносного Зевса!
„Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
„В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
„Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
„Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает,—
„В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!"

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:

„Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
„В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
„Коим, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
„Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
„Ныне ты ясно познаешь и бога и смертного мужа.
„Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
„Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
„Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь, Афродита,
„Явится в брани, рази Афродиту острою медью“.

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившися, стал меж передних,
И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,
Ныне трикраты сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду,—
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
Первого в грудь у сосца поразил медножальною пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя старца;
Им отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенопса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой,—
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
Коней же отдал клевретам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
„Пандар! где у тебя и лук и крылатые стрелы?
„Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил,
„И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
„Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую в мужа,
„Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он
„Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!
„Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
„Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!“

Быстро Энею ответствовал славный сын Ликаонов:
„Храбрый Эней, благородный советник троян медполатных!
„Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
„Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
„Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
„Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
„Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
„Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
„Он и стрелу от него отразил, налетавшую быстро.
„Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
„В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
„И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;
„Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
„Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
„В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,

„Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
„Окрест висят, и для каждой из них двуяремные кони
„Подле стоят, утучняяся полбой и белым ячменем.
„Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
„Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
„Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
„Трои сынов предводить на побоищах бурных сражений.
„Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
„Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
„В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
„Коней оставил, и так устремился я пеш к Илиону,
„Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
„В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
„В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
„Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
„В злую годину, я вижу, и лук и пернатые стрелы
„Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
„Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
„Если я вспять возвращусь и увижу моими очами
„Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий,—
„Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
„Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
„В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!“

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
„Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
„Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
„Противостав, не изведаем оба оружием нашим.
„Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
„Троса кони каковы, несказанно искусные полем
„Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
„К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
„Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
„Шествуй, любезный; и бич и блестящие конские вожжи
„В руки прими ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
„Или врага принимай ты, а я озабочусь конями“.

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
„Сам удержи ты бразды и правь своими конями:
„Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
„Ежели мы побежим пред могучим Тидеевым сыном.
„Или они, оробевши, замнутся и с бранного поля
„Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
„Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
„Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
„Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
„Я же его, налетевшего, пикою острою встречу“.

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея не медля крылатую речь устремляет:
„Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
„Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
„Мощь обоих неизмѣрима: первый — стрелец знаменитый
„Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
„Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
„Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
„Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
„Между передних бросаясь, да жизни своей не погубишь“.
Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
„Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
„Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
„Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
„Даже на коней всходить мне не хочется; так, как ты видишь,
„Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина.
„Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
„Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.
„Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:
„Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
„Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
„Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
„Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
„И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.

„Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
„Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
„Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
„Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
„Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
„Шесть у Анхиза в дому родилося породы сей ко̀ней;
„Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
„Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
„Если сих ко̀ней похитим, стяжаем великую славу!"

Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,
Близко враги принеслися, гонящие ко̀ней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
„Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
„Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
„Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу".

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.
Радуясь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:
„Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, недолго
„Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!"
Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
„Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюся, оба
„Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
„Кровью своею насытить несытого бранью Арея!"

Так произнес — и поверг; и копье направляет Афина
Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокрушительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.
Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули троские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.
Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.

Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
Он перед ним и копье уставлял и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть грозящий
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей,—но размахивал им и один он;
Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая
Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой:
Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
Около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелев к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина, или как громящая грады Энио.

И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил,
Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медию персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
„Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
„Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
„Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед я надеюсь,
„Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!“

Рек,—и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
Скоро ошуюю брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком покрыты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:
„Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
„Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
„Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
„Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!“
Так изрекла,—и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
С нею Ириса взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса

И, отрешив от ярма, предложила амврозию в пищу.
Но Киприда стенящая пала к коленам Дионы,
Матери милой, и матерь в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
„Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
„Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?“

Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
„Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
„Ранил за то, что Энея хотела я вынесть из боя,
„Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
„Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
„Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!“

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
„Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
„Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
„Мы пострадали, взаимно друг другу беды устрояя.
„Так пострадал и Арей, как его Эфиалтес и Отос,
„Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
„Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
„Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
„Если бы мачеха их, Эривея прекрасная, тайно
„Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
„Силы лишенного: страшные цепи его одолели.
„Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
„В перси ее поразил треконечною горькой стрелою.
„Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!
„Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
„Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
„Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
„Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
„Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
„В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
„Бога Пеон врачевством, утоляющим боли, осыпав,
„Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
„Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:

„Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
„Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
„Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
„Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
„Дети отцом его, на колени садяся, не кличут
„В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
„Пусть же теперь сей Тидид, не взирая на гордую силу,
„Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
„И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
„Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
„С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
„Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней“.

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера
Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;
Первая речь начала светлоокая дева Афина:
„Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
„Верно, ахеянку новую ныне Киприда склоняла
„Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
„И, быть может, ахеянку в пышной одежде лаская,
„Пряжкой златою себе поколола нежную руку?“

Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
„Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
„Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
„Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят“.

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить,
Трижды Тидид нападал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;

Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
„Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
„Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
„Племя бессмертных богов и по праху владычащих смертных!“

Так провещал,— и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак,
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака — Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вкруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
„Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
„Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
„Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?
„Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
„Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!“

Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
„О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
„Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
„Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
„Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
„Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
„Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!“

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:

„Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
„Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
„Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
„Здесь ни единого я не могу ни найти, ни приметить.
„Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;
„Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
„Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
„Так, и ликийские долы и ксанфские воды — далеки,
„Где я оставил супругу любезную, сына младенца
„И сокровища многие, коих убогий алкает.
„Но, не взирая на то, предвожу ликиян, и готов я
„С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
„Что бы могли у меня иль унесть, иль увесть аргивяне.
„Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодришь ополчений
„Храбро стоять, защищая и жен и детей в Илионе.
„Гектор, блюдись, да объяты, как всеувлекающей сетью,
„Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
„Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
„Ты о делах сих заботиться должен и денно и нощно,
„Должен просить воевод, дальноземных союзников ваших,
„Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить“.

Так говорил он, — и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю:
Острые копья колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распаляя сердца; и возжег он жестокую сечу!
Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевы рассевает по гумнам священным,
Жателям веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,

Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.
Сам же Энея вождя из святилища пышного храма
Вывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
 Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его вопросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил Сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

 Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
Ждали недвижные, тучам подобные, кои Кронион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу:
Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
 „Будьте мужами, друзья, и возвысьтеся доблестным духом;
„Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
„Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
„Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!“

 Рек — и стремительно ринул копье и переднего мужа
Деикоона уметил, Энеева храброго друга,
Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.
Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.
В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
Коего воды широко текут чрез Пилийскую землю.
Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
И от сего Диоклеса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.
Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут,—
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай браноносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалял ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
Выступил сам за передних, страшася, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
Тою порою герои и руки и острые копья
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух браноносцев увидя, один за другого стоящих.
Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
Сами, назад обратившися, между передних сражались.

Там Пилемѐна повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.
Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в выю уметил;
Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимния: кònей своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновой блестящие, пали на пыльную землю.
Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;
Он, тяжело воздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает,—
Так отступил Диомед и не медля воскликнул к народу:
„Други, почто мы дивимся, что ныне божественный Гектор
„Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
„С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
„С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
„Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
„Вы отступайте, с богами отнюдь не дерзайте сражаться!"

Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;

К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла побороть за Приама и всех Приамидов.
В запон его поразил Теламониев сын многомощный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал победитель,
Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.
Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
Он окружения сильного гордых троян убоялся:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
Ими, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так браноносцы сии подвизалися в пламенной битве.
Тою порой Тлиполем Гераклид, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиполем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
„Ликии царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
„Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?
„Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рожденьем!
„Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
„Кои от Зевса родились, меж древних племен человеков,
„И каков, повествуют, великая сила Геракла
„Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
„Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомѐдона коней,
„Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
„Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил!
„Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
„Нет, для троян, я надеюся, ты обороной не будешь,
„Ликию бросил напрасно, и будь ты стократно сильнейший,
„Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!“

Ликии царь Сарпедон Тлиполему ответствовал быстро:
„Так, Тлиполем, Геракл разорил Илион знаменитый,
„Но царя Лаомёдона злое безумство карая:
„Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
„И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
„Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
„Их от меня ты приймешь и, копьем сим поверженный, славу
„Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу“.

Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
Взнес Тлиполем; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида
В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.
Тут Сарпедона героя усердные други из битвы
Вынесть спешили; его удручала огромная пика,
Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пики извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
Так озабочены были трудящиесь вкруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынесть из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напав на ликиян, у множества души исторгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медию острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;
И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас данаям несущий. Обрадован друга приходом,

Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
„Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;
„Друг, защити! и пускай уже в вашем приязненном граде
„Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
„В дом возвратившемусь, в землю отечества милого сердцу,
„Там обрадовать мне и супругу и юного сына!“

Так говорил, но ему не ответствовал Гектор великий;
Быстро пронесся вперед, нетерпеньем пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пику
Храбрый, могучий Пела̀гон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылися мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалася в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец,
Воин бесстрашный Эно̀маос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропоясный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
„Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
„Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая

„В дом возвратить разрушителем Трои высокотвердынной,
„Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
„Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бурной!“

Так говоря, преклонила дочь светлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и златом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью, и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильного, Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

Гера не медля с бичом налегла на коней быстроногих;
С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,

Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать, иль смыкать перед ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
„Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
„Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
„Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
„В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
„К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
„Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
„Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?“

Гере не медля ответствовал туч воздыматель Кронион:
„Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
„Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби“.

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Сколько пространства воздушного муж обымает очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море,—
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
Где Симоис и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симоис разостлал амврозию сладкую в паству.
Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя побарать за данаев любезных.
И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомида вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима,—
Там пред аргивцами став, возопила великая Гера,

В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие:
„Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!
„Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
„Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
„Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
„Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!“

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
„Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
„Ростом Тидей был мал, но по духу воитель великий!
„Некогда я запрещала ему подвизаться, герою,
„Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахеян
„В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
„Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
„Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
„Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
„Всех победил: таково я сама поборала Тидею!
„Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
„И ободряю тебя с фригиянами весело биться;
„Но иль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
„Или связала робость бездушная! После сего ты
„Сын ли героя Тидея, великого в бранях Энида?“

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
„О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
„Искренно все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
„Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
„Но заветы я помню, какие мне ты завещала:
„Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных

„Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
„Явится в брани, разить Афродиту острою медью.
„Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
„Всем повелел, уклоняяся, здесь воедино собраться:
„Вижу Арея; гремящею битвою он управляет“.

Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
„Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
„Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
„Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
„Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
„Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
„Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
„Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
„Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
„Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!“

Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой,— и покорный мгновенно он спрянул;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрейшего мужа.
Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этолиян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
Шлемом Аида покрылась, да будет незрима Арею.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этолиян вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распростертого, где у сраженного душу исторгну.
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикою медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но рукой ухватив, светлоокая дщерь Эгиоха

Пику отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

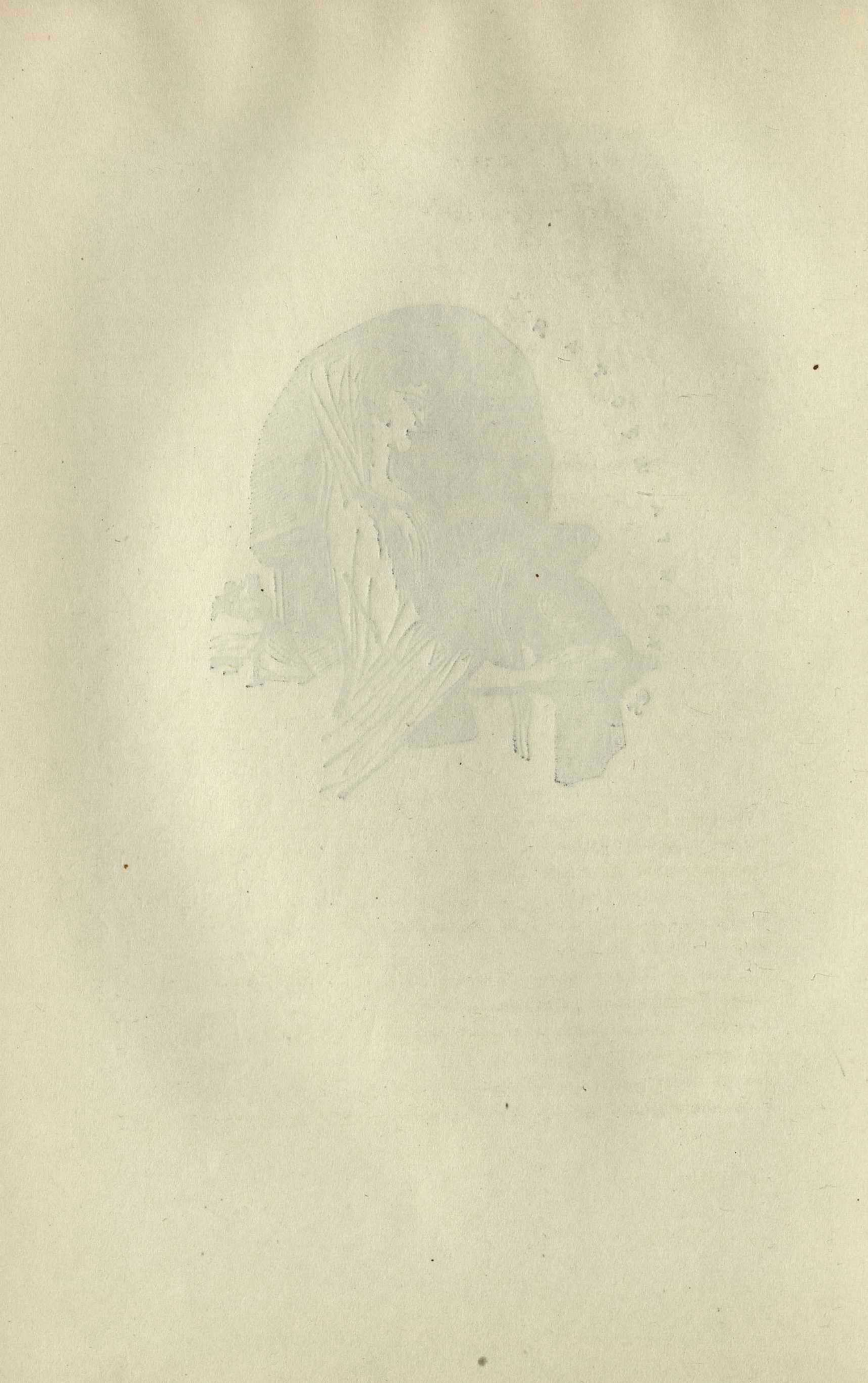
Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер,—
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
„Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодейства?
„Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
„Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
„Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дщери,
„Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
„Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
„Все мы тебе повинуемся, каждый готов покориться.
„Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
„Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь!
„Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
„С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
„Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
„После с копьем на меня самого устремился, как демон!
„Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
„Там я простертый страдал, между страшными грудами трупов,
„Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!“
Грозно воззрев на него, провещал громовержец Кронион:
„Смолкни, о ты, переметник! не вой близ меня воссидящий!

„Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
„Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны!
„Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
„Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
„Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
„Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
„Отрасль моя ты, и матерь тебя от меня породила.
„Если б от бога другого родился ты, столько злотворный,
„Был бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!“

Рек,—и его врачевать повелел громовержец Пеону.
Язву Пеон врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничный сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший,—
С равной Пеон быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

КНИГА ШЕСТАЯ

Свидание Гектора с Андромахой

Страшную брань меж троян и ахеян оставили боги;
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
Воинств, одни на других устремляющих медные копья,
Между брегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа.

Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев,
Прорвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
Мужа сразив, браноносца храбрейшего рати фракийской,
Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.
Мужа сего поражает он первый в шелом коневласый
И вонзает в чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.
Там же Аксила поверг Диомед, воеватель могучий,
Сына Тевфрасова: он обитал в велелепной Аризбе,
Благами жизни богатый и друг человекам любезный:
Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
Но из оных никто не избавил его от напасти,
В помощь никто не предстал; обоих Диомед воеватель

Жизни лишил — и его, и Калезия друга, который
Правил конями; и оба сошли неразлучные в землю.
Дреса, герой Эвриал, и Офелтия мощного свергнув,
Быстро пошел на Эсепа и Педаса, нимфой рожденных,
Абарбареей наядой, прекрасному Буколиону;
Буколион же был сын Лаомѐдона, славного мужа,
Старший в семействе, но матерью тайно, без брака рожденный:
Пастырь, у стад он своих сочетался любовию с нимфой;
Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила:
Юношам вместе и дух сокрушил и прекрасные члены
Сын Мекистеев, герой, и с рамен их похитил доспехи.
Там же, дышащий бранью, сразил Полипет Астиала;
Царь Одиссей перкозийского воя Пидита низринул
Медною пикой; и Тевкр Аретàона, храброго в битвах.
Несторов сын, Антилох, устремивши сияющий дротик,
Аблера сверг; и владыка мужей Агамемнон — Элата:
Он обитал на брегах светлоструйной реки Сатниона,
В граде высоком Педасе. Филака бегущего сринул
Леит герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланфея.

Но Адраста живым изловил Менелай копьеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мириковый куст колесницу с разбега ударив,
Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других устрашенные кони бежали.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатяся,
Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:
„Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
„Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
„Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
„С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
„Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!“

Так говорил — и уже преклонял Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлял поручить одному из клевретов

Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаю:
„Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
„Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
„В доме твоем! Чтоб никто не избег от погибели черной
„И от нашей руки; ни младенец, которого матерь
„Носит в утробе своей, чтоб и он не избег! да погибнут
„В Трое живущие все и лишенные гроба исчезнут!“

Так говорящий, герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адраста,
Молча, рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
Пику вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, вонзенную пику исторгнул.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
„Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
„Ныне меж вас да никто, на добычи бросаясь, не медлит
„Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.
„Нет, поразим сопротивников; после и их вы спокойно
„Можете все обнажить на побоище мертвые трупы“.

Так говоря, возбудил он и душу, и мужество в каждом.
В оное время трояне от дышащих бранью данаев
Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью духа,
Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:
„Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
„Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
„В каждом намереньи вашем, сражаться ли нужно, иль мыслить.
„Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
„Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
„Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!
„Но, когда вы троянские вкруг ободрите фаланги,
„Мы, оставаяся здесь, с аргивянами будем сражаться,
„Сколько бы ни были ими теснимы: велит неизбежность.

„Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
„Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
„В замок градской, перед храм светлоокой Паллады богини.
„Там, заключенные двери отверзя священного дома,
„Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из хранимых
„В царском дому, и который сама наиболее любит,
„Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.
„Пусть ей двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
„В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
„Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
„Если от Трои священной она отразит Диомеда,
„Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
„Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!
„Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
„Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид аргивянин
„Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!“
Так говорил он,—и Гектор послушался брата советов;
Быстро герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
Дух распаляя на бой; и восставил он страшную сечу.
В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
„Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
„Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
„Я не надолго от вас отлучуся в священную Трою
„Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
„Молят небесных богов, обетуя стотельчие жертвы“.

Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
Билась сзади его, по стопам и по вые, концами
Черная кожа, которая щит окружала огромный.

Главк между тем, Гипполохид, и сын знаменитый Тидея
Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Первый из них взговорил Диомед, воеватель могучий:
„Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
„Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
„Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
„Всех превосходишь, когда моего копия нажидаешь.
„Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
„Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,
„Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
„Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
„Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший.
„Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
„Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
„Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга
„Сулицей острой свирепо разимые; Вакх устрашенный
„Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,
„Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.
„Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
„Кронов же сын ослепил Дриатида; и после не долгой
„Жизнию он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.
„Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
„Если же смертный ты муж и воскормлен плодами земными,
„Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь“.

Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
„Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
„Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков:
„Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
„Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
„Так человеки: сии нарождаются, те погибают.
„Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
„Наших и предков, и род; человекам он многим известен.
„Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
„В оном Сизиф обитал, препрославленный мудростью смертный,
„Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.

„Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
„Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
„В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил;
„Злобно его из народа изгнал (повелитель ахеян
„Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион).
„С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
„Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
„Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
„И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
„Смерть тебе, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
„Он насладиться любовью со мной хотел, с не хотящей.
„Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
„Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
„В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
„Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
„Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
„Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
„Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
„Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель:
„Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
„Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
„Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
„Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.
„И, когда он приял злосоветные зятевы знаки,
„Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
„Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
„Лев головою, задом дракон и коза серединой,
„Страшно дыхала она пожирающим пламенем бурным.
„Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
„После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
„В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
„В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
„Но ему, возвращавшемусь, Прет погибель устроил:
„Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших в засаду
„Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
„Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.
„Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;

„В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
„Отдал ему половину блистательной почести царской;
„И ликийцы ему отделили удел превосходный,
„Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
„Трое родилося чад от премудрого Беллерофонта:
„Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
„С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
„И она Сарпедона, подобного богу, родила.
„Став напоследок и сам небожителям всем ненавистен,
„Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
„Сердце тоскою круша, убегая следов человека.
„Сына Исандра ему Эниалий, несытый убийством,
„Свергнул, когда воевал он с солимами, славным народом.
„Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.
„Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
„Он послал меня в Трою и мне заповедывал крепко
„Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
„Рода отцов не бесчестить, которые славой своею
„Были отличны в Эфире и в царстве ликийском пространном.
„Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся“.

Рек, — и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:
„Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавний!
„Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
„В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
„Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
„Дед мой, Иней, предложил блистающий пурпуром пояс;
„Беллерофонт же — златой подарил ему кубок двудонный:
„Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
„Но Тидея не помню: меня он младенцем оставил
„В дни, как под Фивами градом ахейское воинство пало.
„Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель,
„Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
„С копьями ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.
„Множество здесь для меня и троян и союзников славных;

„Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
„Множество здесь для тебя аргивян, поражай кого можешь.
„Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
„Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся“.

Так говорили они — и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялися.
В оное время у Главка рассудок восхитил Кронион:
Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценимый тельцов, обменял на стоящий девять.

Гектор меж тем приблизился к Скейским воротам и к дубу.
Окрест героя бежали троянские жены и девы,
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

Но, когда подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятья у цветущих супруг их стыдливых):
Там повстречала его милосердая матерь Гекуба,
Шедшая в дом к Лаодике, своей миловиднейшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:
„Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
„Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
„Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце:
„Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к олимпийцу?
„Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
„Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным;
„После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься;

„Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
„Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь“.
Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
„Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная матерь!
„Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
„Чермное ж Зевсу вино возлиять неомытой рукою
„Я не дерзну, и не должно сгустителя облаков Зевса
„Чествовать или молить оскверненному кровью и прахом.
„Но иди ты, о матерь, Афины добычелюбивой
„В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
„Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из хранимых
„В царском дому, и какой ты сама наиболее любишь,
„Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;
„И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
„В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
„Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
„Если от Трои священной она отразит Диомеда,
„Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
„Шествуй же, матерь, ко храму Афины добычелюбивой;
„Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
„Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
„Пожран землей! Воспитал олимпиец его на погибель
„Трое, Приаму отцу и всем нам, Приамовым чадам!
„Если б его я увидел сходящего в бездны Аида,
„Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!“

Так говорил,—и Гекуба не медля служительниц дома
Вызвала; жен благородных они собирали по граду.
Тою порою сама в благовонную горницу всходит;
Там у нее сохранилися пышноузорные ризы,
Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
Сам из Сидона привез, преплывая пространное море.
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.
Выбрав из оных одну, понесла пред Афину Гекуба
Большую, лучшую в доме, которая швением пышным
Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.
С оной пошла, и за ней благородные многие жены.

В замок градской им притекшим, ко храму Афины богини,
Двери пред ними развeрзла прелестная ликом Феано,
Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Афины богини.
Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
И с обетами молит рожденную богом великим:
„Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!
„Дрот сокруши Диомедов и дай, о богиня, да сам он
„Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
„Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
„В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
„Град помилуешь Трою, и жен и младенцев невинных!“

Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
Сам он дом сей устроил с мужами, какие в то время
В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.
В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло
Медное жало копья и кольцо вкруг него золотое.
Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он и латы и гнутые луки испытывал, праздный.
Там и Елена Аргивская в круге сидела домашних
Жен рукодельниц и славные им назначала работы.
Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:

„Ты не во время, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
„Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
„Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
„Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
„Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
„Шествуй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул“.

Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
„Гектор! ты в праве хулить, и твоя мне хула справедлива;
„Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
„Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
„Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
„Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
„Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
„Лучше итти мне сражаться: победа меж смертных превратна.
„Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
„Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю".

Рек он; ни слова ему не ответствовал Гектор великий.
К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:
„Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
„Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь матерь,
„Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору,
„Или в кипящие волны ревущего моря низринул,—
„Волны б меня поглотили, и дел бы таких не свершилось!
„Но, как такие беды божества предназначили сами,
„Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
„Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
„Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
„И за то, я надеюсь, достойным плодом насладится!
„Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,
„Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
„Ради меня недостойной и ради вины Александра:
„Злую нам участь назначил Кронион, что даже по смерти
„Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!"

Ей не медля ответствовал Гектор великий: „Елена,
„Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся;
„Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
„Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.
„Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспешает;
„Пусть он потщится меня в стенах еще града настигнуть.
„Я посещу лишь мой дом и на малое время останусь
„Видеть домашних, супругу драгую и сына младенца:

„Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я,
„Или меня уже боги погубят руками данаев“.

Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
Скоро достигнул герой своего благозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
Стал на пороге и так говорил прислужницам женам:
„Жены прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
„Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?
„Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
„Или ко храму Афины поборницы, где и другие
„Жены троян благородных грозную молят богиню?“

И ему отвечала усердная ключница дома:
„Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
„Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,
„Или ко храму Афины поборницы, где и другие
„Жены троян благородные грозную молят богиню,—
„К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
„Будто троян утесняет могучая сила ахеян;
„И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
„Словно умом исступленная; с ней и кормилица с сыном“.

Так отвечала,—и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона;
Сей Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликиян властитель державный;
Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,

Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
„Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
„Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
„Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
„Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
„Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
„Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой
„Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
„Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
„В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
„Фивы высоковоротные. Сам он убил Гетиона,
„Но не смел обнажить: устрашался нечестия сердцем;
„Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
„Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы
„Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
„Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
„Все и в единый день преселились в обитель Аида:
„Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
„В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
„Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
„Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
„Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
„Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
„Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
„Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
„Сжалься же ты надо мною и с нами останься на башне,
„Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
„Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
„Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
„Трижды туда приступая, на град покушались герои,
„Оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый,
„Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.

„Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
„Или, быть может, самих устремляло их вещее сердце“.

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
„Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
„Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
„Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
„Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
„Храбро всегда, меж троянами первыми, биться на битвах,
„Доброй славы отцу и себе самому добывая!
„Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
„Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
„С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
„Но не столько меня сокрушает грядущее горе
„Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
„Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
„Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
„Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
„Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
„И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
„Воду носить от ключей Мессеиса или Гиппереи,
„С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
„Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
„Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
„Всех конеборцев троян, как сражалися вкруг Илиона!
„Скажет,—и в сердце твоем пробудится новая горесть:
„Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
„Но, да погибну и буду засыпан я перстью земною
„Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!“

Рек—и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребень увидев косматый,
Грозно над шлемом отца всколебавшийся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы не медля снимает божественный Гектор,

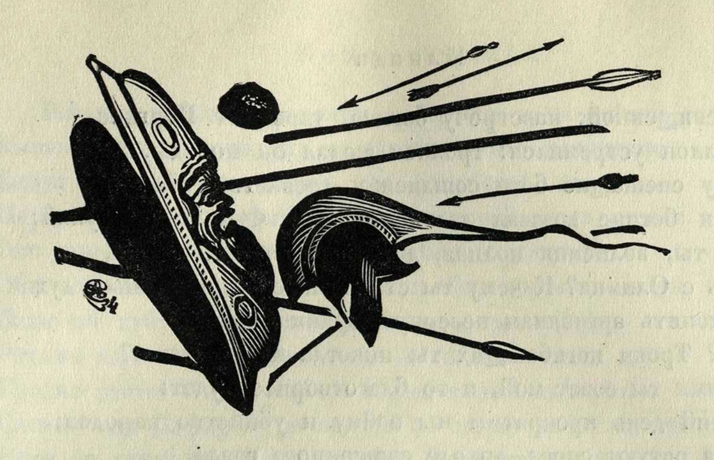
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
„Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
„Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
„Так же и силою крепок и в Трое да царствует мощно.
„Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
„Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
„Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!“
Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
„Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
„Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
„Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
„Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
„Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
„Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
„Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
„Всех, наиболе ж меня, в Илионе священном рожденных“.

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
Все о живом еще Гекторе плакали в Гектора доме.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не притти, не избегнуть от рук и свирепства данаев.

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;

Пламенный, плавать обыкший в потоке широкотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым:
Так лепокудрый Парис от высот Илионского замка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сияя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:
„Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
„Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?“
И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
„Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
„Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
„Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
„Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.
„Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
„Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
„Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
„После изгнанья из Трои ахеян меднодоспешных“.

книга седьмая

Единоборство Гектора и Аякса

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
С ним устремился и брат Александр: и душой Приамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши,—
Так воеводы троянам, их жаждущим, оба явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфоева сына,
Жителя Арны Менесфия, коего палиценосный
Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой.
Гектор вождя Эионея острою пикой ударил
В выю, под круг крепкомедного шлема и крепость разрушил.
Главк, Гипполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
Дексия, сына Ифиноя, в бурном сражении пикой
В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых:
В прах с колесницы он пал, и его сокрушилися члены.

Их лишь увидела светлая взором Афина богиня,
Так истребляющих воинов Аргоса в битве жестокой,
Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась

К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.
В встречу спешащие боги сошлися у древнего дуба;
Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:
„Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
„Сходишь с Олимпа? К чему ты стремима сим пламенным духом?
„Или склонить аргивянам неверную брани победу
„Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
„Но приими ты совет мой, и то благотворнее будет:
„Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;
„После да ратуют снова, доколе священного града,
„Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
„Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить".

Быстро воззвала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
„Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
„Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.
„Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?"

Снова богине ответствовал царь Аполлон сребролукий:
„Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.
„Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
„Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
„Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
„Сами возбудят бойца единоборствовать с Гектором славным".

Так говорил,—и склонилася дочь светлоокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен прорицатель, почувствовал духом
Оный совет, обоим божествам совещавшим приятный,
К Гектору брату предстал и так говорил воеводе:
„Гектор, пастырь народа, советами равный Крониду!
„Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
„Дай повеление сесть и троянам и всем аргивянам;
„Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
„Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.
„Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
„Слышал я голос такой небожителей вечноживущих".

Так произнес,— и восхитился Гектор услышанной речью:
Вышел один на средину и, взявши копье посредине,
Сшнул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.
Царь Агамемнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшися, словно как ястребы, хищные птицы,
Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любуясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты и шеломы и острые копья вздымая.
Словно как Зефир порывистый по морю зыбь разливает,
Если он вдруг подымается: море чернеет под нею,—
Ратей ряды таковы и троян и бесстрашных данаев
В поле сидели, и Гектор вещал, между ратями стоя:
„Трои сыны и ахеяне храбрые, слух преклоните;
„Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
„Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
„Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
„Битвы, покуда иль вы крепкобашенный град наш возьмете,
„Или падете от нас при своих кораблях мореходных.
„Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
„Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
„Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
„Так, говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
„Если противник меня поразит сокрушительной медью,
„Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;
„Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
„Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
„Если же я поражу, и меня луконосец прославит,—
„Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
„И повешу во храме метателя стрел Аполлона;
„Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдувесельным.
„Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
„И на брегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.
„Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков
„Скажет, плывя в корабле многовеслом по черному понту:
„Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:

„В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор!
„Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет“.

Рек,—и молчанье глубокое все аргивяне хранили:
Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахеян,
Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:
„Горе мне! о самохвалы! ахеянки вы—не ахейцы!
„Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,
„Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти:
„Но погибнете все вы, рассыпьтесь водою и прахом,
„Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!
„Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
„Жребий победы находится, в воле богов всемогущих“.

Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;
И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью
В мощных руках Приамида, далеко сильнейшего мужа,
Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,
За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:
„Ты исступлен, Менелай благородный! такое безумство
„Вовсе тебя не достойно: смири огорченное сердце;
„В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,
„С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!
„С ним и Пелид быстроногий на славных мужам ратоборствах
„С страхом встречается,—воин, тебя несравненно храбрейший!
„Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;
„Мы от ахеян ему одноборца другого возбудим;
„Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,
„С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден
„Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!“

Так говорящий герой отвратил помышление брата,
Правду ему говоря: покорился Атрид, и клевреты
Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.
Нестор от сонма ахеян восстал и вещал им печальный:

„Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
„Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,
„Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.
„Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,
„Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
„Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
„Верно, не раз к небожителям руки простреть, да скорее
„Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!
„Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
„Молод я был, как в те годы, когда у гремучего брега
„Билася рать пилиян и аркадян, копейщиков славных,
„Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.
„В воинстве их впереди Эревфалион, богу подобный,
„Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
„Славного Арейфооя, прозванием палиценосца,
„Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:
„Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотенным сражался,
„Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.
„Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
„В тесном проходе; не мог он себя булавой и железной
„Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,
„В чрево копьем поразил, и об дол он ударился тылом.
„Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
„После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
„Но, когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
„Отдал тяжелый доспех Эревфальону, ратному другу:
„Сими доспехами гордый, выкрикивал всех он храбрейших;
„Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
„Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
„С гордым сразиться, хотя между сверстников был я и младший.
„С ним я сразился, — и мне торжество даровала Афина!
„Больше всех и сильнейшего всех я убил человека!
„В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.
„Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
„Скоро противника встретил бы шлемом сверкающий Гектор!
„В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
„Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!“

Так их старец стыдил,— и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамемнон;
После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственник грозный,
Вождь Мерион, человеков губителю равный, Арею;
После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
Вслед Андремонид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
Столько восстало их, жаждущих с Гектором славным сразиться.
Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:
„Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
„Тот несомненно, я верю, возрадует души ахеян
„И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
„Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства".
Так произнес он,— и каждый, наметивши собственный жребий,
Бросил в медный шелом Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани к бессмертным горѐ воздевали;
Так не один говорил, на пространное небо взирая:
„Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
„Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида".

Так говорили,— а Нестор шелом сотрясал пред собраньем;
Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
Кто и означил и в шлем положил; Теламонид великий
К вестнику руку простер, и вестник, приближася, подал;
Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
На землю бросил его и к ахеям вскричал Теламонид:
„Жребий, ахеяне, мой! веселюся и сам я сердечно!
„Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
„Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
„Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
„Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.
„Или молитеся громко: мы никого не страшимся!

„Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля
„Силой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
„Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!“

Так говорил, а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:
„Зевс отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
„Дай ты Аяксу обресть и победу и светлую славу!
„Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь,—
„Равные им обоим и могущество даруй, и славу!“

Так говорили. Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро одеялся весь в боевые доспехи,
Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кронион
Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву:
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.
Все аргивяне, смотря на него, восхищалися духом;
Трепет невольный объял у троянина каждого члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди задрожало;
Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений укрыться
Не было боле возможности: сам на сражение вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
Медяный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:
„Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
„В рати ахейской земли каковы и другие герои
„Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!
„Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
„Празден лежит, на царя Агамемнона злобу питая.
„Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
„Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!“

Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
„Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
„Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь,
„Или как деву, которая дел ратоборных не знает.
„Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
„Щит мой умею направо, умею налево метать я,—
„Жесткую тяжесть,— и с нею могу неусталый сражаться;
„Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
„Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
„Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
„Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу".

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала:
Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пика,
В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,
Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотенную пику
И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,
Бурная: Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
Оба исторгнули вновь длиннотенные копья и разом
Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.
Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
Вскользь пробежало по вые,— и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор:
Но, назад он подавшися, камень рукою могучей
Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;
Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;

Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновым,
Ранил колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор,
Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамида
Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахеян,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
„Кончите, дети любезные, кончите брань и сраженье:
„Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
„Оба храбрейшие воины: в том убедилися все мы.
„Но приближается ночь; покориться и ночи приятно“.

Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
„Вестник, что ты произнес, повели произнесть Приамиду;
„Он вызывал на сражение наших храбрейших героев;
„Он и начни: покориться готов я, коль он пожелает“.

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
„Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
„Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.
„Кончим на нынешний день и борьбу и сражение наше;
„После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
„Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.
„Ныне приближилась ночь; покориться и ночи приятно.
„Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
„Более ж другов любезных и ближних, каких ты имеешь;
„Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
„Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
„Кои молиться о мне соберутся в божественном храме.
„Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
„Некогда пусть говорят и Троады сыны и Геллады:
„Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
„Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной“.

Гектор, слово окончивши, меч подает еереброгвоздный
Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным;
Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.

Так разлучася, герои — один к ополченьям ахейским
Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
Радуясь сердцем, смотрели, что шествует здрав и безвреден
Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;
В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
Так и Аякса красивопоножные мужи данаи
К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамемнон,
Тучного, жертвой заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.
Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован:
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
Но Аякса героя особо хребтом бесконечным
Сам Агамемнон почтил, повелитель ахеян державный.
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец в собрании первый слагать размышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
„Царь Агамемнон, и вы, воеводы народов данайских!
„Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
„Коих черную кровь по брегам пышноструйного Ксанфа
„Бурный Арей разлиял, и в Аид погрузились их души.
„Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
„Мы же, поднявшися дружно, свезем с побоища трупы
„В стан на волах и на месках и все совокупно сожжем их,
„Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
„Каждый в дом понесет, возвращаяся в землю родную.
„После, на месте сожженья, собравшись, насыплем могилу,
„Общую всем на долине, а подле построим не медля

„Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
„В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
„Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
„Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
„Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных, и пеших,
„Чтоб когда-либо рать не нагрянула гордых пергамлян“.

Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.
Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама владыки.
Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:
„Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
„Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
„Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
„Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
„Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
„Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я“.

Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:
„Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!
„Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам, примыслить!
„Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
„Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!
„Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли
„И скажу я их прямо: Елены не выдам, супруги!
„Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
„Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить“.

Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
Он, благомыслия полный, советовал так на соборе:
„Трои сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
„Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
„Ныне вы, дети мои, вечеряйте во граде, как прежде;
„Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.

„Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
„Мощным Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
„Думу поведать Париса, от коего распря восстала.
„Он и сию им изъмолвит разумную речь: не хотят ли
„Мало почить от погибельной брани, доколе убитых
„Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
„Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу“.

Так говорил,—и, внимательно слушая, все покорились.
Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.
Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
И обрел уж на сонме данаев, клевретов Арея,
Подле кормы корабельной царя Агамемнона. Вестник
Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:
„Царь Агамемнон и вы, предводители ратей ахейских!
„Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
„Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
„Сына его Александра, от коего распря восстала:
„Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
„В Трою из Аргоса вывез (о, лучше б он прежде погибнул!),
„Хочет все возвратить и собственных к оным прибавить;
„Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
„Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.
„Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
„Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
„Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
„Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу“.

Рек,—и молчанье глубокое все аргивяне хранили.
Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
„Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
„Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
„Что над градом троянским грянуть готова погибель!“

Так произнес,—и воскликнули окрест ахейские мужи,
Все удивляясь речам Диомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вещал Агамемнон державный:

„Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахеян:
„Так отвечают ахеяне, так я и сам помышляю.
„Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.
„Долг — ничего не щадить для окончивших дни человеков,
„И умерших немедленно должно огнем успокоить.
„Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!“

Так произнес — и горѐ небожителям поднял он скипетр;
И обратно Идей отошел к Илиону святому.
Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вестник почтенный. Идей возвратился и, став посреди их,
Весть произнес; и, поднявшись, трояне готовились быстро,—
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.
Сонмы ахеян равно от судов многовеслых спешили,—
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Выйдя из тихотекущих глубоких зыбей океана
В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.
Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
Клали тела на возы, проливая горючие слезы;
Громко рыдать Приам запрещал им: трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращалися к Трое священной.
Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

Не было утро еще, но седели уж сумраки ночи,
И на труд поднялися ахеян отборные мужи.
Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
Башни высокие, воинству их и судам оборону;
В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.

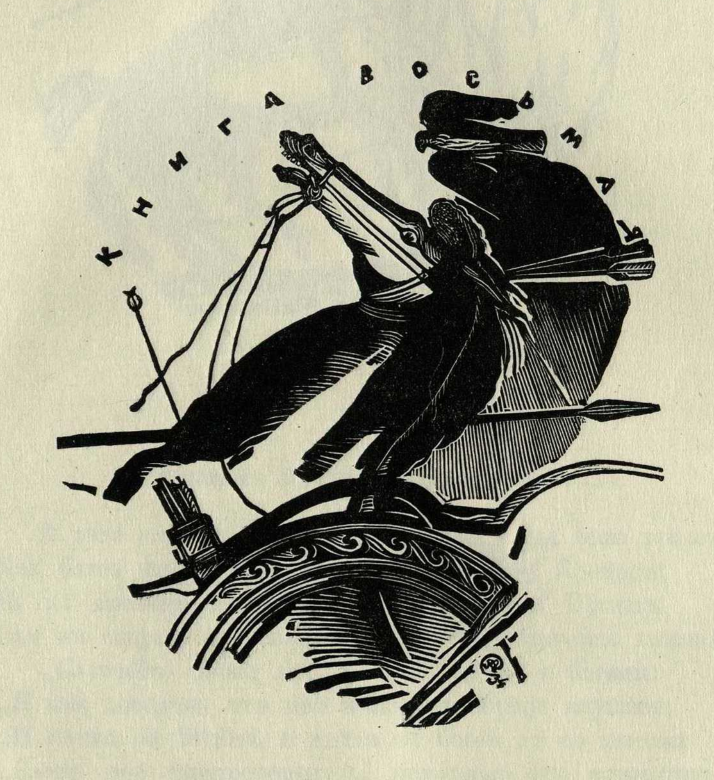
Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.
Так подвизалися там кудреглавые мужи ахейцы.

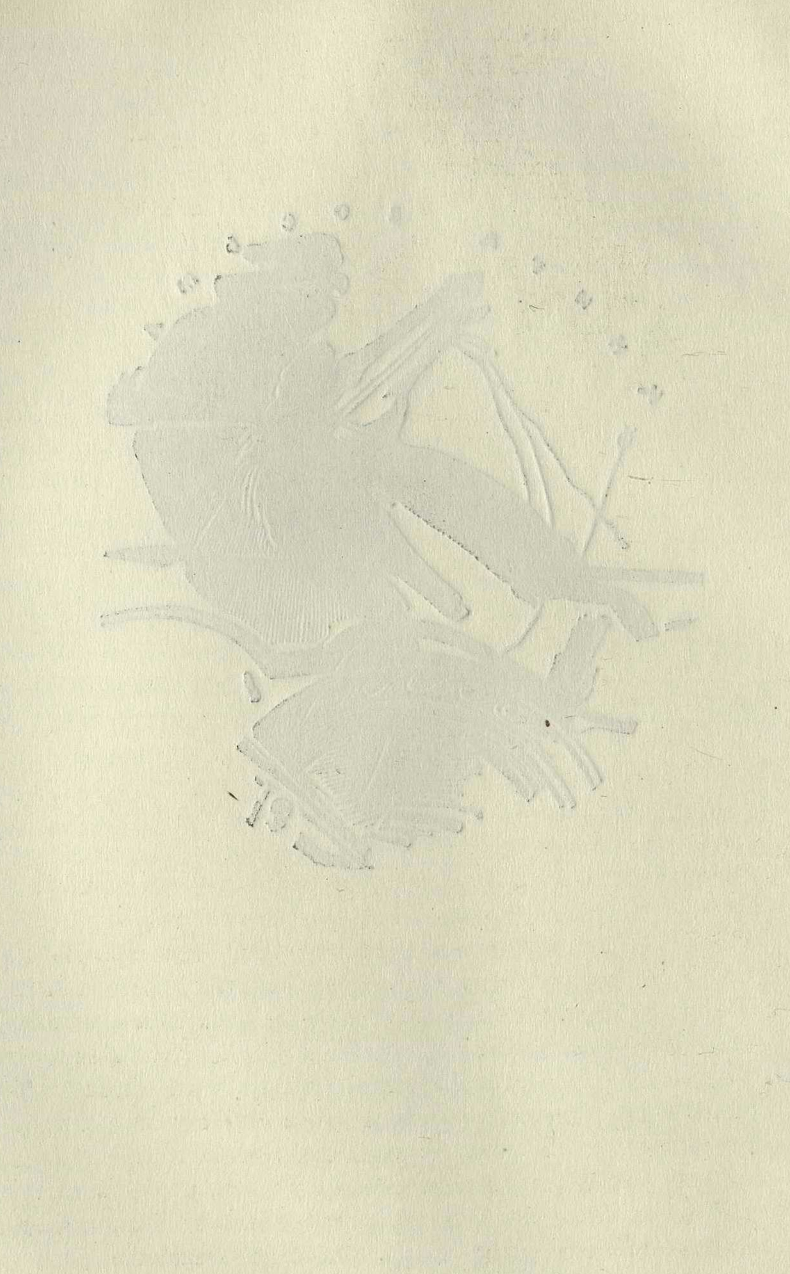
Боги меж тем, восседя у Кронида, метателя молний,
Все изумлялися, видя великое дело ахеян.
В сонме их начал вещать Посидàон, земли колебатель:
„Зевс громовержец, какой человек на земле беспредельной
„Ныне богам исповедает волю свою или помысл?
„Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
„Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
„Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
„Слава о ней распрострется, где только денница сияет;
„Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
„Около града царю Лаомѐдону создал, томяся!“

Гневно вздохнув, отвечал Посидàону Зевс тучеводец:
„Бог многомощный, землею колеблющий, что ты вещаешь!
„Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
„Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!
„Слава твоя распрострется, где только денница сияет.
„Верь и дерзай: и когда кудреглавые мужи ахейцы
„В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
„Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
„Изнова берег великий покрой ты песками морскими,
„Да и след потребится огромной стены сей ахейской“.

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Солнце зашло, и свершилось великое дело ахеян.
В кущах они закалали тельцов, вечерять собирались.
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к брегу пристали: Эвней Язонид послал их,
Сын Ипсипилы, рожденный с Язоном, владыкой народа.
Двум Атрейонам, царю Агамемнону и Менелаю,
Тысячу мер, как подарок, напитка прислал Язонион.
Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,

Те за воловые кожи или за волов крутрогих,
Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.
Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали, а Трои сыны и союзники — в граде.
Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозно гремящий, — и страх находил на пирующих бледный:
Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.
Все наконец возлегли и дарами сна насладились.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Собрание богов. Прерванная битва

В ризе златистой заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.
„Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
„Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
„И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
„Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
„Мне споспешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
„Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
„С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
„Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
„Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
„В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна:
„Где и медяный помост и ворота железные, Тартар,
„Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
„Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
„Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:

„Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
„Все до последнего бога и все до последней богини
„Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
„Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
„Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю,—
„С самой землею и с самым морем ее повлеку я
„И моею десницею окрест вершины Олимпа
„Цепь привяжу,—и вселенная вся на высоких повиснет:
„Столько превыше богов и столько превыше я смертных!“
Так он вещал,—и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
Но наконец светлоокая так возгласила Афина:
„О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыка!
„Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
„Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
„Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут.
„Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
„Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
„В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом“.

Ей, улыбаясь, ответствовал тучегонитель Кронион:
„Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намереньем в сердце
„Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю“.

Так произнес он—и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые;
Золотом сам он оделся; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;
Коней погнал,—и послушные быстро они полетели,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Он устремлял их на Иду, зверей многоводную матерь,
К Гаргару холму, где роща его и алтарь благовонный.
Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
Сам на вершине Идейской воссел, величаяся славой,
Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

Тою порой укрепилися снедью ахейские мужи
Быстро по кущам и в битву оружием все покрывались.
Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,
В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати
Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.

Рати, на место одно устремляяся, быстро сошлися;
Разом сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воинов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
Но, лишь сияющий Гелиос стал на средине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,
Все изумились, покрылися лица их ужасом бледным.
Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамемнон;
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
Волей не доброю: конь пострадал, пораженный стрелою.
Ранил его Александр, супруг лепокудрой Елены,
В голову, в самое темя, где первые волосы коней
Идут от черепа к вые: опасное место; от боли
Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.
Коней смутил и других он, крутяся вкруг пагубной меди.

Тою порою, как старец, к коню пораженному бросясь,
Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,
Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.
Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:
„Сын благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
„Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?
„Пику тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
„Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа“.

Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;
Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским.
Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:
„Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!
„Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
„Немощен твой и возница, и кони твои не проворны.
„Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу: увидишь,
„Троса кони каковы, несказанно искусные полем
„Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
„Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
„Вверь ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
„Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
„Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!“

Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
Старца приняв кобылиц, озаботились ими клевреты,
Сильные двое, Сфенел с Эвримѐдоном славолюбивым.
Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.
В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеврета,
Сына Фебея почтенного, смелого Энионея,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:

В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
Но его наконец, не взирая на жалость о друге,
Бросил и смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:
Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
Кони от ужаса, прянув назад, под ярмом задрожали;
Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:

„Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.
„Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!
„Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
„Гектора; после, быть может, когда возжелает, дарует
„Славу и нам. Человек не преложит советов Зевеса,
„Сколько бы ни был он силен: могучее он, громовержец!“

Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
„Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
„Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!
„Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
„Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, устрашенный.
„Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!“

Вновь Диомеду ответствовал Нестор, конник геренский:
„Сын браноносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
„Если бы Гектор тебя и робким назвал и бессильным,
„Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;

„Веры ему не дадут и супруги троян щитоносцев,
„Коих супругов цветущих толпы распростер ты по праху".

Так говоря, обратил он на бегство коней звуконогих
Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:
„О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
„Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;
„Впредь не почтут: пред очами их женщиной ты оказался!
„Сгибни, презренная дева! скорей, чем, меня отразивши,
„На стены наши взойдешь, или наших супруг похищенных
„В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!"

Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши?
Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;
Трижды с идейского Гаргара грозно гремел промыслитель
Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:
„Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
„Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
„Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
„В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!
„Мужи безумцы, они в оборону примыслили стены,
„Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
„Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрянут.
„Но, когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
„Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
„Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
„Всех изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!"

Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
„Ксанф и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
„Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
„Часто моя Андромаха, почтенная дочь Гетиона,
„Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,

„Вам растворяла вино к питию, до желания сердца,
„Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!
„Мчитеся ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
„Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
„Будто из золота весь он — и круг и его рукояти;
„И с рамен Диомеда, смирителя коней, добудем
„Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
„Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
„В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!“

Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
Быстро вещала она к Посидону, великому богу:
„Бог многомощный, колеблющий землю! ужели нисколько
„Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях!
„Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике столько приятных
„Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
„Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
„Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
„Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!“

Ей, негодуя, ответствовал мощный земли колебатель:
„О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
„Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
„С Зевсом Кронидом сражаться: могуществом всех он превыше!“
Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
Всё наполнено было и коней и воев толпами
Страшно теснимых данаев: как бурный Арей, утеснял их
Гектор могучий, когда даровал ему славу Кронион.
Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону в мысль не вложила
Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся:
Он устремился, стопы ускорив, до судов и до кущей,
Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.
Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да голос его обоюдно услышат

В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там, поразительным голосом, он вопиял к аргивянам:
„Стыд, аргивяне! отродье презренное, дивные видом!
„Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
„Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
„Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
„Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
„На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
„Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
„Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!
„Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многомощных
„Равной ты карой карал и толикой лишал его славы?
„Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,
„В черном моем корабле сюда на несчастие плывший?
„Нет, на всех возжигал я тельчие туки и бедра,
„Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
„Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье!
„Дай хотя нам ты самим от врагов избежать и спастися;
„Здесь не предай на погибель сынам Илиона ахеян!“

Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы;
Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу.
Мчащий в когтях он еленя, рождение быстрыя лани,
Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя,
Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.
Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.

Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.
Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
Фрадмона ветвь, Агелая; тогда, как троянец на бегство
Коней ворочал, ему обращенному острую пику

Он между плеч углубил и сквозь перси кровавую выгнал:
Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.
После Тидида, Атриды цари устремилися оба;
Вслед их Аяксы вожди, облеченные бурною силой;
Идоменей Девкалид и его сподвижник ужасный,
Вождь Мерион, Эниалию равный, губителю смертных;
После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
Тевкр же, девятым исшед, напрягатель жестокого лука,
Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.
Часто Аякс отсторанивал щит; а стрелец знаменитый,
Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопротивных,
Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;
Тевкр же бросался назад и, как к матери сын, приникал он
К брату Аяксу, и сильный щитом покрывал его светлым.

Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом Тевкром?
Первый Орсилох, за ним Офелест и воинственный Ормен,
Детор и Хромий и муж Ликофонт, небожителю равный,
Гамопаон, Полиемонов сын, и могучий Меланипп:
Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.
Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамемнон,
Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
Быстро приблизился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:
„Тевкр, удалая глава! предводитель мужей, Теламонид!
„Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
„Славой отцу Теламону: тебя возлелеял он с детства
„И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
„Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!
„Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
„Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
„Град разорить, устроением пышную Трою Приама,—
„Первому после меня тебе вручу я награду:
„Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
„Или младую жену, да с тобою восходит на ложе“.

Рек он,—и быстро Атриду ответствовал Тевкр непорочный:
„Сын знаменитый Атреев, почто, как и сам я стараюсь,

„Ты побуждаешь меня? Ни на миг я, доколе есть сила,
„Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
„С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.
„Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожалых;
„Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
„Только сего не дается свирепого пса мне уметить!“

Так произнес,— и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Горгифиона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
Кастианиры прекрасной, видом богине подобной.
Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней,—
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;
Архептолема она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегось, острая, в грудь поразила:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;
Но оставил его, не взирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.
Гектор же сам с колесницы сияющей прянул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве,— и его шлемоблещущий Гектор,
Лук натягавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей, и где особливо опасное место,—
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,

Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.
Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные други,
Ехиев сын, Мекистей, и младой благородный Аластор,
К черным его кораблям понесли, стенящего тяжко.

Снова храбрость троян олимпиец Кронион возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми несся, могучестью гордый.
Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,
Следом гоня и на резвые ноги надеяся, ловит
То за бока, то за бедра и все стережет извороты,—
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи.
Но, когда перешли частокол и окоп свой глубокий,
В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали,—
Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.
Там, ободряя друг друга и руки горѐ воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне и людоубийце Арею.

Так их увидев, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
„Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
„Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?
„Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
„Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
„Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!“

Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
„И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
„Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,
„Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.
„Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
„Он никогда не воспомнит, что несколько раз я спасала

„Сына его, Эврисфеем томимого в подвигах тяжких.
„Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба
„Сыну его помогать ниспослал олимпиец Кронион.
„Если б я прежде умом проницательным то предузнала,
„В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
„Пса увести из Эрева, от страшного бога Аида,—
„Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.
„Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
„Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
„Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.
„Будет, когда он опять назовет и Афину любезной!
„Гера, не медли, впряги в колесницу коней звуконогих;
„Я, между тем, поспешаю в чертоги отца Эгиоха:
„Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
„Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор,
„Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?
„О! не один и троянец насытит псов и пернатых
„Телом и туком своим, распрострясь пред судами ахеян!“

Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Тою порою Афина в чертоге отца Эгиоха
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо его облачася броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной;
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.
Гера не медля с бичом налегла на коней быстролетных;
С громом врата им небесные сами развердлись, при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой развердть, иль сомкнуть перед ними.
Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс — и Ирису к ним устремил златокрылую с вестью:

„Мчися, Ириса крылатая, вспять возврати их, не дай им
„Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!
„Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню:
„Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;
„Их с колесницы сражу и в прах сокрушу колесницу!
„И ни в десять они совершившихся лет круговратных
„Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
„Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!
„Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
„Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!“

Рек он,—и бросилась вестница, равная вихрям Ириса:
Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
„Что предприемлете? что ваше сердце свирепствует в персях?
„Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
„Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит:
„Сломит колена коням под златой колесницею вашей,
„Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.
„И ни в десять уже совершившихся лет круговратных
„Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
„Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
„Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
„Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
„Ты же, ужасная,—псица бесстыдная, ежели точно
„Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!“

Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ириса.
И к Афине тогда провещала державная Гера:
„Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
„Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!
„Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
„Как предназначено; Зевс, совещаяся с собственным сердцем,
„Сам да присудит, что следует, Трои сынам и ахейцам!“

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,

Их привязали браздами у яслей, амврозии полных;
Но колесницу богинь приклонили к стенам кругозарным.
Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла златые, с печалью глубокою в сердце.

Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.
Коней его отрешил Посидон, земли колебатель,
И колесницу, покрыв полотном, на подножьи поставил.
Сам на златом престоле пространногремящий Кронион
Сел,— и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.
Мыслью своею проник то Кронион и сам возгласил к ним:
„Чем опечалены так и Афина и Гера богиня?
„В брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
„К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!
„Так, у меня таковы необорные силы и руки;
„Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
„Вам же трепет объял и сердца и прекрасные члены,
„Прежде, чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.
„Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
„Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
„Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!“

Так он вещал; негодуя, стенали Афина и Гера:
Вместе сидели они и троянам беды совещали.
Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу; а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
„Мрачный Кронион! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
„Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
„Но милосердуем мы об ахеянах, доблестных воях,
„Кои, судьбу их жестокую скоро исполнив, погибнут!
„Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
„Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
„В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом“.

К ней обратясь, возгласил воздымающий тучи Кронион:
„Завтра с денницею ты, волоокая, грозная Гера,
„Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронид многомощный
„Боле еще истреблять ополчение храбрых данаев:
„Ибо от брани руки не спокоит стремительный Гектор
„Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
„В день, как уже пред кормами их воинства будут сражаться,
„В страшной столпясь тесноте, вкруг Патроклова мертвого тела.
„Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
„Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
„Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
„Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
„Ввек насладиться не могут; кругом их Тартар глубокий!
„Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
„Гнев твой вменю ни во что, не взирая на всю твою наглость!“

Рек,—и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера.
Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожделенная, мрачная ночь наступила.

В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.
Там, сошедшие с коней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на пике сияло
Медное жало ее и кольцо круг него золотое.
Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:
„Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
„Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
„Мы, торжествуя, обратно в святый Илион возвратимся.
„Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
„Рать аргивян и суда их на береге шумного моря.
„Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;

„Вечерю здесь учредим. Ратоборцы, коней пышногривых
„Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;
„Сами скорее из града волов и упитанных агниц
„К вечере в стан пригоните; вина животворного, хлебов
„Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
„Множество леса, да целую ночь, до зари светоносной,
„Окрест огни здесь пылают и зарево к небу восходит;
„Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
„В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта,
„Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
„Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
„Раненный острым копьем, иль крылатой стрелою троянской,
„Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
„Слезную брань наносить укротителям коней троянам!
„Вестники, Зевсу любезные, вы объявите, да в граде
„Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
„Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;
„Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
„Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
„В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии воинств.
„Так да будет, как я говорю, браноносцы трояне!
„Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
„Завтра другие троянам, смирителям коней, скажу я.
„Льщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
„Я изгоню из Троады неистовых псов навожденных,
„Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.
„Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
„Завтра же, с светом зари, ополчася оружием бранным,
„Мы пред судами ахеян воздвигнем свирепую жесточь.
„Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
„Боем к стенам от судов отразит, или я, Диомеда
„Медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой.
„Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
„Встретить летящий мой дрот; но, надеюся, завтра меж первых
„Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
„Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
„Был я бессмертен и жизнью моей никогда не стареющ,

„Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина,—
„Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!“

Так Приамид говорил,— и кругом восклицали трояне;
Быстрых коней отрешали, под ярмами потом покрытых,
И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.
После из града и тучных волов и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.
Их благовоние ветры с земли до небес возносили
Облаком дыма; но боги блаженные жертв не прияли,
Презрели их: ненавистна была им священная Троя,
И владыка Приам, и народ копьеносца Приама.

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
Словно как на небе звезды вкруг месяца ясного сонмом
Яркие блеском являются, ежели воздух безветрен;
Всё кругом открывается — холмы, высокие скалы,
Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится,—
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось троянских огней, пламенеющих пред Илионом.
Тысяча в поле пылало огней, и пред каждым огнищем
Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
Кони их, белым ячменем и сладкой питаяся полбой,
Подле своих колесниц ожидали зари лепотронной.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Посольство

Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.
Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,
Шумный Борей и Зѐфир, кои, из Фракии дуя,
Вдруг налетают, свирепые; вдруг почерневшие зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря,—
Так раздиралися души в груди благородных данаев.

Царь Агамемнон, печалью глубокою в сердце пронзенный,
Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.
Мужи совета сидели унылые. Царь Агамемнон
Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
С верху стремнистой скалы проливает мрачные воды.
Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:
„Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,

„Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
„Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
„Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
„Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
„В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
„Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно.
„Многих уже он градов разрушил высокие главы,
„И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
„Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
„Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
„Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!“

Так говорил,— молчанье глубокое все сохраняли;
Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
„Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
„Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не гневися.
„Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
„Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
„Ведают то аргивяне — и юноша каждый, и старец.
„Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кронион:
„Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
„Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!
„О добродушный! ужели ты веришь, что мы, аргивяне,
„Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
„Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
„Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
„Коих толикое множество ты устремил из Микены.
„Но другие останутся, сильные духом, данаи,
„Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
„Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!
„Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
„Трои конца не найдем; и надеюся, с богом пришли мы!“

Так произнес,— и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Но, между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:

„Сын Тидеев, ты, как в сражениях воин храбрейший,
„Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.
„Речи твоей не осудит никто из присущих данаев,
„Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
„Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
„Самым юнейшим; однакож, Тидид, говорил ты разумно
„Между аргивских царей: говорил бо ты всё справедливо.
„Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
„Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян
„Речи моей не осудит, ни сам Агамемнон державный.
„Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
„Кто междусобную брань, человекам ужасную, любит!
„Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
„Воинство пусть вечеряет; а стражи пусть совокупно
„Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.
„Дело сие возлагаю на юношей. После не медля
„Ты начни, Агамемнон: ты повелитель верховный,—
„Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;
„Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
„Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
„Всем к угощенью обилуешь, властвуешь многим народом.
„Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
„Лучший совет присоветует: нужен теперь для ахеян
„Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
„Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?
„Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!“

Так он вещал,—и, внимательно слушав, они покорились.
К страже, с оружьем в руках, устремились ахейские мужи:
Несторов сын, Фразимед, народа пилосского пастырь;
С ним Аскалаф и Иялмен, сыны мужегубца Арея,
Критский герой Мерион, Деипир, Афарей нестрашимый
И Креиона рождение, вождь Ликомед благородный.
Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;
Там разложили огонь, и устроивал вечерю каждый.

Царь Агамемнон старейшин ахейских собравшихся вводит
В царскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Старец меж оными первый слагать помышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
„Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
„Многих народов ты царь, и тебе вручил олимпиец
„Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.
„Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
„Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
„Доброе скажет, но — что предпочесть, от тебя то зависит.
„Ныне — я вам поведаю, что мне является лучшим.
„Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
„В сердце какую ношу я, с давней поры и доныне,
„С оного дня, как ты, о божественный, Бризову дочерь
„Силой из куши исторг у пылавшего гневом Пелида,
„Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,
„Я отговаривал; но, увлекаяся духом высоким,
„Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
„Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
„Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
„Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью“.

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
„Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.
„Так, погрешил, не могу отрекаться я! Стоит народа
„Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
„Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
„Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
„Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
„Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:
„Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
„Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
„Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.

„Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
„Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
„Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!
„Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
„Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
„Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.
„Сих ему дам; и при них возвращу я и ту, что похитил,
„Бризову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
„Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
„Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
„Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
„Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
„Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
„Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.
„Пусть из троянских жен изберет по желанию двадцать,
„После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
„Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
„Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом,
„С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
„Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери:
„Хризофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
„Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена
„В отческий дом отведет; а приданое сам я за нею
„Славное дам, какого никто не давал за невестой.
„Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
„Град Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,
„Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
„Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
„Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
„Их населяют богатые мужи овцами, волами,
„Кои дарами его, как бога, чествовать будут
„И под скиптром ему заплатят богатые дани.
„Так я не медля исполню, как скоро вражду он оставит.
„Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
„Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.
„Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
„Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся".

Рек,— и Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
„Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
„Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
„Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
„Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.
„Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
„Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
„После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;
„Но Эврибат и Годий да идут, как вестники, с ними.
„На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
„И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!“

Так говорил,— и для всех произнес он приятное слово.
Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
Юноши, чермным вином наполнив доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная.
В жертву богам возлияв и испив до желания сердца,
Вместе послы поспешили из сени Атрида владыки.
Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаерта:
Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по брегу немолчно шумящего моря,
Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
Им преклонить поможет высокую душу Пелида.
К сеням пришед и к судам мирмидонским, находят героя:
Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, с сребряной нàкольней сверху,
Выбранной им из корыстей, как град Гетионов разрушил:
Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.
Менетиàд перед ним лишь единый сидел, и безмолвный
Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
Стали против Ахиллеса: герой изумленный воспрянул
С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.
Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:

„Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
„Но и гневному вы из ахеян любезнее всех мне“.

Так произнес — и повел их дальше Пелид благородный;
Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемусь близко Патроклу:
„Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
„Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
„Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!“

Так говорил,— и Патрокл покорился любезному другу.
Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий.
Их Автомѐдон держал, рассекал Ахиллес благородный;
После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
И священною солью кропит, на подпор подымая.
Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.
Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
Хлебы расставил; но яства гостям Ахиллес благородный
Сам разделил и против Одиссея, подобного богу,
Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Фениксу знак Теламонид подал; Одиссей то постигнул,
Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:
„Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет недостатка,
„Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
„Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
„В пире твоем; но теперь не о пиршествах радостных дело.
„Грозную гибель, питомец Крониона, близкую видя,

„В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим,
„Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!
„Близко судов, под стеной уже нашею стан положили
„Гордые мужи трояне и их дальноземные други;
„В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
„Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.
„Им и Зевес, благовестные знаменья вправе являя,
„Молнией блещет! и Гектор, ужасною силой кичася,
„Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
„Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.
„Молится, только б скорей появилась денница святая,
„Хвалится завтра срубить с кораблей хвосты кормовые,
„Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
„Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным.
„Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приамида
„Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
„Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!
„Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
„Столь утесненных, избавить от ярости толпищ троянских.
„После тебе самому то горестно будет, но поздно,
„Зло допустивши, искать исправления. Лучше во время,
„Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.
„Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедывал старец,
„В день, как из Ффии тебя посылал к Атрееву сыну:
„Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
„Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
„Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
„Распри злотворной, как можно, чуждайся, да паче и паче
„Между ахеян тебя почитают младые и старцы.
„Так заповедывал старец; а ты забываешь. Смягчися,
„Гнев отложи, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
„Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
„Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
„Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
„Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
„Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
„Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.

„Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
„Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
„Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
„Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,
„Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
„Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
„Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
„Бризову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
„Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею,
„Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
„Все то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
„Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
„Целый корабль ты и медью, и златом обильно наполни,
„Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;
„Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
„После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
„Если ж воротимся в Аргос Ахейский, край благодатный,
„Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравняет,
„С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.
„Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
„Хризофемису, Лаодику, юную Ифианассу.
„Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена
„В отческий дом отведи; а приданое сам он за нею
„Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.
„Семь подарит он градов процветающих, многонародных:
„Град Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
„Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
„Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
„Все же они у примория, с Пилосом смежны песчаным;
„Их населяют богатые мужи овцами, волами,
„Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
„И под скиптром тебе заплатят богатые дани.
„Так он исполнит не медля, коль скоро вражду ты оставишь.
„Если ж Атрид Агамемнон еще для тебя ненавистен,
„Он и подарки его, — пожалей о других ты ахейцах,
„В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
„Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!

„Гектора ты поразишь! до тебя он приблизится ныне,
„Буйством своим обезумленный; он никого не считает
„Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!“

Рек,— и ему на ответ говорил Ахиллес быстроногий:
„Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
„Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
„Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
„Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
„Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,
„Кто на душе сокрывает одно, а вещает другое.
„Я же скажу вам прямо, что̀ почитаю я лучшим:
„Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
„Сердца во мне не смягчат: и какая тому благодарность,
„Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!
„Равная доля у вас нерадивцу и рьяному в битве;
„Та ж и единая честь воздается и робким и храбрым;
„Всё здесь равно, умирает бездельный, иль сделавший много!
„Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
„Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
„Словно как птица, бесперым птенцам промышляючи корму,
„Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает,—
„Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
„Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
„Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!
„Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
„Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
„В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей
„Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду
„Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
„Их принимал, и удерживал много, выделивал мало;
„Несколько выдал из них, как награды царям и героям:
„Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
„Отнял и, властвуя милой женой, наслаждается ею
„Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
„Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
„Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?

„Или супруг непорочных любят от всех земнородных
„Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
„Каждый свою бережет и любит, как я Бризеиду:
„Я Бризеиду любил, несмотря, что оружием добыл!
„Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
„Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уверит!
„Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахеян
„Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
„Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
„Стену для вас взгромоздил и ров перед оною вывел
„Страшно глубокий, широкий, и внутрь его колья уставил!
„Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубийцы,
„Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
„Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор:
„К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
„Встретился мне, но едва избежал моего нападенья.
„Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
„Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
„Я нагружу корабли и не медля спущу их на волны.
„Завтра же, если желаешь, и если тебя то заботит,
„С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
„Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.
„Если счастливое плаванье даст Посидон мне могучий,
„В третий я день, без сомнения, Ффии достигну холмистой.
„Там довольно имею, что бросил, сюда я повлекшись;
„Много везу и отселе: золота, меди багряной,
„Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
„Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
„Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамемнон,
„Властию гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
„Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
„Если кого из ахеян еще обмануть уповает,
„Вечным бесстыдством покрытый. Но, что до меня, я надеюсь
„Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!
„С ним не хочу я никак сообщаться, ни словом, ни делом!
„Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
„Словом уже не уловит: довольно с него! но спокойный

„Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс промыслитель.
„Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
„Если бы в десять и в двадцать крат предлагал мне сокровищ,
„Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
„Даже хоть всё, что приносят в Орхомен иль Фивы эгиптян,
„Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
„Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
„Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
„Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху,—
„Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
„Прежде, чем всей не изгладит терзающей душу обиды!
„Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
„Если красою она со златой Афродитою спорит,
„Если искусством работ светлоокой Афине подобна,
„Дщери его не возьму! Да найдет из ахеян другого,
„Кто ему больше приличен и царственной властию выше.
„Ежели боги меня сохранят, и в дом возвращусь я,
„Там — жену благородную сам сговорит мне родитель.
„Много ахеянок есть и в Гелладе и в счастливой Ффии,
„Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов:
„Сердцу любую из них назову я супругою милой.
„Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,
„Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
„В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.
„С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
„Сей Илион, как вещают, обиловал,— град, процветавший
„В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской,
„Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
„В храме Феба пророка в Пифосе, утесами грозном.
„Можно всё приобресть, и волов, и овец среброрунных;
„Можно стяжать и прекрасных коней и златые треноги;
„Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
„Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
„Матерь моя среброногая, мне возвестила Фетида:
„Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
„Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться,—
„Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.

„Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
„Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
„И меня не безвременно смерть роковая постигнет.
„Я и другим воеводам ахейским советую то же:
„В домы отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
„Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
„Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.
„Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
„Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
„Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
„Как им спасти и суда и ахейский народ, утесненный
„Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
„Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.
„Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
„Завтра же, если захочет,— неволить его не намерен,—
„Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне“.

Так возразил,— и молчание долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:
„Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце
„Ты положил, и от наших судов совершенно отрекся
„Огнь отразить пожирающий,— гнев запал тебе в душу,—
„Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?
„Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
„В день, как из Ффии тебя отпускал в ополченье Атрида.
„Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;
„В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
„С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
„Быть и витией в речах, и в делах деловым человеком.
„Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
„Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
„Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
„Годы, как бросил Гелладу я, славную жен красотою,
„Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
„Гневался он на меня за пышноволосую деву:

„Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
„Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила
„С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
„Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
„Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эринний,
„Век на колена свои да не примет он милого сына,
„Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
„Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
„В гневе убить я отца изощренною медью решился;
„Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
„Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
„Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
„С оной поры моему уже сердцу стало несносно,
„Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
„Други, родные мои, неотступно меня окружая,
„Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
„Много и тучных овец и тяжелых волов круторогих
„В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
„По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
„Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
„Девять ночей непрерывно они вкруг меня ночевали;
„Стражу держали, сменяяся; целые ночи не гаснул
„В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
„И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.
„Но, когда мне десятая темная ночь наступила,
„Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
„Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрянул,
„Тайно от всех и домовых жен и мужей стерегущих.
„После далеко бежал чрез обширные степи Геллады
„И пришел я во Ффию, овец холмистую матерь,
„Прямо к Пелею царю. И меня он, приняв благосклонно,
„Так полюбил, как любит родитель единого сына,
„Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
„Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.
„Там над долопами царствуя, жил я на ффийском пределе;
„Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!
„Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты

„Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
„Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
„Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
„Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
„Брыжжа из уст вино, во время неловкого детства.
„Много забот для тебя и много трудов перенес я,
„Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
„Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;
„Ты, помышлял я, избавишь меня от беды недостойной.
„Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен
„Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
„Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.
„Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
„Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
„Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.
„Так, Молитвы — смиренные дщери великого Зевса —
„Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
„Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.
„Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
„Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
„Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.
„Кто принимает почтительно Зевсовых дщерей прибежных,
„Много тому помогают и скоро молящемусь внемлют;
„Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает,—
„К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
„Ходит за ним по стопам и его, уязвляя, накажет.
„Друг, воздай же и ты, что следует, Зевсовым дщерям:
„Честь, на воздание коей всех добрых склоняются души.
„Если б даров не давал как теперь, так и после, толь многих,
„Сын Атреев, но все бы упорствовал в гибельном гневе,—
„Я не просил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
„Ты защитил аргивян, не взирая, что жаждут защиты.
„Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
„С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
„В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
„Более всех из данаев. Не презри же их ты ни речи,
„Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.

„Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
„Пылкая злоба и их обымала великие души;
„Но смягчаемы были дарами они и словами.
„Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых:
„Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.
„Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
„Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
„Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный;
„Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.
„Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
„В гневе своем, что Иней с плодоносного сада начатков
„Ей не принес; а бессмертных других насладил гекатомбой;
„Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дщери:
„Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
„Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
„Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
„Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
„Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
„Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.
„Зверя убил наконец Инеид Мелеагр нестрашимый,
„Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
„Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
„Этаков был! на костер печальный многих послал он.
„Феба о нем воспалила жестокую, шумную распрю,
„Бой о клыкастой главе и об коже щетинистой вепря
„Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.
„Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался,
„Худо было куретам: уже не могли они сами
„В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.
„Но когда Мелеагр предался гневу, который
„Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
„(Он, на любезную матерь Алфею озлобленный сердцем,
„Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
„Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
„И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
„Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
„Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу:

„С оного времени в доме отец и почтенная матерь
„Дочь Алкионою прозвали, в память того, что и матерь,
„Горькую долю неся Алкионы многопечальной,
„Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
„Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
„Матери клятвами страшно прогневанный: грустная матерь
„Часто богов заклинала — отмстить за убитого брата;
„Часто руками она, исступленная, о̀ землю била
„И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,
„С воплем молила Аида и страшную Персефонию
„Смерть на сына послать; и носящаясь в мраках Эриннис,
„Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
„Скоро у врат калидонских и стук и треск раздалися
„Башен, громимых врагом. Мелеагра этольские старцы
„Стали молить и послали избранных священников бога,
„Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.
„Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
„Там позволяли ему, в пятьдесят десятин, наилучший
„Выбрать удел: половину земли виноградом покрытой
„И половину нагой, для орания годной, отрезать.
„Много его умолял конеборец Иней престарелый;
„Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,
„В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.
„Много и сестры его, и почтенная матерь молили:
„Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
„Чтимые им и любимые более всех в Калидоне;
„Но ничем у него не подвигнули сердца, доколе
„Терем его от ударов кругом не потрясся: на башни
„Сила куретов взошла и град зажигала великий.
„И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
„Стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем,
„Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
„Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
„В плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают.
„Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
„Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом.
„Так Мелеагр отразил погибельный день от этолян,

„Следуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
„Многих, прекрасных даров; но несчастие так отразил он.
„Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
„Сердце тебе да не склонит к сей думе! Погибельней будет
„В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
„Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.
„Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
„Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель“.

Старцу не медля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
„Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
„Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!
„Честь я сию сохраню перед войском, доколе дыханье
„Будет в груди у меня, и могучие движутся ноги.
„Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:
„Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
„Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
„Столько любить, чтоб тому, кем любим, ненавистен ты не был.
„Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!
„Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
„Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся
„В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом денницы,
„Вместе помыслим, отплыть восвояси нам или остаться“.

Рек — и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлать, да скорее другие
Выйти из кущи помыслят. Тогда Теламонид великий,
Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:
„Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
„Время итти; я вижу, к желаемой цели беседы
„Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
„Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет;
„Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
„Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!
„Смертный суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
„Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми!
„Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,

„Даже за сына убитого пеню отец принимает;
„Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;
„Пеню же взявший — и мстительный дух свой, и гордое сердце —
„Всё наконец укрощает; но в сердце тебе бесконечный
„Гнев ненавистный вселили бессмертные ради единой
„Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
„Много даров и других! Облеки милосердием душу!
„Собственный дом свой почти: у тебя под кровом пришельцы
„Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
„Дружбы твоей и почтения, более всех из ахеян“.

И не медля ему отвечал Ахиллес быстроногий:
„Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа!
„Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне, но, храбрый!
„Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
„Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
„Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!
„Вы возвратитесь назад и пославшему весть возвестите:
„Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
„Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
„К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,
„Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.
„Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
„Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь“.

Рек он, — и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
Возлил богам и из сени исшел; Одиссей предитёк им.
Тою порою Патрокл повелел и друзьям, и рабыням
Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
Жены, ему повинуясь, как он повелел, простирали
Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.
Там покоился Феникс, денницы святой ожидая.
Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
И при нем возлегла полоненная им лесбиянка,
Форбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.
Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом героем
Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниея.

Те же — едва показались у куши Атрида владыки,
С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.
Первый из них говорил повелитель мужей Агамемнон:
„Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
„Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень,
„Или отрекся и гордую душу питает враждою?“

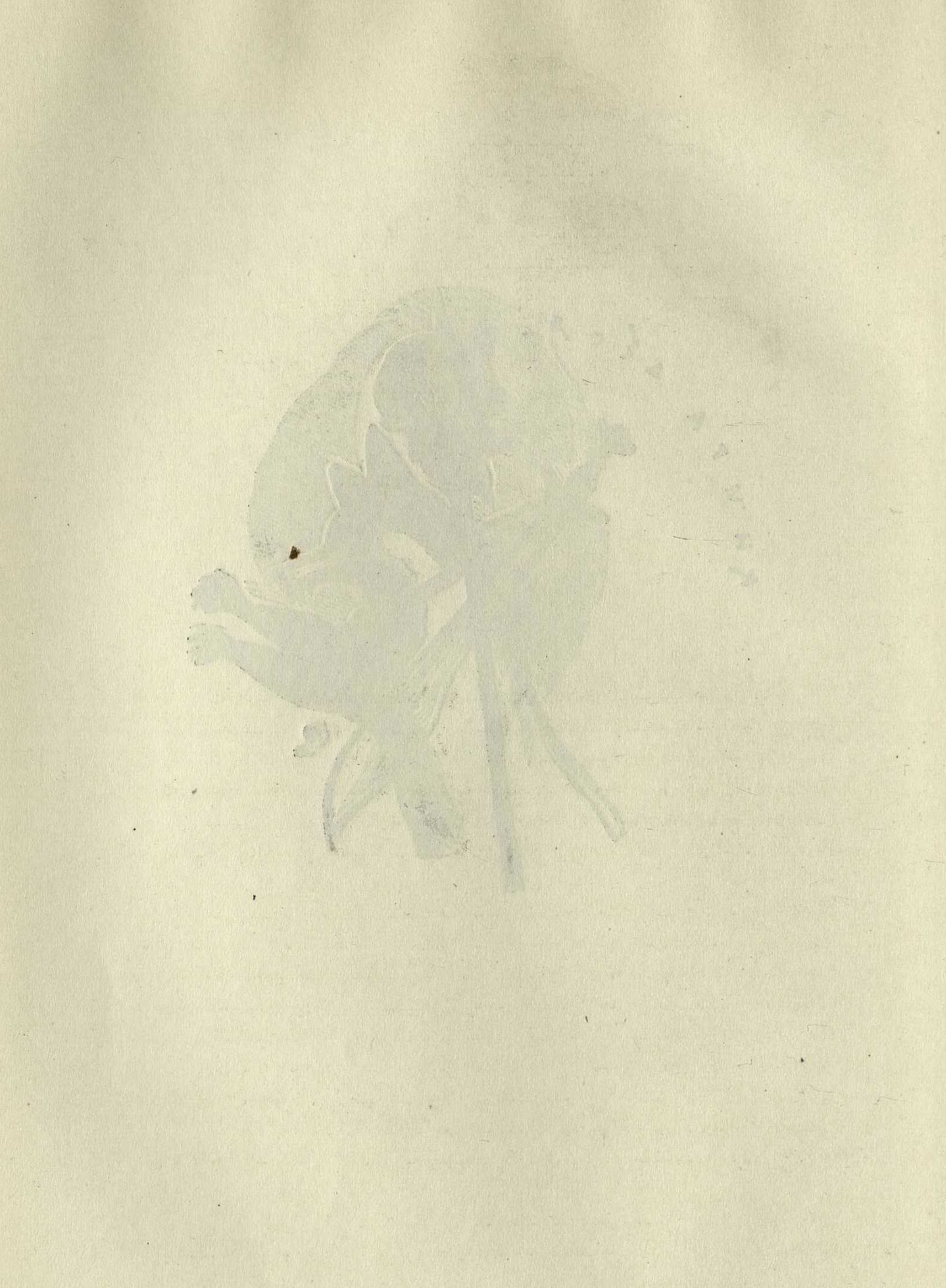
И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
„Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„Нет, не хочет вражды утолить он; сильнейшею прежней
„Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.
„В бедствах тебе самому велит с аргивянами думать,
„Как защитить корабли и стесненные рати ахеян.
„Сам угрожает, что завтрашний день, лишь денница возникнет,
„На море все корабли обоюдовесельные спустит.
„Он и другим воеводам советовать тоже намерен —
„В домы отплыть; никогда, говорит он, конца не обресть вам
„Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
„Руку свою распростер, — и возвысилась дерзость народа.
„Так он ответствовал; вот и сопутники то же вам скажут,
„Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
„Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,
„Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
„Следовал завтра, но если он хочет, — неволить не будет“.

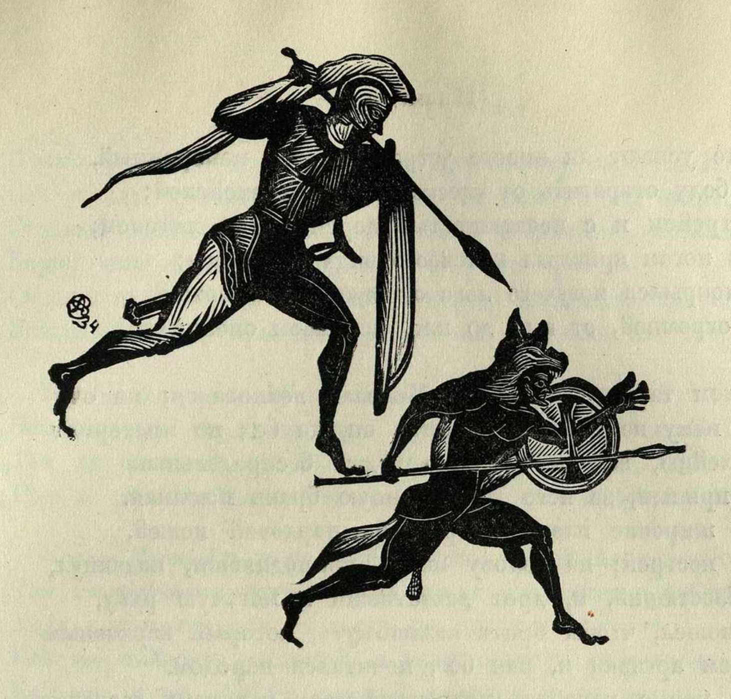
Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозное он им поведал.
Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
„Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
„Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
„Ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.
„Кончим о нем и его мы оставим; отсюда он едет
„Или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова,
„Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.

„Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
„Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
„Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.
„Завтра ж, как скоро блеснет розоперстая в небе денница,
„Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
„Дух ободри им и сам перед воинством первый сражайся“.

Так произнес,—и воскликнули весело все скиптроносцы,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Все наконец, возлиявши богам, разошлися по кущам,
Где предалися покою и сна насладились дарами.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Долония

Все при своих кораблях, и цари и герои ахеян,
Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
Но Атрид Агамемнон, ахейского пастырь народа,
Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.
Словно как молнией блещет супруг лепокудрыя Геры,
Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
Или мятель, как снегà убеляют широкое поле,
Или погибельной брани огромную пасть отверзает, —
Так многократно вздыхал Агамемнон, глубоко от сердца,
Скорбью стесненного; самая внутренность в нем трепетала.
Сколько он раз ни осматривал поле троян, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.
Но, когда на суда и на войско ахеян взирал он,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжко стенало в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалася лучшей Атриду —
С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном,

С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
Как им беду отвратить от стесненной рати ахейской;
Встал Атрейон и с поспешностью перси одѐял хитоном;
К белым ногам привязал красивого вида плесницы;
Сверху покрылся могучего льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, от выи до пят, и копьем ополчился.

Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят
Мужи ахейцы, которые все по водам беспредельным
К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
Был царем аргивян и, как бог, почитался народом.
Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом
Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
Первый к нему возгласил Менелай, воинственник славный:
„Что вооружаешься, брат мой почтенный? или от ахеян
„Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюся,
„Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело,
„И чтоб враждебных мужей соглядать не пошел одинокий
„В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет“.

Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамемнон:
„Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
„В мудром совете, который бы мог защитить и избавить
„Рать аргивян и суда; изменилось Кронидово сердце:
„К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовию душу!
„Нет, никогда не видал я, нижѐ не слыхал, чтоб единый
„Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпринял,
„Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
„Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.
„Но дела совершил он, которые будем мы помнить
„Долго, долго; такие беды сотворил он ахейцам!
„Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,

„Прямо спеши к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
„Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
„Стражей священный сонм навестить и блюстись приказать им;
„Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
„Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалида сподвижник,
„Вождь Мерион; предпочтительно им поручили мы стражу“.

И его вопросил Менелай, воинственник славный:
„Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамемнон?
„Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
„Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?“

Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамемнон:
„Там ты останься, чтоб мы не могли разойтися с тобою,
„Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.
„Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
„Каждого мужа, Атрид, именуй по отцу и по роду;
„Всех приветливо чествуй, и сам ни пред кем не величься.
„Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
„Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!“

Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;
Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
Старца находит при черном его корабле против куши,
В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
Выпуклый щит и два копия, и шелом светозарный;
Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
Рать предводить: еще не сдавался он старости грустной.
Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:

„Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
„В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?
„Друга ли ты, или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
„Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!“

Старцу не медля ответствовал пастырь мужей Агамемнон:
„Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!

„Ты Агамемнона видишь, которого Зевс промыслитель
„Более всех подвергнул трудам бесконечным, покуда
„В персях моих остается дыханье и движутся ноги.
„Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
„Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахеян!
„Так за ахеян жестоко страшуся я: дух мой не в силах
„Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
„Вырваться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!
„Если что делать намерен ты (сон и к тебе не приходит),
„Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
„Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
„Сну предалися они и о страже опасной забыли.
„Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
„В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить".

Сыну Атрея ответствовал Нестор, конник геренский:
„Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
„Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он
„Горем, я чаю, и большим, когда Ахиллес быстроногий
„Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.
„Следовать рад я с тобою; пойдем, и других мы разбудим
„Храбрых вождей: Диомеда героя, царя Одиссея,
„С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.
„Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
„Идоменея царя и подобного богу Аякса:
„Их корабли на конце становища, отсюда не близко.
„Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
„Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
„Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!
„Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
„Должен бы всех их просить, настоит нестерпимая нужда!"

Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамемнон:
„Старец, другою порой укорять я советую брата:
„Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен,—
„Но не от праздности низкой, или от незнания дела:

„Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.
„Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
„Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
„Но поспешим, и найдем, я надеюся, их мы у башни,
„Вместе с дружиной стражебною: там повелел я собраться“.

Снова Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
„Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
„Каждый послушает, если он что запретит, иль прикажет“.

Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы;
После — кругом застегнул он двойной свой, широкопадущий,
Пурпурный плащ, по котором струилась косматая во̀лна;
И, копье захватив, повершенное острою медью,
Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
Поднял от сна, восклицающий громко возница геренский.
Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:
Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:
„Что меж судами одни по воинскому ходите стану
„В сумраке ночи? какая пришла неизбежная нужда?“

Сыну Лаерта ответствовал Нестор, конник геренский:
„Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный!
„Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!
„С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
„Ныне ж решить на совете, бежать ли нам, или сражаться“.

Рек он, — и быстро под кущу вступил Одиссей многоумный,
Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.
К сыну Тидея пошли, и нашли Диомеда лежащим
Одаль от сени, с оружием; около ратные други
Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копья
Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
Спал, и постелью была ему кожа вола степового;

Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовьи.
Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:
„Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?
„Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
„Близко стоят пред судами, и узкое место нас делит?“

Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрянул
И, обратяся к нему, произнес крылатые речи:
„Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!
„Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
„Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
„Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!“

Сыну Тидея ответствовал Нестор, конник геренский:
„Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
„Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
„Много подвластного: было б кому обходить и сзывать вас;
„Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!
„Всем аргивянам теперь на мечном острии распростерта
„Или погибель позорная, или спасение жизни!
„Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
„К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь“.

Рек; Диомед, не медля покрывшийся львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро младые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.
Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает,—
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
„Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
„Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным“.

Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
Все скиптроносцы ахейские, сколько звано̀ их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал: сами цари пригласили и их для совета.
Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте свободном от трупов,
В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрыла;
Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственник Нестор:
„Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
„Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться
„В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;
„Или не может ли между троян разговора услышать,
„Как меж собою они полагают: решились ли твердо
„Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
„Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.
„Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился,
„О, великая слава была бы ему в поднебесной,
„Слава у всех человеков; ему и награда прекрасна!
„Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
„Каждый из них наградит возвратившегось черной овцою
„С агнцем сосущим,—награда, с которой ничто не сравнится;
„Будет всегда он участник и празднеств и дружеских пиршеств“.

Рек,—и никто не ответствовал, все хранили молчанье.
Первый меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
„Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
„В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.
„Но когда и другой кто со мной итти пожелает,
„Более бодрости мне и веселости более будет.
„Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,

„Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил,—
„Медленней дума его и слабее решительность духа“.

Так говорил,—и итти с ним хотящие многие встали:
Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;
Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть,—
Смелый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но меж них возгласил повелитель мужей Агамемнон:
„Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
„Спутника сам для себя избирай, и кого пожелаешь;
„Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие жаждут.
„Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты
„И не выбери худшего, страху души уступая;
„Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он“.

Так Агамемнон вещал, за царя Менелая страшася.
К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
„Ежели мне самому избрать вы друга велите,
„Как я любимца богов, Одиссея героя забуду?
„Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
„Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
„Если спутник мой он, из огня мы горящего оба
„К вам возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум“.

Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
„Слишком меня не хвали, ни хули, Диомед благородный,—
„Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.
„Лучше пойдем мы! Ночь убегает, и близко денница;
„Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
„Ночь совершила, и только что третия доля осталась“.

Так говоря, покрывалися оба оружием страшным.
Несторов сын, Фразимед воинственный, дал Диомеду
Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
Отдал и щит; на главу же героя из кожи воловой

Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
Коим чело у себя покрывает цветущая младость.
Вождь Мерион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
Отдал и меч; на главу же надел Лаертида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда, и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.
Шлем сей — древле из стен Элеона похитил Автолик,
Там Горменида Аминтора дом крепкозданный разрушив;
В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамасу;
Амфидамас подарил, как гостинец приязненный, Молу;
Мол наконец Мериону вручил его, храброму сыну;
Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

Так Одиссей с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
Оба пустилися, там же оставив старейшин ахейских;
Доброе знаменье храбрым не медля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
„Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
„Мне соприсущна во всяком труде: от тебя не скрываю
„Дум я моих; но теперь благосклонною будь мне, Афина!
„Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
„Сделав великое дело, на долгое горе троянам!“

И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
„Ныне услышь и меня, необорная дщерь Эгиоха!
„Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
„К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских;
„Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив,
„Мирные вести отец мой кадмеянам нес браноносным
„В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
„Сделал, с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
„Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
„В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,

„Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
„В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом".

Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
Кончив герои мольбу громовержца великого дщери,
Оба пустились, как львы дерзновенные, в сумраке ночи,
Полем убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
Всех в ополченьи троянском вождей и советников мудрых.
Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:
„Кто среди вас за награду великую мне обещает
„Славное дело свершить? А награда богатая будет:
„Дам колесницу тому и яремных коней гордовыйных
„Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных данайских,
„Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
„В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать:
„Так ли ахеян суда, как и прежде, опасно стрегомы;
„Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
„Между собой совещают о бегстве, и нынешней ночью
„Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким".

Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
Был меж троянами некто Долон, троянца Эвмеда,
Вестника, сын, богатый и златом, богатый и медью;
Сын, меж пятью дочерями, единственный в доме отцовском,
Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:
„Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
„В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.
„Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися,
„Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
„Дать непременно, какие могучего носят Пелида.
„Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
„Стан от конца до конца я пройду и к судам доступлю я,
„К самым судам Агамемнона; верно, ахеян владыки
„Там совет совещают, бежать ли им, или сражаться".

Рек он,— и Гектор поднял свой скипетр и клялся Долону:
„Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
„Муж в Илионе другой на Пелидовых конеи не сядет:
„Ты лишь единый, клянуся я, оными славиться будешь“.

Рек он — и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
Быстро и лук свой кривой и колчан он за плечи забросил,
Сверху покрылся кожей косматого волка седого;
Шлем же хорёвый надел и острым копьем ополчился.
Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
Вспять не притти от судов, чтобы Гектору вести доставить.
Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
Царь Одиссей и сопутнику так говорил, Диомеду:
„Видишь ли, друг, человек из троянского стана подходит!
„Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
„Или подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
„Но позволим сначала немного ему по долине
„Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
„Быстро напав; но когда, убегающий, нас упредит он,
„Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
„Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону“.

Так сговоряся, они у дороги, меж грудами трупов,
Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но, лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,— и стал он, топот услышав.
Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались.
Но, лишь предстали они на полет копия или меньше,
Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
Словно как два острозубые пса, приобыкшие к ловле,
Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет,—

Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смеситься,
Прямо к судам устремляяся,—ревность вдохнула Афина
Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.
Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
„Стой, иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
„Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!“

Рек он—и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул:
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;
С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его—и Долон, прослезяся, воскликнул:
„О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня изобильно
„Злата и меди в дому и красивых изделий железа.
„С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
„Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных“.

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
„Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
„Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
„Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
„В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
„Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
„Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
„Всё рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?“

Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:
„Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
„Он Ахиллеса великого ко̀ней мне твердокопытых
„Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.
„Мне ж приказал он—под быстролетящими мраками ночи
„К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
„Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы,

„Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
„Вы совещаетесь в домы бежать, и во время ночное
„Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким“.

Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
„О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
„Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;
„Их укротить и править для каждого смертного мужа
„Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
„Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
„Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?
„Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
„Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
„Как меж собою они полагают: решились ли твердо
„Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
„Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?“

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
„Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
„Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
„С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
„Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
„Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
„Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
„Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
„Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
„Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
„Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных“.

Снова Долона выспрашивал царь Одиссей многоумный:
„Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
„Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю“.

Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
„Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
„К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
„Там же лелегов дружины, кавконов и славных пелазгов;

„Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
„Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
„Но почто вам, герои, расспрашивать порознь о каждом?
„Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
„Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
„С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
„Видел я Резовых ко̀ней, прекраснейших ко̀ней, огромных;
„Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
„Златом, сребром у него изукрашена вся колесница.
„Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
„Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
„Смертным, прилично носить, но бессмертным богам олимпийским!
„Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным,
„Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
„Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
„Правду ли я вам, герои, рассказывал, или неправду“.

Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
„Нет, о спасеньи, Долон, не взирая на добрые вести,
„Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
„Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
„Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
„Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
„Но, когда уже дух под моею рукою испустишь,
„Более ты не возможешь погибелен быть аргивянам“.

Рек, — и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хорёвый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горѐ Одиссей и молящийся громко воскликнул:
„Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
„К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
„Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!“

Так произнес — и поднятое всё на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.

Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
„Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
„Кони фракийские, коих означил Долон умерщвленный.
„Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
„С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывай коней,
„Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях“.

Рек он,— и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
Воев, мечом пораженных; земля забагровела кровью.
Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
Ночью набредши и гибель замысля, бросается быстрый,—
Так на фракийских мужей Диомед бросался могучий;
Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряду,
С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
Прямо по трупам ступая, еще не привычные к мертвым.
Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
Реза третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
Царь тяжело застонал: у него сновидением грозным
Ночью стоял над главой — Диомед, по совету Афины.
Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,

Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?
Думы герою сии обращавшему в сердце, Афина
Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
„Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
„Время к судам возвратиться, да к ним не придешь ты бегущий,
„Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит“.

Так изрекла,—и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий.
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско троян устремился.
Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побоище страшном фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.
Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежались толпы и делам изумлялись ужасным,
Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

Те же, когда принеслись, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова прянул на коней.
Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.

Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
„Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!

„Правда то, или неправда? скажу я вам, сердце велит мне:
„Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
„Если бы сын то Лаерта и сын дерзновенный Тидея
„Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!
„Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
„Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!“

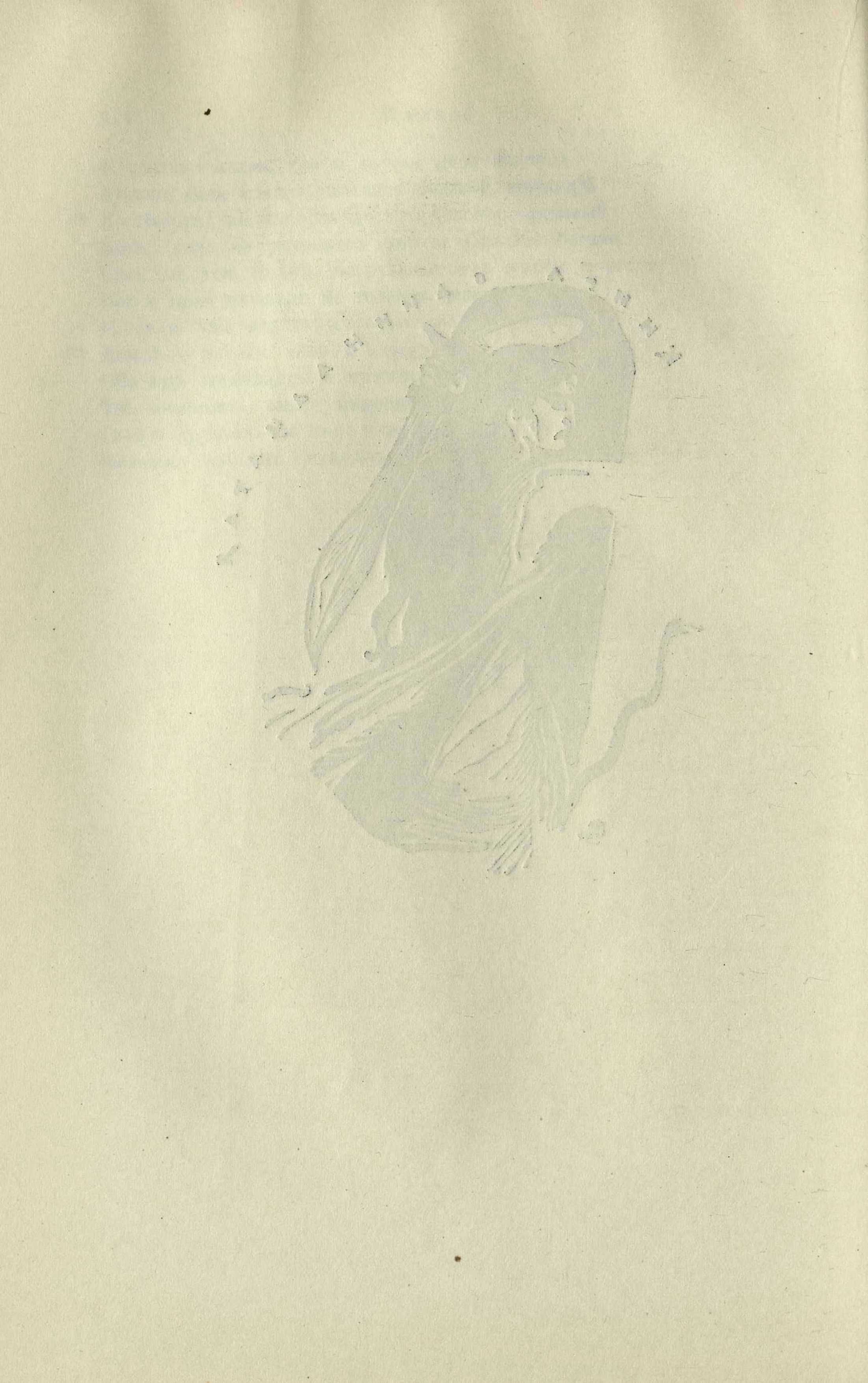
Не была старцем кончена речь, как явились герои;
С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный
Их привечал и руками, и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:
„Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,
„Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
„В войско троянское? или вам бог даровал их представший?
„Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
„Я завсегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
„Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
„Но таких я коней не видал, не приметил доныне!
„Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
„Вас обоих одинаково любит как Зевс громовержец,
„Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!“

Сыну Нелея ответствовал царь Одиссей многоумный:
„Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
„Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
„Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!
„Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
„Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
„Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!
„Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
„Коего высмотреть ночью великое воинство наше
„Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои“.

Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.
Скоро герои, пришед к Диомедовой куще красивой,
Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали

К конским яслям, где и другие царя Диомеда
Бурные кони стояли, питаяся сладкой пшеницей.
Но Лаертид на корабль доспех Долонов кровавый
Взнес, пока не устроится жертва Палладе богине.
Сами же тою порой, погрузившися в волны морские,
Пот и прах смывали на голенях, вые и бедрах;
И, когда уже всё от жестокого пота морскою
Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных ваннах.
Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине,
Полными кубками, сладостней меда вино возливали.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Подвиги Агамемнона

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеян,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в средине, да крики ее обоюдно услышат
В кущах далеких Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновенье война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.

Громко вопил и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи,

Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
После вкруг персей герой надевал знаменитые латы,
Кои когда-то Кинирас ему подарил на гостинец:
Ибо до Кипра достигла великая весть, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися ворони черной,
Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;
Сизые змеи по ним воздымалися кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.
Меч он набросил на рамо: кругом по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрест
Было серебряное и держалось ремнями златыми.
Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,
Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
Белых; в средине ж одна воздымалася — черная ворони;
Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Сребряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
Три, меж собою сплетясь, от одной воздымалися выи.
Шлем возложил на главу изукрашенный, четвероблящный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.
Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
Конные одаль за ними текли; и смятение злое
Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира

Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
Многие храбрых главы ниспослать в обитель Аида.

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,
Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
Трех Антенора сынов, Агенора героя, Полиба
И Акамаса младого, подобного жителю неба.
Гектор герой между первыми щит обращал круговидный.
Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
Блещет огнистая, то погружается в мрачные тучи,—
Так Приамид, воеводствуя, то меж передних являлся,
То между задних, к сражению строя; под пламенной медью
Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

Воины так, как жнецы, устроясь друг против друга
Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа,
Полосу встречные гонят, ручни на ручни упадают,—
Так соступившиесь воины, друг против друга бросаясь,
Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;
С рвением равным главы на сраженье несли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствуя сече.
Боги другие давно удалились от брани; спокойно
В светлых своих воссидели жилищах, где каждому богу
Дом велелепный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.
Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
Трои сынам даровать возжелавшего славу победы.
Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклоняся,
Он одинокий сидел в отдалении, радостно-гордый,
Град созерцая троян, корабли черноооких данаев,
Меди сияние, брань, и губящих мужей и губимых.

Долго, как длилося утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
В час же, как муж дровосек начинает обед свой готовить,
Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,

Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
Чувства ж его обымает алкание сладостной пищи,—
В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамемнон
Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианора,
Свергнул и друга его — Оилея, гонителя коней.
Он, с колесницы ниспрянувши, противостал Атрейону,
И в чело устремленного острым копьем Агамемнон
Грянул; копья не сдержал ни шелом его меднотяжелый:
Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп ворвавшись,
С кровье смесило весь мозг и смирило его в нападеньи.
Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамемнон,
Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи.
Сам устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая
Двух Приамидов (побочный один, а последний законный),
Бывших в одной колеснице: побочный правил конями,
Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.
Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамемнон,
Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.
Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахеян
Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.
Словно как лев быстроногия лани детей беспомощных,
Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;
Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя,—
Так Приамидам никто из троян при погибели грозной
Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

Вслед он Пизандра и пылкого в битвах постиг Гипполоха,
Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса

Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
Всем предлагающим выдать Елену царю Менелаю.
Мужа сего двух сынов изловил Агамемнон могучий,
Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;
Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
Царь Агамемнон. Они с колесницы к нему возопили:
„Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный.
„Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
„Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
„С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп родитель,
„Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев“.

Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос не ласковый слух поразил им:
„Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
„Что на сонме троянам совет подавал, Менелая,
„В Трою послом приходившего с мудрым Лаертовым сыном,
„Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам,—
„Се вам достойная мзда за презренную злобу отцову!“

Рек — и могучим ударом Пизандра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсекши;
Труп оттолкнул, и по толпищу он покатился, как ступа.

Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.
Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них заклубилося облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней),
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.
Словно как хищный огонь на нерубленный лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей,—

Так под руками героя Атрида главы упадали
В бег обращенных троян; крутовыйные многие кони
С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных ища их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамемнон преследовал, мощно своих возбуждая.
Толпища мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полем, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамемнон и кровью багрил необорные руки.
Но, приближася к дубу и к Скейским воротам, трояне
Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
Те же еще по долине, как робкие бегали кравы,
Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
Выю он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,—
Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.
Многие ниц и хребтом упадали, сраженные с коней
Дланью Атридовой: так впереди он свирепствовал пикой.

Но когда, побеждая, под град и высокую стену
Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,
Зевс, на превыспренном холме обильной потоками Иды,
С неба нисшедший, воссел; и держал он перуны в деснице:
И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ирисе:
„Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
„Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
„Между передних свирепствуя, губит ряды браноносцев,
„Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
„Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
„Но, когда копием иль троянской стрелой пораженный,
„Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:

„Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
„И закатится солнце, и мраки священные снидут“.

Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ириса;
С Иды горы устремляется к Трое, священному граду;
Там Приамида героя, великого Гектора видит,
В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;
Став перед ним, провещает подобная вихрям Ириса:
„Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
„Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
„Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
„Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
„Сам от него уклоняйся и токмо других ободряй ты
„Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
„Но, когда копием иль троянской стрелой пораженный,
„Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могучесть:
„Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
„И закатится солнце, и мраки священные снидут“.

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ириса.
Гектор герой с колесницы с оружием прянул на землю;
Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
В бой распаляя сердца; и возжег он ужасную сечу.
Вспять обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Аргоса вои с противной страны укрепили фаланги.
Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамемнон
Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Кто Агамемнону противостал на сражение первый
Между троян конеборственных или союзников славных?—
Сын Антеноров, герой Ифидамас, огромный и сильный,
В Фракии холмной воспитанный, матери стад руноносных.
Там Антенорова сына Киссей воспитал с колыбели,
Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
Но, когда он достигнул возраста юности славной,
Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,

Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;
В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
Но суда многоместные в граде Перкоте оставив,
Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.
Он Агамемнону противостал на сражение первый.—
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось.
Но Ифидамас средь запона, ниже сияющей брони,
Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
Первое встретив сребро, как свинец, изогнулося жало.
Древко, рукой охватив, повелитель мужей Агамемнон
Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук сопостата
Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.
Там, по земле распростершися, сном засыпает он медным
Бедный, друзей защищавший, далёко от верной супруги
Юной, от коей и ласк не приял, но дарами осыпал:
Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных.
Ныне ж Атрид Агамемнон его обнаженного бросил,
И понес меж толпами доспех пораженного пышный.
   Скоро Атрида увидел Коон, знаменитый воитель,
Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
Очи ему помрачила при виде простертого брата.
Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;
Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся от страха владыка мужей Агамемнон;
Брани ж и боя герой не оставил и так; на Коона
Ринулся грозный, колебля копье, возращенное бурей.
Он же тогда Ифидамаса, милого брата родного,
Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.
Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамемнон
Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.
Так Антенора сыны, под руками Атрида героя
Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.

Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
Кровь покуда горячую свежая рана струила.
Но лишь рана засохла, и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острые в душу Атрида вступили.
Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
Острые, кои вонзают Илифии, Герины дщери,
Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких,—
Столько же острые боли вступили в Атридову душу.
Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; и, сердцем терзаясь,
Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
„Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
„Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
„Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид промыслитель
„Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои“.

Так произнес,— и бичом браздодержец коней пышногривых
К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

Гектор, едва усмотрел отходящего с битвы Атрида,
Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликиян:
„Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
„Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
„С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
„Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих
„Прямо на гордых данаев, стяжайте высокую славу!“

Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
Гектор герой, человеков губителю равный Арею;
Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
В бой налетал, как высококрутящийся вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

Кто же был первый и кто был последний, которых низвергнул
Гектор герой, как победу ему даровал олимпиец?
Первый Ассей, и вослед Автоной, и Опид браноносный,
Клития отрасль Долоп, Агелай, и могучий Офелтий,
Ор и отважный Эзимн, и Гиппоноой, пламенный в битвах:
Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
Множество: словно как Зефир на облаки облаки гонит,
Хладного Нота порывами бурными их поражая;
Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко
Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра,—
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.
Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
„Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?
„Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
„Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!“

Сыну Лаерта в ответ говорил Диомед нестрашимый:
„Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
„Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
„Больше троянам, чем нам, даровать одоление хочет!“

Так произнес — и Фимбрея сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьем; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молиона, клеврета царева.
В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
Сами ж, толпу проходя, волновали ее и, как вепри
Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами,—
Так, обратяся, они истребляли троян, а данаи
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Меропа, который славнейший
Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани погибельной в Трою итти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.

Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
Царь Одиссей Гипподама сразил и вождя Гипероха.

Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копием уязвил в бедро Агастрофа,
Сына Пеонова храброго: коней при нем, чтоб избегнуть,
Не было близко; так Пеонид омрачился душою.
Их возница держал в отдалении; сам же он пеший
Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги.
Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаерта:
„Гибель крутится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!
„Но останемся здесь и ее отразим, устоявши!“

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.
Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
Пал на колено; могучей рукой упираяся в землю,
Томный поникнул, и взор ему черная ночь осенила.
Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось,—
Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
К дружным толпам поскакал и избегнул гибели черной.
С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
„Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
„Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.
„Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!
„Скоро, однакож, с тобою я кончу, сошедшися после,
„Если и мне меж богов небожителей есть покровитель!
„Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!“

Рек — и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук напяцал на Тидеева сына, владыку народа;
И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
Шлем от главы, — Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис торжествующий, с радостным смехом,
Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
„Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!
„Если б в утробу тебя угодил я и душу исторгнул!
„Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
„Коих страшишь ты, как лев истребительный агнцев блеющих!"

И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
„Подлый стрелец, лишь кудрями гордящийся, дев соглядатай!
„Если б противу меня испытал ты оружий открыто,
„Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
„Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
„Мне же ничто! как бы дева ударила, или ребенок!
„Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
„Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
„Острой влетает стрелой, — и пронзенный лежит бездыханен!
„И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
„Дети в дому сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
„Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!"

Так он вещал, — и, к нему приступив, Одиссей копьеборец
Стал впереди; Диомед же, присев, из ноги прободенной
Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.
Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным: терзалось в нем сердце.

Тут Одиссей копьеборец покинут один; из ахеян
С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.

Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
„Горе! что будет со мною? позор, коль, толпы устрашася,
„Я убегу; но и горше того, коль толпою постигнут
„Буду один я: других аргивян громовержец рассыпал.
„Но почто мою душу волнуют подобные думы?
„Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
„Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
„Храбро стоять, поражают его, или он поражает!"

Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.
Словно как вепря и быстрые псы и ловцы молодые
Вдруг окружают; а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изощряя;
Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен,—
Так на любимца богов Одиссея кругом нападали
Мужи троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Дейопита героя;
После, Фоона и Эннома друг возле друга низринув,
Он Херсидама троянца, когда с колесницы тот прядал,
В чрево блестящим дротом, под щитом его выпуклобляшным,
Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.
Сих он оставил, и вслед поразил Гиппасида Харопа,
Милого брата рождением славного Сока героя.
В помощь ему устремившися, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаертову сыну воскликнул:
„Царь Одиссей! неистомный в трудах, неоскудный в коварствах!
„Днесь — или ты над двумя Гиппасидами будешь гордиться,
„Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
„Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!"

Рек он — и пикой в размах поразил по щиту Одиссея:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила

Меди Паллада Афина касаться утробы героя.
И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:
„Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!
„Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
„Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:
„Здесь и теперь же моим копием ты поверженный, славу
„Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемусь, душу!“

Рек он,— и Сок, от него обратившися, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.
С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:
„Сок, о воинственный сын укротителя коней Гиппаса!
„Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!
„Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная матерь
„Темных очей не закроют умершему; хищные птицы
„Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!
„Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне герои!“
Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,
Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились.
Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды послышал сей крик Менелай, копьеборец могучий.
Быстро Атрид возгласил к находившемусь близко Аяксу:
„О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
„Крик Одиссея героя ко мне достигает призывный,
„Крику подобный, как будто его одного угнетают
„Боем трояне, отрезав от всех на побоище страшном.
„Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
„Я трепещу, да один меж троянами он не пострадает,
„Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахеян!“

Рек — и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному равным.
Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили

Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
Окрест еленя рогатого, коего муж звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчася, доколе вращались горячая кровь и колена;
Но когда его мощь одолела стрела роковая,
Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
В мрачной дубраве, и льва истребителя демон приводит;
Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает,—
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину.
Сын Теламонов приближился, щит, как башню, несущий;
Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
За руку взявший его, из толпы выводил благородный
Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.
Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дорикла,
Сына Приама побочного; там же он Пандока свергнул,
Свергнул, кругом нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно река наводненная в поле внезапная хлынет,
Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
Мчит и, крутящаясь, ил свой взволнованный в море бросает,—
Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
Коней разя и мужей.— Но погибельной смуты не ведал
Гектор; на левом конце он пылающей брани сражался,
Вдоль по брегу Скамандра пучинного, где наиболе
Падали головы ратных, и бранные клики гремели
Около Нестора старца и сильного Идоменея.
Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
Но не оставили б поля данайские храбрые рати,
Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.
Идоменей к знаменитому Нестору первый воскликнул:

„Нестор Нелид, о великая слава ахейских народов!
„Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Махаон
„Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.
„Опытный врач драгоценнее многих других человеков,
„Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачествами“.

Рек,— и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махаон
Быстро взошел, врача превосходного сын знаменитый.
Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
К кущам ахейским: туда их несло и желание сердца.

Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
„Гектор! тогда как мы здесь подвизаемся между данаев,
„Здесь, на конце истребительной брани,— взгляни ты, другие
„Наши волнуются рати; смесились и кони, и вои.
„Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
„Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
„Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
„Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
„Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!“

Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые,— так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с копьем расставался.
Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился.

Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса:
Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,
Вкруг обращаяся, тихо колено коленом сменяя.
Словно как жаркого льва от загона волов тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне;
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он и свирепый,
И со светом зари удаляется, сердцем печальный,—
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахеян тревожился страхом.
Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют,— но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют,—
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.
Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;
Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один: устремленные копья из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшися белого тела,
В землю вонзяся, стояли, насытиться алчные телом.

Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,
Сильного рати вождя Апизаона, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги.

Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.
Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:
„Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
„Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса
„Пагубный день; удручен он стрелами, и, мыслю, не может
„Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебным
„Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу данаев!“

Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данаи
Вкруг Эвемонида стали, щиты к раменам преклонивши,
Копья уставивши; к ним невредимый исшел Теламонид
И, к дружинам приближася, стал он лицом на враждебных.
Так браноносцы сражались, подобно пылающим пламам.

Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пеной покрытые; с ним и Махаона, славного мужа.
Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
В оное время герой стоял на корме корабельной,
Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;
Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
Вышел, Арею подобный,— и было то горя началом.
Первый вещал к Ахиллесу Менетиев сын благородный:
„Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?“

И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
„О Менетид, благородный, о друг, любезнейший сердцу!
„Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
„Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
„Но спеши, Менетид, вопроси у Нелеева сына,
„С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?
„Сзади Махаону кажется он совершенно подобным,

„Сыну Асклепия; мужа в лицо не успел я увидеть;
„Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони“.

Так произнес,— и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и куще͡й.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.
Оба сошли с колесницы на щедро-питающу землю;
Коней приняв, отрешил Эвримѐдон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохлаждали горячий,
Став против ветра на береге моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.
Им Гекамеда кудрявая смесь в питие составляла,
Дочь Арсиноя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пелид разорил, и которую старцу ахейцы
Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.
Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С палевым медом душистым и ячной мукою священной;
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнийском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготовя напиток составленный, пить приказала.
Мужи, когда питием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.
Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрашивал сесть между ними;
Но Менетид отрекался и быстрой ответствовал речью:

„Нет, не година сидеть,—не преклонишь, божественный старец.
„Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,
„С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
„Сам узнаю, Махаона я вижу, владыку народов.
„С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
„Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
„Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он“.

Быстро ему ответствовал Нестор, конник геренский:
„Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
„Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли всё он
„Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи
„В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!
„Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
„Ранен копьем Одиссей знаменитый, Атрид Агамемнон.
„Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
„Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид градоборец,
„Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!
„Может быть, ждет он, доколе суда на брегу Геллеспонта,
„В битве ахеян бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
„Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
„Силы, какая бывало кипела в гибких сих членах.
„Если бы молод я стал и могучестью крепок, как прежде,
„В годы, когда возгорелася распря меж нас и элеян,
„Хищников стада; когда Гипирохова мощного сына
„Я поразил Итимонея, жившего в злачной Элиде,
„И отбил все возмездие: стадо свое защищая,
„Он поражен меж передними бурною пикой моею;
„Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
„Мы от элеян добычу богатую с поля погнали:
„Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
„Столько же стад и свиных, и бесчисленных козьих, и с ними
„Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
„Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.
„Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
„В Пилос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
„Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.—

„Вестники подняли клич, с появлением ранней денницы
„Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.
„Стекся пилосский народ, и властители мужи добычу
„Всем разделяли (эпеяне многим осталися должны
„В дни, как, уже малолюдные, в Пилосе мы злострадали:
„Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила
„В древние годы: защитники града храбрейшие пали.
„В доме Нелея двенадцать сынов ратоборцев нас было,
„И остался один я: они до последнего пали!
„Сим возгордившися, меднодоспешные мужи эпейцы
„Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).
„Старец себе и волов и овец великое стадо
„Взял, как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
„Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
„Славных, в ристаньи победных четыре коня с колесницей,
„Бегом стязаться ходивших, и был предназначен треножник
„Бега наградой; но их повелитель народа Авгеас
„Нагло отъял и возницу, о конях печального, изгнал.
„Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,
„Много избрал для себя; остальное же отдал народу
„В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.—
„Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
„Жертвы богам приносили. Враги же на третие утро
„Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
„Разом пришли; ополчилися с ними и два Молиона,
„Юноши, вовсе еще незнакомые с бурною бранью.—
„Есть Фриоесса град, на высоком утесе лежащий,
„Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пилос песчаный.
„Град сей враги кругом обступили, разрушить пылая.
„Но, лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
„Вестницей нам, от Олимпа нисшедшая, ночью явилась,
„Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
„Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
„Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
„Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.
„Я же и так между конников наших славой покрылся,
„Пеший: меня на сражение так устремила Афина.—

„Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
„Близко Арены; денницы священной мы там ожидали,
„Конные вои, а пешие тою порою стекались.
„С оного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
„В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
„Там, всемогущему Зевсу принесши избранные жертвы,
„Богу Алфею тельца и тельца Посидону заклали;
„Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
„После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
„И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
„Вдоль по брегу Алфея; а гордые духом эпейцы
„Около града стояли уже и разрушить пылали.
„Но предстало им прежде великое дело Арея.
„Только лишь ясное солнце взошло над пространной землею,
„Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.
„И едва лишь пилосцы с эпейцами бой завязали,
„Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
„Мулия воина; зять он Авгеаса был властелина,
„Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
„Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.
„Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
„Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
„Между передними стал. И надменные мужи эпейцы
„Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,
„Конных вождя, браноносца эпеян, храбрейшего в битвах.
„Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
„Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
„Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
„Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
„Если бы их не отец, многомощный земли колебатель,
„Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.
„Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
„Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
„Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
„Коней пока не пригнали в Вупразий, обильный пшеницей,
„Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.
„С оного поля пилосцев назад обратила Паллада.

„Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
„Вспять из Вупразия в Пилос погнали коней быстроногих,
„Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.
„Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
„Служит своею доблестью только себе! Но уверен,
„Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!
„Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
„В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
„Мы с Одиссеем тогда, находяся в Пелеевом доме,
„Слышали в храмине всё, что вещал он, тебя наставляя.
„В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
„Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
„И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;
„Там был и ты, и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
„Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
„Стоя в ограде двора, и, держа златоблещущий кубок,
„Черное оным вино возливал на священное пламя;
„Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
„Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
„За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
„Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.
„И, когда насладилися мы изобильной трапезой,
„Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
„Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.
„Старец Пелей своему заповедывал сыну Пелиду
„Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
„Но Менетий тебе заповедывал так благородный:
„Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
„Летами ста̀рее ты; у него превосходнее сила;
„Но руководствуй его убеждением, умным советом;
„Дружески им управляй: он на доброе будет послушен.—
„Так заповедывал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
„Храброму сыну Пелея решись говорить,—не вонмет ли?
„Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
„Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
„Если ж какое пророчество душу его устрашает,
„Если ему от Кронида поведала что-либо матерь,—

„Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
„Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.
„Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
„Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
„Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
„Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
„Вы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
„Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей“.

Так говорил он — и сердце Патроклово в персях подвигнул.
Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду герою;
Но, когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
И кругом алтари божествам их воздвигнуты были,—
Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
Доблестный сын Эвемона, с стрелою, в бедре углубленной.
Шел он хромая с побоища; пот у героя ручьями
Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.
Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая:
„Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахеян!
„Так вы должны, далеко от друзей, от отчизны любезной,
„Плотию вашею белою псов насыщать илионских?
„Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
„Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?
„Или уже упадают, его укрощенные медью?“

Быстро ему Эврипил Эвемонид ответствовал мудрый:
„Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
„Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
„Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
„В стане лежат пораженные, или пронзенные в брани
„Медью троян, а могущество гордых растет непрестанно;
„Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
„Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою
„Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,

„Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
„Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.
„Рати ахейской врачи, Подалирий и мудрый Махаон,
„Сей, как я думаю, в кущах, подобною страждущий язвой,
„Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;
„Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея“.

Снова ему отвечал Менетиев сын благородный:
„Чем сие кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?
„В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу герою,
„Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
„Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставлю“.

Рек — и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; служитель, узрев их, тельчие кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

Книга
Двенадцатая

Битва за стену

Так под высокою сенью Менетиев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данаи с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
Крепкая, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и не долго оно на земле уцелело:
Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,
И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,
Так и аргивские многие пали, другие спаслися,
И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной,—
В оное время совет Посидаон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:

Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,
Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра
И Симоиса, где столько щитов и блистательных шлемов
Пало во прах, и легли полубоги, могучие мужи:
Устья их всех Аполлон обратил во едино и бег их
Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс беспрерывный
Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.
Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
Грозный ходил, и всё до основ рассыпал по разливу,
Бревна и камни, какие с трудом аргивяне сложили;
Всё он с землею сравнял до стремительных волн Геллеспонта;
Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиесь воды.

Так Посидаон и Феб Аполлон положили в грядущем
Вместе свершить. Между тем загоралася шумная битва
Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.
Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
Словно когда окруженный, меж псов и мужей звероловцев,
Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;
Ловчие, друг возле друга, сомкнувшися твердой стеною,
Зверю противостоят и тучами острые копья
Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
Он не дрожит, не бежит, и бесстрашием сам себя губит:
Часто кругом обращается, ловчих ряды испытуя;
И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают:
Так, пред толпою летающий, Гектор герой обращался,
Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескоку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
С той и другой стороны; на поверхности острые колья

Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,
Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.
В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвалися, им не удастся ль.
Полидамас наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:
„Гектор, и вы, воеводы троян и союзников наших!
„Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.
„Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно
„Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.
„Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно,
„Конным бойцам: теснина там ужасная, всех переколют.
„Ежели подлинно в гневе своем громовержец ахеян
„Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет,—
„Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,
„Чтоб изгибли бесславно, вдали от Геллады, ахейцы!—
„Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их
„Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий,—
„После, я твердо уверен, и с вестию некому будет
„В Трою притти от ахеян, в отбой на троян устремленных.
„Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:
„Коней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;
„Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
„Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян
„Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель“.

Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,
Быстро с своей колесницы с доспехами прянул на землю.
Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;
Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.
Каждый тогда своему наказал воевода вознице
Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.
Сами ж они, разделяся, толпами густыми свернувшись,
На пять громад устрòяся, двинулись вместе с вождями.
Гектор и Полидамас предводили громадою первой,
Множеством, храбростью страшной, и более прочих пылавшей
Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.
С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,

В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.
Храбрый Парис, Алкафой и Агёнор вторых предводили;
Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,
Два — Приамова сына, и третий Азий бесстрашный,
Азий Гиртакид, который на кбнях огромных и бурных
В Трою принесся из дальней Аризбы, от вод Селлеиса.
Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамас и Архёлох, трояне,
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.
Но Сарпедон предводил ополченье союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропея:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превышал он.
Так изготовясь они и сомкнувшися крепко щитами,
С пламенным духом пошли на данаев; не могут, мечтали,
Противостать, но в суда мореходные бросятся к бегству.

Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совету благому.
Азий один не хотел, предводитель народов Гиртакид,
Коней оставить у рва со своим возницею храбрым:
Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;
Нет, колесницей и кбнями он величаяся, гордый,
Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его дерзновенного участь лихая постигла
Медным копьем Девкалиона, славного Идоменея.
Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне
Там не нашел ни створенных ворот, ни огромных запоров:
Их растворенными вои держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.
Прямо скакал он, высоко мечтающий; с ним и другие
С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят, — в корабли мореходные бросятся к бегству.
Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,

Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипет, безбоязненный сын Пирифоя;
Воин второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковздымавшеюсь башней стояли:
Словно на хо̀лмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши,—
Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегось Азия бурного ждали, незыблемо стоя.
Тою порой, как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с воинственным криком
Вкруг повелителя Азия, вкруг Иямена, Ореста,
Азия сына Ада̀маса, Фо̀она и Эномая,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда боронить возбуждали.
Но, лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу,—
Вылетев оба они, пред воротами начали битву,
Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападение шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
Вкруг раздается, доколе копье не исторгнет их жизни,—
Так у лапифов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапифы,
Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же — огромные камни с высоковздымавшейся башни,
Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро метали; как снег ослепительный падает наземь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,
Частый его проливает на многоплодящую землю,—
Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
Стрелы лилися из рук; под ударами камней огромных
Глухо гудели шеломы и круги щитов медноблящных.

Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
Азий Гиртакид и, ропчущий на небо, так говорил он:

„Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!
„Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне герои
„Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
„Но как пчелы они, иль как пестрые, верткие осы,
„Гнезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
„Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись
„Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно,—
„Так и они не хотят от ворот, не взирая, что двое,
„С места податься, пока не осилят, иль сами не лягут“.

Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.

Рати другие пред башней другою билися боем.
Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать:
Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
Каменный: духом унылые, рати ахеян по нужде
Бились, суда бороня; омрачились печально и боги,
Все ополчений ахейских поборники в брани троянской.

Стали сложася лапифы на страшную брань и убийство.
Пламенный сын Пирифоев, герой Полипет копьеносный,
Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный:
Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Медь изощренная, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападеньи.
Он наконец у Пилона и Ормена души исторгнул.
Отрасль Арея, лапиф Леонтей, Антимахова сына
Там же низверг, Гиппомаха, уметив у запона пикой.
После герой, из влагалища меч свой исторгнувши острый
И сквозь толпу устремившися, первого там Антифата
Изблизи грянул мечом, и об дол он ударился тылом.
Там наконец он Иямена, Мѐнона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.

Но между тем, как они совлекали блестящие брони,
С Полидамасом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный, и более прочих пылавший

Стену ахеян пробить и огнем истребить корабли их.
Но, приближась ко рву, в нерешимости храбрые стали:
Ров перейти им пылавшим, явилася вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий в когтях обагренного кровью огромного змея:
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
Взвившись назад, своего похитителя около выи
В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
Трои сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.

Полидамас говорить дерзновенному Гектору начал:
„Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
„Я говорю справедливое: ибо никто и не должен,
„Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
„Так и в брани, одно умножая твое властелинство.
„Снова, однако, скажу я вам, что̀ почитаю полезным:
„Дальше не должно итти и с данаями в стане сражаться.
„Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,
„Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
„Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
„Мчащий покрытого кровью огромного змея живого;
„Но его упустил он, гнезда своего не достигнул
„И не успел, похититель, предать его детям в добычу,—
„Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
„Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
„Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся;
„Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
„Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
„Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
„Ведает знамений смысл, и ему бы народ покорился“.

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
„Полидамас, для меня неприятны подобные речи!
„Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!

„Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
„Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
„Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я
„Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?
„Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
„Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
„Вправо ли птицы несутся, к востоку денницы и солнца,
„Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.
„Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
„Зевса, который и смертных и вечных богов повелитель!
„Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
„Что ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
„Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
„Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшися!
„Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
„Если, однако, ты бросишь сражение, или другого,
„Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
„Вмиг под моим ты копьем распрострешься и душу испустишь!“

Так произнес — и пошел он вперед; понеслись и дружины
С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
Мрачный прах на суда заклубившую; он у данаев
Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.
Тут, на знаменье бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
И ломами шатали у вала торчащие сваи,
Кои поставлены в землю опорами первыми башен.
Их вырывали они и уже уповали, что стену
Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места:
Плотно щитами они оградивши грудные забрала,
Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа:

Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
Если которых встречали оставивших битву с врагами:
„Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
„Так и последний из воинов,— ибо не все равносильны
„Мужи в сражениях,— ныне для всех нас труд уготовлен!
„Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
„Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшася.
„Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!
„Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кронион,
„Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!“

Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.
Словно как снег, устремившися, хлопьями сыплется частый,
В зимнюю пору, когда громовержец Кронион восходит
С неба снежить человекам, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег беспрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи и тучные пахарей нивы;
Сыплется снег на брега и на пристани моря седого;
Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова вьюга,—
Так от воинства к воинству частые камни летали,
Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
Быстро метавших; над всею твердынею стук раздавался.

Но не успели б еще и трояне и Гектор могучий
В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
Сам Эгиох не подвигнул, как льва на волов круторогих.
Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный,
Медный, кованный, пышноблестящий, который художник,
Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчие кожи
Прутьями золота часто проплел по краям его круга:
Щит сей неся перед грудью и два копия потрясая,
Он устремился, как лев горожитель, алкающий долго
Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;

И хотя пред оградою пастырей сельских находит,
С бодрыми псами и с копьями стадо свое стерегущих,
Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от ограды;
Прянув во двор, похищает овцу, либо сам под ударом
Падает первый, копьем прободенный из длани могучей,—
Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.
Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:
„Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
„Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
„В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
„И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
„Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
„Нам, предводителям, между передних героев ликийских
„Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.
„Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
„Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
„Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
„Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
„Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!
„Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
„Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
„Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
„Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
„Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
„Нас окружают, и смертному их ни минуть, ни избегнуть.
„Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!“

Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.
Их устремленных узрев, Петеид Менесфей ужаснулся:
К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.
С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
Скоро Аяксов узрел обоих, ненасытимых бранью,
Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно
Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.

Шумно там было побоище — там до небес раздавался
Гром от разимых щитов, от косматых шеломов и створов
Башенных врат: обступили их все, и, пред ними толпою
Стоя, трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
Вестника вождь Менесфей посылает к Аяксам, Фоота:
„Шествуй, почтенный Фоот, и зови на защиту Аякса.
„Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им
„Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!
„Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
„Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
„Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
„Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
„С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый“.

Так произнес; покорился его повелениям вестник
И пустился бежать по стене меднобронных данаев.
Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:
„Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
„Просит Петея почтенного сын, Менесфей благородный,
„В помощь притти; разделите хоть несколько труд с ним жестокий.
„Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
„Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
„Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
„Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
„Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
„Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
„С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый“.

Так говорил, и охотно склонился Аякс Теламонид.
Он к Оилиду Аяксу измолвил крылатое слово:
„Сын Оилеев Аякс, и ты, Ликомед нестрашимый!
„Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
„Я же туда поспешаю и там на сражение стану;
„К вам возвращуся немедленно, только лишь им помогу я“.

Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,

И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.
К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;
Сблизились в битву, противник с противником, с яростным криком.

Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла:
Мармором острым его поразил он, какой на твердыне
Больший лежал у забрал высочайших; его не легко бы
Поднял руками обеими муж и летами цветущий,
Нам современный, но он высоко его поднял и ринул:
Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.
Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
Сверху стены, на нее подымавшегось, ранил пернатой
В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.
Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
Главка приметил; но он не оставил кровавого боя:
Он в Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшися, пал он
На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.
Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлек, и оторванный рухнулся весь он на землю;
Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе: стрелою
Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.
Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и пробившись
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегось сердцем.
Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил

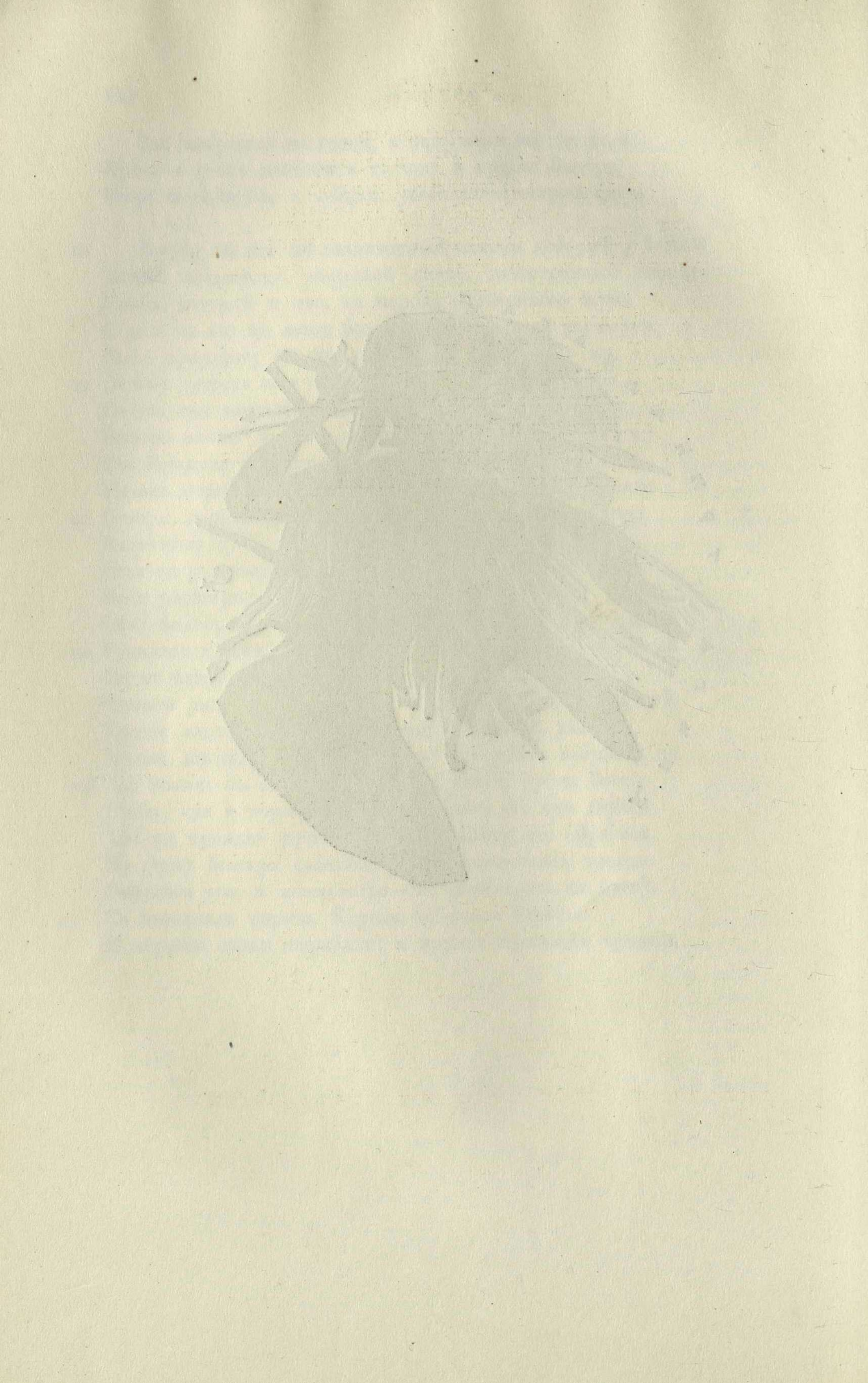
Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.
Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:
„Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?
„Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнейший,
„Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!
„Разом со мною, ликийцы! успешнее труд совокупный!“

Так восклицал,— и они, устыдившися царских упреков,
Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.
Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
Внутрь их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
Тут, как ликийцы храбрейшие все не могли у ахеян
Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.
Но как два человека, соседи, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,
Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят:
Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
Мужи одни у других разбивали вкруг персей их кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты.
Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.
Но ничто не могло устрашить ахеян; держались
Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит во̀лну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату,—
Так равновесно стояла и брань и сражение воинств
Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.
Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
„Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
„И на их корабли пожирающий пламень бросайте!“

Так возбуждал их герой, и услышали все его голос;
Прямо к стене понеслися толпою и начали быстро
Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копья.

Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкий книзу, завостренный кверху,
Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами,
Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.
Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несет: для нее нечувствительно слабое бремя,—
Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные, высокие; два извнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.
Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
Ноги расширил и, сильно напрягшися, грянул в средину;
Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
Рухнулся тяжкий. Взгремели ворота; ни засов огромный
Их не сдержал: и сюда и туда раскололися створы,
Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
Медью, которой одеян был весь; и в руках потрясал он
Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.
Там он троянам приказывал, к толпищу их обратяся,
На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

Книга тринадцатая

Битва при кораблях

Зевс, и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных.
Более он к Илиону очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел еще поборать за троянских сынов, иль ахейских.

Но соглядал не напрасно и мощный земли колебатель:
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной: оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахеян.
Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.—
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,

Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гневе идущего бога.
Трижды ступил Посидон и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посидона в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.
Золотом сам он оделся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;
Коней погнал по волнам,— и взыграли страшилища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море под ним расстилалось,— а гордые кони
Бурно летели, зыбей не касаяся медною осью;
К стану ахейскому мчалися быстроскакучие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залива,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
Там коней удержал колебатель земли Посидàон;
Там отрешив от ярма, амврозической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накинул им путы златые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским.

Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
Гектору вслед с несмиримой горячностью к бою летели
С шумом, с криком неистовым: взять корабли у данаев
Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.
Но Посидон земледержец, могучий земли колебатель,
Дух аргивян возвышал, из глубокого моря исшедший.
Он, уподобяся Кàлхасу видом и голосом сильным,
Первым вещал Аяксам, пылавшим и собственным сердцем:
„Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете ахеян,
„Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.
„В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
„Кои в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
„Их остановят везде медънолатные рати ахеян.
„Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать неизбежно мы можем:

„Здесь разъяренный, как пламень стремительный, Гектор предводит,
„Гектор, себя величающий сыном всемощного Зевса!
„О, да и вам небожитель положит решительность в сердце,
„Крепко стоять и самим, и других ободрить, устрашенных!
„Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
„Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!“

Рек — и жезлом земледержец, могучий земли колебатель,
Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
Члены их легкими сделал, и ноги и мощные руки.
Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,
Ринется полем преследовать робкую птицу другую,—
Так устремился от них Посидаон, колеблющий землю.
Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:
„Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
„Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.
„Нет, то не Калхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
„Нет, по следам и по голеням мощным сзади познал я
„Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.
„Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
„Пламенней прежнего рвется на брань и кровавую битву;
„В битву горят у меня и могучие руки и ноги“.

Быстро ему отвечал Теламонид, мужества полный:
„Так, Оилид! и мои на копье несмиримые руки
„В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
„Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
„С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться“.

Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
Тою порой возбуждал Посидаон задних данаев,
Кои у черных судов оживляли унылые души;
Воины, коих и силы под тяжким трудом изнурились,

И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших.
Смотря на их торжествующих, слезы они проливали,
Смерти позорной избегнуть не чаяли. Но Посидаон,
Вдруг посреди их явившися, сильные поднял фаланги.
Первому Тевкру и Леиту он предстал, убеждая,
Там Пенелею царю, Деипиру, Фоасу герою,
Здесь Мериону и с ним Антилоху, искусникам бранным.
Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:
„Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
„Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
„Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
„День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
„Боги! великое чудо моими очами я вижу,
„Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:
„Трои сыны пред судами ахейскими! те, что бывало
„Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
„Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
„Пардов, волков и шакалов вседневною пищей бывают.
„Так и трояне сии трепетали бывало ахеян,
„Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
„Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!
„И отчего, от проступка вождя и от слабости воев,
„Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
„Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!
„Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновен
„Наш предводитель, пространновластительный царь Агамемнон,
„Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса героя,
„Нам никому ни на миг уклоняться не должно от брани!
„Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
„Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
„Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
„Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
„Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!
„Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
„Слабостью вашей! Опомнитесь, други; представьте себе вы
„Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!

„Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
„Мощный, уже разгромил и врата и запор их огромный“.

Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.
Окрест Аяксов героев столпилися, стали фаланги
Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,
Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
Стиснувши дрот возле дрота и щит у щита непрерывно:
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне сгустяся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться.
Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем дождем разорвавши утеса жестокого связи:
Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепонно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде,—
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по тропам данаев;
Но едва набежал на сомкнувшиесь крепко фаланги,
Стал, как ни близко нагрянувший: дружно его аргивяне,
Встретив и острых мечей и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили,— и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:
„Трои сыны и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
„Стойте, друзья! Не надолго меня остановят ахейцы,
„Если свои ополченья и грозною башней построят;
„Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
„Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!“

Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высокомечтающий вышел,
Сын же Приамов: пред грудью уставя он щит круговидный,

Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.
Но Мерион, на троянца наметив сверкающей пикой,
Бросил, и верно вонзилася в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла: вонзилась, и древком
Около трубки огромная хряснула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе устрашася
Бурного в лете копья Мерионова; тот же, могучий,
К сонму друзей отступил, негодуя жестоко на трату
Верной победы и вместе копья, преломленного тщетно;
Быстро пустился итти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынесть копье, у него сохранившеесь в куще.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
Тевкр Теламониев первый отважного сверг браноносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педáосе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикасты супруг, побочной Приамовой дщери.
Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеслых,
Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.
Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как ясень
Пышный, который на холме, далёко путнику видном,
Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет:
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.
Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издалече узря, от копья, налетавшего бурно,
Чуть избежал. Но Амфимаха Гектор, Ктеатова сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;
С шумом на землю он пал, загремели на падшем доспехи.
Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеатова храброго сына.
Но Аякс на летящего острую пику уставил;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он

Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне:
Сына Ктеатова Стихий герой с Менесфеем почтенным,
Оба афинян вожди, понесли к ополченьям ахейским.
Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордые мчат через густопоросший кустарник
И добычу высоко в челюстях держат кровавых,—
Так, Менторида высоко держа, браноносцы Аяксы
С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
Ссек Оилид и, за гибель Амфимаха местью пылая,
Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян:
В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаясь пала.

Гневом сугубым в душе Посидон воспылал за убийство
Внука его Ктеатида, сраженного в битве свирепой.
Гневный подвинулся он, к кораблям устремляясь и к кущам,
Всех аргивян возбуждая и горе готовя троянам.
Идоменей, Девкалион воинственный, встретился богу,
Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
Был приведен, под колено суровою раненный медью.
Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
Сам из шатра возвращался: еще он участвовать в битве,
Храбрый, пылал; и к нему провещал Посидаон владыка
(Глас громозвучный приняв Андремонова сына, Фоаса,
Мужа, который в Плевроне, во всем Калидоне гористом
Всеми этольцами властвовал, чтимый, как бог, от народа):
„Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
„Коими Трои сынам угрожали ахейские чада?“

И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
„Сын Андремонов! никто из ахеян теперь не виновен,
„Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;
„Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
„Праздности, битвы не бросил, ахеям жестокой; но, верно,
„Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
„Здесь далеко от Геллады ахеян бесславно погибших!
„Сын Андремонов, всегда отличавшийся мужеством духа,

„Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
„Ныне, Фоас, не оставь и омужестви каждому душу!“

Быстро ему отвечал Посидаон, колеблющий землю:
„Критян воинственный царь! да вовек от троянского брега
„В дом не придет, но игралищем псов да прострется под Троей
„Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!
„Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
„Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
„Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;
„Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться“.

Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Идоменей же, поспешно пришед к благосозданной куще,
Пышным доспехом покрылся и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кронион
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском,—
Так у него, у бегущего, медь вкруг персей блистала.
В встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
Близко от кущи, куда он спешил, вооружиться желая
Новым копьем, и к нему провещала владычняя сила:
„Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
„Что приходил ты, оставивши брань и жестокую сечу?
„Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
„Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
„Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!“

Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
„Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,
„В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?
„Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
„В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа“.

Критских мужей повелитель ответствовал вновь Мериону:
„Ежели копья нужны, и одно обретешь ты, и двадцать,
„В куще моей у стены блестящей стоящие рядом

„Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.
„Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
„Вот отчего у меня изобильно щитов меднобляшных,
„Копий, шеломов и броней, сияющих весело в куще“.

Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
„Царь, и под сенью моей, и в моем корабле изобильно
„Светлых троянских добыч; но не близко итти мне за ними.
„Сам похвалюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
„Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
„Сам я стою, лишь подымется спор истребительной брани.
„Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
„Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь“.

Критских мужей предводитель ответствовал вновь Мериону:
„Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.
„Если бы нас, в ополченьи храбрейших, избрать на засаду
„(Ибо в засадах опасных — мужей открывается доблесть;
„Тут человек боязливый и смелый легко познается:
„Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;
„Твердо держаться ему не дают малодушные чувства;
„То припадет на одно, то на оба колена садится;
„Сердце в груди у него беспокойное жёстоко бьется;
„Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
„Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
„Раз и решительно он, на засаду засевши с мужами,
„Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
„Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!
„Если б и ты, подвизаяся, был поражен иль устрелен,
„Верно не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:
„Грудью б ты встретил копье, иль утробой пернатую принял,
„Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.
„Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
„Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
„В кущу войди, и немедленно с крепким копьем возвратися“.

Рек, — и Молид, повинуяся, бурному равный Арею,
Быстро из кущи выносит копье, повершенное медью,

И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей устремляется в бой, человеков губитель,
С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
Богом, который в боях ужасает и храброго душу;
Оба из Фракии горной они на эфиров находят,
Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют
Общим народов мольбам, но единому славу даруют,—
Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
„Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?
„В правом конце, в середине ль великого нашего войска,
„Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
„В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев“.

Молову сыну ответствовал критских мужей предводитель:
„Нет, для средины судов защитители есть и другие:
„Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
„Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;
„Там довольно и их, чтоб насытить несытого боем
„Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
„Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
„Мужество их одолев и могущество рук необорных,
„Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс громовержец
„Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.
„Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
„Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
„Если язвим рассекающей медью и крепостью камней.
„Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
„В битве ручной; быстротою лишь ног не оспорит Пелида.
„В левую сторону рати пойдем, да скорее увидим,
„Мы ли прославим кого, или сами славу стяжаем!“

Рек,—и Молид, устремившися, бурному равный Арею,
Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
Идоменея увидев, несущегось полем, как пламень,

С храбрым клевретом его, в изукрашенных дивно доспехах,
Крикнули разом трояне, и все на него устремились.
Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;
Бурные, вместе вздымают огромное облако праха,—
Так засвирепствовал общий их бой: ратоборцы пылали
Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.
Грозно кругом зачернелося ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплялися очи
Медным сияньем от выпуклых шлемов, безмерно сверкавших,
Панцырей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

Боги, помощные разным, сыны многомощные Крона,
Двум племенам браноносным такие беды устрояли.
Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,
Славой венчая Пелида царя; но не вовсе Кронион
Храбрых данаев желал истребить под высокою Троей;
Только Фетиду и сына ее прославлял он героя.
Бог Посидон укреплял данаев, присутствуя в брани,
Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
Силой троян усмиренных, и гордо роптал на Зевеса.
Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал.
Зевса страшился и явно не смел поборать Посидаон;
Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
Боги сии и свирепой вражды и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседелый,
Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
Офрионея сразил кабезийца, недавнего в граде,
В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.
Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,

Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
Подвиг великий: из Трои изгнать меднолатных данаев.
Старец ему обещал и уже за него согласился
Выдать Кассандру,—и ратовал он, на обет положася.
Идоменей на него медножальную пику направил
И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
С шумом он грянулся в прах, и, гордяся, вскричал победитель:
„Офрионей! человеком тебя я почту величайшим,
„Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрекся
„Сыну Дарданову: дочерь тебе обещал он супругой.
„То же и мы для тебя обещаем, и верно исполним:
„Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочерь;
„К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
„Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный.
„Следуй за мной: при судах мореходных с тобой мы докончим
„Брачный сговор; не скупые и мы на приданое сваты“.

Рек—и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
Правил клеврет у него; и пылающий он устремился
Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
Пикой ударил в гортань под брадой и насквозь ее выгнал.
Пал он, как падает дуб или тополь серебрянолистный,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо:
Азий таков пред своей колесницей лежал распростряся,
С скрипом зубов раздирая руками кровавую землю.
Но возница его цепенел, растерявшийся в мыслях,
Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избегнуть,
Коней назад обратить; и его Антилох бранолюбец
Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Он застонал и с прекрасно-составленной пал колесницы.
Коней младой Антилох, благодушного Нестора отрасль,
Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
Но усмотрел и от меди убийственной во-время спасся
Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
Щит, из воловьих кож и блистательной меди скругленный
И двумя поперек укрепленный скобами: под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;
Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.
Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.
Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:
„Нет, не без мщения Азий лежит, и теперь, уповаю,
„Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
„Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!"

Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, не взирая на скорбь, не оставил сраженного друга;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхиев сын Мекистей и младой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппасида, печально стеная.

Идоменей воевал не слабея, пылал беспрестанно
Или еще фригиянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но беду отразить от ахеян.
Тут благородную отрасль питомца богов Эзиета,
Славу троян, Алкафоя, драгого Анхизова зятя
(Дщери его Гипподамии был он супругом счастливым,
Дщери, которую в доме отец и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала: зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной),—
Мужа сего Девкалида рукой укротил Посидаон,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги:
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;

Скованный страхом, как столб, иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид копьеборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевшись;
С громом упал он, копье упадавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть в нем скоро Арей укротил смертоносный.
Идоменей, величаясь победою, громко воскликнул:
„Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
„Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,
„Дивный герой! Но приближься и сам, и меня ты изведай:
„Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!
„Он, громовержец, Миноса родил, охранителя Крита;
„Мудрый Минос породил Девкалиона, славного сына;
„Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
„В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
„Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!"

Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли итти и, с троянцем каким-либо храбрым сложася,
Выйти вдвоем, иль один на один испытать Девкалида?
Так Деифоб размышлял, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.
Став перед ним, Деифоб устремляет крылатые речи:
„Храбрый Эней, троян повелитель, если о ближних
„Ты сострадаешь, тебе заступиться за ближнего должно.
„Следуй за мной, защитим Алкафоя; тебя он почтенный,
„Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
„Идоменей, знаменитый копейщик, сразил Алкафоя".

Так произнес он — и душу в груди взволновал у Энея.
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая.
Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался:
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть надежный,

Шумного вкруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;
Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы
Ярый острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый,—
Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизида,
Против летящего воина бурного; только соратных
Криком сзывал, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;
Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:
„Други, ко мне! защитите меня одинокого! Страшен
„Бурный Эней нападающий; он на меня нападает;
„Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
„Блещет и цветом он юности, первою силою жизни.
„Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
„Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!“

Так говорил он,—и все, устремившися с духом единым,
Стали кругом Девкалида, щиты к раменам преклонивши.
Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремилися: так за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится,—
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

Вкруг Алкафоя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
Страшно гремела от частых ударов сшибавшихся толпищ.
Два между тем браноносца, отличные мужеством оба,
Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.
Первый Эней, размахнувшися, ринул копье в Девкалида;
Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, в землю вбежало,
Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.
Идоменей же копьем Эномаоса ранил в утробу;

Лату брони просадила и внутренность медь из утробы
Вылила: в прахе простершись, руками хватает он землю.
Идоменей длиннотенную пику из мертвого тела
Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов
С персей совлечь не успел: осыпали троянские стрелы.
Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своим копием, иль чужого избегнуть:
Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;
Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
Медленно он уходил. Деифоб в уходившего дротик
Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.
И прокинул он снова; но медь Аскалафа постигла,
Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.
Долго не ведал еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,
Зевса всемощного волей обузданный, где и другие
Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

Воины вкруг Аскалафа бросалися в бой рукопашный.
Тут Деифоб с головы Аскалафовой шлем светозарный
Сорвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
Хищника в руку копьем поразил; из руки Деифоба
Шлем дыроокий исторгся и об землю звукнул упавший.
Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
Вырвал из мышцы копье, у него растерзавшее тело,
И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полит Деифоба,
Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
Вывел из шумного боя, до самых коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницей;
К граду они понесли Деифоба; жестоко стенал он,
Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.

Но другие сражалися; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней, налетев, Афарея, Калетора сына,

Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил:
Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
Щит и шелом; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

Несторов сын, обращенного тылом Фоона приметив,
Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
С правого бока хребта непрерывно идущую к вые,
Всю совершенно рассек; зашатавшися, навзничь на землю
Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.
Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;
Медью жестокой нижѐ не коснулися к белому телу
Славного внука Нелеева: бог Посида̀он могущий
Сам охранял Несторида везде и под тучею копий:
Ибо вдали от врагов не стоял он, меж ними носился;
В длани его не покоился дрот, трепетал беспрестанно,
К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.

Скоро его Адамас, намечавшегось дротом, приметил,
Азиев сын, и, к нему устремившися, острою медью
Грянул в средину щита; но ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав, Посидон черновласый:
И копья половина, как кол обожженный, осталась
В круге щита, половина тупая упала на землю.
Бросился к сонму друзей Адамас, избегая от смерти.
Быстро его Мерион и настиг, и сверкающим дротом
Между стыдом и пу̀пом ударил бегущего, в место,
Где наиболее рана мучительна смертным несчастным:
Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
Бился, как вол несмиренный, которого пастыри мужи,
Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят,—
Так он, проколотый, бился в крови; но не долго: не медля
Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

Тут Гелен Деипира фракийскою саблей огромной
Резко в висок поразил, и шелом с него сбил коневласый.
Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,

Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;
Очи вождя Деипира глубокая ночь осенила.
Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.
Оба они соступились: один занесенную пику
Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрѐлу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Так, как с широкого веяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачут бобы, иль зеленые зерна гороха,
Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет,—
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далёко.
Сын же Атреев, герой Менелай, копием Приамида
В длань поразил, воруженную луком блестящим; и к луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Агенор;
Руку ж ему повязал искусственно свитою вѐлной,
Мягкой повязкой, клевретом всегда при владыке носимой.
Сильный Пизандр между тем сопротив Менелая героя
Выступил: злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.
Чуть соступилися оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид — и неверно: копье его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копье сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорищем оливным,
Длинным, блистательно гладким, и оба сразилися разом:
Сей поражает по выпуке шлема, косматого гривой,
Около самого гребня, а тот наступавшего по лбу,

В верх переносицы: хряснула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочив, подле него на кровавую землю упали;
Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай победитель:
„Так вам оставить и всем корабли быстроконных данаев,
„Вам, вероломцы трояне, несытые пагубной бранью!
„Большей обиды и срама искать вам не нужно, какими,
„Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
„Вы не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства
„Он покровитель, и некогда град ваш рассыплет высокий!
„Вы у меня и младую жену и сокровища дома
„Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
„Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
„Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!
„Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
„Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь
„Всех и бессмертных и смертных; всё из тебя истекает.
„Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
„Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
„Лютым убийством насытиться в брани, для всех ненавистной!
„Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
„Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
„Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
„Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!"

Рек — и, оружия с тела, дымящиесь кровью, сорвавши,
Отдал клевретам своим Менелай, предводитель народов;
Сам же, назад обратяся, с передними стал на сраженье.
Там на него налетел Гарпалион, царя Пилемена
Доблестный сын: за отцом он любезным последовал к брани,
В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!
Он Менелаю царю по средине щита, налетевши,
Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.
Но Мерион на бегущего медной стрелою ударил;
В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,

Острая, в самый пузырь, под лобковою костью проникла.
Там же он скорчась присел и, в объятиях другов любезных
Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
Черная кровь выливалась и землю под ним увлажала.
Окрест его пафлагоняне верные засуетились;
Тело, подняв в колесницу, они в Илион провожали,
Грустные: шел между них и отец, проливающий слезы;
Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.

Но Парис за него справедливою местию вспыхнул:
Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;
Он, за него отомщая, послал медножальную стрелу.
Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полиида пророка,
Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;
Участь свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
Часто ему говорил Полиид добродушный, что должен
Он иль от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;
Но избегал Эвхенор как от пени, постыдной ахейцам,
Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.—
Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенора объяла.

Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
Гектор же, Зевса любимец, вдали не слыхал и не ведал,
Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
Войско его от ахеян,— и скоро бы слава ахеян
Полной была над троянами: так ободрял Посидаон
Души ахеян и силою собственной сам поборал им.—
Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
Сам разорвавши густые ряды аргивян щитоносцев,
Там, где суда и Аякса, и Протезилая стояли,
Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
Самую низкую вывели стену, и где превосходных
Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.
Там беотиян отважных, иявонов длиннохитонных,
Фтиян и локров и славных эпеян сложившиеся рати

Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
Сил не имели отбить Приамида, подобного буре.
Вои афинские были отборные; их ополченье
Вел Петеид Менесфей, и за ним устремляли дружины
Фидас, и Стихий, и Биас герой. Знаменитых эпеян
Вел Амфион, и Мѐгес Филид, и воинственный Дракий.
Фтийцам предшествовал Мѐдон и дышащий боем Подаркес
(Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса юнейший брат, но в Филаке
Жил, далеко от отечества, брося его как убийца,
Мачехи брата убив, Оилея жены, Эриопы;
Храбрый Подаркес Ификлов был сын, Филакидов потомок).
Оба они впереди, пред дружинами юношей фтийских,
Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.
Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
Так плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба они впереди, пред дружинами юношей фтийских,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают,—
Так и Аяксы, сложася, держались один близ другого.
Вслед Теламонова сына стремилися многие мужи,
Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
Если усталость и пот изнуряли колена герою;
Но за вождем Оилидом никто не стремился из локров:
Дух не вытерпливал их рукопашного, стойкого боя;
Воинство их не имело ни мѐдяных с гривою конской
Шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;
Только на верные луки и вѐлну, скручённую в пращи,
Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,
Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.
Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,
Локры стреляли, держась позади,—и уже забывали
Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.
Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских

Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
Если б отважного Гектора Полидамас не подвигнул:
„Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!
„Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
„Ты ж и советов мудростью всех перевысить желаешь!
„Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.
„Бог одного одаряет способностью к брани, другому
„Зевс, промыслитель превыспренний, в перси разум влагает
„Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;
„Оным и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
„Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
„Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;
„Мужи троянские, после того как ворвалися в стену,
„С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
„В слабых толпах против множества, вдоль кораблей растянувшись.
„С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
„Здесь мы важнейшее дело решим совещанием общим:
„Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
„Если бы бог даровал одоление, или не медля
„Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
„Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
„Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
„Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя“.

Так говорил он,— и Гектор одобрил совет справедливый;
Быстро с своей колесницы с оружием прянул на землю
И ему отвечал, устремляя крылатые речи:
„Полидамас, удержи ты здесь предводителей храбрых;
„Дальше пойду я и противостану пылающей битве.
„Я возвращуся не медля, вождям повеления давши“.

Рек — и понесся великий, горе под снегами подобный;
С криком призывным толпы облетел он троян и союзных.
Все к Панфоиду, любителю мужества Полидамасу,
Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.
Он же Гелена царя, благородного брата Дейфоба,

Азия ветвь, Адамаса, и Азия, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.
Их он нашел, но не всех невредимых, не всех средь живущих:
В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
А другие страдали под язвами стрел или копий.
Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.
Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:
„Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец, прельститель!
„Где у тебя Деифоб и Гелен, повелитель народа?
„Офрионей знаменитый, Гиртакид воинственный, Азий,
„Где Адамас? Погибает сегодня, с высот упадает
„Троя святая! Сегодня твоя неизбежна погибель!“

Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
„Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
„Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
„Прежде, не ныне,— меня не без доблести матерь родила.
„С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
„С оного часу и мы с аргивянами здесь беспрерывно
„Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.
„Только герой Деифоб и Гелен, повелитель народа,
„С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
„Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.
„Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
„Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
„Льщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;
„Выше же силы, хотя б и пытал кто, не может сражаться!“

Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
Ринулись оба, где более битва и сеча кипела
Вкруг Кебриона вождя, непорочного Полидамаса,
Фалка, Орфея, подобного богу вождя Полифита,
Пальма, Аскания, Мориса, отраслей Гиппотиона,

Двух воевод, из Аскании прежним пришедших на смену
Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.
Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,
Если под громом Кронидовым грозная степью несется
И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
Горы клокочущих волн по немолчношумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие,—
Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
Медью блеща и гремя, за своими вождями летели.
Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;
Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.
Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:
„Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
„Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;
„Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смирены, аргивяне.
„Верно, ты в сердце надеждой горишь уничтожить сегодня
„Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!
„И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
„Нашими будет руками и взят и во прах ниспровержен!
„День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
„Пламенно станешь молить и Зевеса и всех олимпийских,
„Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
„Коих погонишь ты в град, подымая лишь пыль по долине“.

Он говорил, и незапно над ним заширялася вправе
Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:
„Праздные звуки, Аякс! велеречишь, огромностью гордый!
„Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса
„Был, бесконечно живущий, от Геры богини рожденный,
„Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада,—
„Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам

„Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
„Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает
„Нежное тело; и птиц ты пустынных и псов илионских
„Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!“

Так произнес — и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
Мужества и нажидали удара героев троянских;
Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Обольщение Зевса

Крик неспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
„Что, благородный Махàон, из дел сих нерадостных будет?
„Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
„Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
„Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
„Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
„Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю“.

Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня ахеян!
Словно как море великое зыбью немою чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,

Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет,—
Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: к рядам ли итти аргивян быстроконных,
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
В сих волновавшемусь думах, сдалося полезнее старцу
К сыну Атрея итти.— Между тем истребляли друг друга
Воины в битве; звучала ужасно вкруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдуконечных.
  С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
Храбрый Тидид, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.
Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, всё между мысов пространство.
Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираяся копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
  „Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
„Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
„О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
„Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
„В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
„Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
„Так он на сонме грозился,— и всё совершается ныне!
„Боги! Так все ополчения медноружных данаев
„Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быстроногий, питают,
„Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!“

  Быстро Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
„Так, Агамемнон, свершается всё! и уже не возмог бы

„Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
„Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
„Нам от врагов и судам нерушимой защитою будет.
„Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
„Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
„Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мятутся.
„Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
„Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
„Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
„Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться“.

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
„Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
„Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
„Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
„Нам от врагов и судам нерушимой защитою будут:
„Нет сомнения, Зевсу всесильному видеть угодно
„Здесь, от Геллады далеко, ахеян бесславно погибших!
„Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
„Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
„Славой венчает, ахейцам же силы и руки сковал он!
„Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
„Первые наши суда, находящиесь близко пучины,
„Двинем не медля и спустим их все на священное море;
„Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит
„Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападенье
„Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.
„Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
„Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!“

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
„Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?
„Пагубный! лучше другим бы каким-либо воинством робким
„Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым
„С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
„В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!
„Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,

„Град, вкруг которого столько ужасных мы бед претерпели?
„Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахеян
„Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
„Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,
„Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
„Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!
„Замысел твой порицаю я вовсе, и что ты вещаешь!
„Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
„В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
„В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
„Грозная гибель над всеми обрушится! ибо ахейцы
„Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
„Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
„И твои нас советы погубят, правитель народа!“

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:
„О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким
„Душу мою; но ахеянам я не даю повелений
„Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.
„Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
„Юноша он или старец — равно мне приятен он будет“.

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:
„Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден
„Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь
„Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.
„Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,
„Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.
„Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;
„Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,
„Агрий и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,
„Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
„Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
„Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
„Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
„Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
„Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,

„Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
„Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
„Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасль,
„Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
„В битву пойдем, не взирая на раны: зовет неизбежность!
„Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
„Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
„Только других поощрим на сражение: множество ратных,
„Слабым сердцам угождая, стоят вдалеке, не сражаясь".

Так говорил,— и, внимательно слушав, цари покорились;
К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.
Тою порой не вотще соглядал Посидон земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;
Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
„Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
„С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
„Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!
„Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
„Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
„Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
„Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
„Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей".

Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно полем.
Словно как девять, иль десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву,—
Гласом из персей таким колебатель земли Посидаон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахейцу вдохнул он
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться.

Гера, владычица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила, и скоро узнала
Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.

Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.
Гера вошла в почивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереям примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
Там амврозической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в medностенном Крониона доме,
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы ниспустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши — прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие: прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:

„Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
„Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
„Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?“

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
„Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
„Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо“.

Ей, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
„Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
„Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
„Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
„Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису,
„Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
„Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремящий
„Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
„Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
„Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
„Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
„Если родителей я примирю моими словами,
„Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
„Вечно останусь я и любезной для них и почтенной“.

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
„Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
„Ты почиваешь в объятиях бога всемощного Зевса“.

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, в нем разговоры влюбленных,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
Гере его подала и такие слова говорила:
„Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
„В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
„Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний“.

Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилася Зевсова дочь Афродита.

Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиэрии холмы, Эмафии долы,
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалася, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:
„Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
„Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
„Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
„Сон, усыпи для меня громодержцевы ясные очи,
„В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
„В дар от меня ты получишь трон велелепный, нетленный,
„Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
„Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
„Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить".

Гере державной не медля ответствовал Сон усладитель:
„Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
„Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
„Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
„Древней реки Океана, от коего всё родилося.
„К Кронову ж сыну, царю, и приближиться я не посмею,
„В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
„Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
„В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный Зевесом,
„Плыл от брегов Илиона, троянского града рушитель:
„В оный я день обаял Эгиоха всесильного разум,
„Сладко разлившися; ты ж устрояла напасти Гераклу;
„Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
„Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны,
„Бросила к брегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
„Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
„Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
„Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
„К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,

„Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
„Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!“

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
„Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
„Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
„Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
„Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
„Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
„Ту Пазифею, по коей давно все дни воздыхаешь“.

Так изрекла, и ответствовал Сон, восхищенный обетом:
„Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
„Руки простри и коснися, одною — земли многодарной,
„Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
„Все преисподние боги, присущие древнему Крону:
„Ими клянися, что мне ты супругой Хариту младую
„Дашь Пазифею, по коей давно я все дни воздыхаю“.

Рек, — и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
Птице подобяся звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущих халкидой, у смертных киминдой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,

Только увидел,—и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким насладился он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
„Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
„Я ни коней при тебе, ни златой колесницы не вижу“.

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
„Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
„Видеть бессмертных отца Океана и матерь Тефису.
„Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
„Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
„Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
„Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
„Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
„Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
„Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
„Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
„В дом отойду Океана, глубокие льющего воды“.

Быстро ответствовал ей воздымающий тучи Кронион:
„Гера супруга, итти к Океану и после ты можешь.
„Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
„Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
„В грудь не вливалася мне и душою моей не владела!
„Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
„Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
„Ни Данаей прельстясь, белоногой Акризия дщерью,
„Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
„Ни владея младой знаменитого Феникса дщерью,
„Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманфа;
„Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
„Сына родившей героя, великого духом Геракла;
„Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
„Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
„Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
„Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!“

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
„Страшный Кронион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
„Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
„Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
„Что ж, и случиться то может, если какой из бессмертных
„Нас почивших увидит и всем населяющим небо
„Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
„Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!
„Если желаешь, и если твоей душе то приятно,
„Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
„Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
„В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя“.

Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кронион:
„Гера супруга, ни бог, на меня положися, ни смертный
„Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я
„Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
„Коего острое око всё проницает и видит“.

Рек, и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
Лотос росистый, сафран и цветы гиакинфы густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
Пышный, златой, из которого светлая капала влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кронион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.
Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
Радости весть возвестить черновласому Эннисигею;
Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
„Ревностно, царь Посидаон, теперь поборай за данаев!
„Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
„Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
„Гера склонила его насладиться любовью и ложем“.

Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посидона к защите ахеян.

Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
„Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?
„Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славой покрылся?
„Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
„Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.
„Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
„Все устремимся, решася стоять одному за другого!
„Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
„Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
„Перси оденем, шеломами крепкими чёла покроем
„И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
„Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
„Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!
„Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
„Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим“.

Так он вещал,— и с усердием пламенным все покорились.
Сами цари, забывая их язвы, строили ратных,
Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.
Так ополчившися пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посидаон, колеблющий землю,
Меч долголезвенный, страшный неся во всемощной деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной,—смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
Бог Посидон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей илионян любезных, а тот аргивян защищая.
Море вскипело и волны до самых судов и до кущей
С ревом плескало, а рати сходилися с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у брега,
Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борея;
Огнь истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,

Если, по дебри гористой разлившися, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосым,
Если со всею свирепостью он завывает, бушуя,—
Сколько гремел на побоище голос троян и ахеян,
Кои с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьем шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступавшего вдруг поразил Теламонид
Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи;
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружася.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, падения зритель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса,—
Так ниспровергнулся быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
Щит и шелом, и взгремела на нем распещренная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы младые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество пик; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанесть, ни ударить; не медля его окружили
Вои храбрейшие: Полидамас и Эней и Агенор,
Ликии царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамида
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницей и с пышной его колесницей стояли.
Кони ко граду помчали стенящего тяжко героя.

Но лишь примчалися к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами
И, на коленах держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

Рати ахеян, увидевши Гектора шедшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.
Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой,
Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
Энопу, пастырю стад, родила на брегах Сатниона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
Мстителем вышел и, бросив, попал Профоëнора в рамо,
Ветвь Арейлика: рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
„Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
„Тщетно из длани могучей огромная прянула пика!
„Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
„Он, опираясь, пойдет в преисподние домы Аида!“

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
Подле него пораженный противником пал Профоëнор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфоид едва от погибели черной избегнул,
Прянувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги погибель;
Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами

Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
„Взор обрати, Панфоид, и поведай, троянец, мне правду:
„Пасть за вождя Профоёнора сей не достоин ли воин?
„Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода:
„Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
„Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен“.

Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян,—и пронзил Акамас беотийца Промаха,
Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
„Нет, аргивяне стрельцы, угроз расточители праздных!
„Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
„Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!
„Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
„Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
„Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой любезный,

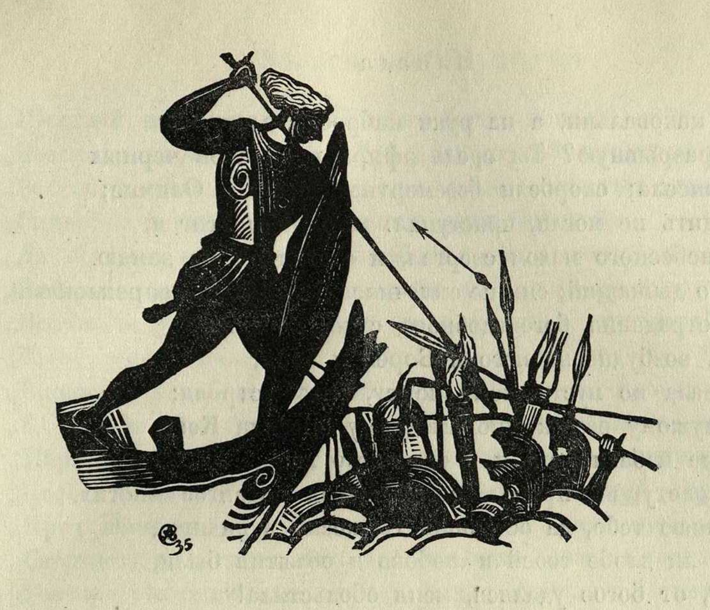
„Брата в дому по себе, отомстителя смерти оставить!“
Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелей Илионея свергнул,
Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
Но от супруги имел одного Илионея сына.
Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
Вышиб зрачок; проколовшая пика и око и череп
Вышла сквозь тыл, и присел на побоище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В выю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В оке стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
„Трои сыны, известите родителей славного сына,
„Мать и отца Илиóнея; пусть его в доме оплачут!

„Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
„Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
„Мы в кораблях возвратимся, младые ахейские мужи!“

Рек он,— и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
В битве, на сторону их преклоненной царем Посидоном?
Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;
Вождь Мерион Гиппотиона с Морисом храбрым низринул;
Тевкр низложил Профоона и мчавшегось в бег Перифета;
Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны теснимый
Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.
Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ
АРЕЙ

Оттеснение от кораблей

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
И лишилися многих, руками данаев попранных,
Там, у своих колесниц удержалися, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
Зевс на Иде горе, из объятий владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих,
Бодрых данаев, и между их воинств царя Посидона;
Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессильный данаец.
Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал громодержец:
„Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
„Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
„Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
„Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
„Или забыла, как с неба висела? как две навязал я

„Нá ноги наковальни, а на руки набросил златую
„Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
„С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
„Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
„С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
„Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев непреклонный,
„Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
„Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
„Злобно гнала по пустынному понту, беды устрояя;
„К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
„Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
„В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.
„То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
„В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
„Коими ты, от богов удаляся, меня обольстила!“

Он произнес; ужаснулась великая Гера богиня
И воскликнула так, устремляя крылатые речи:
„Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
„Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
„Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуся,
„Самой твоею священной главою и собственным нашим
„Ложем брачным, которым вовек не клянуся я всуе!
„Нет, не с советов моих Посидáон, земли колебатель,
„Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
„Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным сердцем;
„Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.
„Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
„Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!“

Так говорила; осклабился царь и бессмертных и смертных
И ответствовал ей, устремляя крылатые речи:
„Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера!
„Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
„Сам Посидáон, хотя бы желал совершенно иного,
„Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.
„Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,

„Шествуй не медля к семейству богов, повели, да на Иду
„Вестница неба Ириса и Феб сребролукий предстанут.
„Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
„Снидет и скажет мое повеленье царю Посидону,
„Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.
„Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
„Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
„Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
„Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.
„В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.
„Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
„Коего в битве копьем поразит бронеблещущий Гектор
„Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых
„Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.
„Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
„С оного времени паки побег от судов и погоню
„Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
„Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.
„Так не свершившемусь, гнева ни сам не смягчу, ни другому
„Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
„Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:
„Так обещал я и так утвердил я моею главою
„В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
„Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей“.

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась с Иды горы, устремляяся быстро к Олимпу.
Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
„Там проходил я, и там“, и про многое вдруг вспоминает,—
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
Всех небожителей в доме Кронида. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.
Гера, всех обошед, у Фемисы румяноланитой
Приняла чашу; Фемиса бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:

„Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?
„Верно, тебя устрашил громоносный супруг твой Кронион?“

Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
„Что вопрошаешь, Фемиса бессмертная; или не знаешь,
„Сколько метателя молний душа и горда и сурова.
„Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
„Вместе со всеми богами услышишь, Фемиса, какие
„Ужасы нам возвещает Кронион. Никто, уповаю,
„Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже бессмертный,
„Как бы он ни был доныне средь пиршества мирного весел“.

Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.
Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
„Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
„Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая
„Словом иль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
„Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
„Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
„Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
„Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею:
„Пал на бою Аскалаф, браноносец, любезнейший богу,
„Смертный, которого сыном могучий Арей называет“.

Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:
„О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
„Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
„Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
„С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!“

Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
Впрячь, а сам покрывался оружием пламенозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели прежний,
Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;

Но Афина богиня, за всех устрашася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:
„Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
„Уши, чтоб слышать? Иль стыд у тебя и рассудок погибли?
„Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
„Гера, теперь возвратившаяся к нам от владыки Зевеса?
„Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
„С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимп возвратиться,
„Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?
„Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
„Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
„И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!
„Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
„Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
„Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
„Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить“.

Так говоря, посадила на трон исступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Ирисою, вестницей быстрой богов олимпийских.
К ним возгласивши она, провещала крылатые речи:
„Зевс повелел, да на Иду не медля предстанете оба;
„Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
„Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхощет“.

Так изрекла, и, в чертог возвратяся, владычица Гера
Села на трон, а Ириса и Феб устремясь полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;
Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли громодержца;
Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
Стали, — и к ним устремил олимпиец негневные очи:
Скоро они покорились супруги его повеленьям.
К первой Ирисе он рек, устремляя крылатые речи:

„Шествуй, Ириса быстрая, к богу морей Посидону,
„Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
„Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
„Или в собор небожителей, или в священное море.
„Если ж глаголы мои не восхощет исполнить, но презрит,—
„Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаясь,
„Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?
„Думаю, что Посидаона я и могуществом высший,
„Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
„Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут“.

Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
Быстро от Иды горы понеслась к Илиону святому.
Словно как снег из тучи, иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем,—
Так устремляяся, быстрая путь пролетела Ириса;
Стала и так провещала могущему Эннросигею:
„С вестью тебе, Посидон, колебатель земли черновласый,
„Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.
„Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратися
„Или в собор небожителей, или в священное море.
„Если ж глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
„Он угрожает, что сам, и не медля, с тобою сразиться
„Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
„Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
„Он и рожденьем старейший; а ты, Посидон, не страшишься
„Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут“.

Ей, негодующий сердцем, ответствовал царь Посидаон:
„Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,
„Ежели равного честью, меня, укротить он грозится!
„Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
„Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
„Натрое всё делено, и досталося каждому царство:
„Жребии бросившим нам, в обладание вечное пало
„Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
„Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;

„Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
„Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
„С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
„Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не стращает!
„Дщерей своих и сынов для Зевса приличнее будет
„Грозным глаголом обуздывать, коих на свет произвел он,
„Кои уставам его покоряться должны поневоле!“

Вновь провещала ему ветроногая вестница Зевса:
„Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
„Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?
„Или, быть может, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородных.
„Знаешь и то, что Эриннии вечно стоят за старейших“.

Ей ответствовал вновь колебатель земли Посидаон:
„Слово твое справедливо и мудро, Ириса богиня!
„Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
„Но, признаюсь, огорчение сильное душу объемлет,
„Если угрозами гордыми он оскорблять начинает
„Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.
„Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;
„Но объявляю, и в сердце моем сохраню я угрозу:
„Если Кронион, мне вопреки и победной Афине,
„Гермесу богу, Гефесту царю и владычице Гере,
„Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
„Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам,—
„Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!“

Так произнес, и ахейскую рать Посидаон оставил,
В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы герои.
И тогда к Аполлону воззвал громовержец Кронион:
„Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй.
„Се, обымающий землю, земли колебатель могучий
„В море отходит священное: грозного нашего гнева
„Он избегает; услышали б грозную брань и другие,
„Самые боги подземные, сущие около Крона!
„Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает

„Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!
„Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу
„И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.
„Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
„Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
„В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.
„С оного времени сам я устрою и дело и слово,
„Да не медля почиют от бранных трудов и данаи“.

Так произнес он, и не был отцу Аполлон непокорен:
С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.
В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась одышка,
Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.
Близко представши, к нему провещал Аполлон дальновержец:
„Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
„Духом унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?“

Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
„Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?
„Или еще не слыхал, что меня пред судами ахеян,
„Их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий
„Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?
„Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида
„Ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни“.

Сыну Приамову паки вещал Аполлон дальновержец:
„Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидом
„С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
„Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
„Сильной рукой защищал и тебя и высокую Трою.
„Шествуй к полкам,— и своим многочисленным конникам храбрым
„Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
„Я перед ними пойду, и сам для коней илионских
„Путь уравняю, и в бег обращу героев ахейских“.

Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит и копытами поле копает;
Пламенный, плавать обыклый в реке быстрольющейся, пышет,
Голову, гордый, высоко несет; вкруг рамен его мощных
Грива играет; гордится он сам красотой благородной;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым,—
Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.—
Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонят упорно горячие псы и ловцы поселяне;
Но высокий утес и густая тенистая роща
Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;
Криком меж тем пробужденный, является лев густобрадый
Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает,—
Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;
Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.

Их Фоас ободрял, благородный сын Андремонов,
Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали
Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.
Он, распаляемый ревностью, так говорил меж ахеян:
„Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
„Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
„Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
„Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.
„Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
„Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
„Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
„Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.
„Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
„Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
„Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
„Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу

„Копья уставивши; он, я надеюся, как ни неистов,
„Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев“.

Так говорил, и, внимательно слушая, все покорились.
Быстро Аяксы могучие, царь Девкалид копьеносец,
Тевкр, Мерион нестрашимый и Мèгес, Арею подобный,
Строили битву, созвав благородных героев ахейских
Против троян и великого Гектора; тою порою
Сзади народа толпа к кораблям отступала.—Трояне
Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
Гектор герой; а пред Гектором шествовал Феб небожитель,
Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
Зевсу Крониду Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

Их нажидали ахейцы, сомкнувшися; разом раздался
Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
Быстрые стрелы; и копья, из дерзостных рук полетевши,
Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом
Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно,—смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.
Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незапные, в час, как отсутствует пастырь,—
Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркезилая,
Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,

Аркезилая, верного друга вождя Менесфея.
Но Энея оружием Ияс повержен и Мѐдон:
Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке
Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
Мачехи брата убив, Эриопы, жены Оилея;
Ияс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфела от всех называвшихся, Буколиона.
Полидамас поразил Мекистея, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агенор;
Дейоха тут же Парис, убегавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.

Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве
Полем бежали везде и за вал укрывались неволей.
Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:
„Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,
„Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
„Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;
„Но троянские псы растерзают его перед градом!“

Рек, и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,
Весь в середину обрушил и путь умостил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если могучесть свою человек испытующий бросит.
Там устремились пергамлян фаланги, и Феб перед ними,
Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделав забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся.
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.

Возле судов наконец удержались они, собираясь.
Там, ободряя друг друга и руки горѐ воздевая,
Каждый богов небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:
„Если когда-либо кто средь цветущей Геллады, Кронион,
„Тучные бедра тебе от тельца иль овна возжигая,
„В дом возвратиться молился, и ты преклонился к моленью,—
„Вспомни о том, и погибели день отврати, олимпиец!
„Гордым троянам не дай совершенно осилить ахеян!“

Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.
Но трояне, в их пользу приявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымает,—
Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;
Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силой
Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,
Душу ему услаждал разговором и тяжкую рану
Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.
Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
С грусти ударил себя и печальный вещал Эврипилу:
„Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
„Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!
„Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я

„К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
„Может быть,— как предузнать?— убедить Ахиллесово сердце
„Бог мне поможет; сильно всегда убеждение друга“.

Так говорящего, ноги его уносили.— Ахейцы
Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, ахеян фаланги
Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
Словно правильный снур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины,—
Так между ними борьба и сражение ровные были.
Те пред одними, а те пред другими судами сражались.

Гектор герой на Аякса, высокого славою, вышел.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тот отразить сопостата, которого демон приблизил.
Тут Клитеида Калѐтора свергнул Аякс знаменитый,
Огнь на корабль заносящего, пикою в перси ударив;
С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светочь.
Гектор, как скоро увидел родного ему Клитеида,
Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
Звучно воскликнул, троян и ликиян на бой поощряя:
„Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
„Стойте, страшитеся в сей тесноте отступать из сраженья;
„Лучше отстойте вы Клития сына, да враг не похитит
„Славных оружий с убитого в самом стану корабельном“.

Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
Но попал не в него, а в клеврета его, Ликофрона,
Мастора ветвь, киферейца, в Аяксовом жившего доме
С оной поры, как убийство свершил у киферян священных;
Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
Дротом ударил убийственным: в прах он, с кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.

Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:
„Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
„Пал Масторид, которого мы, из Киферы пришельца,
„В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.
„Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
„Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?“

Рек он,—и тот его понял и, прянувши, стал близ героя
С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
Клита стрелой поразил, Пизенорову славную отрасль,
Друга Панфоева сына, почтенного Полидамàса.
Был он возница его, и тогда над конями трудился,
Правил туда, где в сражении гуще клубились фаланги;
Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:
В выю возатаю с тыла стрела смертоносная пала;
На землю грянулся он, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
Полидамас, и коням убегающим вышел навстречу.
Их Астиною слуге, Протàона сыну, вверяя,
Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

Тевкр же другую стрелу против Гектора мужеубийцы
Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;
Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
Тевкр налягал, как на луке его превосходном крутую
Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.
Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу не медля воскликнул:
„Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
„Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани
„И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
„Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы“.

Тевкру ответствовал быстро Аякс Теламонид великий:
„Друг, оставь ты в покое и лук и крылатые стрелы,
„Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.
„С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
„Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
„Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут сопостаты
„Наши суда добриснастные; вспомним ахейскую храбрость!“

Так говорил он — и Тевкр под кущею лук свой оставил;
Щит на плечо многобляшистый, четыреслойный набросил,
Шлем на главу удалую красивый надел, осененный
Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.
Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
Вышел назад и, примчася стремительно, стал близ Аякса.

Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
Звучно вскричал, и троян и ликиян еще возбуждая:
„Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
„Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
„Здесь, пред судами ахеян! Своими очами я видел,
„Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!
„Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
„Если кого олимпиец высокою славой возносит,
„Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
„Так как теперь унижает ахеян, а нас возвышает.
„В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
„Ранен мечом иль стрелой, роковою постигнется смертью,
„Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
„Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
„Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
„В черных судах унесутся к любезным отечества землям“.

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:
„Стыд вам, ахеяне! — Лучше решитеся, или погибнуть,
„Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!
„Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,

„Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
„Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает
„Гектор, который сожечь корабли разъяренный стремится?
„Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
„Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
„Как смесить с сопостатами руки и мужество наше!
„Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
„Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
„Так бесполезно средь стана, стесняясь народом слабейшим!“

Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
Гектор же мощный Схедия сразил, Перимедова сына,
Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодамаса свергнул,
Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;
Полидамас же корысти добыл с килленейского Ота,
Друга Филидова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
Мегес Филид налетел на убийцу; но в сторону прянул
Полидамас; не уметил в него, не судил дальновержец
Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.
Кресма Филид угодил сокрушительной пикою в перси;
С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
Вдруг на Филида нагрянул Долопс Лампетид, илионский
Славный копейщик, которого сын Лаомедона доблий,
Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.
Он у Филида, нагрянувший близко, щита середину
Пикой пробил, но его защитил крепкосозданный панцырь,
Латами сомкнутый плотно: Филей в давнобытное время
Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селлеиса,
Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;
Он-то и сына его защитил от погибели грозной.
Мегес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
В самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударил,
Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.
По между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;

С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетида
С тыла в плечо; и сквозь перси пробилося бурное жало,
Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.
Прянули оба на павшего, медную, славную броню
С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долопсовых ближних,
Их порицая, и более всех Гикетаона сына
Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;
Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
Жил у Приама и чествован был, как и сын, Дарданидом.
Гектор его укорял и к нему говорил, негодуя:
„Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели нисколько
„Сердце твое не болит за сраженного милого брата?
„Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
„Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
„Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
„Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!“

Рек — и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
„Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!
„Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
„Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
„Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!“

Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
В сердце сложили героя слова, и суда оградили
Медной стеной; но троян против них устремлял громодержец.
Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:
„Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахеян,
„Ни быстрее для бега, ни силами крепче для боя.
„Если бы, прянув вперед, поразил ты какого троянца!“

Так произнес, и назад отступил, поощрив Антилоха.
Вылетел он из передних рядов и, кругом обозревши,
Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя

Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;
С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
Прянул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги,—
Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох бранолюбец,
Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;
Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стада сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада,—
Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.

Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали:
Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;
Гектору сердце его даровать Приамиду желало
Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
Все совершится; единого ждал промыслитель Кронион:
Первого судна горящего зарево с неба увидеть.
С оного времени Зевс от судов невозвратное бегство
Трои сынам присуждал, а данаям победную славу.
Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал Гектор,
Словно Арей, сотрясатель копья, или огнь истребитель,
Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса:
Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
Грозным светились огнем; над главой, воздымаяся гребнем,
Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
Гектора! Сам по герою был покровителем с неба

Зевс и его одного возвышал над толпой человеков
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла с победною силой Пелида.
Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
Всюду, где видел и гуще толпы, и оружия лучше;
Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший:
В встречу данаи, сомкнувшися башней, стояли, как камень
Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
И надменные волны, которые противу хлещут,—
Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.
Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;
Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадает,
Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных,
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают,—
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.
Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся
Тысячи; пастырь при них, но юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних
Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросясь,
Режет быка, и все разбегаются,—так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратилися; он поразил одного Перифета,
Храброго сына Копрея, того, что, служа Эврисфею,
Вестником часто ходил от тирана к Гераклу герою:
Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;
Он Приамиду герою высокую славу доставил.
В бег обращаяся, задом, незапно на щит он споткнулся,
Им же держимый, огромный, до ног оборона от копий;
Он, на щит свой споткнувшися, навзничь упал, и ужасно

Грянул шелом вкруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и, став перед падшим,
В перси копьем поразил, и пред сонмом друзей Перифету
Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасалися Гектора мужеубийцы.
К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,
Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеваться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга
Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:
„Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
„Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных
„Жен и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
„Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
„Именем их, и отсутственных, я вас молю, аргивяне,
„Стойте крепко противу врагов, не бросайтеся в бегство!“
Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свет воссиял им, открылось пространство
Всё, и от черных судов и от поля погибельной битвы;
Гектор открылся ужасный, и все илионян дружины,
Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, пред судами, неистовым билося боем.

Сердцу Аякса великого более нѐлюбо стало
Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
Он по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.
Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно

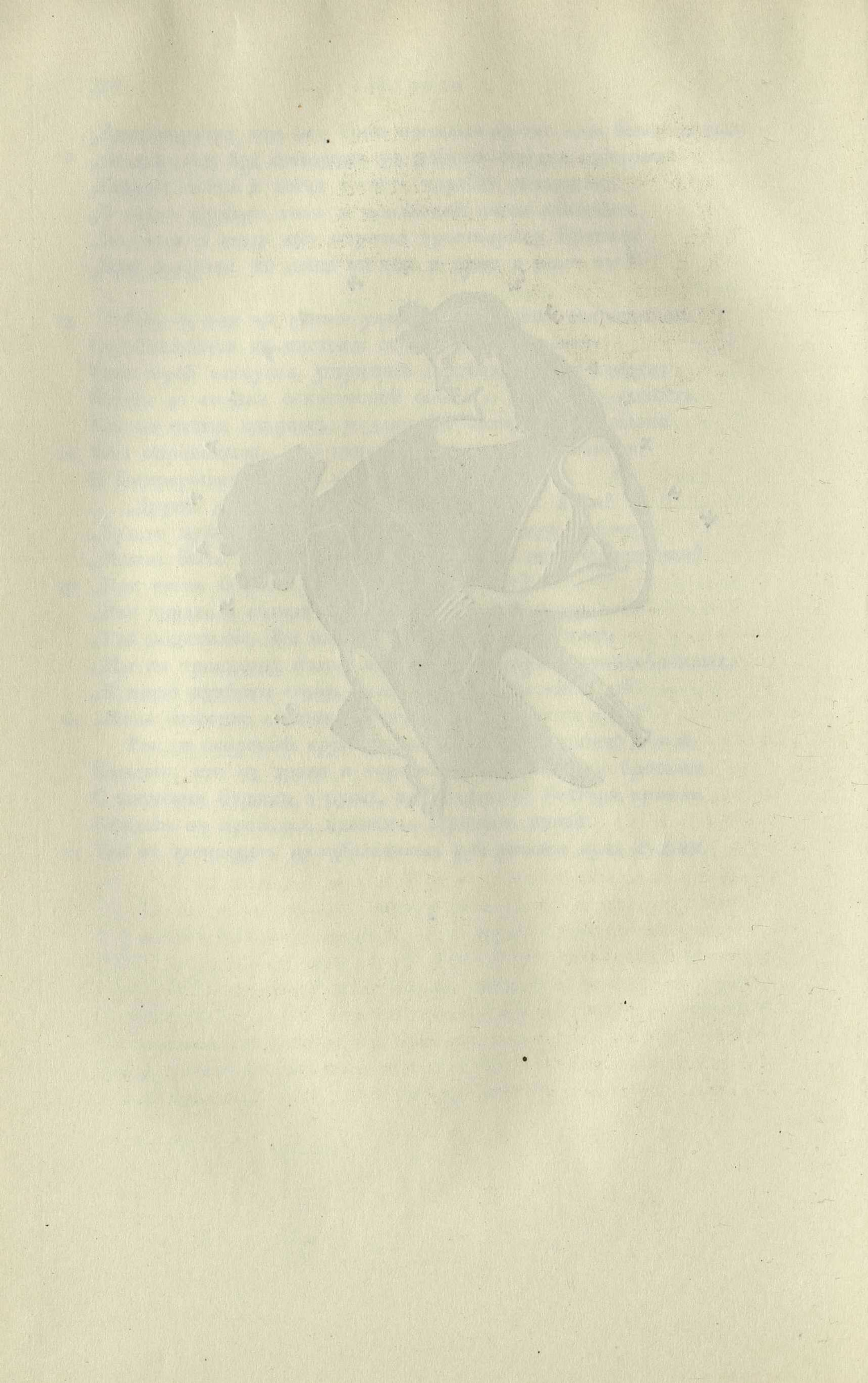
Скачет, садяся с коня на коня, на бегу их ужасном,—
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;
Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
Стан и суда боронить. Но в оное время и Гектор
Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.
Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по брегу речному,
Диких гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйных,—
Так Приамид нападал на данайский корабль черноносый,
Бурен кидаясь: его позади устремлял громовержец
Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

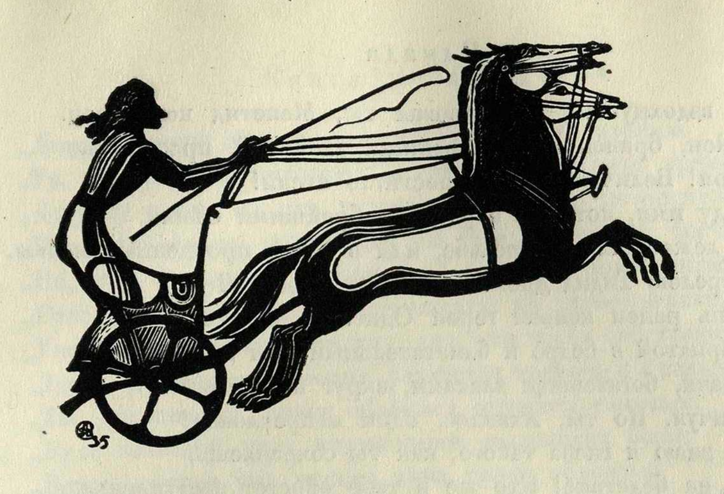
Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
В бой соступилися; так горячо ратоборцы сражались.
Духом таким управлялися воинства: мужи ахейцы
Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
Ныне сожжем корабли и побьем героев ахейских.
Духом таким наполняясь, одни на других напирали.
Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протезилая
В Трою принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:
Окрест сего корабля и ахейцы смесясь и трояне,
В свалке ужасной сражалися врукопашь; боле не ждали
Издали стрел поражающих, или метательных копий:
Друг против друга стоящие, равным горящие духом,
Бились секирами тяжкими, взад и вперед с лезвиями,
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
Хвост кормовой он руками держал и кричал к ополченьям:
„Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшися гряньте!
„День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам

„Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли бессмертных,
„Столько нам бед сотворили по робости старцев советных:
„Старцы, когда я хотел воевать корабли супостатов,
„В граде держали меня и троянский народ отвлекали.
„Но, если в оные дни омрачал громовержец Кронион
„Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!“

Рек,— и они на данаев ударили с большим свирепством.
Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпали;
Тихо герой отступал, устрашась неизбежной тут смерти;
Вспять до скамьи семистопной сошел с кормового помоста.
Там он стоял, озираясь, и длинным копьем беспрерывно
Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
И беспрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:
„Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
„Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
„Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
„Или стена боевая, которая нас оборонит?
„Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
„Где защитились бы мы, замененные свежею силой.
„Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
„К морю прибиты стоим, далеко от отчизны любезной!
„Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!“
Рек, и свирепый кругом нападал с длиннотенною пикой.
Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
Каждого он прободал, принимая огромною пикой:
Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Патроклия

Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу герою,
Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.
Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
„Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
„Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
„Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
„Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла матерь,—
„Ты как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.
„Может быть, что мирмидонцам иль мне объявить ты имеешь?
„Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
„Здравствует, ска̀зуют, Акторов сын, отец твой Менетий;
„Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
„О, плачевна была б нам того иль другого кончина!—
„Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так злополучно
„Подле своих кораблей за неправду свою погибают?
„Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали“.

Тяжко вздохнувши, ответствовал ты, Менетид конеборец.
„О, Пелейон, браноносец храбрейший ахейский, прости мне
„Слезы мои! Величайшее горе постигло ахеян!
„Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
„В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
„Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;
„Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамемнон,
„Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
„Наши врачи, богатейшие злаками, вкруг их трудятся,
„Раны врачуя. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!
„О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
„Храбрый на бедствие! Кто же в тебе обретет заступленье,
„Если не хочешь ахеян спасти от напасти позорной?
„Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
„Мать не Фетида; но синее море, угрюмые скалы
„Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!
„Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
„Если тебе от Кронида поведала что-либо матерь,
„В бой отпусти ты меня и вверь мне своих мирмидонян:
„Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.
„Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
„Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
„Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
„Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
„Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
„К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских“.

Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий:
„Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?
„Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;
„Мне ничего не внушала почтенная матерь от Зевса.
„Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
„Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
„Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!
„Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,

„Деву, которую мне в награжденье избрали ахейцы,
„Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
„Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
„Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!
„Но, что случилось, оставим! И было бы мне неприлично
„Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
„Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
„Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.—
„Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,
„Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем:
„Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
„Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
„Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве
„Рати ахеян; на них же обрушилась целая Троя,
„Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,
„В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
„В бегстве наполнили трупами, если б ко мне Агамемнон
„Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!
„Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
„Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
„Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
„В ратях данайских; но голос лишь Гектора людоубийцы
„Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
„Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!
„Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
„Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас супостаты
„Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
„Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
„Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысил
„В сонме данаев. И так, чтоб данаи прекрасную деву
„Отдали сами и множество пышных даров предложили,
„Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
„Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
„Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
„Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.
„Радуясь мужеством духа и славой победного боя,
„Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,

„Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
„В брань за троян не предстал; Аполлон беспредельно их любит.
„Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
„Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
„Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
„Если б и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их,
„Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
„Мы бы одни разметали троянские гордые башни!“

Так меж собой говорили они. Между тем нападенья
Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый
Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
В шлемные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.
Часто и сильно дышал Теламонион; пот беспрерывный
Лился ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Как на суда аргивян упал истребительный пламень?
Гектор, нагрянувши, изблизи ясенный дрот у Аякса
Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
Острая медь отлетела и о землю звукнула, павши.
Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани
Зевс громоносный ничтожит, даруя троянам победу,
Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: с быстротой разлилося свирепое пламя.
Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетиду:
„О, поспеши, Патрокл, поспеши, коноборец мой храбрый!
„Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!

„Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
„Друг, вооружайся быстрее, а я соберу ополченья!“

Так произнес,— и Патрокл вооружался блистающей медью.
И сперва положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После поспешно броню надевал на широкие перси,
Звездчатый, вкруг испещренный доспех Эакида героя;
Сверху набросил на рамо ремень и меч среброгвоздный,
С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;
Шлем на главу удалую сияющий пышно надвинул,
С конскою гривою; гребень ужасный над ним развевался.
Взял два крепкие дрота, какие сподручнее были.
Не взял копья одного Ахиллеса героя: тяжел был
Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеян
Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.
Коней же быстро впрягать Автомѐдону дал повеленье,
Чтимому им наиболее после Пелида героя,
Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.
Сей Автомѐдон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
Гарпия оных Подарга родила от Зѐфира ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
Коего добыл Пелид, разгромивши град Гетиона:
Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
Всех вооружал их оружием к бою. Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои еленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагровлены кровию пасти;
После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Лочут, рыгая кровью убийства их; гордо в их персях

Сердце горячее бьется, и страшно раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя,
Боем пылая; в среде их стоял Ахиллес бранолюбец,
Криком кругом возбуждая коней и мужей щитоносцев.

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.
Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство, но сам он господствовал с властью державной.
Первым строем начальствовал пестродоспешный Менесфий,
Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадшей:
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея,
С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаясь с богом;
Но, по молве, с Периеридом Бором, который и браком
С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
Девой рожденный; его Полимела, прелестная в плясках
Филаса дочь, родила: пленился веселою девой
Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.
Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,
Актора мощного сын, Эхеклес благородный, супругой
В дом свой поял Полимелу, несметное выдавши вено;
Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
Третьему строю предшествовал храбрый Пизандр воевода,
Мемалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.
Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
Пятым—герой Алкимѐдон, Лаеркеев сын непорочный.

Всех их, вместе с вождями, Пелид быстроногий поставя
И красиво построя, вещал им владычнее слово:
„Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да воспомнит угрозы,
„Коими в стане, во дни моего справедливого гнева,
„Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:
„Лютый Пелид, говорили, от матери желчью ты вскормлен!
„Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
„Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
„Ежели злоба тебе, злополучная, в сердце запала!—
„Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
„Дело великое брани, которой вы столько жадали!
„Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!"

Рек — и разжег еще более душу и мужество в каждом;
Крепче ряды их сгустилися, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
Так шишаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно сходился; касалися светлыми бляхами шлемы,
Зыбляся на воинах,— так мирмидоняне густо сомкнулись.
Всех впереди, под оружием, два браноносца стояли,
Храбрый Патрокл и герой Автомѐдон, горящие оба
В битву лететь впереди мирмидонян.— Пелид же могучий
Входит под кущу и там отпирает ковчег велелепный,
Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
Матерь Фетида на путь положила, наполнив хитонов,
Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.
Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида
Черного не пил вина из него; никому из богов им
Он не творил возлияний, кроме молненосного Зевса.
Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не был невидим метателю грома:
„Зевс Пелазгийский, Додонский, далеко живущий владыка

„Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
„Коп не моют ног и спят на земле обнаженной!
„Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
„Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
„Ныне еще, громодержец, сие мне исполни желанье!
„Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
„Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
„В бой посылаю: победу ему ниспошли, о провидец!
„Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
„Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый,
„Или его необорные руки свирепствуют в брани
„Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.
„После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
„Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
„С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!"

Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Кронион.
Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
Другу его от судов отразить и пожар и убийство
Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.
Он же, когда возлиял и моление Зевсу окончил,
В кущу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
Вышел и стал перед кущею, движимый сердца желаньем
Видеть еще и троян и ахеян жестокую битву.

Тою порою, с Патроклом героем, готовые к битве
Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их,—
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Реяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.
Вождь, их еще ободряя, Патрокл вопиял громозвучно:

„Ныне, бойцы мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
„Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!
„Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
„Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
„Пусть и властитель могучий, Атрид Агамемнон, познает,
„Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!“

Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.
Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
Вместе с клевретом его, под сияющим пышно доспехом,
Дрогнуло сердце у всех, всколебались густые фаланги,
Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
Ратуя вкруг корабля благодушного Протезилая;
Там поразил он Пирехма, который отважных пеонов
Вывел из стран Амидона, где катится Аксий широкий:
В рамо его поразил; и Пирехм, опрокинувшись, оземь
Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетид их,
Свергнувши войск победителя, мужа храбрейшего в битвах.
Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство
С страшным смятеньем трояне; данаи ж рассыпались быстро
Между передних судов,— и кругом закипела тревога.
Словно когда от вершины горы огромно-высокой
Облак густой отодвинет перунов носитель Кронион,
Всё кругом открывается, холмы, высокие скалы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный,—
Так, отразив от судов пожирающий огнь, отдыхали
Рати ахеян; но бранная буря еще не стихала:
Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахеян

Вспять обратясь, не бежали от черных судов мореходных,
Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.
Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл предводитель
Вдруг обратившегось в бег Ареилика пикою острой
Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;
Кость раздробило копье, и лицом Арейлик на землю
Пал. Менелай между тем, ратоводца Фоаса ударив
В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.
Мегес Амфикла, как тот на него устремлялся, приметя,
Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
Мышцей тучнейшей одета: копейное бурное жало
Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора старца сыны: Антилох улучил Атимния
Пикою острой; во внутренность медное жало погрузло;
Пал он у стоп победителя. Ма̀рис, копьем потрясая,
Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;
Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
Ранит в плечо: острие копья у него оторвало
Руку от мышиц и самую кость совершенно разбило;
С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрылся.
Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эрев низошли, Сарпедо̀новы храбрые други,
Дети стрельца Амизодара, мужа, который Химеру
Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.
Сын Оилеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузя в него меч с рукояткой огромной;
В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
Очи смежили багровая Смерть и могучая Участь.
Тут Пенелей и Ликон на сраженье сбежалися: копья
Им обоим изменили, напрасно послали их оба;
Снова герои сошлись на мечах; и Ликон упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черене медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
В выю весь меч погрузил, и, оставшись на коже единой,

Набок повисла глава, и разрушилась крепость Ликона.
Вождь Мерион, Акамаса преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.
Идоменей Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.
Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей,—
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора меднооружного; тот же, испытанный в битвах,
Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел и жужжание копий;
И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.
Словно когда от Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную грозу Кронион наводит,—
Так от судов поднялось и смятенье и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
Прах крутился столпом; расстилалися по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.

Он же, герой, где смятения более видел бегущих,
С криком туда налетал; упадали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели.
Прямо меж тем через ров перепрянули бурные кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчася вперед; повелитель их Гектора ищет,
Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся:
Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека,—
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.
Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных
Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.
Первого тут Пронооя копьем в обнаженные перси,
Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
С громом он пал; победитель на Фестора, Энопа сына,
Там же напал; в колеснице блистательной Фестор несчастный
Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику
В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;
Пикой его через край колесничный повлек он, как рыбарь,
Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей,—
Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой;
Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.
Вслед Эриала, противу летящего, камнем с размаху
Грянул в средину главы, и она пополам раскололась

В крепком шеломе; об землю челом Эриал пораженный
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Тут же могучий Амфотера он, Эримаса, Эпальта,
Пира, Эхия, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея ветвь, Полимела,
Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
Многих друзей, Менетида Патрокла рукою попранных,
Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликиян:
„Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!
„С сим браноносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
„Кто сей могучий? Уже он беды нам многие сделал.
„Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!"

Рек — и с своей колесницы с оружием прянул на землю.
Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
Словно два коршуна, с клевом покляпым, с кривыми когтями,
В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным,—
С криком подобным они устремилися друг против друга.

Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
И провещал, обращаяся к Гере, сестре и супруге:
„Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
„Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!
„Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
„Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
„Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской,
„Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона".

Быстро вещала в ответ волоокая Гера богиня:
„Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
„Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
„Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?
„Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
„Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.

„Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
„Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает
„Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.
„Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
„Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
„Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
„Ныне ему попусти на побоище брани великой
„Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.
„После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
„Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
„С чуждой земли перенесть в плодоносную Ликии землю.
„Там и братья и други его погребут и воздвигнут
„В память могилу и столп, с подобающей честью умершим“.

Так говорила, и внял ей отец и бессмертных и смертных:
Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
Чествуя сына героя, которого в Трое холмистой
Должен Патрокл умертвить, далеко от отчизны любезной.

Оба героя сошлись, наступая один на другого.
Первый ударил Патрокл и копьем поразил Фразимела,
Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель:
В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.
Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик
Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела:
Два остальных расскочились, ярем затрещал, и бразды их
Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомѐдон пособие быстро находит:
Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
Бросился он и отсек припряжного, ни мало не медля;
Кони другие спрямились и стали под ровные вожжи.

Снова герои вступили в решительный спор смертоносный.
И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;
Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,

Но не коснулось его; и ударил оружием медным
Сильный Патрокл, и не праздно копье из руки излетело:
В грудь угодил, где лежит оболочка вкруг твердого сердца.
Пал воевода ликийский, как падает дуб или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вкруг топорами ссекут, корабельное древо,—
Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя,—
Так Менетидом воинственным, царь щитоносный ликиян,
Попранный, гордо стенал и вопил к знаменитому другу:
„Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
„Быть копьеборцем отважным и воином неустрашимым,
„Должен пылать лишь свирепою бранию, ежели храбр ты!
„Друг! поспеши и мужей предводителей смелых ликиян
„Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
„Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!
„Или тебе, Гипполохиду, я поношеньем и срамом
„Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
„Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!
„Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!“

Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
Вырвал копье,— и за ним повлеклась оболочка от сердца:
Вместе и жизнь и копье из него победитель исторгнул.
Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
Прянувших в бег, как осталася праздной царей колесница.

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:

„Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве ликийском,
„Или в Троаде присутствуешь, можешь везде ты услышать
„Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
„Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
„Болью ужасной пронзается; кровь из нее беспрерывно
„Хлещет, не могши уняться; рука до плеча цепенеет!
„Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
„Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
„Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!
„Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокую рану;
„Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
„Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
„И за друга сраженного сам достойно сражуся!“

Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец:
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К гласу его моления бог преклонился великий.
Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;
После к дружинам троян устремился, широко шагая.
Там воеводе Агёнору, Полидамасу являлся;
К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:
„Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!
„Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
„Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
„Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
„Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.
„Медный Арей Сарпедона смирил копием Менетида.
„Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
„И не позволим оружий совлечь и над мертвым ругаться
„Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
„Коих у черных судов истребили мы копьями многих!“

Рек,—и троян до единого тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотом, хотя иноземец,
Был Сарпедон; многочисленных он на помогу троянам
Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.
Яростно Трои сыны на данаев ударили; вел их
Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
Первых бодрил он Аяксов, пылавших и собственным духом:
„Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
„Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!
„Пал браноносец, из первых взлетевший на стену данаев,
„Пал Сарпедон! О, когда б нам увлечь и над ним поругаться,
„С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клевретов,
„Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью".

Так возбуждал, но Аяксы и сами сразиться пылали;
И, когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,
Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
Все, соступившися, около мертвого с яростным воплем
Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.
Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.

Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;
Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклея почтенного, вождь Эпигей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будеоне граде;
Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник, прибегнул к покрову Пелея царя и Фетиды;
Ими он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Трою, конями богатую, ратовать царство Приама.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам раскололась
В крепком шеломе; лицом Эпигей на бездушное тело
Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;

Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок,—
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл конеборец,
Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеврета.
Там Сфенелая сразил, Ифеменова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
Если его человек, испытующий силу на играх,
Или в сражении, бросит на гордых врагов душегубцев,—
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.
Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратяся, убил Вафиклея, высокого духом,
Сына Халконова: домом живущий в цветущей Гелладе,
Счастием он и богатством блистал средь мужей мирмидонских;
Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,
Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал,—и печаль поразила данаев, узревших
Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;
Падшего тело они оступили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерион поразил Лаогона, доспешного мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецом в Илионе
Зевса Идейского был и как бог почитался народом:
Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.
Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
Чая уметить его, под щитом выступавшего круглым;
Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной меди.
Так Анхизидова медноогромная пика, сотрясшись,
В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мериону:
„Скоро б тебя, Мерион, несмотря, что плясатель ты быстрый,
„Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!"

Быстро ему возразил Мерион, знаменитый копейщик:
„Трудно тебе, Анхизид, и отлично могучему в битвах,
„Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
„Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.
„Если б и я угодил тебя в грудь изощренною медью,
„Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
„Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!“

Так говорил, но его порицал Менетид благородный:
„Что, Мерион, воинственный муж, расточаешь ты речи?
„Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трои
„Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.
„Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
„Ныне ахеянам должно не речи плодить, а сражаться!“

Рек — и вперед полетел; и за ним Мерион копьеборец.
Словно толпа древосеков секирами стук подымает
В горных лесах, на пространство далекое он раздается,—
Стук между воинств такой по земле раздавался пространной
Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
Часто разимых мечами и копьями яростных воев.
Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,
Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.
Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
Роем под кровлей жужжа, вкруг подойников полных толпятся
Вешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так ратоборцы вкруг тела толпилися. Зевс громодержец
С поля пылающей битвы очей не сводил светозарных;
Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
Или уже и его в настоящем убийственном споре,
Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
Медью смирит и оружия славные с персей похитит?
Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына

Воинство Трои и меднодоспешного их воеводу,
Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.
Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам олимпийца.
Тут ни ликийцы в бою не осталися храбрые: в бегство
Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудою тел окруженного: много их вкруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг олимпиец.
Быстро с рамен Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

В оное время воззвал к Аполлону Кронид тучеводец:
„Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
„Тело от черной крови, от бранного праха очисти;
„Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
„Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
„Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
„Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
„В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.
„Тамо братия, други его погребут и воздвигнут
„В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим“.

Рек громовержец,—и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
Миром его умастил, одеял одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
Гнал и троян и ликиян, и к собственной гибели мчался,
Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черныя смерти.

Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устращает и храброго, он и победу от мужа
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани;
Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.
Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?
Первого свергнул Адраста, за ним Автоноя, Эхекла,
Вслед Меланиппа, Эпистора, Мѐгаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулия, врукопашь всех, и героя Пиларта.
Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия,— так впереди он свирепствовал пикой,—
Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трои сынам поборая.
Трижды Менетиев сын взбегал на высокую стену,
Дерзко-отважный, и трижды его отражал стреловержец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,—
Голосом грознопретительным Феб стреловержец воскликнул:
„Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше
„Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
„Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!“

Рек,— и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.
Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившися к воинствам снова,
Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?
В сих колебавшемусь думах, предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;
Образ приявши его, провещал Аполлон дальновержец:
„Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
„Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
„Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!

„Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетных;
„Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!“

Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
И немедленно Гектор велел Кебриону вознице
Коней бичом на сражение гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся, — и там меж ахеян воздвигнул
Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.
Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;
Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.
В встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;
Шуйцей держал он копье, а десницею камень подхитил,
Мармор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;
Бросил его упершись, — и летел он не долго до мужа;
Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона возницу,
Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных
Гектора коней; в чело поразил его камень жестокий;
Брови сорвала громада: ни крепкий не снес ее череп;
Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю
Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл конеборец:
„Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!
„Если бы он находился и на̀ море, рыбой обильном,
„Многих бы мог удовольствовать, устриц ища, для которых
„Прядал бы он с корабля, несмотря, что и море сердито.
„Как он, будучи на̀ поле, быстро нырнул с колесницы!
„Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!“

Так издеваясь, на тело напал Кебриона героя,
Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит, —
Так на убитого ты, мирмидонянин, пламенный прянул.
Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,

Оба, гладом яримые, с гордым сражаются гневом,—
Так за труп Кебриона искусные два браноносца,
Храбрый Патрокл Менетид и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.
Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данаи, смесилися в страшную сечу.

Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;
Крепкие буки, высокие ясени, дерен користый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается,—
Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.
Множество вкруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев
Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
Но лишь солнце склонилось к поре, как волов распрягают,
Храбрость ахеян, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под криков
Ярых троян, и оружия пышные сорвали с персей.

Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею,
С криком ужасным; и трижды сражал девяти браноносцев.
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побоищу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
Мраком великим одеянный, шествовал в встречу бессмертный.

Стал позади и в хребет и широкие плечи ударил
Мощной рукой,— и стемнев, закружилися очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
Медяный шлем; осквернилися волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелиде сиял, но Кронид соизволил, да Гектор
Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он, как бы обаянный. Приблизился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,
Славный Эвфорб Панфоид, который блистал между сверстных
Ног быстротой и метаньем копья и искусством возницы;
Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
Впервые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
Но не сразил; а исторгнув из язвы огромную пику,
Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженье.
Он же, и бога ударом и мужа копьем укрощенный,
Вспять к мирмидонцам друзьям отступал, избегающий смерти.
Гектор, едва усмотрел Менетида, высокого духом,
С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
Прянул к нему сквозь ряды и копьем, упредивши, ударил
В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;
Пал Менетид, и в уныние страшное ввергнул данаев.
Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
Возле ручья маловодного, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшегось, силою лев побеждает,—
Так Менетида героя, уже погубившего многих,

Гектор великий копьем низложил и душу исторгнул.
Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:
„Верно, Патрокл, уповал ты, что Трою нашу разрушишь,
„Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
„Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!
„Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
„К битвам летя, расстилаются по полю; сам копием я
„Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
„Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!
„Бедный! тебя Ахиллес, несмотря что могуч, не избавил.
„Верно, тебе он идущему в битву приказывал крепко:
„Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
„В стан мирмидонский, доколе у Гектора мужеубийцы
„Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!
„Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу“.

Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
„Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты
„Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;
„Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
„Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
„Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!
„Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданиец
„В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
„Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
„Жизнь и тебе на земле остается не долгая; близко,
„Близко стоит пред тобою и Смерть и суровая Участь,
„Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука“.

Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
„Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
„Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
„Прежде, моим копием пораженный, расстанется с жизнью?“

Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После не медля против Автомѐдона с пикой понесся;
Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ
ЗЕВС

Подвиги Менелая

Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросясь вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вкруг юницы нежная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений,—
Так вкруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
Грозно пред ним и копье уставляя и щит меднобляшный,
Каждого, кто б ни приближился, душу исторгнуть готовый.
Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
Падшего в брани Патрокла героя; приближился к телу,
Стал, и воскликнул к могучему в битвах царю Менелаю:
„Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
„Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!
„Прежде меня ни один из троян и союзников славных
„В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
„Мне ты оставь меж троянами светлою славой гордиться;
„Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!“

Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай светлокудрый:
„Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!
„Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
„Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
„Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,
„Сколько Панфоевы дети, метатели копий, гордятся!
„Но не спасла Гиперѐнора конника, гордого силой,
„Младость его, как противу меня он с ругательством вышел:
„Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;
„Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
„В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
„Так и твою сокрушу я надменность, когда ты посмеешь
„Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
„Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
„Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!“

Так он вещал; но Эвфорб непреклонный ответствовал снова:
„Нет, Менелай, расплатися теперь же со мной за убийство!
„Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
„Горькой вдовою супругу его в новобрачном чертоге
„И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?
„О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
„Если, сорвавши с тебя и главу и кровавые латы,
„В руки отдам их Панфою и матери нашей Фронтисе.
„Но почто остается досель не испытанным подвиг
„И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!“

Так произнес — и ударил противника в щит меднобляшный;
Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;
Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
Грянулся оземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
Кровью власы оросилися, сродные девам Харитам,
Кудри держимые пышно златой и серебряной связью.

Словно как маслина древо, которое муж возлелеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохлаждая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом сребристым;
Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,—
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
Словно как лев, на горах возросший, могучестью гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Выю он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;
После и кровь и горячую внутренность всю поглощает,
Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик беспрерывный, но выйти
Против него не дерзают: бледный их страх обымает,—
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.
Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфоида
Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб дальновержец:
Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
Гектора; в образе Мента, киконских мужей воеводы,
К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:
„Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых
„Коней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!
„Их укротить и управить для каждого смертного мужа
„Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
„Тою порой у тебя Атрейон, Менелай браноносный,
„Труп защищая Патроклов, храбрейшего воина свергнул,
„Бурную мощь обуздал он Панфоева сына Эвфорба“.

Рек,—и вновь обратился бессмертный к борьбе человеков.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.
Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
Звучно кричащий, и быстрый, как бурный пламень Гефестов.

И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;
Думен, Атрид, совещался с своею душой благородной:
„Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
„Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
„Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!
„Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,
„Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
„Всех троянцев сюда ведет шлемоблещущий Гектор.
„Но почто у меня волнуется сердце в сих думах?
„Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
„Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.
„Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
„Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.
„Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
„С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
„Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
„Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было“.

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
Коего псы и народ от загона волов отгоняют
Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
Страхом стесняется; нехотя он от загона уходит,—
Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
Стал и назад обратился, приближася к сонму данаев.
Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву;
Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.
Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:
„Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
„Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
„Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор“.

Так говорил — и воинственный дух взволновал у Аякса.
Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.

Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренною медью,
Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.
Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
Грозен стоял, как становится лев пред своими детями,
Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве
Встретятся ловчие: он, раздражаясь, очами сверкает,
Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи,—
Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.
Подле его же, с другой стороны, Менелай браноносный
Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.
Главк между тем Гипполохид, ликийских мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:
„Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!
„Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
„Думай о способах, как от враждебных и град свой и замок
„Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.
„Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев
„Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
„Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.
„Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
„Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
„Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?
„Мужа, толико услуг оказавшего в жизни как граду,
„Так и тебе? Но и псов от него отогнать не дерзнул ты!
„Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен,
„Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои!—
„Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
„Дух, мужей обымающий, кои за землю родную
„Против врагов и труды и жестокие битвы подъемлют,
„Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.
„Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
„В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,

„Скоро б ахейцы нам выдали пышный доспех Сарпедона;
„Мы его самого принесли б в илионские стены:
„Ибо повержен служитель героя, который славнее
„Всех аргивян при судах и клевретов предводит храбрейших.
„Ты ж не дерзнул Теламонову сыну, Аяксу герою,
„Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
„Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!“

Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий Гектор:
„Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
„Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
„Всех населяющих землю пространной державы ликийской;
„Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
„Ты вопиешь, что не смел я Аякса огромного встретить?
„Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!
„Но Кронида совет человеческих крепче советов:
„Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
„Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.
„Шествуй со мною и стой близ меня, и рассматривай дело:
„Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким;
„Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
„Мужество я укрощу при защите Патроклова тела!“

Так произнес — и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
„Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
„Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;
„Я ж Ахиллеса героя оденуся бранным доспехом,
„Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши“.

Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,
Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клевретов
Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.
Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
Верные други, а сам облекался доспехом бессмертным
Славного мужа Пелида, который небесные боги

Дали Пелею герою; Пелей подарил его сыну,
Старец; но сын под доспехом отца не успел состареться.

Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
Мудрой главой покивал и в душе своей проглаголал:
„Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
„Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
„Сильного мужа, которого все браноносцы трепещут!
„Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
„И доспехи героя с главы и с рамен недостойно
„Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
„Мздою того, что из рук от тебя, возвратившегось с боя,
„Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!“

Рек — и манием черных бровей утвердил то Кронион.
Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены
Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.
Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:
Месфла, Ферсилоха, Мѐдона, ветвь Гипполохову Главка,
Гиппофооя, Дезинора, Астеропея героя,
Хромия, Форка и славного в птицегаданьи Эннома;
Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи:
„Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
„Я не искал многолюдства, и нужду не в оном имея,
„Вас из далеких градов собирал я в священную Трою.
„Нет, но чтоб вы и супруг и детей неповинных троянских
„Ревностно мне защищали от бранолюбивых данаев.
„С мыслию сею и данями я и припасами корма
„Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.
„Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
„Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
„Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
„К сонму троян привлечет, и пред кем Теламонид отступит,

„Тот половину корыстей возьмет, половина другая
„Будет моею; но славою он, как и я, да гордится“.

Гектор сказал,—и они на данаев обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце,
Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.
Мужи безумные! многим при теле исторгнул он душу.
Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелаю герою:
„Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мыслю,
„Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!
„Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына:
„Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских,—
„Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
„Их не постигнуло; тучею брани здесь все покрывает
„Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!
„Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат“

Так говорил, и послушал его Менелай светловласый,—
Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:
„Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
„Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
„Вместе народное пьете, и каждый народом подвластным
„Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!
„Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
„Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
„Сами спешите сюда и, наполняся гордого гнева,
„Быть Патроклу не дайте игралищем псов илионских!“

Так восклицал он,—и ясно услышал Аякс Оилеев;
Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший;
Следом за ним Девкалид и сопутник царя Девкалида,
Муж Мерион, Эниалию равный, губителю смертных.
Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
После пришедших и быстро восставивших битву данаев?

Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.
Словно, как в устьях реки, от великого Зевса ниспадшей,

Вал, при истоке, огромный ревет, и высокие окрест
Воют брега от валов, изрыгаемых морем на сушу,—
Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
Вкруг Менетида стояли, единым кипящие духом,
Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
Мрак; никогда Менетид ненавистен владыке бессмертных
Не был, доколе дышал и служил Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
Стал Менетид,—и воздвиг он друзей на защиту героя.

Первые сбили трояне ахейских сынов быстроокиx.
Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
Были не долго: их всех обратил с быстротою чудесной
Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
Всех аргивян превышающий, после Пелида героя.
Ринулся он сквозь передних, могучестью вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псов и младых звероловцев
Всех, обращаяся быстро, легко рассыпает по дебри,—
Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,
Бросясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
В стены градские увлечь и великою славой покрыться.
Тело уж Гиппофоой, пелазгийского Лефа рожденье,
За ногу торопко влек по кровавому поприщу боя,
Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;
Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
Грозный Аякс на него, сквозь разорванных толпищ обрушась,
Пикою врукопашь грянул по медноланитному шлему;
И расселся шелом густогривый под медяным жалом,
Быв поражен и огромным копьем, и рукою могучей.
Мозг по Аякса копью побежал из главы раздробленной,
Смешанный с кровью: исчезла могучесть; из трепетных дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустил, и на месте

Сам он, лицом повалившися, пал подле мертвого мертвый,
Пал далеко от Ларисссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.
Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
Тот, хоть и в пору завидел, от быстронесущейся меди
Чуть уклонился; но Гектор Схедия, Ифитова сына,
Храброго мужа фокеян, который в славном Панопе
Домом богатым владел и властвовал многим народом,—
Мужа сего поразил под ключом: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;
С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
Мощный Аякс бранодушного Форка, Фенопсова сына,
Труп защищавшего Гиппофооя, ударил в утробу:
Лату брони просадила и внутренность медь сквозь утробу
Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.
Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
Крикнули громко данаи, и Гиппофооя и Форка
Разом тела увлекли и с рамен их сорвали доспехи.

Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
Гневный, Энея воздвигнул, образ прияв Перифаса,
Сына Эпитова: он при отце престарелом Энея,
Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;
Образ приявши его, Аполлон провещал ко Энею:
„Как же могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
„Град Илион, как я некогда видел других человеков,
„Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
„С меньшей дружиной своею, превысшею всякого страха!
„Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
„Хощет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!“

Так провещал,—и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:

„Гектор, и вы, воеводы троян и союзных народов!
„Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
„Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
„Нет, божество говорит,—предо мною оно предстояло,—
„Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!
„Прямо пойдем на данаев! Пускай сопостаты спокойно
„К черным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!“

Рек—и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.
Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокрита,
Сына Арисбанта, сверг, Ликомедова храброго друга.
В жалость о падшем пришел Ликомед, благодушный воитель;
К телу приближился, стал и, сияющий ринувши дротик,
Он Апизаона, сына Гиппасова, сил воеводу,
В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
Мужу, который притек из цветущих полей пеонийских
И на битвах блистал, как храбрейший по Астеропее.
В жалость пришел о поверженном Астеропей бранодушный;
Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! Кругом, как стеной, ограждались щитами
Окрест Патрокла стоящие, острые копья уставив.
Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:
Шагу назад отступать не приказывал сын Теламонов;
С места вперед не итти, чтоб вдали от дружины сражаться;
Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другие
Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;
Меньше лишь гибнуло их; помышляли они беспрестанно,
Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.

Битва пылала, как огнь пожирающий; каждый сказал бы,—
Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц;
Мраком таким на побоище были покрыты герои,
Кои кругом Менетида, его защищая, стояли.

Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
Не было облака; с отдыхом частым сражалися войски;
Стороны обе свободно от стрел уклонялися горьких,
Ратуясь издали. Здесь же, в средине, во мраке и сече
Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
Воев храбрейших.— Но к двум браноносцам еще не достигла,
К славным мужам, Фразимеду и брату его Антилоху,
Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
Жив, и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.
Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
В поле отдельно сражалися; так заповедывал Нестор,
В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

Те ж с одиноким неистовством спорили в страшном убийстве
Целый сей день; от труда непрерывного потом и прахом
Были колена и ноги и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битве, пылавшей
Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.
Словно когда человек вола огромного кожу
Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
Те, захвативши ее и кругом расступившися, тянут
В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа,—
Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,
Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.

Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;
Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник

Пал; уповал он, что жив и, приближась к вратам Илиона,
Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.
Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
Сыну она возвещала совет великого Зевса;
Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нежная матерь: погибели друга, дражайшего сердцу.

Те ж неотступно у тела, уставивши острые копья,
Беспрерывно сшибались, один поражая другого.
Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:
„Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
„К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
„Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
„Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
„С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!"
Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
„Други, хотя бы нам должно у трупа сего и погибнуть
„Всем до последнего, с поля сего не сходи ни единый!"

Так восклицали трояне — и дух у друзей распаляли.
Яростно билися воины; гром, раздаваясь, железный
К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
Плакали стоя, с тех пор как почуяли, что их правитель
Пал низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.
Сын Диореев на них Автомедон, возатай искусный,
Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу,
Много и ласк проговаривал, много и окриков делал:
Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.
Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
Мужа усопшего памятник или жены именитой,—
Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,

Слезы горючие с веждей на черную капали землю,
С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
Выпав из круга ярма, у копыт оскверняліся прахом.—
Коней печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель
И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:
„Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,
„Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?
„Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
„Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
„Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
„Но не печальтеся: вами отнюдь в колеснице блестящей
„Гектор не будет везом торжествующий: не попущу я!
„Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?
„Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
„Вы Автомѐдона здравым из пламенной брани спасите
„К черным судам, а троянам еще я славу дарую
„Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
„И закатится солнце, и мраки священные снидут".

Так произнес он — и коням вдохнул благородную силу.
Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.
Ими напал Автомѐдон, хотя и печальный по друге;
Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.
Быстро и вспять убегал от свирепости толпищ троянских,
Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.
Но, в погоню бросаяся, он не сражал сопротивных;
Не было средства ему, одному в колеснице священной,
Вдруг и копье устремлять, и коней укрощать быстролетных.
Скоро увидел его мирмидонянин, сердцу любезный,
Искренний друг Алкимѐдон, Лаеркея сын Эмонида;
Сзади приблизился он и вещал к Автомѐдону громко:
„Друг Автомѐдон, какой из бессмертных совет бесполезный
„В сердце тебе положил и суждение здравое отнял?
„Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
„Друг у тебя умерщвлен, а доспехом, с него совлеченным,
„Перси покрыв, величается Гектор, доспехом Пелида!"

Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомѐдон:
„Кто, Алкимѐдон могучий, как ты, из ахеян искусен
„Коней бессмертных держать в руках и покорность и ярость?
„Был Менетид, искусством ристателя, в дни своей жизни,
„Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
„Шествуй, любезный; и бич и блестящие конские вожжи
„В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться“.

Так произнес; Алкимѐдон на бранную стал колесницу;
Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
Но Диорид соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
И к Энею герою, стоящему близко, воскликнул:
„Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!
„Я примечаю коней быстроногого мужа Пелида,
„В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
„Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
„Сердце готово; уверен, когда нападем мы с тобою,
„Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться“.

Рек,— и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов:
Бросился прямо, уставив пред персями тельчие кожи,
Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.
С ними и Хромий герой и Арет, красотой небожитель,
Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.
Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
Вспять от возниц. Автомѐдон едва помолился Крониду,
Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.
Быстро воззвал Диорид к Алкимѐдону, верному другу:
„Друг Алкимѐдон! держись от меня недалече с конями;
„Пусть за хребтом я слышу их пышущих: ибо уверен,
„Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
„Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
„Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
„Воинств ахейских, иль сам пред рядами не ляжет сраженный!“

Так произнесши, к Аяксам воззвал и к царю Менелаю:
„Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!

„Храбрым другим аргивянам поверьте заботу о мертвом;
„Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
„Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
„Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
„Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трои!
„Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
„Мчись и мое копие, а Кронион решит остальное!“

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику
И ударил Арета в блистательный щит круговидный;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло.
Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадает,—
Так подскочил он и навзничь упал; изощренная — сильно
Медь у Арета в утробе сотрясшись, разрушила крепость.
Гектор пустил в Автомѐдона пикой своею блестящей;
Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убийственной меди.
И они б на мечах рукопашно сразиться сошлися;
Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.
Их устрашася могучих, стремительно вспять отступили
Гектор герой, и Эней Анхизид, и божественный Хромий;
Друга Арета оставили там, прободенного в сердце,
В прахе лежащего; сын Диореев, Арею подобный,
С тела оружия сорвал и так, торжествуя, воскликнул:
„Ах, наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
„Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!“

Рек — и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.

Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась.
Тяжкая, многим плачевная; бой распаляла Афина,
С неба нисшедши: ее ниспослал промыслитель Кронион
Дух аргивян возбудить: обратилося к ним его сердце.
Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудит
В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит,—
Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распаляла.
К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
Бывшему ближе других, Менелаю герою воззвала,
Феникса старца приявшая образ и голос могучий:
„Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
„Если Пелида великого — верного друга Патрокла,
„Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!
„Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!“

Быстро ответствовал ей Менелай, знаменитый воитель:
„Феникс, отец, давнородшийся старец! да даст Тритогена
„Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!
„В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело
„Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
„Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
„Всё истребляет кругом: громовержец его прославляет!“
Рек,— и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса:
Ибо ее от бессмертных молящийся первую призвал.
Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови,—
Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
Бросился он к Менетиду и ринул блестящую пику.
Был меж троянами воин Подѐс, Гетионова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.
Мужа сего, обратившегось в бегство, Атрид светловласый

В запон копьем поразил, и насквозь его медь просадила;
С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.
Гектора тою порой возбуждал стреловержец, явяся,
Фенопса образ приявши, который Приамову сыну
Другом любезнейшим был, Абидоса приморского житель;
Образ приявший его, провещал Аполлон стреловержец:
„Кто ж еще более, Гектор, тебя устрашит из данаев,
„Ежели ты Менелая трепещешь? Был он доныне
„Воин в сражениях слабый, а ныне один от пергамлян
„Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга,
„Храброго, в первом ряду, Гетионова сына, Подеса!“

Рек,—и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.
В оное время Кронион приял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

Бегство ужасное начал вождь Пенелей беотиец.
Он, беспрестанно вперед устремляяся, в рамо был ранен
Сверху скользнувшим копьем; но рассекло тело до кости
Полидамаса оружие: он его врукопашь ранил.
Гектор ударом копья Алектриона сыну, Леиту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озираяся; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.
Гектора ж Идоменей, на Леита летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцырю пикой ударил:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалида
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;
Керана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта
(Пешим сперва Девкалид от судов мореходных явился
В битву, и верно б троянам великую славу доставил,

Если бы Керан скорее коней не пригнал быстроногих:
Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же—дух свой предал под убийственной Гектора дланью).
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышибла острая медь и язык посредине рассекла;
Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
Их Мерион, наклоняся поспешно, своими руками
С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалиду:
„Быстро гони, Девкалион, пока до судов не домчишься!
„Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!"

Рек,—и бичом Девкалион хлестнул по коням лепогривым,
Правя к судам; боязнь Девкалиону пала на сердце.
В оное ж время постиг и Аякс и Атрид светловласый
Волю Кронида, что Трои сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:
„Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
„Ясно постигнет, что славу Кронион троянам дарует!
„Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
„Все поражают, Кронид без различия все направляет;
„Стрелы же наши у всех бесполезно валятся на землю!
„Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,
„Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
„Как, и самим возвратяся, друзей нам возрадовать милых,
„Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
„Гектора мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
„Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.
„О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
„Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
„Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.
„Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
„Мраком покрыты глубоким и ратные мужи и кони!
„Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака данаев!
„Дню возврати его светлость, дай нам видеть очами!
„И при свете губи нас, когда уже так положил ты!"
Так говорил,—и слезами героя отец умилился:
Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;

Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
И Аякс Теламонид воззвал к Менелаю Атриду:
„Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
„Можешь обресть Антилоха, почтенного Нестора сына,
„Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу герою
„Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!“

Так говорил,—и послушал его Менелай светловласый;
Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копья,
Главни горящие; их устрашается он, и свирепый,
И со светом зари удаляется, сердцем печален,—
Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
С сильным в душе нехотением: он трепетал, да ахейцы,
В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;
Сильно еще убеждал Мериона и храбрых Аяксов:
„Други Аяксы, и ты, Мерион, аргивян воеводы!
„Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,
„Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
„Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!“

Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
Смотря кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
Видит очами острее всех поднебесных пернатых:
Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает,—
Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
Жадные встретить живого еще Антилоха младого.
Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:

„Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
„Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!
„Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
„Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
„Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;
„Пал наш Патрокл! Беспредельная горесть данаев постигла!
„Друг, к кораблям фессалийским не медля беги, Ахиллесу
„Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
„Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!“

Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
Долго стоял он от ужаса нем; но у юноши очи
Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.
Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
Бросился, ратный доспех Лаодоку любезному вверив,
Другу, державшему подле коней его твердокопытых.
Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.

Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
Тех утесненных друзей защищать, которых оставил
Несторов сын: в сокрушении горьком остались пилосцы;
К ним Менелай послал Фразимеда, подобного богу;
Сам же опять полетел на защиту Патрокла героя;
Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:
„Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
„С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
„Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.
„Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
„Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
„Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
„Как под грозою троян от судьбы и от смерти избегнем“.

И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
„Всё справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
„Бросьтеся ж, ты и Молид Мерион; наклонитеся быстро
„Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас

„Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
„Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
„Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили“.

Рек,— и они, от земли подхвативши, подняли тело
Вверх и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлющих тело;
Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
Быстро сначала бегут, растерзать нетерпеньем пылая;
Но, едва он на них оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом,—
Так и трояне сначала толпой неотступно неслися,
В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копья;
Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились,—
Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
Бурный, подобно как огнь, устремленный на град человеков;
Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром,—
Так и коней колесничных и воинов меднодоспешных
Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая,—
С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть,—
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,

Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым,—
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.
Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Изготовление оружия

Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
Видит его одного: при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.
Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:
„Горе! что думать? почто кудревласые чада Геллады
„Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?
„О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
„Кои мне мать давно предвещала; она говорила:
„В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший,
„Должен под дланью троянской расстаться с солнечным светом.
„Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
„Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
„Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!“

Тою порою, как думы сии в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:

„Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
„Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!
„Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
„Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!“

Рек,—и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
В грусти глубокой завопили громко и, быстро из сени
Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
Билися в перси, доколе у всех подломилися ноги.
Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящего горестно, руку держал он,
В страхе, да выи железом себе не пронзит исступленный.
Страшно он плача вопил; и услышала вопль его матерь
В безднах глубокого моря, в чертогах родителя старца;
Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды:
Вдруг Кимодока явилась, и Фалия нимфа, и Главка,
Спея, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;
Вслед Кимофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,
Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
Дота, Прота, Феруза, Орифия и Амфинома;
Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
Нимфа Дориса, Панопа, краса нереид Галатея,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;
Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
Мера и с ней Амафея, роскошноволосая нимфа;
Все из моря глубокого сестры ее, нереиды.
Ими вертеп серебристый наполнился; все они вместе
Билися в перси, и громко меж них возопила Фетида:
„Сестры мои, нереиды, внемлите вы все мне, богини!
„Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!

„Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!
„Так, родила я душой благородного, храброго сына,
„Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
„Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
„Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
„Ратовать храбрых троян; и его никогда не увижу
„В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
„Но, пока и живет он, и солнца сияние видит,
„Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
„Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
„Горесть какая постигла его, непричастного брани!“

Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры
Плача выходят, и вкруг нереид расступаются с шумом
Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.
Нежная матерь к нему, стенящему горько, предстала,
С горестным воплем главу обхватила у милого сына
И, рыдая сама, говорила крылатые речи:
„Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
„Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
„Всё, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
„Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
„Жаждут тебя одного и позорные бедствия терпят“.

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
„Знаю, о матерь, Зевес громовержущий все мне исполнил.
„Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
„Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
„Им как моею главой дорожил; и его потерял я!
„Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
„Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
„В день, как богиню тебя на смертного ложе повергли.
„О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
„О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
„Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,

„Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
„В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
„Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
„Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
„И за грабеж над Патроклом любезнейшим мне не заплатит!“

Матерь, слезы лиющая, снова ему говорила:
„Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
„Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!“

Ей, тяжело воздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
„О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
„Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
„Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!
„Что же мне в жизни! Я ни отчизны другой не увижу,
„Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
„Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим:
„Праздный сижу пред судами, земли бесполезное бремя,
„Будучи муж, среди всех меднолатных героев ахейских
„Первый во брани, хотя на советах и лучше другие.
„О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
„Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
„Он в зарождении сладостней тихо струящегось меда,
„Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!
„Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон.
„Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
„Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.
„Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
„Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
„Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
„Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
„Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
„Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
„Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
„Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
„Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
„Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе

„С нежных ланит отирать руками обеими слезы!
„Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
„В бой выхожу; не удерживай, матерь: ничем не преклонишь!“

Вновь отвечала ему среброногая матерь Фетида:
„Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
„Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.
„Но доспех твой прекрасный... во власти троян напыщенных;
„Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
„Перси покрыв, величается! Но уповаю, не долго
„В нем величаться троянцу: погибель его не далёко!
„Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
„Снова пока не приду я, и сам ты меня не увидишь:
„Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
„И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста“.

Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
И, обратяся к сестрам, нереидам морским, говорила:
„Сестры мои, погрузитеся в лоно пространного моря,
„В дом возвратитесь отца и, увидевши старца морского,
„Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
„Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
„Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий“.

Так изрекла,—и они погрузилися в волны морские.
Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,
Быстро идя, чтоб принесть оружия милому сыну;
Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
С криком ужасным тогда, перед Гектором людоубийцей
В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.
Тщетно ахеяне меднопоножные рвались Патрокла
Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.
За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
Трижды Аяксы его отражали от тела своею

Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
То нападал на столпившихся, то становился и громким
Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.
Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого трупа
Пастыри в поле ночные, яримого гладом, не могут,—
Так не могли совокупные, храбрые оба Аякса
Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.
Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ириса
С вестью, да к брани воздвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой.
Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:
„К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
„Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
„Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
„Мужи ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
„Мужи троянские, чтоб овладеть и умчать к Илиону,
„Пламенно рвутся; но пламенней всех бронеблещущий Гектор
„Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
„С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.
„Шествуй, не медли более; ужас ты в сердце почувствуй,
„Если Патрокл твой будет игралищем псов илионских!
„Срам на тебе, если тело его искаженное придет!“

К ней, воздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
„Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?“

Вновь отвечала ему подобная ветрам Ириса:
„Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
„Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
„Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих“.

Ей ответствовал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
„Как мне в сражение выйти? Доспех мой у них, у враждебных!
„Матерь же милая мне возбранила на бой ополчаться
„Прежде, поколе ее возвратившуюсь здесь не увижу,
„Мне обещая принесть от Гефеста доспех велелепный.
„Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?

„Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
„Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
„Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела“.

Вновь отвечала герою подобная ветрам Ириса:
„Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
„Но без оружий приближься ко рву, покажися троянам:
„Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
„Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
„Боем уже истомленные; краток в сражениях отдых“.

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ириса.
И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
Облак ему вкруг главы обвила золотой Тритогена
И зажгла от облака окрест сияющий пламень.
Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,
Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
И в кораблях, отразители брани, скорее примчатся,—
Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,
Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.
Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
Городу приступ врагов душегубцев, его окруживших,—
Столь поразителен был воинственный крик Эакида.
Трои сыны лишь услышали медяный глас Эакидов,
Дрогнуло сердце у всех; долгогривые кони их сами
Вспять с колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.
В ужас впали возницы, увидев огонь неугасный,
Окрест главы благородной подобного богу Пелида
Страшно пылавший; его возжигала Паллада богиня.

Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
Трижды смешалися войски троян и союзников славных.
Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне
Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
Тело на одр положили; его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;
Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе,
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
Противу воли его, в Океан низойти повелела.
Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
И, не мысля о вечере, вдруг на совет собирались.
Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.
Полидама̀с Панфо̀ид им начал советовать мудрый:
Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;
Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;
Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:
„Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
„В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной
„В поле, близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни.
„В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
„В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
„Я веселился и сам, при судах мореходных ночуя;
„Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев.
„Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
„Знаю я душу Пелидову бурную: он не захочет

„Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
„В битвы сходяся, равно разделяли свирепство Арея:
„Града и наших супруг добывать он битвою будет.
„В град возвратимся не медля; поверьте мне, так совершится!
„Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
„Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
„Завтра нагрянув с оружием,— о, не один Ахиллеса
„Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
„Кто избежит от могучего: многих троян растерзают
„Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!
„Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
„Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
„Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
„Длинные, гладкие, крепко сплочённые, будут защитой.
„Утром же мы на заре, ополчася оружием медным,
„Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
„Он, от судов устремившися, с нами вкруг града сражаться!
„Вспять к судам возвратится, когда он коней крутовыйных
„В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
„В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;
„Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изгложут!“

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
„Всё для меня неприятное, Полидама̀с, ты вещаешь,
„Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!
„Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
„Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
„Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью:
„Скрылося всё, что в домах драгоценного, пышного было!
„Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
„Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!
„Ныне ж, когда благодеющий мне даровал громовержец
„Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
„Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!
„Их ни один из троян не послушает; я не позволю!
„Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
„Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;

„Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
„Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
„Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
„Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!
„Завтра ж, еще на заре, ополчася оружием ратным,
„Мы на суда многовеслые боем решительным грянем.
„Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
„Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
„В битве ужасной его избегать, но могучего смело
„Встречу. С победною славою он или я возвращуся:
„Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!“

Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;
С Полидамасом — никто, совет предлагавшим полезный.
В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
Целую ночь провели над Патроклом, стеня и рыдая.
Царь Ахиллес среди сонма их плач свой горестный начал;
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
Часто и тяжко стенал он, — подобно как лев густобрадый,
Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
Ланей ловец; возвратяся он, поздно, по детях тоскует;
Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
Жалобно стонущий; горесть и ярость его обымают, —
Так стеная, Пелид говорил посреди мирмидонян:
„Боги, боги! бесплодное слово из уст изронил я
„В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
„Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
„Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
„Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!
„Нам обоим предназначено землю одну окровавить
„Здесь, на троянском брегу! И меня, возвратившегось с боя,
„В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
„Ни любезная матерь; но здесь покроет могила!
„Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
„С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну

„Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!
„Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
„Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
„Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!
„Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
„Коих с тобой мы добыли копьем и могучестью нашей,
„Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
„Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами“.

Так говорил,—и друзьям повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огнь и скорее
Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложили;
Дно у треноги огонь обхватил, согревалася влага.
И когда закипевшая в звонкой меди зашумела,—
Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вкруг Пелида царя мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патрокле крушились, стеня и рыдая.

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
„Сделала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!
„В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
„Родоначальница ты кудреглавых народов Геллады“.

Быстро воззвала к нему волоокая Гера царица:
„Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
„Как? человек человеку свободно злодействовать может,
„Тот, который и смертен и столько советами скуден.
„Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
„Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
„Ты нарицаешь,—ты, над бессмертными всеми царящий,—
„Я не должна, на троян раздраженная, бед устроять им?“

Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,

Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.
Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегось: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближалися к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращалися, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.
Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
„Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
„Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
„Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню".

Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
Пышном, изящно украшенном, с легкой подвижной скамьею.
После голосом громким Гефеста художника кличет:
„Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба".

Ей не медля ответствовал славный Гефест хромоногий:
„Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!
„Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
„Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
„Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
„Если б Фетида меня с Эвриномой не приняли в недра,
„Дщери младые катящегось вкруг Океана седого.
„Там украшения разные девять годов я ковал им,
„Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
„В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
„Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
„Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;

„Только Фетида с сестрой Эвриномою, спасшие жизнь мне.
„Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
„Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
„Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
„Я не замедлю, меха соберу и другие снаряды“.

Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно голени слабые двигал:
Снял от горна меха, и снаряды, какими работал,
Собрал все, и вложил в красивый ларец среброковный;
Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираяся, в двери
Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,
И которых бессмертные знанию дел научили.
Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибрел, где Фетида сидела на троне блестящем;
За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
„Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
„Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
„Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо“.

И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
„Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на пространном Олимпе
„Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
„Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
„Нимфу морскую, меня покорил человеку земному,
„Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
„Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
„В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
„Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
„Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
„Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
„Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону

„Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
„В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
„Ныне, хотя и живет он и солнца сияние видит,
„Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
„Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
„Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
„Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
„Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
„Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
„Сына молили и множество славных даров предлагали.
„Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
„Но героя Патрокла своим он доспехом одеял;
„Друга на битву послал и великое воинство вверил.
„Билися целый день перед крепкою башнею Скейской.
„Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
„Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
„В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
„Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
„Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
„Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
„Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
„Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!"

Ей не медля ответствовал Амфигией знаменитый:
„Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
„О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко
„Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
„Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
„Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!"

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
Разом в отверстья горнильные двадцать мехов задыхали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,

Олово бросил, сребро, драгоценное злато; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромнейший взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.

Там же два града представил он ясноречивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он всё заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вкруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесанных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К брегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец среброрунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслися.
Строем становятся, битвою бьются по брегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
И один пред другим увлекают кровавые трупы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,

Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и златая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он диво представил.

Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами блистая.
Здесь полосой беспрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится.
Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вкруг него суетятся; а жены
Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на сребряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темносиний и белую стену
Вывел из олова; к саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прелестный по звонкорокочущей лире
Сладко перстами брящал, припевая прекрасно под струны
Голосом нежным; они ж вокруг его, пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
С ревом волы из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному брегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.

Два густогривые льва на передних волов нападают,
Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них, и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый,
В тихой долине прелестной, несчетных овец среброрунных,
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

Там же Гефест знаменитый извил хоровод разновидный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотою, как маслом, блистают;
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, яснее, чем огненный пламень;
Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,

Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Отречение от гнева

В ризе багрянозлатистой из волн Океана Денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
К сеням пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
Там она сына нашла: над Патроклом своим распростертый,
Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, среброногая матерь богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:
„Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
„С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.
„Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех велелепный,
„Дивный, какой никогда не сиял вкруг рамен человека“.

Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшенный дивно.
Вздрогнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
Прямо взглянуть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом; ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали,

С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смотря на чудо,
К матери сереброногой крылатую речь устремил он:
„Матерь! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
„Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
„Ныне ж я вооружаюся.— Но об одном беспокойно
„Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
„Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
„Алчных червей не родили; они исказят его образ
„(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!“

Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
„Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
„Я попекусь оттонять от него кровожадные сонмы
„Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
„И хотя бы лежал он в течение круглого года,
„Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
„Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
„Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;
„Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися“.

Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу ж его и амврозию в ноздри и нектар багряный
Тихо влияла, да тело его невредимо пребудет.

Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кои судов управляли кормилом,
Даже зажитники ратных дружин, раздаватели хлеба,
Все поспешили в собранье, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,

Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.
И, когда уже все на собранье сошлися ахейцы,
Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:
„Царь Агамемнон! полезнее было бы, если бы прежде
„Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
„Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!
„О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
„В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши:
„Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
„Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!
„Гектор и Трои сыны веселятся о том; а данаи
„Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
„Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем;
„Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.
„Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен
„Сердца крушить враждой бесконечною. Царь Агамемнон,
„В битву подвигни скорее медянодоспешных данаев;
„Дай мне скорее итти на троян и еще испытать их,
„Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
„Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
„Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!“

Так говорил, — и наполнились радостью все аргивяне,
Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:
„Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
„Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
„Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
„В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать,
„Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.
„С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
„Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите. —
„Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;
„Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
„Зевс Эгиох и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис:

„Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
„В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
„Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
„Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
„Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
„Праха земного; она по главам человеческим ходит,
„Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
„Древле она ослепила и Зевса, который превыше
„Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
„Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
„В день, как готова была счастливая матерь Алкмена
„Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.
„Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:
„Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
„Я вам поведать желаю, что в персях мне сердце внушает:
„Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
„Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
„Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих“.

„Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
„Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.
„Или дерзни, поклянись, олимпиец, великою клятвой,
„Что над всеми окрестными царствовать будет
„Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
„Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих“.

„Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
„Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
„Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
„Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
„Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
„Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
„Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
„В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.
„С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:
„Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
„Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе должен,

„Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
„Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный“.
„Так изрекла,—и жестокая горесть ударила в сердце
„Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
„Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
„Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
„Век не взыдет Обида, которая всех ослепляет.

„Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
„Ринул ее,—и упала она на дела человека.
„Зевс от нее же стенал, как любезного сына он видел,
„Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфея.—
„Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
„Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
„Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.
„Но как уже погрешил я, и Зевс мой разум похитил,
„Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздою.
„Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!
„Что до даров, я всех их представлю, какие посланник
„В сени вчера пред тобой исчислял, Одиссей благородный.
„Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;
„Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
„И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую“.

Сыну Атрея ответствовал царь Ахиллес благородный:
„Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить,
„Иль удержать их,—ты властен; теперь же о битве помыслим
„Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?
„Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!
„Пусть кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
„Медною пикой фаланги крушащего ратей троянских,
„И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!“

Но Пелиду царю возразил Одиссей многоумный:
„Нет; сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,

„Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
„Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
„Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
„В сечу сойдутся, и бог им вдохнет одинакую храбрость.
„Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане
„Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
„Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
„Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.
„Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
„Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
„Жажда и глад, у него на пути запинаются ноги.
„Но человек, укрепяся вином и насытяся пищей,
„Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
„Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
„Прежде не слышат, доколе с побоища все не соступят.
„Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
„Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнон
„Пусть пред собранье народа представит, да все их данаи
„Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.
„Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доныне
„К деве на одр не всходил, не сближался с младой Бризеидой
„Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
„Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
„Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
„В кущах своих, чтобы должное ты получил без урона.
„Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахейцу
„Сам справедливее будь: унижения нет властелину
„С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он“.

Сыну Лаерта не медля ответствовал царь Агамемнон:
„Радуясь, речи твои, Лаертид благородный, я слушал;
„Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.
„Клятву готов произнесть я, как самое сердце велит мне,
„И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
„Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;
„Здесь и другие останьтесь, ахейцы, пока из-под сеней
„Придут дары, и пока совершу я священные клятвы.

„Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
„Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
„Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
„Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.
„Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
„Вепря нашед, уготовь на заклание Зевсу и Солнцу“.

Сыну Атрея ответствовал вновь Ахиллес быстроногий:
„Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
„После, в другое время о том вам заботиться лучше,
„В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,
„И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.
„Ныне еще перед нами лежат мертвецы те, которых
„Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу,—
„Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
„Я бы теперь же советовал в битву итти аргивянам,
„Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
„Пир уготовить всеобщий, когда мы отмстим поруганье.
„Прежде сего никакое питье, никакая мне пища,
„Верно, в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
„Он у меня среди куши, истерзанный медью жестокой,
„К двери ногами лежит распростертый: кругом его други
„Плачут печальные! Нет, у меня в помышленьи не пища:
„Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стоны!“

Вновь обратяся к нему, говорил Одиссей многоумный:
„О Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!
„Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
„В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
„Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведал.
„Пусть же душа у тебя укротится моим убежденьем:
„Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
„Где уже множество класов медь по земле разостлала;
„Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
„Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
„Нет, не утробою должно ахейцам крушиться о мертвых:
„Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,

„Падают: кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?
„Долг наш земле предавать испустившего дух человека,
„Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
„Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
„Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
„Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
„Медью покрывшися крепкою. Нет, да никто из народа
„В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!
„Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
„Между судов укрываяся. Нет, на троян конеборных
„Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!“

Рек — и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
Мегеса, отрасль Филея, вождя Мериона, Фоаса
И Меланиппа вождя с Ликомедом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:
Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь, и осьмую румяноланитую Бризову дочерь.
С златом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
Их пред собраньем они положили. Атрид Агамемнон
Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.
Царь Агамемнон, стремительно нож обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
Зевсу владыке молился. Ахеяне окрест сидели
Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;
Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:
„Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
„Солнце, Земля и Эриннии, те, что в жилищах подземных
„Грозно карают смертных, которые ложно клялися!
„Я здесь клянусь, что на Бризову дочь руки я не поднял,
„К ложу неволя ее, иль к чему бы то ни было нудя;

„Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!
„Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
„Всеми бедами, какими карают они вероломных!“

Рек — и гортань кабана отсекает суровою медью.
Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
Рыбам на снедь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
Думеп восстал и так говорил между сонма данаев:
„Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!
„Нет, никогда б у меня Агамемнон властительный в персях
„Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
„Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
„Зевс восхотел толь многим ахеянам смерть уготовить!
„К завтраку, други, спешите, и после начнем нападенье!“

Так произнесши, собрание быстрое он распускает.
Все рассеваются, к куще своей удаляется каждый.
Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
Их положили под кущей героя, а жен посадили;
Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.

Бризова дочь, златой Афродите подобная ликом,
Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,
Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:
„О мой Патрокл! о друг, для меня злополучной бесценный!
„Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;
„В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
„Так постигают меня беспрерывные бедство за бедством!
„Мужа, с которым меня сочетали родитель и матерь,
„Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
„Видела братьев троих (родила нас единая матерь),
„Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
„Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
„Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,

„Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
„Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
„Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
„Пал ты! тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!“

Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены,
С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.
Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
Пищей прося укрепиться; но он отвергал их стенящий:
„Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;
„Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
„Я насладился; жестокая горесть меня раздирает!
„Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!“

Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
Только Атриды остались и сын многоумный Лаертов,
Нестор, Идоменей и божественный Феникс; но тщетно
Вместе они утешали печального; сердцем он весел
Не был, покуда не бросился в бездну брани кровавой.
Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил воздыхая:
„Прежде, бывало, мне ты, злополучный, любезнейший друг мой,
„Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
„Скоро всегда и заботливо, если, бывало, ахейцы
„Брань многослезную снова троянам нанесть поспешают.
„Ныне лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергает
„Здесь изобильную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
„Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
„Если б печальную весть и о смерти отца я услышал,
„Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
„Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной
„Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трои;
„Даже, когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
„Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
„Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
„Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
„В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;

„Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
„В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
„Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.
„Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
„Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
„Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
„Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!“

Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
С неба печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель,
И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:
„Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?
„Или нисколько уже не заботишься ты о Пелиде?
„Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
„Горестный плачет по друге любезном. Все аргивяне
„Пищу вкушают; а он остается и гладный и тощий.
„Шествуй, Афина; и нектаром светлым с амврозией сладкой
„Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обымет“.

Рек — и подвигнул Афину, давно пламеневшую сердцем:
Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаром Зевсова дочь и амврозией сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь от глада его не обымет;
И сама на Олимп вознеслась к меднозданному дому
Зевса. Ахейцы ж лилися от черных судов мореходных.
Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром,—
Так от ахейских судов неисчетные в поле неслися
Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,
Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.
Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами
Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.

Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи
Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.
Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
После на мощную грудь надевал испещренные латы;
Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
С лезвеем мѐдяным; взял наконец и огромный и крепкий
Щит: далеко от него, как от месяца, свет разливался.
Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
Мча по кипящему понту, несут далеко от любезных,—
Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный поднявши,
Крепкий надел на главу; засиял, как звезда, над главою
Шлем коневласый; и грива на нем волновалась златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым:
И, как крылья, они подымали владыку народа.
Взял наконец из ковчега копье он отцовское — ясень,
Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.
Коней меж тем Автомѐдон и сильный Алким снаряжали;
В пышных поперсьях к ярму припрягали их; удила в морды
Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомѐдон.
Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
Весь под доспехом сияя, как Гиперион лучезарный.
Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:
„Ксанф мой и Балий, Подарги божественной славные дети!
„Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу

„К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
„Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!“

Рек он,—как вдруг под упряжью конь взговорил бурноногий,
Ксанф; понуривши морду и пышною гривой своею,
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он
(Вещим его сотворила лилейнораменная Гера):
„Вынесем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;
„Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
„Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
„Нет, не медленность наша, не леность дала супостатам
„С персей Патрокла героя доспех знаменитый похитить:
„Бог многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
„Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.
„Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зефира, стали,
„Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
„Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!“
С сими словами Эриннии голос коня перервали.

Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
„Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
„Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
„Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
„С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью“.

Рек—и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

Книга двадцатая

Битва богов

Так при судах дуговерхих блестящие медью данаи
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.
Зевс же отец повелел, да Фемиса бессмертных к совету
Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Кронионов дом собираться. Сошлися
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
В дом олимпийский собравшися тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Так собиралися к Зевсу бессмертные; сам Посидаон
Не был Фемисе преслушен: из моря предстал он с другими,
Сел посредине бессмертных и Зевса выспрашивал волю:
„Что сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
„Хощешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
„Брань между ними близка, и немедленно бой запылает“.

Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
„Так, Посидаон! проник ты мою сокровенную волю,
„Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
„Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
„Буду себя услаждать созерцанием. Вы же, о боги,
„Ныне шествуйте все к ополченьям троян и ахеян;
„Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
„Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
„В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
„Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
„Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
„Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трои“.

Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посидон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Все то время, пока божества не приближились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонявшийся долго от брани печальной.
В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
Но едва олимпийцы приближились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.

Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посидаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Всё затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посидон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалося всё, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посидаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных — Скамандром.

Так устремлялися боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, пылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
„Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
„Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
„Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?“

Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
„Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
„С сыном Пелеевым, гордым могучестью, боем сражаться?

„Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
„Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
„С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;
„Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня олимпиец
„Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
„Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
„Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучесть
„Медным копьем побивать крепкодушных троян и лелегов.
„Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:
„С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.
„Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет
„Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный
„В битве присудит нам равный конец, не легко и Энея
„Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!“

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
„Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
„Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
„Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богинею низшей:
„Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
„Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
„Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!“

Рек — и бесстрашного духа исполнил владыку народов:
Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.
Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,
Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.
Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:
„Царь Посидон и Афина Паллада, размыслите, боги,
„Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?
„Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,
„Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.
„Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам
„Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет
„Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа
„Он не скудеет и чувствует сам, что его, браноносца,
„Любят сильнейшие боги; а те, что издавна доныне

„Трои сынам побораю́т в сей брани жестокой,— бессильны!
„Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
„В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;
„После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь
„С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.
„Если того из глагола богов Ахиллес не познает,
„Он устрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных
„Станет в сражении: боги ужасны, явившиесь взорам“.

Гере не медля ответствовал мощный земли колебатель:
„Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!
„Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,
„Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше.
„Лучше, когда, совокупно сошед мы с пути боевого,
„Сядем на холме подзорном, а брань человекам оставим.
„Если ж Арей нападенье начнет, или Феб луконосец,
„Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
„Там же не медля и мы сопротивникам битву воздвигнем,
„Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдяся,
„Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
„Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой“.

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посидон черновласый и прочие боги воссели,
Окрест рамен распростерши непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось всё, засияло от меди
Воев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами

Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
Коего мужи селяне решася убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротиком юноша смелый
Ранит,—напучась он к скоку, зияет; вкруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть,—
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышённому духом Энею герою.
Чуть сступились они, устремляяся друг против друга,
Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
„Что ты, Эней, на такое пространство отшедши от рати,
„Стал? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает
„В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
„Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
„Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
„Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
„Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
„Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
„Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюсь, подвиг!
„Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
„Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
„Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
„Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
„С гор убежал ты, и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
„Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
„Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
„В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.

„Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
„В сердце твоем! Но прими мой совет и отсюда скорее
„Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
„Горе еще не сбылося: событие зрит и безумный!“

Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
„Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
„Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
„Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
„Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
„Сами сказания давние слыша из уст человеков;
„Но в лицо как моих ты, равно и твоих я не ведал.
„Ты, говорят, благородного мужа Пелея рожденье;
„Матерь — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
„Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
„Славлюся быть; а матерь моя Афродита богиня.
„Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
„Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
„Нас развели, и чтоб с бранного поля мы так разошлися.
„Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
„Наш знаменитый род: человекам он многим известен.
„Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец;
„Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
„В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;
„Жили еще на погориях Иды, водами обильной.
„Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
„Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
„Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
„Тучных, младых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
„К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
„Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
„Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
„Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
„Выше земли, сверх колосьев носилися, стебля не смявши;
„Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
„Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
„Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;

„Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
„Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителям равный.
„Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
„Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
„Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
„Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомѐдон;
„Царь Лаомѐдон родил знаменитых: Тифона, Приама,
„Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
„Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
„Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
„Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!
„Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
„Как соизволит провидец: зане он единый всесилен.
„Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
„Стоя уже на средине гремящего боя, не будем.
„Нам обоим легко насказать оскорблений взаимных
„Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
„Гибок язык человека; речей для него изобильно
„Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
„Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
„Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
„Коими, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
„Жены одни, распалившися злостью, сердце грызущей,
„Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
„Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
„Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
„Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем, и скорее
„Силы один у другого на острых изведаем копьях!“

Рек он — и медною пикою в щит и чудесный и страшный
Мощно ударил, — и весь он огромный взревел под ударом.
Быстро Пелид и далёко рукою дебелой от персей
Щит отклонил, устрашася; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучестью их сокрушаться.

Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в средине
И одну золотую: она-то копье удержала.—
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббегала,
Где и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, приникнул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копье, засвистев у него над спиною,
Стало, вонзившися в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих; а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В шлем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посидон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
„Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
„Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аидесу,
„Ложных советов послушав царя Аполлона, который
„Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
„Но за что же теперь неповинный он бедствовать будет?
„Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
„Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
„Боги, решимся, и сами его из-под смерти исторгнем.
„Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
„Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастися,
„Чтобы бесчадный, пресекшийся род не погибнул Дардана,

„Смертного, Зевсу любезного более всех человеков,
„Коих от крови его породили смертные жены;
„Род бо Приама владыки давно ненавидит Кронион.
„Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
„Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться“.

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
„Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
„Должно ль избавить тебе, иль оставить троянца Энея
„Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
„Мы, Посидаон, богини, и я и Паллада Афина,
„Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялися
„Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
„Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
„Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев“.

Геры услышавши речь, Посидаон, земли колебатель,
Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлиял он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрянул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
Там Анхизиду предстал Посидаон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
„Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
„С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
„Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
„С ним и вперед повстречавшися, вспять отступай перед грозным;
„Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.
„После, когда Ахиллес рокового предела достигнет,—
„Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся,
„Ибо другой из ахеян с тебя не похитит корыстей“.

Так Посидон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу:
„Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
„Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
„Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
„Он, полагал я, любовию их напрасно гордится.
„Пусть он скитается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
„Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.
„Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
„Противостанем врагам и других мы троян испытаем".

Рек он — и прянул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:
„Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!
„Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
„Трудно мне одному, и с великою силой моею,
„Столько воюющих толп обойти и со всеми сражаться!
„Нет, ни Арей, не взирая, что бог, ни Афина Паллада
„Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
„Сколько, однакож, смогу я, руками, ногами и силой
„Действовать буду, и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
„Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
„Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!"

Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор
Криком бодрил и грозился итти он против Ахиллеса:
„Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелейона.
„Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
„Но копьем тяжело: божества человеков сильнее.
„Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
„Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
„Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
„Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!"

Рек он, — и грозно трояне в противников подняли копья;
Храбрость смесилась мужей, и воинственный крик их раздался.

Тут, явившися Гектору, Феб возгласил вреброгукий:
„Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
„Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
„Он не уметит копьем, или близко мечом не ударит“.

Рек он,—и Гектор опять погрузился в волны народа,
С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,
Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:
„Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
„Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
„Возле Гигейского озера; бросил отцовские нивы,
„Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!“

Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахеян колесами вкруг истерзали,
Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолёона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шелом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломила и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападеньи.
Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликийского мощного бога
Юношей силой влекомый, и бог Посидон веселится,—
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,

Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегось мимо, в хребет поразил, где застежки златые
Запон смыкали, и где представлялася броня двойная;
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший,—
Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,
Чуть лишь увидел, подпрянул и с радостью гордой воскликнул:
„Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
„Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
„Друг мы от друга не будем по бранному поприщу бегать!"

Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору вскрикнул:
„Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!"

И ему, не смущаясь, ответствовал Гектор великий:
„Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
„Ты устрашить ласкаешься: так же легко и свободно
„Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
„Ведаю, сколько могуч ты, и сколько тебя я слабее.
„Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,
„Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
„Сим копием; на копье и моем остра оконечность!"

Рек — и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпеньем горящий,

Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.
Трижды могучий Пелид на него нападал, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
„Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
„Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
„Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
„Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встретяся после,
„Если и мне меж богов небожителей есть покровитель!
„Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!“

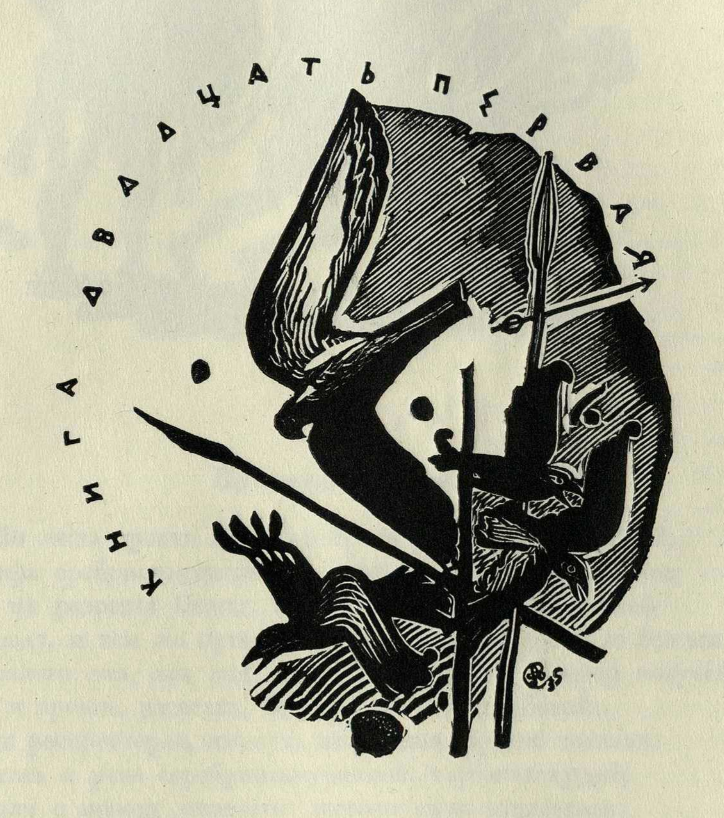
Рек — и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;
Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил, и исторг ему душу.
Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.
Трос же, Аласторов сын, подбежал и колена герою
Обнял, не даст ли пощады и в плен не возьмет ли живого:
Может быть, думал, меня не убьет, над ровесником сжалясь:
Юноша бедный! не знал он, что жалости ждет бесполезно.
Был перед ним не приветный муж и не мягкосердечный,—
Муж непреклонный и пламенный! Трос обхватил лишь колена,
Мысля молить, как весь нож Ахиллес погрузил ему в печень;
Печень в груди отвалилася; кровь, закипевши из раны,
Перси наполнила; очи его, испустившего душу,
Мрак осенил; а Пелид, устремившися, Мулия грянул
В ухо копьем, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Медное жало. За ним он Эхеклу, Агѐнора сыну,
Череп разнес пополам мечом с рукояткой огромной:
Весь разогрелся под кровию меч; и Эхеклу на месте
Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь.
После сразил Девкалиона: гдѐ на изгибистом локте

Жилы сплетаются, там ему руку насквозь прохватила
Острая пика, и стал Девкалион, с рукою повисшей,
Видящий близкую смерть: Ахиллес пересек ему выю,
Голову с шлемом, сотрясши, поверг; из костей позвоночных
Выскочил мозг; обезглавленный труп по земле протянулся.
Он же не медля напал на Пиреева славного сына,
Ригма, который пришел из фракийской земли плодоносной;
Дротом его поразил; острие углубилось в утробу;
Он с колесницы слетел; а Пелид Арейфою вознице,
Коней назад обращавшему, в плечи сияющий дротик
Вбил и сразил с колесницы; и в страхе смешалися кони.

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развевает погибельный пламень,—
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилося черною кровию поле.
Словно когда земледелец волов сопряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
Быстро стираются класы мычащих волов под ногами,—
Так под Пелидом божественным твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся медная ось и высокий полкруг колесницы,
В кои, как дождь, и от конских копыт и от ободов бурных
Брызги хлестали; пылал он добыть между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

Пали сраженные, так они друг другу вместе прилегли.
Острая пика [illegible], с другого исторглась;
[illegible] Агенора [illegible]
Голову с размаху [illegible]
Высоко [illegible]
Он же [illegible]
Рыже [illegible]
[illegible]
Он с [illegible]
Конь [illegible]
[illegible]

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует дебрям
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бурно крутя, развевает повсюду пламень, —
Так он свирепствовал с пикой, ужасному демону равный,
Гнал, поражал; заструилася черною кровью земля.
Словно когда земледелец волов запряжет крепкочелых
Белый ячмень молотить на гумне округленном и гладком;
Быстро стираются класы под ногами мычащих волов, —
Так под Пелидом великим бурноногие кони
Трупы крушили, щиты и шеломы; забрызгана кровью
Снизу вся медная ось и высокий полукруг колесницы,
В оный бьют и от конских копыт и от ободов колесных
Брызги кровавые; так он пылал между смертными славы,
Храбрый Пелид, и в крови обагрял необорные руки.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Приречная битва

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа сребристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий,—
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
Страшно кругом берега загремели; упадшие с воплем
Плавали с места на место, крутяся по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшися с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они устрашенные падают в воду,—
Так от Пелида бегущие, вместе и кони и вои
Ток наполняли гремучий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на бреге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,

С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное в сердце;
Начал вокруг им рубить: поднялися ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глуби залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит,—
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей брегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых средь потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кои в сражениях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он
В плен, не взирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши: царевич смоковницы ветви младые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продал: Эвней Язонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Аризбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки предал Ахиллеса, которому сужено было
В царство Аида низринуть — итти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
(Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел,
По полю всё разбросал, из реки убегающий; пòтом
Он изнурился; с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул, и вещал со своею душой благородной:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу!

„Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
„Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
„Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
„Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
„Бурного моря, которое многих насильственно держит.
„Но нападем, и теперь острия моего Пелиаса
„Пусть он отведает: видеть хочу и увериться сердцем,
„Так же ли он и оттуда воротится, или троянца
„Матерь удержит земля, которая держит и сильных“.

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избегнуть и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грянуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копье, у него засвистев над спиною,
В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копье захватил, и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
„Ноги объемлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
„Я пред тобою стою, как молитель, достойный пощады!
„Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
„В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.
„После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
„В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчия цену;
„Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
„С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
„Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
„Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Крониону Зевсу,
„Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
„Матерь меня Лаофоя, дочь престарелого Альта,
„Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
„Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.
„Дочерь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
„Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
„Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;

„Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
„То ж и со мною несчастие сбудется! Знаю, могучий!
„Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приближил!
„Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
„Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
„Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!“

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
„Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?
„Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
„Миловать Трои сынов иногда мне бывало приятно.
„Многих из вас полонил, и за многих выкуп я принял.
„Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
„В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
„Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
„Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
„Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
„Видишь, каков я и сам, и красив и величествен видом;
„Сын отца знаменитого, матерь имею богиню!
„Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
„Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
„Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
„Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука“.

Так произнес,— и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вонзил у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность; ниц он по черному праху
Лег, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
„Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вкруг язвы
„Кровь у тебя нерадиво оближут! Не матерь на ложе
„Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
„Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.

„Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
„Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
„Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
„Вы, убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
„Вас не спасет ни могучий поток, серебристопучинный
„Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
„В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих:
„Все вы изгибнете смертию лютой; заплатите вы мне
„Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
„Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!“

Так говорил он,— и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
Ветвь Пелегона, которого Аксий широкотекущий
С юной родил Перибоею, Акессаменовой дщерью
Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
Вышел, двумя потрясающий копьями; храбрость пеонцу
Ксанф ниспослал: раздражался бессмертный за юношей красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
Чуть систупились они, устремляяся друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:
„Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне выйти?
„Дети одних несчастных встречаются с силой моею!“

И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
„Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
„Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
„Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
„Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
„Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,
„Аксий, водою прекраснейшей недры земные поящий:
„Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают,
„Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!“

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный:
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссаднил десную:
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.
Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав Пелегонида, в берег высокий ударил
И вогнал до средины огромное дерево в берег.
Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прянул, а тот Ахиллесовский ясень
Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но, в четвертый он раз лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень,—
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал, и вещал, величаясь победой:
„В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
„Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
„Ты от реки широкой своим величаешься родом;
„Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
„Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
„Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.
„Сколько Зевес многомощнее рек, убегающих в море,
„Столько пред чадами рек многомощнее чада Зевеса!
„Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
„Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
„С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
„Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
„Тот, из которого всякий источник и всякое море,
„Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;

„Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
„И ужасного грома, когда от Олимпа он грянет“.

Рек — и из брега стремнистого вырвал огромную пику.
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого: там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
Там он убил Ферсилоха, Энѝя вождя и Мидона,
Сверг Астипила и Фразия, сверг Офелеста и Мнесса.
Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
„О Ахиллес! и могуществом сил и грозою деяний
„Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
„Если Кронион троян на погибель всех тебе предал,
„Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
„Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
„Более в море священное волн проливать не могу я,
„Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
„О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!“

Ксанфу не медля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
„Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
„Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
„В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
„Он ли меня укротит, иль надменного сам укрощу я“.

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
„Бог сребролукий, Крониона сын, не блюдешь ты заветов
„Зевса Кронида! Не он ли тебе повелел, олимпиец,
„Трои сынов защищать неотступно, пока не прострется
„Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет“.

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушуя.
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась, и мертвых погнала,
Коими волны ее Ахиллес, убивая, наполнил:
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но живых укрывая в пучинных пещерах широких,
Их защитила своими катящимись пышно водами.
Страшное вкруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упадая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстроточные воды
Вѐтвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, исскоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
В подвигах бранных, и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лета,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
Страшно вкруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатистым; он и вождя далеко упреждает,—
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
Несколько раз его вал излиянного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко

Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
„Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
„Спасть из реки злополучного? После и всё претерпел бы...
„Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
„Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
„Матерь твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
„Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть.
„Что не убит я Гектором! Сын Илиона славнейший,
„Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
„Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;
„Лечь в пучинах реки, как младой свинопас, поглощенный
„Бурным потоком осенним, который хотел перебресть он!“

Так говорил,—и незапно ему Посидон и Афина
Вместе явились, приближились, образ приняв человеков;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посидон, потрясающий землю:
„Храбрый Пелид! ничего не страшися, ничем не смущайся.
„Мы от бессмертных богов, изволяющу Зевсу Крониду,
„Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
„Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
„Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
„Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
„Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
„Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
„Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
„В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу“.

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились к бессмертным.
Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.
Множество пышных оружий, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержать, облеченного в крепость Афиной.

Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захолмивши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоису:
„Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
„Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
„Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
„Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
„Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
„Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
„Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
„Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
„Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
„Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
„Лягут и черной покроются тиною; ляжет и сам он.
„Я и его под песком погребу и громадою камней
„Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
„Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!
„Там и могила его, и не нужно ахеянам будет
„Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!"

Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны реки, излиявшейся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излиянная Зевсом;
Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
„В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
„Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
„Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
„Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
„Быстро от брега морского жестокую бурю воздвигнуть;
„Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
„Страшный пожар разносящая. Ты по брегам у Скамандра
„Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
„Ласковой речью его, не смущайся угрозами бога;

„И не смиряй ты пламенной силы, пока не подам я
„Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный".

Так повелела,— и сын устремил пожирающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень Борей вертоград, усыренный дождями,
Скоро сушит и его удобрятеля радует сердце,—
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда заныряли,
В пламенном духе томясь многоумного Амфигиея.
Вспыхнул и самый поток и, пылающий, так возопил он:
„Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не осилит!
„Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышущим, в битву!
„Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
„Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!"

Так говорил, и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,
Если он, вепря огромного тук растопляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сушью,—
Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
„Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
„Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
„Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
„Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
„Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
„Трои сынов никогда не спасать от суровой годины,

„Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
„Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!“

Речи такие услышав, лилейнораменная Гера
Быстро богиня к Гефесту, любезному сыну, вещала:
„Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
„Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!“

Так повелела,— и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиесь воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, сама негодуя.

Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афину,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
„Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
„Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
„Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
„Ранить меня, и сама, перед всеми копье ухвативши,
„Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
„Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!“

Рек, и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бессилен и пламенный гром молневержца;
В оный копьем длиннотенным ударил Арей исступленный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный

Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
„Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
„Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
„Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
„В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
„Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!“

Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стенящего; всилу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дщери Афине крылатую речь устремила:
„Непобедимая дщерь воздымателя облаков Зевса!
„Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
„С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!“

Так изрекла,—и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
„Если б и все таковы защитители Трои высокой
„Были, на брань выходя против медноорүжных данаев,
„Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита,
„Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!
„О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
„Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!“

Так говорила,—и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда к Аполлону вещал Посидон земледержец:
„Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
„Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
„Оба придем на Олимп, в меднозданный дом олимпийца!
„Феб, начинай; ты летами юнейший,—но мне неприлично:
„Прежде тебя я родился и боле тебя я изведал.
„О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,

„Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
„Мы от бессмертных одни? Повинуяся воле Кронида,
„Здесь Лаомѐдону гордому мы, за условную плату,
„Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
„Я обитателям Трои высокие стены воздвигнул,
„Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
„Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
„Пас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
„Но, когда нам условленной платы желанные Горы
„Срок принесли, Лаомѐдон жестокий насильно присвоил
„Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
„Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги,
„И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
„Нам обоим похвалялся отсечь в поругание уши.
„Так удалилися мы, на него негодуя душою.
„Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
„Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
„Нам поспешать, да погибнут навек вероломцы трояне,
„Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!“

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
„Эннosигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
„Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
„Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
„То появляются пышные, пищей земною питаясь,
„То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посидàон,
„Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!“

Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господыня,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
„Ты убегаешь, стрелец! и царю Посидону победу
„Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
„Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
„С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида

„Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
„С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву“.

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими так Артемиду язвила:
„Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь
„Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
„Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами львицей
„Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
„Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
„Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
„Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
„Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!“

Так лишь сказала, и руки богини своею рукою
Левой хватает, а правою, лук за плечами сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вкруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И наконец убежала в слезах. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Так Артемида в слезах убежала и лук свой забыла.
Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
„Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
„Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
„Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
„Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила“.

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врознь по песчаным зыбям разлетевшиесь легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кронион
К сердцу дочерь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
„Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
„Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?“

Зевсу прекрасно венчанная ловли царица вещала:
„Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
„Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает“.

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благозданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратилися вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славой сияя.
Сели они вкруг отца громоносного. Сын же Пелеев
В грозном бою истреблял и троян и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвизаем:
Всем он труды, и печали несчетные многим наносит,—
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
„Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
„В город все не укроются, с поля бегущие: близок
„Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель!
„Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
„Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
„Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!“

Рек он,— и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.
Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчалися; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.
Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,

Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агёнора мужа,
Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.
Феб ему сердце наполнил отвагой, и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшися облаком темным.
Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:
„Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
„В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом,—
„Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
„Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
„Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
„Брошусь бежать по илийскому полю, пока не достигну
„Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
„Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
„И, освежася, под сумраком вновь в Илион возвращуся.
„Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
„Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
„Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
„О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
„Сей человек несравненно могучее всех человеков!
„Если ж ему самому перед градом я противостану?..
„Тело его, как и всех, проницаемо острою медью;
„Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным;
„Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!“

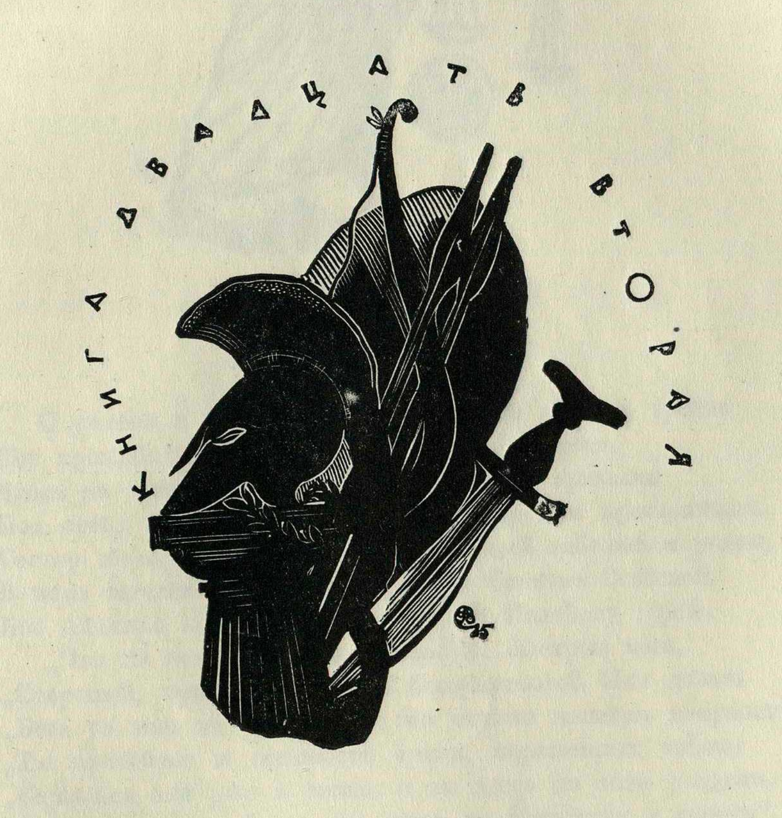
Так произнес — и, уставясь на бой, нажидал Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
Прямо выходит на мужа ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;
Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, не взирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит, или сам не прострется,—
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агёнор,
С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.

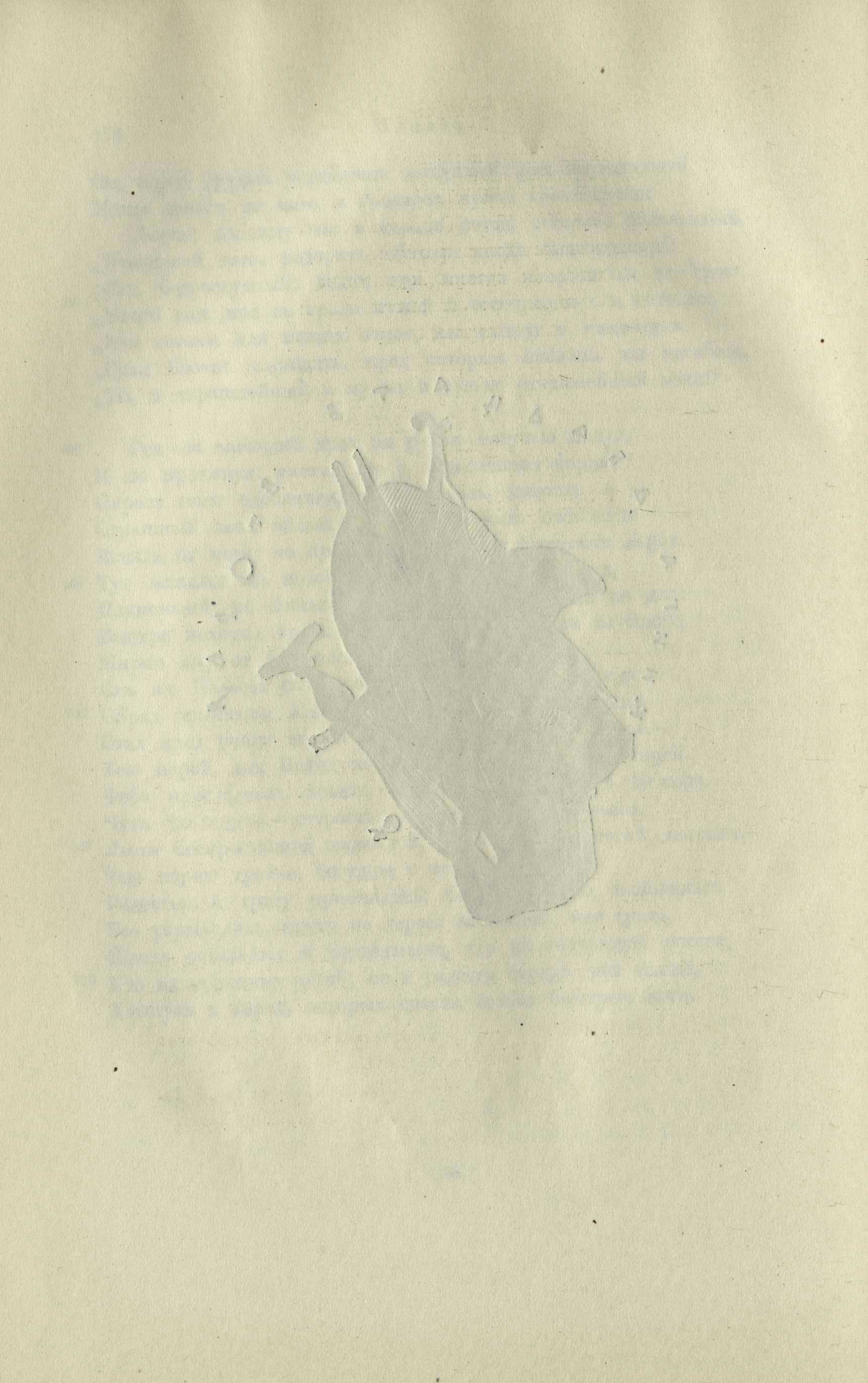
*

Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
„Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
„Нынешний день разорить обитель троян благородных?
„Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
„Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
„Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
„Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель,
„Ты, и страшнейший в мужах и душою отважнейший воин!“

Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное бердо;
Окрест ноги оловянная, новая кована, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ноги; не прошла, отраженная божеским даром.
Тут Ахиллес на подобного богу Агёнора прянул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украситься не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
Образ принявши Агёнора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться.—
Тою порой, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,
Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа,
Чуть уходящего,— хитростью бог обольщал человека,
Льстя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит,—
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

*

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Умерщвление Гектора

С ужасом в город вбежав, как олени младые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняяся; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам преклонивши.
Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
„Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
„Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
„Бога во мне не узнал, что без отдыха пышешь свирепством?
„Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
„Скрылись они уже в стены; а ты здесь по по̀лю рыщешь.
„Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти“.

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
„Так, обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
„В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
„Землю зубами глодать до того, как сокрылися в Трою!

„Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илиона
„Спас без труда, ничьего не страшася отмщения после...
„Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!“

Так произнес он, и к граду с решимостью гордой понесся
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю,—
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полем летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
Всех светозарнее блещет, но знаменьем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным,—
Так у героя бегущего медь вкруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъемлет и горестным голосом вопит,
Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
„Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
„В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины,
„Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
„Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
„Сколько мне: о, давно б уже труп его псы растерзали!
„Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
„Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
„Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
„Вот и теперь, Ликаона нет, и нет Полидора;
„Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
„Юношей милых, рожденных царицею жен Лаофоей.
„О! если живы они, но в плену,—из ахейского стана
„Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
„Много сокровищ за дочерью выдал мне Альт знаменитый.
„Если ж погибли они и уже в Аидесовом доме,
„Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!

„Но народу троянскому горести менее будет,
„Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
„Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да спасешь ты
„Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
„Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
„О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
„Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
„Казнью ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
„Видеть сынов убиваемых, дщерей в неволю влекомых,
„Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
„Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
„И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
„Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем
„Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
„Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
„Псы, что вскормил при моих я трапезах, привратные стражи,
„Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
„Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
„Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью:
„Всё у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
„Если ж седую браду и седую главу человека,
„Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
„Участи более горестной нет человекам несчастным!“

Так вопиял, и свои серебристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвигнул.
Матерь за ним на другой стороне возопила, рыдая;
Перси рукой обнажив, а другою на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
„Сын мой! почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной!
„Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
„Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
„В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
„Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
„Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
„Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
„В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!“

Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли,—но Гектора в персях души не подвигли:
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегось прямо.
Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняся злобой,
В стороны страшно глядит, извиваяся вкруг над пещерой,—
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
„Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
„Первый Полидамас на меня укоризны положит:
„Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
„В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.
„Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
„Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
„О! стыжуся троян и троянок длинноодеждых.
„Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
„Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу!
„Так илионяне скажут.—Стократ благороднее будет
„Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться,
„Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
„Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
„Шлем тяжелый сложу и, копье прислонивши к твердыне,
„Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
„Если ему обещаю Елену и вместе богатства
„Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
„С нею привез в Илион,—роковое раздора начало!—
„Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
„Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
„Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
„Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
„Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
„Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
„Я не пойду, как молитель!—Не сжалится он надо мною,
„Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
„Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.
„Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня

„Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девой:
„Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
„Нам же к сражению лучше сойтись! и не медля увидим,
„Славу кому между нас даровать олимпиец рассудит!“

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече.
Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
Будто огонь пылающий, будто всходящее солнце.
Гектор увидел, и страх его обнял; больше не мог он
Там оставаться; от Скейских ворот побежал устрашенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.
Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить,—
Так он за Гектором пламенный гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убегал и быстро оборачивал ноги.
Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчалися, где с быстротою
Два вытекают источника быстропучинного Ксанфа.
Теплой водою струится один, и кругом непрестанно
Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная влага.
Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
Там пристали они, и бегущий, и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев;
Нет, об жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони

Окрест меты беговой с быстротою чудесною скачут,—
Славная ждет их награда, младая жена иль треножник,—
Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиесь. Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
„Горе! любезного мужа, гонимого около града,
„Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
„Гектор, муж благодушный, тельчие, тучные бедра
„Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
„Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
„Гектора около града преследует, бурный ристатель.
„Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
„Гектора мы сохраним ли от смерти, или напоследок
„Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа“.

Зевсу не медля рекла светлоокая дева Паллада:
„Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
„Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
„Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
„Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!“

Ей не медля ответствовал тучегонитель Кронион:
„Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
„Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю.
„Волю твори и желание сердца не медля исполни“.

Рек—и возжег еще боле пылавшую сердцем Афину;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросясь.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегось, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет,—
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,

Где бы трояне его с высоты защитили стрелами,—
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держася твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он возбуждал Приамиду и силы и быстрые ноги.
Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился.
Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
„Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
„Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
„Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
„Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
„Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
„Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.
„Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою,
„И сама преклоню, да противу тебя он сразится“.

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:
„Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
„Около града Приамова бурным преследуя бегом.
„Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!“

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
„О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
„Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
„Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
„Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
„Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются“.

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
„Гектор, меня умоляли отец и почтенная матерь,
„Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
„С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.
„Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
„Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
„Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
„Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
„К черным судам повлечет, иль копьем он твоим укротится!“

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
„Сын Пелеев, тебя убегать не намерен я боле!
„Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
„Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
„Стать и сразиться с тобою; убью, или буду убит я!
„Прежде ж богов мы возьмем во свидетельство; лучшие будут
„Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
„Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
„Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
„Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
„Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни“.

Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
„Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
„Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
„Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца;
„Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга,—
„Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
„Быть между нами не может, поколе один, распростертый,

„Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
„Всё ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен
„Быть копьеборцем отличным и воином неустрашимым!
„Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогена
„Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
„Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!“

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
Быстро приник он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
„Праздeн удар! и ни мало, Пелид, бессмертным подобный,
„Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
„Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
„С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
„Нет, не бежать я намерен; копье не в хребет мне вонзишь ты;
„Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
„Ежели бог то судил! Но копья и сего берегися
„Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!
„Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
„Если б тебя сокрушил я, тебя, их лютейшую гибель!“
Рек он — и, мощно сотрясши, копье длиннотенное ринул,
И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;
Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
Гектор, узрев, что копье бесполезно из рук излетело;
Стал и очи потупил: копья не имел он другого.
Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
Требует нового дротика острого: нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
„Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
„Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
„Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
„Возле меня — лишь смерть! и уже не избыть мне ужасной!
„Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
„Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде

„Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
„Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
„Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!“

Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
С места, напрягшися, бросился, словно орел небопарный,
Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадает,
Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить,—
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
Зыблется светлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее,—
Так у Пелида сверкало копье изощренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
Часть обнажалася, место, где гибель душе неизбежна:
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
Грянулся в прах он,— и громко вскричал Ахиллес, величаясь:
„Гектор, Патрокла убил ты, и думал живым оставаться!
„Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
„Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
„Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
„Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
„Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне“.

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
„Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.

„О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;
„Меди, ценного злата, сколько желаешь ты, требуй;
„Вышлют тебе искупленье отец и почтенная матерь;
„Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
„Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили“.

Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
„Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
„Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
„Тело сырое твое пожирал бы я; то ты мне сделал!
„Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
„Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне
„Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
„Если тебя самого прикажет на золото взвесить
„Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
„Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
„Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!“

Дух испуская, к нему провещал шлемоблещущий Гектор:
„Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты моленьем
„Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
„Но трепещи, да не буду тебе я божиим гневом
„В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
„Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!“

Так говорящего, Гектора мрачная смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
Крикнул еще: „Умирай! а мою неизбежную смерть я
„Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!“

Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаяся, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши;

„О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
„Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!“

Так не один говорил, и копьем прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахеян, и к ним устремил он крылатые речи:
„Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
„Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
„Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
„Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
„Граждан троянских изведаем помыслы, как полагают:
„Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
„Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
„Но каким помышлениям сердце мое предается!
„Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
„Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я
„Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
„Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
„Буду я помнить и там моего благородного друга!
„Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
„Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
„Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
„Гектор, которого Трои сыны величали, как бога!“

Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезн и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
Стал в колесницу и, пышный доспех на показ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
Вся голова почернела под перстию.— Мать увидала,
Рвет седые власы, дорогое с себя покрывало
Мечет далёко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане

Подняли плач; раздавалися вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом исступленного горестью старца,
Рвавшегось в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
Он говорил, называя по имени каждого мужа:
„Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
„Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
„Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
„Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть, дряхлой
„Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
„Старца Пелея, который его породил и взлелеял
„К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приама!
„Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
„Но обо всем сокрушаюсь я менее, чем об едином!
„Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
„Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
„Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
„Я, безотрадный отец, и его злополучная матерь!“

Так говорил он, рыдая; и с старцем стенали трояне.
Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
„Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
„Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
„Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
„Жен и мужей илионских! Тебя, как хранителя бога,
„Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
„В жизни своей; и тебя, нам бесценного, смерть обымает!“

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за вратами в поле остался.
Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огнь развести под великим треногом, да будет готова

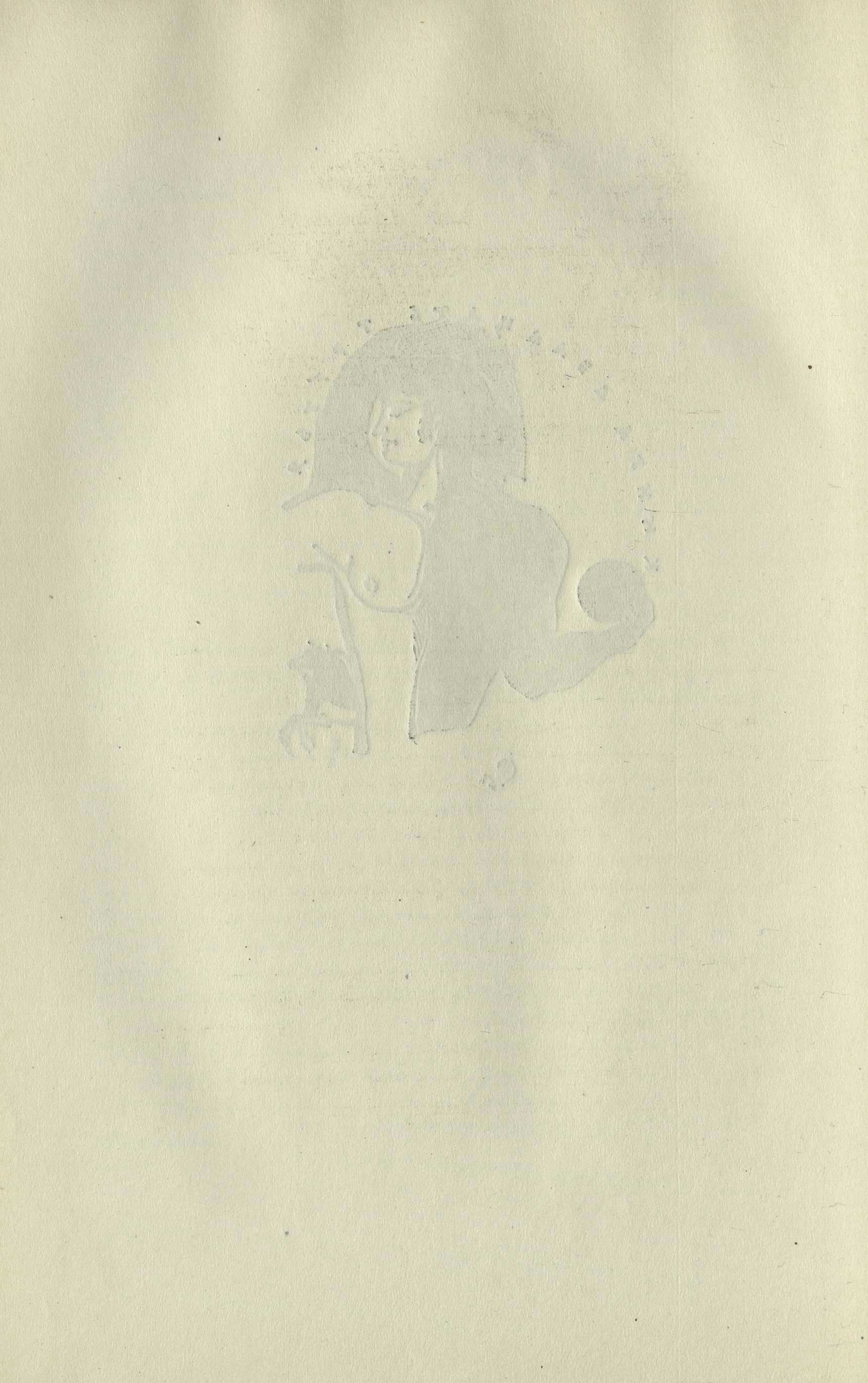
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится:
Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирён светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:
„Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось.
„Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
„Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
„Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
„О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
„Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
„В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
„Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
„Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
„Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!“

Так произнесши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный,
Стала, со стен оглянулась кругом, и его увидала
Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
Полем его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалося, дух испустила.
Спала с нее и далёко рассыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сеть и прекрасно плетеные тёсмы;
Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Гетиона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала, и так среди жен говорила:
„Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
„Оба родилися: ты в Илионе, в Приамовом доме,
„Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,

„В доме царя Гетиона; меня возрастил он от детства,
„Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
„Ты, о супруг мой, в Аидовы домы, в подземные бездны
„Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
„В доме вдовою; а сын, злополучными нами рожденный,
„Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
„В жизни отрадою, Гектор,—ты пал!—ни тебе он не будет!
„Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
„Труд беспрерывный его, бесконечное горе в грядущем
„Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
„С днем сиротства сирота и товарищей детства теряет;
„Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
„В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
„То одного, то другого смиренно касается ризы,—
„Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
„Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
„Чаще ж его от трапезы счастливец семейственный гонит,
„И толкая рукой и обидной преследуя речью:
„Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует с друзьями!
„Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
„Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
„Мозгом лишь агнцев питался и туком овец среброрунных;
„Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
„Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
„В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
„Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
„Астианакс наш! которого так называют трояне,
„Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
„Гектор; а ныне, у вражьих судов, далеко от родимых
„Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
„Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,
„Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
„Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!
„Сделал ты их бесполезными; в них и лежать ты не будешь!
„В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!“

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Погребение Патрокла. Игры

Так сокрушались трояне по граду. В то время ахейцы,
К черным своим кораблям возвратяся, на брег Геллеспонта,
Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.
Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:
„Быстрые конники, верные други мои, мирмидонцы!
„Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
„Мы на конях, в колесницах, приблизимся все и оплачем
„Друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью.
„Но, когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
„Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем“.

Рек — и рыдание начал; и все зарыдали дружины.
Трижды вкруг тела они долгогривых коней обогнали
С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.
Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал,

Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:
„Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме!
„Всё для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
„Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
„Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
„Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!“

Рек—и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони
Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса героя
Сели; а он учреждал им блистательный пир похоронный.
Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,
Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
Окрест разложено было на ярком огне обжигаться:
Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.
Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
С многим трудом убедив, огорченного гневом за друга.
Сонму пришедшему к сени Атреева мощного сына,
Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль к просьбе
Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.
Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:
„Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
„Нет, моей головы не коснется сосуд омовений
„Прежде, чем друга огню не предам, не насыплю могилы
„И власов не обрежу! Другая подобная горесть
„Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!
„Но поспешим и приступим не медля к ужасному пиру.
„Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, заутра
„Леса к костру навозить и на береге всё уготовить,
„Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.
„Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
„Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит“.

Так говорил,— и внимательно слушав, ему покорились.
Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

Только Пелид на брегу неумолкношумящего моря
Тяжко стенящий лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные билися в берег.
Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.
Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.
Стала душа над главой и такие слова говорила:
„Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал?
„Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль будешь?
„О! погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!
„Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
„И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
„Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.
„Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
„Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!
„Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских
„Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,
„Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.
„Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,
„Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!
„Слово еще я реку: завету внимай и исполни.
„Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;
„Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали
„В ваших чертогах. Младого меня из Опуса Менетий
„В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,
„В день злополучный, когда малосмысленный я ненарочно
„Амфидамасова сына убил, раздражася за козон.
„В дом свой приняв благосклонно меня, твой отец благородный

„Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.
и кости наши гробница одна сокрывает,
„Урна златая, Фетиды матери дар драгоценный!“

Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:
„Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?
„Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,
„Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.
„Но приближься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью
„И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!“

Рек — и жадные руки любимца обнять распростер он;
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма, сквозь землю
С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,
И руками всплеснул, и печальный так говорил он:
„Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
„Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!
„Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
„Всё надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
„Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!“

Так говорил — и во всех возбудил он желание плакать.
В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
Около тела печального.— Царь Агамемнон с зарею
Месков яремных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними восстал и почтенный
Муж Мерион, Девкалида героя служитель разумный.
Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними;
Часто с крутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.
К холмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Вдруг изощренною медью высоковетвистые дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
Падают; быстро древа рассекая на бревна, данаи
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарник.
Все древосеки несли совокупно тяжелые бревна:

Так Мерион повелел, Девкалидов служитель разумный;
Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

Страшную леса громаду сложив на брегу Геллеспонта,
Там аргивяне остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялися они и оружием быстро покрылись;
Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менетида Патрокла,
Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.
Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.

К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри,
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;
Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:
„Сперхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
„Там, когда я возвращуся в любезную землю родную,
„Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
„И тебе ж посвятить пятьдесят овнов плодородных,
„Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
„Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
„Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
„Храбрый Патрокл унесет Ахиллесовы кудри в могилу!“

Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроклом оставило б, верно, и солнце,
Если бы скоро Пелид не простер к Агамемнону слова:
„Царь Агамемнон, твоим повеленьям скорей покорятся
„Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.
„Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят

„Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
„Требует мертвый. Ахеян вожди да останутся с нами".

Выслушав речи его, повелитель мужей Агамемнон
Весь не медля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели: лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранным, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;
Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил;
Бросил туда ж и двенадцать юношей храбрых троянских,
Медью убив их; жестокие в сердце дела замышлял он.
После, костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:
„Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!
„Всё для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
„Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
„Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
„Гектора, нет! не огню на пожрание, псам я повергну!"

Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
Их от него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амврозическим маслом
Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.
Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
С неба до самой земли, и пространство, покрытое телом,
Тению всё осенил, да от силы палящего солнца
Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

Но костер между тем не горел под мертвым Патроклом.
Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:

Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
Ветрам Борею и Зѐфиру, жертвы для них обещая.
Часто кубком златым возливал он вино и молил их
К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь.— Златокрылая дева Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
Кои в то время, собравшись у Зѐфира шумного в доме,
Весело все пировали. Ириса, принесшися быстро,
Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
С ними сидеть отказалась богиня, и так говорила:
„Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
„В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
„Жителям неба, и я приношений участницей буду.
„Мощный Борей и Зѐфир звучащий! вас призывает
„Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
„Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
„Где он лежит, и об нем сокрушаются все аргивяне“.

Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
С шумом ужасным несяся и тучи клубя пред собою.
К понту примчались, неистово дуя, и пенные волны
Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
Все на костер налегли,— и огонь загремел, пожиратель.
Ветры всю ночь волновали высоко крутящеесь пламя,
Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,
Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.
Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных,—
Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит,
И над морем заря расстилается ризой златистой,
Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.

Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалёко,
Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.
Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих прервали сон его краткий;
Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
„Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
„Время костер угасить; вином оросите багряным
„Всё пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
„Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
„Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
„Друг наш лежал на средине костра; но далёко другие
„С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
„Кости в фиал золотой, двойным окруживши их туком,
„Вы положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
„Гроба над другом моим не хочу я великого видеть;
„Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
„Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
„После меня при судах мореходных останетесь живы“.

Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлися они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красно-опоясанных жен, и седое железо.

Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,

Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.
Стал наконец Ахиллес, и так говорил меж ахеян:
„Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
„Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
„Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,
„Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.
„Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
„Дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею,
„Сам Посидон даровал; а отец мой мне подарил их.
„Но не вступаю я в спор, ни мои двуконогие кони.
„О! потеряли они знаменитого их властелина,
„Друга, который, бывало, сам их волнистые гривы
„Чистой водой омывал и умащивал тучным елеем.
„Ныне они по featuresвознице тоскуют; стоят, разостлавши
„Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
„К играм другие устройтеся, каждый из воев ахейских,
„Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен“.

Так Ахиллес говорил им, — и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмел, повелитель мужей знаменитый,
Сын скиптроносца Адмета, искусством возничества славный.
После него укротитель коней Диомед нестрашимый;
Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.
Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
Эфу царя Агамемнона с собственным верным Подаргом,
Эфу, которую в дар Эхепо̀л Анхизид Атрейону
Дал, чтоб ему не итти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
Был одарен он великим и жил в Сикионе обширном;

Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюсь к бегу.
Вслед и младой Антилох снарядил коней пышногривых,
Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
Нестора старца; пилосские кони его колесницу
Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
Начал советовать, опытный старец разумному сыну:
„Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
„Зевс и благой Посидон, и в ристательной хитрости всякой
„Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.
„Мастер ты коней ворочать вкруг мет; но пилосские наши
„Кони в бегу тяжелы; опасаюсь, беды б не случилось.
„Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
„Меньше искусны, чем ты, в изобретеньи быстром пособий.
„Так, не робей; приготовься, любезный: душою искусство
„Всё обойми, да из рук не упустишь наград знаменитых.
„Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;
„Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
„Легкий правит корабль, игралище буйного ветра:
„Так и возница искусством одним побеждает возницу.
„Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
„Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно кружася;
„Кони по поприщу носятся; он и сдержать их бессилен.
„Но возница разумный, коней управляя и худших,
„Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
„Как от начала ристания конскими править браздами:
„Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.
„Цель я тебе укажу; просмотреть берегися: ты видишь,
„Древо сухое стоит, от земли, как сажень маховая,
„Старая сосна иль дуб, под дождями не скоро гниющий;
„Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
„В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
„То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
„Или подобная ж цель у старинных была человеков;
„Столп сей и ныне метою избрал Ахиллес быстроногий.
„К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
„Сам же, крепко держась в колеснице красивоплетенной,
„Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,

„Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
„Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнется
„Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
„Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
„Можешь коней изувечить, или раздробить колесницу,
„В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!
„Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
„Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
„Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскачет,
„Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейоне,
„Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
„Иль на конях Лаомѐдона, славных Троады питомцах!“

Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее всё изъяснив Антилоху.

Пятый — герой Мерион снарядил коней пышногривых.
Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Пелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмеду владыке;
Третий Атрееву сыну, царю аргивян Менелаю;
Выпал за ним Мериону вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.
Стали порядком; мету им далекую на̀ поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвенья; и разом помчалися по̀ полю кони
Вдоль от судов с быстротою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь.
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,

Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

Но, когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро
Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.
Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Троские кони, и, чуть лишь отставшие, мчалися близко,
Так что, казалось, хотят на Эвмела вскочить колесницу;
Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
И, на плечах Адметида лежа головами, летели.
Он, Диомед, обскакал бы, иль равною б сделал победу,
Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;
Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;
Кони ж его отставали, ударов бича не боясь.
Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
Сыну Тидея: настигла богиня царя Диомеда,
Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;
К сыну ж Адмета она устремившися, полная гнева,
Конский разбила ярем, и его кобылицы лихие
Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;
Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь;
До крови локти осаднил, изранил и губы и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз, и поднявшийся голос прервался.
Мимо его Диомед проскакал на конях звуконогих,
И далеко впереди заблистал перед всеми: Афина
Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.
После Тидида скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
Но Антилох настигал и кричал на отеческих коней:
„О, выноситесь вперед, расстилайтеся, кони, быстрее!
„Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
„Сына Тидеева храброго, коим Паллада богиня
„Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.

„Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
„Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрыла
„Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!
„Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
„Более неги себе от владыки народов Нелида
„Дома не ждите: убьет вас сегодня же острою медью,
„Если по лености вашей награду последнюю снищем.
„О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
„Я ж постараюся сам и искусно выгадывать буду,
„Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся“.

Так говорил Антилох,— и, страшася угроз властелина,
Кони резвее скакали, но время не долгое: скоро
Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил:
Рытвина там пролегала; вода, накопляясь зимою,
Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.
Правил туда Менелай, колесниц опасаяся сшибки.
Но Антилох, своротивши, направил коней звуконогих
Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.
Царь Менелай устрашился и к Нестора сыну воскликнул:
„Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
„Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;
„Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!“

Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.
Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу,—
Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на прах, за победой риставшие оба.
Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрый:
„Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
„Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!
„Средством, однакож, таким не получишь ты мзды без присяги!“

Так произнес он, и громким голосом крикнул на коней:
„Что у меня отстаете и что унываете, кони?
„Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
„Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!“

Так восклицал,—и они, устрашася угроз властелина,
Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.
Первый Идоменей распознал приближавшихся коней;
Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
Сильно отличного: весь багряногнедый, на челе лишь
Признак имел он родимый, как месяц и светлый и круглый.
Идоменей приподнялся и так говорил к аргивянам:
„Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
„Я ли один примечаю коней, или видите все вы?
„Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
„Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
„Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;
„Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
„Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
„Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.
„Верно, из рук Адметида бразды убежали; не мог он
„Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно:
„Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
„И умчались с дороги его обуялые кони.
„Но, подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
„Вижу не ясно, но кажется мне, что ристатель передний—
„Муж этолийский, воинственный царь ополчений аргосских,
„Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный“.

Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оилеев:
„Что наперед, Девкалион, болтаешь ты? Те ж кобылицы
„Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!

„Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами;
„Очи твоей головы не острее других проницают!
„Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
„Здесь пустословить; и лучше тебя здесь присутствуют мужи!
„Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
„Сына Адметова; сам он и едет и правит браздами".

Вспыхнувши гневом, Аяксу ответствовал Крита властитель:
„Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
„Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!
„Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
„Спора свидетелем мы изберем Агамемнона оба:
„Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!"

Так говорил он,—и быстро поднялся Аякс Оилеев,
Пышущий гневом, готовый ответствовать речью суровой.
И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:
„Идоменей, Оилид, говорить перестаньте в народе
„Злые, обидные речи: вас недостойное дело!
„Сами осудите вы и других, начинающих то же.
„Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
„Скоро и сами они, распаленные жаждой победы,
„К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
„Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских".

Он говорил,—как летящий к концу Диомед показался.
Хлещет сплеча он бичом по коням; а дымящиесь кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
Брызги песка от копыт беспрерывные прыщут в возницу;
Пышная оловом, златом нарядная вкруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
Чуть оставляют: с такою горячностью кони летели!
Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прянул,

Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
Сильный Сфенел: прибежал и с веселием взял он награду;
Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
К куще представить велел он, а сам распрягал колесницу.

После Тидида младой Антилох пригнал колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;
Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
Близко летел, как от обода конь, в колесницу впряженный
И во весь свой опор по полям властелина несущий;
Хвост у него меднооблещущей шины касается краем;
Так он близко бежит и таким расстоянием малым
Он отделен от колес, по широкому полю бегущий,—
Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;
После он скоро догнал: возрастала в бегу беспрестанно
Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.
Но Мерион, предводителя критян могучий сподвижник,
Гнал, на полет копия от царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые критские кони;
Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.
В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:
„Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!
„Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
„Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея“.

Так говорил,— и одобрили все Ахиллесово слово;
Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:
„Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
„Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты

„Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?
„И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
„Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
„Если Эвмела жалеешь, и столько тебе он любезен,
„Есть у тебя в кораблях изобильно и злата и меди;
„Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:
„Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
„После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;
„Сей же из рук я не выдам,— а кто из ахеян желает,
„Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!“

Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
Радуясь другом младым: Антилоха любил он, как друга.
Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:
„Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
„Дал я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.
„Дам ему латы, которые добыл я с Астеропея,
„Медные; их оконечность литая струя окружает
„Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин“.

Так произнесши, Пелид повелел Автомѐдону другу
Вынесть из куши; и тот, устремившися, вынес и отдал
В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
Подал; и стал говорить воинственник, богу подобный:
„Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
„Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
„Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
„Но рассудите, ахеян владыки и мужи совета,
„Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.
„Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
„Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
„Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
„Были слабее, лишь сам он могучее властью и силой.—
„Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,

„В сонме не будет никто укорять: справедлив приговор мой.
„Несторов сын благородный, приближься сюда и, как должно,
„Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
„Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
„Коней касаясь, клянись Посидàоном, землю держащим,
„Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу“.

Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
„Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
„Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;
„Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:
„Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
„Сердце смягчи, Менелай; а награду мою, кобылицу,
„Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
„Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
„Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
„Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!“

Рек — и, подведши коня, младой Несторид благородный
В руки отдал Менелаю герою; и в персях Атрида
Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины,—
Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.
К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:
„Ныне я сам, не взирая на гнев мой, тебе уступаю,
„Несторов сын! Никогда безрассуден, нижѐ легкомыслен
„Ты не бывал: победила рассудок единая младость.
„После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
„Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
„Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
„Сам ты и храбрый отец твой и брат, за меня подвизаясь.
„К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
„Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
„Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был“.

Так произнес — и коня Менелай Антилохову другу
Отдал Ноѐмону; сам же избрал рукомойник блестящий.
Злато, четвертую мзду, получил Мерион по заслуге,

Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
Круглый фиал двусторонний: его Ахиллес быстроногий,
Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:
„Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей
„Памятник грустный Патрокловых похорон: между живущих
„Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
„Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,
„Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости бега
„Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость“.

Рек — и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;
Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу:
„Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
„Члены мои ослабели; ни ноги, любезный, ни руки
„Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.
„Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
„Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
„Тризны творили, а дети царя предложили награды!
„Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
„Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
„Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
„Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
„Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
„Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
„Только одними конями меня премогли Акториды;
„Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
„Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
„Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
„Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
„Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
„Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
„Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!
„Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
„Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
„Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
„Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.
„Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!“

Так произнес,—и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
Меск—победителю мзда; побежденному—кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
„Чада Атрея, и вы, меднолатные мужи ахейцы!
„Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
„Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
„Даст устоять, и кого победителем все мы признаем,
„Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;
„Кубок же сей двоедонный боец побежденный получит“.

Рек он,—и быстро восстал человек и огромный и мощный,
Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
Меска рукой жиловатой за гриву схватил, и кричал он:
„Выступи тот, кто намерен кубок унесть двоедонный.
„Меска ж, надеюся я, не отвяжет никто из ахеян,
„В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!
„Будет того, что меж вами я воин не лучший,—что делать:
„Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
„Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
„Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
„Пусть за моим сопротивником все попечители выйдут,
„Чтоб из битвы унесть укрощенного силой моею“.

Так говорил он,—и все, онемевши, молчанье хранили.
Богу подобный один Эвриал на него подымался,
Внук скиптроносца Талая, сын Мекистея героя,
Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
Падшему в оное время, и всех победившего кадмян.
К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
Подал ремни из степного вола, убитого силой.
Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.

Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешалися быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,
Резко врага оглянувшегось грянул в лицо,— и не мог он
Больше стоять; подломившися, рухнулись крепкие члены.
Словно с порывом Бореевым прядает рыба из моря
На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною,—
Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпеос
За руку поднял его; а усердные други, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.
В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.

Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам:
Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный,— в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
Пленную деву,— в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом, и так говорил аргивянам:
„Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!“

Он произнес,— и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.
Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров.
Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вкруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смогал опрокинуть Аякса,
Ни Аякс не смогал одолеть Одиссеевой силы.

И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:
„Сын благородный Лаертов, герой Одиссей многоумный,
„Ты подымай, или я подыму; а решит олимпиец!“

Так произнес и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой, и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси
Пал. Удивился народ, изумилися все аргивяне.
После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не поднял:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
Пали один близ другого и прахом покрылися темным.
Встали, и в третий бы раз устремились подвижники спорить,
Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:
„Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.
„Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
„С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят“.

Рек,— и, почтительно выслушав, оба они покорились:
С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая — сребряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.
Мужи ее финикийцы, по мглистому плавая понту,
В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
Царь же Эвней Язонид, выкупая Приамова сына,
Падшего в плен Ликаона, отдал Менетиду Патроклу.
Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чествуя друга,
Мздою тому, кто быстрейшим окажется в беге ногами;
Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;
Но последнему золота он полталанта назначил.
Стал наконец среди сонма, и так говорил аргивянам:
„Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!“

Рек,—и немедленно встал Оилеев Аякс быстроногий;
Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстротою.
Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткущей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит,—
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссыпался,
И дыханье свое изливал на главу Оилида,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,
Жажду его победить в распаленном еще умножая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокой Палладе богине:
„Дочь Эгиоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!"
Так он, молясь, произнес,—и услышала дочь Эгиоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добегали, чтоб только им прянуть к награде,—
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина—
В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коих Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оилид знаменитый;
Стал и, рукою держася за роги вола полевого,
Он выплевывал кал, и так говорил аргивянам:
„Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!
„Вечно, как матерь, она Одиссею на помощь приходит!"
Так произнес он,—и смех по собранью веселый раздался.
Несторов сын получил последнюю бега награду;
Взял и к ахейским мужам, улыбаяся, так говорил он:
„Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
„Боги бессмертные чествуют смертных, старейших летами.
„Сын Оилеев меня годами немногими старше;

„Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
„Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
„В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса“.

Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:
„Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет;
„Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю“.
Так произнес — и вручил; и юноша, радуясь, принял.

Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
Вынес на поприще, вынес и щит и шелом светозарный,
Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклом.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
„Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
„В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной медью,
„Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
„Кто у другого скорее пронзит благородное тело
„И сквозь доспехи коснется и членов, и крови багряной,
„Тот победитель, — тому подарю я сей нож среброгвоздный,
„Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея;
„Что до оружий, подвижники оба их вместе получат;
„Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою“.

Так говорил, — и поднялся великий Аякс Теламонид;
Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходят, пылая сразиться;
Грозно друг на друга смотрят; страх обымает ахеян.
Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
Трижды бросались, и врукопашь трижды оружием сшиблись.
Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
Вбил, но тела не тронул: оно защищалося броней.
Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
Вые Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.
Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
Бой прекратить и равные взять им велели награды.

Но Ахиллес Диомеда ножом наградил сребргвоздным,
Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кроённым.

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Гетионова крепкая сила;
Но когда Гетиона убил Ахиллес градоборец,
Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:
„Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
„Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких,—
„На пять круглых годов и тому на потребы достанет
„Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
„В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет“.

Так говорил он,— и встал Полипет, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпеос огромный.
Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет браноносный,
Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчее стадо,—
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой набежавши, друзья Полипета героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.

Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
Метить стрелкам: „Который уметит по робкой голубке,
„Все топоры двуострые в сень понесет победитель;

„Кто ж улучит по снуру одному, не уметивши птицы,
„Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит“.

Так говорил,—и восстало могущество Тевкра владыки;
Встал и герой Мерион, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и не медля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принесть первородных овнов гекатомбу.
В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепенулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру
На землю вся опустилася; громко вскричали данаи.
Быстро тогда Мерион у печального Тевкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнцев ему в благодарность принесть гекатомбу;
И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою:
Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
Пав, пред ногой Мериона вонзилася в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
Выю к груди преклонила, густые развесила крылья,
Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.
Все топоры двуострые взял Мерион победитель;
Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.

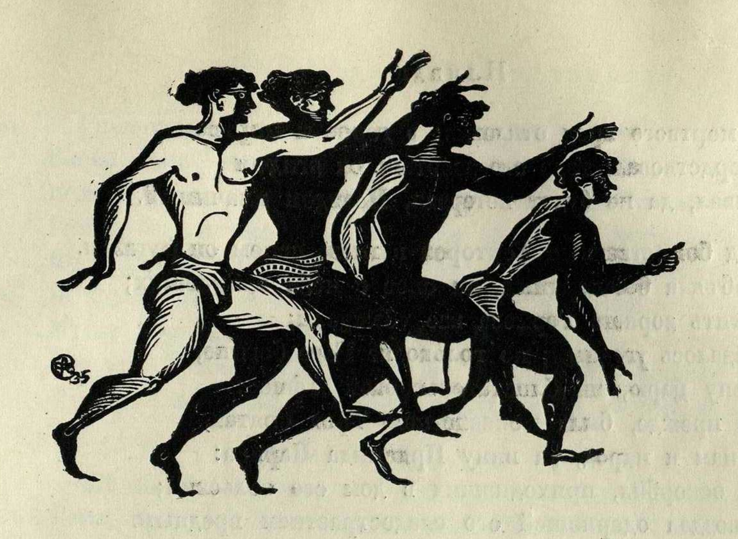
Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,
Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцвеченный,
Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамемнон,
После герой Мерион, предводителя критян сподвижник;
Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:
„Царь Агамемнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
„Сколько и мощью твоей и метанием копий отличен.

„Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
„К быстрым судам; а копье отдадим Мериону герою,
„Если твоей то приятно душе; но так бы я думал“.

Рек,—и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
Дрот Ахиллес Мериону вручил; а герой Агамемнон
В руки Талфибия вестника пышную отдал награду.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ѲЕТИДА
35

Выкуп Гектора

Кончились игры; народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый под сень поспешал укрепиться
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышённый;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая:
Всё вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратяся,
К ложу лицом припадал; напоследок бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вкруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,

Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
Бог милосердствовал: тело его золотым он эгидом
Всё покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
Ни Посидону царю, ни блистательноокой Афине:
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

Вестница утра, в двенадцатый раз восходила денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:
„Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
„Бедра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
„Вы ж нерадите и мертвое тело героя избавить;
„Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
„Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
„Предали б скоро огню и последнею честью почтили!
„Вы Ахиллесу губителю быть благосклонны решились,
„Мужу, который из помыслов правду изгнал, а от сердца
„Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.
„Лев, и душой дерзновенной и дикою силой стремимый,
„Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить,—
„Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
„Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.
„Смертный иной и более милого сердцу теряет,
„Брата единоутробного или цветущего сына;
„Плачет о трате своей и печаль наконец утоляет:
„Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.
„Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
„Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
„В прахе волочит! Не славное он и не доброе выбрал!
„Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
„Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!“

Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
„Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
„Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
„Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
„Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
„Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
„Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.
„Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
„С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!"

Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
„Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
„Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор
„Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
„Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
„Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
„Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
„Но похищенье оставим; возможности нет от Пелида
„Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
„Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
„Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
„Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
„Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит".

Рек, — и как вихрь устремилась Ириса крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
Быстро, подобно свинцу, в глубину погрузилась богиня,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола полевого,
Мчится коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.
Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
Многих богинь океана. Она посреди их сидела,
Плача об участи храброго сына, которому должно
В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: „Фетида!
„Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель".

Ей отвечая, рекла среброногая дочерь Нерея:
„Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
„Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
„Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный“.

Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ириса
Быстро пошла; расступалися окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.
Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
„Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
„Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
„Но возвещу, для чего на Олимп я тебя призываю.
„Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
„Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.
„Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
„Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
„Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.
„Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
„Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
„Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
„Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
„Если страшится меня, да не медля отпустит он тело.
„Я ж посылаю Ирису к Приаму царю с повеленьем
„В стан мирмидонский итти к искуплению милого сына,
„Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя“.

Так произнес,—и ему покорилась Фетида богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стенящего; многие в куще героя

Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
Ими закланный лежал на помосте овен густорунный.

Подле печального сына воссела почтенная матерь;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
„Милое чадо, почто ты доселе, стеня и тоскуя,
„Сердце себе сокрушаешь? не думаешь ты ни о пище,
„Ни обо сне? Но приятно с женой насладиться любовью.
„Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
„Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
„Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
„Боги, он рек, на тебя прогневляются; он же, владыка,
„Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
„Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
„Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье".

Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
„Пусть предстает предлагающий выкуп,—и тело получит,
„Если решительно так заповедует мне олимпийский".

Тою порою, как матерь и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ирису к Приамовой Трое священной:
„Шествуй, Ириса крылатая, холмы оставив Олимпа;
„Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
„Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
„Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
„Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
„Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
„Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
„Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
„Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
„Старцу такого пошлем мы сопутника, Гермеса бога;
„Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
„И, когда приведет он Приама пред очи героя,
„Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
„Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
„Он завсегда милосердо молящего милует мужа".

Рек,— и с небес устремилась подобная вихрям Ириса;
К дому Приама сошла; и нашла там и вопль и рыданье.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в средине их старец,
Ризой покрытый лежал, обольнувшей всё его тело;
Выю и голову персть покрывала державного старца,
Коею сам он себя, пресмыкаяся в прахе, осыпал.
Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

Быстрая вестница Зевса, приближася тихо к Приаму,
Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: „Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
„Я не зловещей тебе нисхожу от холмов олимпийских;
„Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
„Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.
„Выкупить Гектора тело тебе он велит, олимпиец.
„Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
„Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
„Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
„Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
„Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
„Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
„Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
„Гермес пойдет и проводит, пока не приблизит к Пелиду;
„И, когда он тебя представит пред очи героя,
„Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
„Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
„Он завсегда милосердо молящего милует мужа“.

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ириса.
Старец Приам повелел, чтоб не медля сыны снарядили
Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.
Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
Призвал туда и Гекубу супругу, и так говорил ей:

„Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;
„Выкупить сына велела итти к кораблям мирмидонским;
„Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
„Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?
„Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
„Ныне ж итти к кораблям и великому стану ахеян“.

Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
„Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
„Славился ты и у чуждых народов и в собственном царстве?
„Хочешь один ты, старец, итти к кораблям мирмидонским?
„Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
„Наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?
„В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
„Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
„Он не уважит тебя!— В отдалении лучше поплачем,
„В храмине сидя: такую, знать, долю суровая Парка
„Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила,
„Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами
„Лютого мужа, которого сердце, когда бы могла я,
„Впившися в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
„С сыном моим! Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;
„Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
„Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!“

Снова Гекубе ответствовал старец Приам боговидный:
„Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
„Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.
„Если б такое мне дело внушал кто-нибудь земнородный,
„Жрец, иль пророк илионский, или фимиамогадатель,
„Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.
„Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
„В стан я иду, и не тщетно мне будет вещание бога.
„Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян,—
„Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
„Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!“

Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и кубок прекрасный, ему, как посланнику, древний
Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою
Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших
Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:
„Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
„Мало печали для вас, что меня огорчать вы идете?
„Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
„Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
„Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
„Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
„Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
„Трою святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!“

Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалилися. Он же вскричал, сыновей порицая,
Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
Паммона, Гиппофоо̀я, Дейфоба вождя, Антифона,
Храброго сына Полита и славного мужеством Дия;
Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
„Живо, негодные дети, позорники! Лучше бы всем вам
„Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!
„О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
„Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
„Нет боговидного Местора, нет конеборца Троила,
„Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
„Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
„Храбрых Арей истребил; а позорники эти остались,
„Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
„Эти презренные хищники коз и агнцев народных!

„Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
„Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?“

Так говорил,— и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро, и вывезли муловый воз легкокатный,
Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;
Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
Прочее всё обвязали, концы же узла подогнули.
После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный,
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.
Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
В правой руке царица вина, веселящего сердце,
Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;
Стала она пред конями и так говорила Приаму:
„Зевсу возлей, мой супруг, и молись, чтобы дал всемогущий
„В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце
„Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.
„Так, помолися, Приам, чернотучному Кронову сыну,
„Богу, который от Иды на всю призирает Троаду.
„Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
„Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу,
„С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
„С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
„Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
„Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
„В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился“,

Ей не медля ответствовал старец Приам боговидный:
„Я твоего не отрину совета разумного: благо
„Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он“.

Рек — и прислужнице ключнице дал повеление старец
На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.
Старец, руки омывши, кубок принял от супруги,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:
„Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!
„Дай мне притти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
„Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
„Первую в птицах, любимую более всех и тобою;
„С правой страны ниспошли; да сходящую сам я увидя,
„С верой в нее отойду к кораблям конеборных данаев!“

Так умолял, — и услышал его промыслитель Кронион;
Быстро орла ниспослал, между вещих вернейшую птицу,
Темного, коего смертные черным ловцом называют.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
В доме богатого мужа, замком утвержденная крепким, —
Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

С живостью старец взошел в колесницу свою, и не медля
Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четыреколесной
(Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
Борзые кони, которых бичом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,
Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.
Скоро, из замка спустяся, они очутилися в поле;
Все провожавшие их возвратились печальные в Трою,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;

И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:
„Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
„С сыном земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь.
„Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахеян
„Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает
„Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет“.

Так произнес,— и ему повинуется Гермес посланник:
Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы златые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у смертных, по воле всесильной,
Сном смыкает он очи, или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргоубийца могучий.
Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принесся;
Полем пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,
Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
Тут, оглянувшися, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел и так возгласил к Дарданиду владыке:
„Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
„Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
„Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
„Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!“

Рек он,— и старцево сердце смутилося; он ужаснулся;
Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле;
Он цепенея стоял. Эриуний приближился к старцу,
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:
„Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
„В час усладительной ночи, как смертные все почивают?
„Иль не страшишься убийствами дышащих, гордых данаев,
„Кои так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
„Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,

„Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
„Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
„Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
„Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
„Сам отразить: моему ты родителю, старец, подобен!“

Гермесу бодро ответствовал старец Приам боговидный:
„Всё справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
„Но еще и меня хранит покровительной дланью
„Бог, который дает мне такого сопутника встретить,
„Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
„Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!“

Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес посланник:
„Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.
„Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:
„Ты высылаешь куда-либо столько богатств драгоценных
„К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
„Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
„Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
„Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!“

Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
„Кто ты таков, от кого происходишь ты, юноша добрый,
„Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?“

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
„Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
„Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
„Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
„Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
„Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
„Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
„Я Ахиллесов служитель, в одном корабле с ним приплывший;
„Родом и я мирмидонец; родитель мой храбрый Поликтор;
„Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
„Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;

„Жребий меж братьев упал на меня, чтоб итти с Ахиллесом.
„Ныне осматривать поле пришел от судов я: заутра
„Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
„Все негодуют они на долгую праздность; не могут
„Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян“.

Гермесу паки ответствовал старец Приам боговидный:
„Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,
„Друт, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:
„Сын мой еще ль при судах, иль уже Ахиллес быстроногий
„Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?“

Старцу ответствовал вновь благодетельный Гермес посланник:
„Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
„Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кущей,
„Всё, как и был, невредимый: двенадцатый день, как лежит он
„Мертвый,—но тело не тлеет, к нему не касаются черви,
„Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.
„Правда, его ежедневно, с восходом денницы священной,
„Он беспощадно волочит вкруг гроба любезного друга;
„Но мертвец невредим; изумишься ты сам, как увидишь:
„Свеж он лежит, как росою умытый; нет следа от крови,
„Члена не видно нечистого; язвы кругом затворились,
„Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.
„Так милосердуют боги о сыне твоем знаменитом,
„Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских“.

Рек он,—и старец, наполняся радости, быстро воскликнул:
„Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!
„Гектор,—о, если бы жил он!—всегда в благоденственном доме
„Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
„Боги за то и по смертной кончине его помянули.
„Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
„И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
„В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куще“.

Вновь Дарданиду ответствовал Гермес, посланник Зевеса:
„Младость мою соблазняешь ты, старец; но я не склонюся

„Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.
„Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
„Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
„Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;
„Рад я тебя проводить и до славного Аргоса града;
„И, при подобном сопутнике, смертный к тебе не подступит“.

Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний;
Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;
Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу.
И, когда принеслися ко рву и стене корабельной,
Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились,—
Всех их в сон погрузил благодетельный аргоубийца;
Башни запор отодвинул, врата растворил, и Приама
Ввез внутрь стены, и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой
(Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь оградя частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали,
Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный,
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро),—
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
„Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
„Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
„Я совершил, и к Олимпу обратно иду; всенародно
„Я не явлюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
„Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
„Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
„Именем старца родителя, матери многопочтенной,
„Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу“.

Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю,

Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленьи сидели; но двое,
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомѐдон,
Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой, и Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует,—
Страшные руки, детей у него погубившие многих.
Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом,— с изумлением все на пришельца взирают,—
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумилися все, и один на другого смотрели.
Старец же речи такие вещал, умоляя героя:
„Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
„Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
„Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
„Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
„Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
„Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
„Милого сына узреть, возвратившегось в дом из-под Трои.
„Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил бранороносных
„В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
„Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
„Их девятнадцать братьев от матери было единой;
„Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
„Многим Арей истребитель сломил им, несчастным, колена.
„Сын оставался один, защищал он и град наш, и граждан;
„Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро,
„Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
„Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
„Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжалься,
„Вспомнив Пелея родителя! Я еще более жалок:
„Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
„Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!“

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая, Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но, когда насладился Пелид благородный слезами,
И желание плакать от сердца его отступило,—
Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
„Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
„Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
„Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
„Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
„Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
„Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
„Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
„Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
„Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.
„Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
„Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
„Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
„В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
„Тот же, кому он несчастных пошлет,— поношению предан;
„Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
„Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.
„Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
„С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
„Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
„Смертный, супругой богиню принял от руки он бессмертных.
„Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
„В доме своем поколения, сына, наследника царства.
„Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доныне
„Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
„Здесь я в Троаде сижу, и тебя и твоих огорчаю.
„Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде,

„Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
„Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
„Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
„Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
„Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
„Будь терпелив, и печалью себя не круши беспрерывной:
„Ты ничего не успеешь, о сыне печаляся; плачем
„Мертвого ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!“

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
„Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
„В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
„Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
„Мы принесли драгоценное. О, насладись им, и счастлив
„В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
„Старцу, мне, бедному, жить и солнца сияние видеть!“

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
„Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
„Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
„Матерь моя среброногая, нимфа морская Фетида.
„Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
„Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
„Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
„В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не скрылся,
„Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
„Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
„Или страшись, да тебя, не взирая, что ты и молитель,
„В куще моей я не брошу, и Зевсов завет не нарушу“.

Так говорил; устрашился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери;
Но не один, за царем устремилися два из клевретов,
Сильный Алким и герой Автомѐдон, которых меж другов
Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;

В кущу ввели и глашатая старцева: там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканный,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастями
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвигнулся духом
Старца убить, и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида,—
Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
„Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
„В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
„Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
„В жертву тебе и от них принесу я достойную долю".

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
„Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
„Убран лежит на одре. С восходом зари возвращаясь,
„Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище воспомним.
„Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
„Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла,
„Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
„Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
„Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
„Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:
„Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
„Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
„Девять дней валялися трупы; и не было мужа
„Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
„Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.

„Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище.
„Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
„Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
„Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут,—
„Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
„Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
„Время тебе остается оплакать любезного сына,
„В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет“.

Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закалает; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомѐдон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;
Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:
„Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
„Сном животворным хоть несколько в доме твоем насладиться.
„Ибо еще ни на миг у меня не смыкалися очи
„С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
„С оного дня лишь стенал и несчетные скорби терпел я,
„Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.
„Ныне лишь яствы вкусил, и вина пурпурового ныне
„Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я“.

Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабыням
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.
Вышли рабыни из дому с пылающим светочем в дланях;

Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.
И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:
„Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
„Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
„Вместе совет совещать в мою собираются кущу.
„Если тебя здесь кто-либо мрачною ночью увидит,
„Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
„И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.
„Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
„Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
„Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины“.

Сыну Пелея ответствовал старец Приам боговидный:
„Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына,—
„Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.
„Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалека
„Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
„Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;
„Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
„В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
„Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно“.

Старцу ответствовал вновь быстроногий Пелид благородный:
„Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
„Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь“.

Так произнес Ахиллес—и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно спокоить.
Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.
Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нем Бризеида, румяноланитая дева.

Все, и бессмертные боги и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама

Вывесть из стана, привратным незримого стражам священным.
Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
„Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
„Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
„Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
„Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
„Дети твои, у тебя остающиесь, если узнает
„Царь Атрейон о тебе, и ахейцы другие узнают“.

Так провещал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
Гермес мгновенно запряг им и коней и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,—
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимпу.

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стенящий и плачущий, гнал к Илиону
Коней; а housemeski везли мертвеца. И никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
Рано на зáмок взошед, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду;
„Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
„Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
„С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!“

Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила,—
Все пред вратами столпилися в встречу везомого тела.
Всех впереди молодая супруга и нежная матерь
Плакали, рвали власы и, на труп исступленно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиесь плакали стоя.
Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:

„Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
„Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!“

Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.
Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
„Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
„В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
„Сын, которому жизнь злополучные мы даровали!
„Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований
„Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,
„Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!
„Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;
„С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
„Вместе со мною; и там, изнуряясь в работах позорных,
„Будешь служить властелину суровому; или данаец
„За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,
„Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
„Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
„Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.
„Грозен великий отец твой бывал на погибельных сечах;
„Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
„Плач, несказанную горесть нанес ты родителям бедным,
„Гектор!—но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!
„С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной,
„Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно
„Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!“

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
„Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
„Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
„Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!

„Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
„Коих живых полонил, за моря пустынные продал,
„В Имброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный Лемнос;
„Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
„Как он ни долго влачил вкруг могилы Патрокла любимца,
„Коего ты одолел,— но его, мертвеца, он не поднял!
„Ты ж у меня, как росою омытый, покоишься в доме,
„Свежий, подобно как смертный, которого Феб сребролукий
„Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает“.

Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
„Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!
„Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
„В Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
„Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
„С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
„Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.
„Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
„Деверь ли гордый, своячина или золовка младая,
„Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
„Ты вразумлял их советом, и каждого делал добрее
„Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
„Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
„Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
„Друга или утешителя; всем я равно ненавистна!“

Так вопияла она,— и стенал весь народ неисчетный.
Старец Приам наконец обращает слово к народу:
„Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
„Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
„Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
„Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится“.

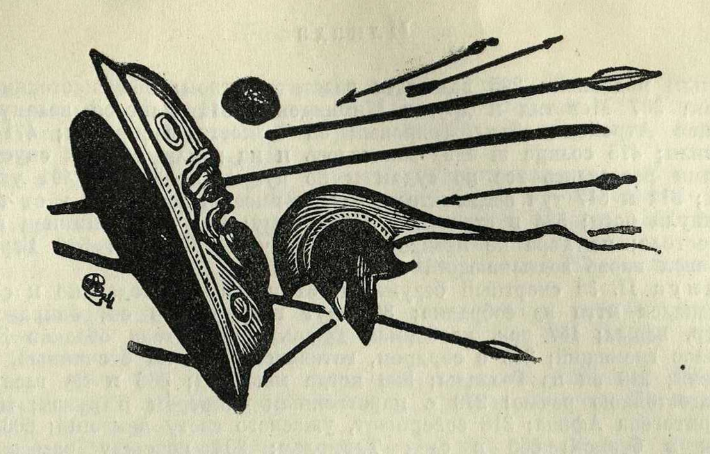
Так говорил,— и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом не медля собрались.
Девять дней они в Трою множество леса возили;

В день же десятый, лишь, свет разливая, денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили, и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубу великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собралися все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собралися вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так знаменитого Гектора Трои сыны погребали.

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ „ИЛИАДЫ“ ГНЕДИЧА

При жизни Гнедича перевод „Илиады“ был издан лишь один раз, в 1829 году. Поэт неустанно работал над отделкой своего перевода. Текст печатного издания значительно отличается от рукописи, представленной в цензуру и сданной в типографию,— Гнедич внес многочисленные изменения в корректуру. Но и текст 1829 года не удовлетворил поэта, и он продолжал наносить поправки и варианты к переводу на страницы своего экземпляра „Илиады“. Смерть оборвала эту работу; экземпляр Гнедича с его поправками, равно как и рукопись, с которой печаталось издание 1829 года, хранятся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

Поправки Гнедича имеют черновой характер, и неосмотрительное использование их в издании 1839 года (у Лисенкова) привело к ряду искажений и стиха и смысла, которые неизменно перепечатывались во всех последующих изданиях перевода „Илиады“. В основу настоящего издания положен текст 1829 года и заново произведен отбор вариантов и поправок, внесенных поэтом. Там, где предлагаемый текст отклоняется от предшествующих изданий (начиная с издания 1839 г.), он чаще всего является возвращением к изданию 1829 года. От какой-либо модернизации перевода (за исключением мелких орфографических изменений) мы отказались.

Нижеследующий список содержит те чтения 1829 года, которые в настоящем издании изменены на основании вариантов и поправок Гнедича.

Книга I. 2 ахейцам нанес неисчетные бедства; 3—4 в бездны Аида низринул славных героев, и их пожирающим предал в добычу; 5 воля Кронида; 10 послал, и гибли; 27 не смей появиться; 28 тебе не пособит; 34 немолчно-шумящего моря; 39 твой любезный; 44 пылающий гневом; 49 грозный звон; 63 человеку и сны от Зевеса; 84 воскликнул Пелид благородный; 90 ахейском; 135 если меня; 137 исторгну из кущи; 149 мздоимец; 157 поросшие лесом; 187 надменно верстаться; 248 муж сладковещий;

262 оным подобных; 295 возносяся властительством; 304 жестокими оба словами; 307 Менетид и друзья Мирмидоны; 311 Одиссей велемудрый; 387 гнев Атрейона объял, свирепый он с места воспрянул; 471 всем подносили; 475 солнце ж едва закатилось и на землю сумрак спустился; 487 сами расселись все по судам и по кущам ахейским; 491 уже ни в боях; 511 и 517 туч воздыматель; 524 да имеешь веру; 533 и от тронов воспрянули боги; 534 в стретенье Зевсу отцу; 536 там олимпиец воссел на престоле; но Гера не праздно; 552 мрачный Кронид! 560 Гере ответствовал вновь воздымающий тучи Кронион.

Книга II. 38 смертный безумный! 51 кликать немедленно к сонму; 84 поднялся итти из собрания; 88 идут густые; 109 он, опираясь на скипетр, вещал; 157 как, необорная дщерь воздымателя облаков Зевса; 182 голос гремящий; 213 с сердцем, готовым всегда на бесчинные, дерзкие речи; 216 он из Геллады; 228 когда мы град; 266 и из глаз его; 277 недостойною речью; 279 с царственным скиптром в руках; и при нем Тритогена Афина; 318 совершает, ужасного свету явивший; 606 обитавших в бурной; 653 в след Тлиполем; 804 повсюду рассеянных; 826 вел знаменитый стрелец Ликаонид; 869 и крутые верхи Микалеса; 872 изукрашенный златом.

Книга III. 16 у Троян; 173 лучше б мне смерть предпочесть было горькую в день, как решилась; 192 ныне об этом поведай; 222 речи его устремлялись, подобные снежной мятели; 245 потребы священныя клятвы; 250 старец почтенный, воздвигнись; 253 и Атрид Менелай; 260 коней запречь; и они покоряся, исполнили быстро; 264 достигли к полкам; 271 Агамемнон, десницей блистательный нож; 298 и вы, о; 305 возвращаюся бурный; 307 любезным Арею; 445 на Кранае сопрягся и первой любовью.

Книга IV. 110 рогоделец художник; 133—135 пояс (вм. запон); 176 и речет не один; 182 так он речет; и тогда; 197 ахеям; 426 и пену соленую брызжут; 443 а стопами касается дола; 444 меж воинств; 455 горного; 460 и вонзает в чело; 487 родного потока; 532 обступала дружина, фракийцы; 533 с чубом на маковке, грозно уставя их длинные копья.

Книга V. 244 мужей, на тебя налетающих биться; 252 не преклонишь меня ты; 255 всходить я скучаю, но так; 486 крепко стоять; 722 пышные круги; 801 по духу истинный воин; 860 или десять.

Книга VI. 5 оплот меднобронных; 319 на пике сияло; 320 жало ее; 340 мало помедли, герой; боевым ополчусь я доспехом; 404 взглянувши на сына безмолвный; 410 напав, умертвят! 454 сколько твое! как тебя аргивянин, медью покрытый; 482 супруге любезной; 483 его к; 487 меня человек; 504 пышным доспехом одет, испещренным сияющей медью; 514 сл. Шествовал радостный; быстро несли его ноги, и скоро Гектора брата настиг.

Книга VII. 80 в почесть последнюю мертвого в доме; 93 и купно принять; 99 но погибните вы, обратитеся в воду и землю! 133 как во дни; 208 он устремился вперед, как Арей огромный стремится; 210 кровавую сечу; 250 кругоравный; 267 попал; зазвенела; 362 им прямо; 371 каждый недремно.

Книга VIII. 38 Зевс, облаков воздыматель; 360 не неистовал; 455 вы, на своей колеснице моим.

Книга IX. 41 бессильны; 45 храбрые сердцем данаи; 234 множество вкруг зажигают огней; 241 хвалится с корм корабельных срубить их высокие гребни; 310 сл. и как совершу; чтобы все уже слышав, вы перестали скучать мне; 313 а другое вещает; 453 отец же мой, скоро; 458 отца я убить; 461 если убийцей отца; 490 орошал мне; 694 речью такой.

Книга X. 214 ахеян; 259 защищает цветущая; 271 ныне ж главу Одиссея шелом осенил знаменитый; 286 народов ахейских; 287 меднолатных оставив ахеян; 297 львы бесстрашные; 378 а я искуплюсь; у меня; 450 верно и вновь ты придешь.

Книга XI. 362 снова от смерти избегнул ты, пес! 476 ранил стрелой с тетивы; 644 стал Менетид; 842 клеврет, их увидевший.

Книга XII. 109 покорялись; 205 в грудь он пронзил; 218 вещая птица; 301 и во двор огражденный; 317 об нас; 417 у данаев.

Книга XIII. 9 побарать илионянам или данаям; 362 на пергамлян ударил.

Книга XIV. 216 желания, в нем и знакомства и просьбы; 416 падение зревший; 433 но когда принеслися к реке; 434 Ксанфу пучинному, богом рожденному.

Книга XVI. 283 озираться, чтоб гибели грозной избегнуть; 284 ударил сверкающей; 334 кровавая Смерть и суровая Участь; 339 полетел; но ахеец; 577 и его.

Книга XVII. 127 на терзание; 134 в дикой дубраве; 170 говоришь напыщенно; 264 огромный шумит; 427 их владыка; 437 понуривши головы; 488 уповал бы; 559 действуй сильно, и все; 646 его ясность; 647 когда погубить ты желаешь.

Книга XVIII. 245 вышел за вал он и стал; 322 обымает.

Книга XIX. 298 юной супругой; 324 как я на земле; 325 сражаюся с; 381 и сиял.

Книга XX. 229 летели; 477 кровавая Смерть и суровая Участь.

Книга XXI. 57 если и сей приходит; 241 зыблет его, упадая валами на щит; 357 не оспорит.

Книга XXII. 28 сияет в сумраках; 190 по кустам и оврагам; 192 пока не отыщет; 213 к Аиду нисшел; 319 так Пелейона; 322 тело же всё у героя; 346 в ярости, если бы мог, растерзал бы тебя я на части; 350 столько еще; 359 дальновержец; 399 доспех возвращенный поднявши.

Книга XXIII. 4 рассеваться; 8 все на конях... приближимся мы; 36 владыки ахеян; 41 сын Пелеев омыться; 38 сл. кости мои, Ахиллес, от твоих да не лягут далеко; вместе да будут; 101 с воем сошла; 116 и вкось их и вдоль; 139 одр положили; 170 расставил и чаши меда и урны елея; 172 с страшною силою бросил на сруб; 175 сл. Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых, медью убил: на ужасное дело умыслил он сердцем; 185 псов от него; 217 разрывали; 242 набросаны вместе; 243 окружив их туком двояким; 253 урну златую... двойным окружили; 254 урну под кущу; 270 фиал двоедонный; 282 светлой водой... влажным елеем; 320 беспрерывно кружася; 326 берегися, приметна; 331 надгробный памятник древле умершего мужа; 333 знак сей; 335 твердо держась; 389 настигнула быстро царя; 392 сл. конский богиня разбила ярем, и его кобылицы бросились; 455 и светлый и круглый, как месяц; 616 пышный фиал двоедонный; 619 между живых ты; 717 вышли кровью багровые; с ревностью равною в сердце.

Книга XXIV. 22 так он над Гектором славным ругался в неистовстве гнева; 23 объяла богов олимпийских, с неба; 81 вола полевого; 105 скорбь неутешную в персях носишь ты; знаю, богиня; 131 жить не долго; 163 ризою весь обернувшись, лежал на земле распростертый; 233 четыре кувшина; 325 благомысленный; 527 стоят; 529 смесив громовержец; 663 с горы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая

Ст. 1. Богиня — Муза, от которой поэт получает свое „знание“ о деяниях прошлого.

Ст. 3. Термин „герой“ у Гомера обычно употребляется по отношению к храбрым воинам вообще, а не только к особо выдающимся персонажам. Сакральное значение термина „герой“ в виду не имеется.

Там же. У Гомера душа (psyche) противополагается не телу, а самой личности, как ее бестелесный двойник, являющийся основой жизни и уходящий после смерти под землю, в туманный мрак Аида; к психическим (в современном смысле слова) свойствам личности гомеровская душа не причастна.

Ст. 5. Соответственно общему принципу двойной мотивировки, земной и небесной, поэт вводит свое действие в план божественного управления миром. Труднее сказать, в чем эта воля Зевса конкретно состоит. Позднейшая эпическая поэзия („Киприи“) объясняла, что Зевс, для того, чтобы облегчить бремя отягощенной людьми земли, воздвигал гибельные для людей войны, как то поход на Фивы и на Трою. Такие богословско-спекулятивные мотивы чужды, однако, гомеровскому эпосу; поэт, вероятно, имеет в виду решение Зевса помогать троянцам, как оно развито в I книге „Илиады“.

Ст. 8. Следует обратить внимание на то, что резкие повороты в человеческом поведении у Гомера обычно мотивируются божественным вмешательством, которое в данном случае не является, однако, непосредственным. Гнев Аполлона вызван обидой, нанесенной его жрецу: добрый обычай требовал возвращения пленника, за которого предложен соответствующий выкуп; обида эта вымещается на народах (т. е. подчиненных, в отличие от царей и вождей) как живой основе могущества царя. Эпитет „непорочный“, который у Гнедича контрастирует с глаголом

„обесчестил“, в подлиннике отсутствует: ударение на жреческом сане Хриза, а не на его личных качествах.

Ст. 14. Жезл — признак жреческого сана; венец, точнее лента,— повязка из белой шерсти, снятая, вероятно, с головы изображения Аполлона,— обличает в Хризе молителя — лицо, находящееся под особым покровительством богов.

Ст. 22. На собраниях выступают только цари; войско выражает свое одобрение или неодобрение лишь возгласами.

Ст. 29. В гомеровском обществе рабство имеет „патриархальный“ характер. Рабами пользуются, главным образом, в качестве дворовой челяди, и спрос на мужскую рабскую силу еще ограничен. Поэтому пленников либо убивают, либо сохраняют в надежде получить за них выкуп; зато пленных женщин охотно увозят как служанок и наложниц.

Ст. 37. Молитва Хриза составлена по всем правилам античного заклинания и содержит в себе следующие необходимые элементы: а) обращение к богу с называнием его имени (Сминфей — ст. 39 — одно из ритуальных прозвищ Аполлона); б) указание на мощь бога, после чего тот не может отговориться, что не в силах исполнить просьбу („мощно царишь“; „обходишь“ — точнее „обошел“ — означает, что бог своим обходом как бы обвел магический круг, внутрь которого не проникают никакие напасти; отсутствующее в подлиннике слово „хранящий“ вызывает ложное представление о боге-стороже, постоянно совершающем свой обход); в) напоминание о почестях, оказанных молящим богу, в силу чего г) бог приглашается исполнить желание молящего (с традиционной формулой: „если — то“).

Ст. 45. Образ Аполлона с луком и колчаном канонизован в греческом искусстве (напр. Аполлон Бельведерский). Аполлон, бог ведовства, мыслится как божество, насылающее и отвращающее всякие напасти. Болезни происходят от стрел Аполлона или его сестры Артемиды.

Ст. 47. Гомеровский грек боится ночной тьмы (ср. прим. к кн. XIV, ст. 259). В южных странах мрак наступает очень быстро.

Ст. 55. „Божественная“ мотивировка понадобилась, вероятно, для того, чтобы передать инициативу созыва собрания Ахиллесу, вместо верховного вождя Агамемнона.

Ст. 61. Вдруг — вместе, совокупно.

Ст. 65. Т. е. за несовершение жертвы.

Ст. 99. Эпитет, который Гнедич переводит словом „черноокая“, правильнее было бы перевести: „быстроглазая“.

Ст. 106. Повидимому, намек на миф о том, что перед отправлением в Трою Агамемнон, по требованию Калхаса, для умилостивления богини Артемиды принес в жертву ей свою дочь Ифигению. О жертвоприношении Ифигении в гомеровском эпосе нигде прямо не говорится. Поэт избегает упоминания о человеческих жертвоприношениях. Гомеровский эпос очень часто молча подразумевает те элементы предания, о которых не хочет говорить открыто.

Ст. 114. Девою взятой в супруги — правильнее: законной жене.

Ст. 123. Гнедич систематически переводит словом „добродушный“ эпитет, означающий — „сильный духом“, „гордый“, „храбрый“.

Ст. 124. Право раздела добычи формально принадлежит войсковому собранию, но царь пользуется преимуществом первого отбора. Разделенная добыча становится частной собственностью тех, кому она досталась.

Ст. 141. „Священными“ и „божественными“ являются всякие стихийные силы, враждебные или благодетельные, зависимость от которых древний человек ощущает, не понимая их законов.

Ст. 144. Советные ахеяне — вожди, „цари“, принимающие участие в совете; масса участвует только в общевойсковом собрании.

Ст. 152. Укротители коней — могучие, сильные.

Ст. 154. Ахиллес указывает на причины, обычно вызывавшие войны между соседями. При раздробленности греческих общин и сравнительно небольшом количестве плодородных участков борьба за пахотную землю и пастбища представляла обыденное явление.

Ст. 159. Пес — символ бесстыдства.

Ст. 167. С малым, приятным — поговорка, в которой слово philon („любезный“, у Гнедича — „приятный“) близко к своему первоначальному значению — „собственный“. Смысл — „хоть малое, но собственное“.

Ст. 176. Греческие аристократы обосновывали свою власть происхождением от брака божества со смертным и считались либо потомками Зевса, либо по крайней мере его питомцами, т. е. находились под особым покровительством богов. Народ происходит из земли, „от дуба и камня“, откуда вообще произошли люди, — у царей есть примесь божественной сущности.

Ст. 188 и сл. Очень характерная для греческого эпоса сцена. В обществе, где все мелочи поведения строго нормированы обычаем, не может иметь места психологически углубленное восприятие внутренней борьбы. Поэт изображает лишь внешние проявления этой борьбы; для мотивировки решения, не вытекающего непосредственно из ситуации, необходимо божественное вмешательство.

Ст. 234. Скипетр — символ власти; он сообщает своему носителю магическую силу, возвышающую его над прочими людьми. Представление восходит к первобытному фетишизму, но в гомеровском миросозерцании имеет уже только рудиментарный характер: Ахиллес клянется тем, что скипетр не зацветет, между тем как вера в его магическое значение связана именно с мыслью, что скипетр может зацвести (ср. посох Тангейзера, жезл Аарона и т. д.).

Ст. 263. Перечисляются герои мифа о битве фессалийских лапифов с кентаврами („лютыми чадами гор“, точнее „горными зверьми“: кентавры — полулюди, полукони). Фигура старца Нестора обычно служит для введения в „Илиаду“ дидактического материала или сказаний, отнесенных к более раннему времени, чем троянская война; в связи с общим предпочтением, которое эпос оказывает старине, старшее поколение героев представляется более могучим, чем младшее.

Ст. 305. Разрушили сонм — распустили собрание.

Ст. 313. Для того, чтобы совершить сакральное действие, необходимо предварительно очиститься от скверны, которая представляется вполне материальной и может быть смыта водой.

Ст. 334. Вестники (глашатаи) — лица неприкосновенные, находящиеся под покровительством Зевса как блюстителя международных отношений.

Ст. 352. Кратковечность Ахиллеса — след былой мифологической концепции этого образа как юного умирающего бога. Аристократический эпос, чуждающийся земледельческой религии, сохранил традиционную черту, ослабив ее значимость: Ахиллесу предсказано, что он умрет молодым.

Ст. 357. Слезы героев могут вызвать недоумение у современного читателя, привыкшего к суровым фигурам северных эпосов. Для темперамента гомеровских персонажей характерна несдержанность, бурное проявление аффектов со всеми их физиологическими симптомами.

Ст. 358. Фетида — дочь „морского старца“, т. е. водяного. Брак Пелея и Фетиды — греческий вариант известного сказочного сюжета о захвате человеком водной феи, которую он принуждает к браку и которая

потом скрывается. Эпическая форма мифа избегает всех этих сказочных мотивов, рационализирует их, но неразъясненным у Гомера рудиментом старинного рассказа остается раздельное жительство супругов: Фетида обычно живет у отца, а не у мужа.

Ст. 365. Гомеровские боги в принципе всеведущи, но поэт пользуется их всеведением лишь по мере надобности, тем более, что многие старинные мифологические ситуации совершенно несовместимы с божественным всеведением.

Ст. 366. Речь идет не о Фивах в европейской Греции, а о городе в Малой Азии (см. словарь).

Ст. 399 и сл. Старинный миф, являющийся отзвуком тех времен, когда пришлый культ Зевса вел борьбу с более древними на греческой территории культами микенской эпохи. Гера, Посидон и Афина принадлежали еще к божествам микенской культуры. К языку богов примитивные верования относят различные магические и непонятные священные слова. Гомеровский эпос обычно приписывает божественному языку термины сакрально-архаические или сакрально-метафорические.

Ст. 423. По гомеровскому представлению, земля со всех сторон окружена потоком — Океаном. На востоке у берегов Океана живут эфиопы. С отдаленными народами, живущими на краю земли, миф часто связывает представление об их особо блаженной и праведной жизни,— может быть, остатки воспоминаний о первобытном коммунизме. В данном случае, эфиопы — друзья богов. Гомеровская критика отмечала здесь противоречие: если боги накануне отправились к эфиопам, Афина не могла явиться к Ахиллесу с неба (ст. 195) и вернуться на Олимп (ст. 221). Поэт каждый раз создает нужные для него положения, мало заботясь об их совместимости. Гнев Ахиллеса должен продлиться некоторое время, прежде чем события, начиная со II книги, пойдут быстрым темпом.

Ст. 429. Красно-опоясанной — не вполне ясный эпитет, означающий, быть может, „с узкой талией“.

Ст. 430 и сл. Эпизод выдачи Хризеиды отцу в значительной мере составлен из стихов, повторяющихся в других книгах „Илиады“ и „Одиссеи“, и обычно считается позднейшей вставкой, сделанной для заполнения пустых двенадцати дней. Композиционно, однако, эпизод вполне на месте и вводит фигуру Одиссея.

Ст. 436. Котвы — якоря, тяжелые камни, опускавшиеся в воду на канатах через отверстие в носовой части корабля.

Ст. 471. Произвольный перевод. Смысл фразы: обнесли всех кубками, совершив возлияние.

Ст. 500. Прикосновение к коленям и подбородку — жесты молящего.

Ст. 561. Дивная — соответствующее греческое слово („демонический“) иногда употребляется в смысле похвалы и тогда действительно соответствует русскому „дивный“, но чаще,— как здесь,— по отношению к ослепленным какой-либо злой силой, и имеет оттенок сожаления или порицания („чудной“).

Ст. 584. Двудонный — неправильно; речь идет о кубке с двумя ручками, наиболее обычной форме греческого кубка.

Ст. 588—594. См. прим. к кн. XV, ст. 17.

Ст. 598 и сл. Нектар — напиток богов. Неясно, начинает ли Гефест справа, как переводит Гнедич, или слева. Во всяком случае, имеется в виду то направление, которое считалось счастливым. Гефест — хромой бог-ремесленник — представляет собой комическую фигуру на аристократическом Олимпе.

Ст. 604. Перевод неточен: музы поют, сменяя одна другую, как эпические певцы, под аккомпанемент лиры Аполлона. Пир богов, таким образом,— точная копия пира аристократов.

Книга вторая

Ст. 7. Сон обманчивый — точнее: пагубное сновидение. В переводе создается некоторая неясность благодаря двусмысленности слова „сон“.

Ст. 19. Амврозический — сладостный.

Ст. 42. Хитон — нательная рубашка, безрукавная или с очень короткими, кончающимися у плеч рукавами; поверх хитона — риза, т. е. полотняный плащ, который носили знатные люди, в противоположность более грубой шерстяной хлене.

Ст. 53. Совет старейшин — орган аристократической власти, обсуждавший вопросы до вынесения их на решение народного собрания. Агамемнон, однако, собирает не официальное заседание совета, а секретное совещание вождей у Нестора, для того, чтобы сговориться относительно поведения на предстоящем собрании.

Ст. 73. Идея испытания войска возникает совершенно неожиданно и без сколько-нибудь убедительной мотивировки. Неясно, почему Агамемнон, после сновидения, обещающего быстрый успех, сомневается в боевом настроении войска. Сцена испытания, очевидно, представляет собой переоформление какого-то старинного обычая („как и следует“ — ст. 73), о смысле которого можно только догадываться. Обрядовое действо очень часто строится таким образом, что изображению желаемого эффекта предшествует уничтожение его противоположности. В свете магических обрядов, разыгранное перед началом сражения приостановленное бегство может служить залогом того, что во время сражения бегства не произойдет. Поэт заменил старинный и непонятный обряд сценой из современной ему жизни, когда аристократия начала уже терять руководство над массами. Немотивированность сцены скрадывается благодаря быстрому переходу. В ответных словах Нестора (ст. 79—83) об испытании даже не упоминается: поэт стремится не задерживать внимания слушателей на трудностях, которые возникают вследствие модернизации архаического материала.

Ст. 101. Скипетр — символ царской власти (ср. прим. к кн. I, ст. 234). Агамемнон изображен здесь как царь „божьей милостью“.

Ст. 110 и сл. В речи Агамемнона уже намечены доводы, которые можно выдвинуть против его предложения: знамение Зевса, сокрушающего города; численное превосходство ахейцев над троянцами; необходимость закончить дело, на которое потрачено столько усилий.

Ст. 143. Перевод неточен. Смысл: Агамемнон взволновал всю народную массу, которая не слышала об имевшем место совещании вождей.

Ст. 155. „Судьбе вопреки“ у Гомера ничего не происходит; это выражение мотивирует лишь необходимость божественного вмешательства в события.

Ст. 165. Обоюдувесельный — старинное толкование неясного эпитета, употребляющегося у Гомера по отношению к кораблям; может быть, правильнее — „вертящийся в обе стороны“, т. е. легкоходный.

Ст. 170. Слова „думен“ и „один“ прибавлены Гнедичем. Образ молча размышляющего героя чужд греческому эпосу; эпическая стилизация требует в таких случаях развертывания размышлений в диалог героя с его духом.

Ст. 185 и сл. В описании способа, которым Одиссей останавливает бегство, четко выявляется классовая позиция эпического певца, защищающего прерогативы царской власти в эпоху роста социальной мощи знати. Цари вынуждены бороться как с недовольством масс, так и с оппозицией внутри родовой знати, которая почти во всей Греции приводила к переходу монархий в аристократические республики. Поэт защищает принцип единовластия и, перенося современные ему отношения

в героическую эпоху, заставляет Одиссея соответственным образом действовать. Тяжесть принуждения обрушивается на массы. „Крикунам“ из народа Одиссей грозным окриком и ударами скипетра, символизирующего царское достоинство, напоминает о необходимости повиноваться законной власти. С фрондирующим аристократом надлежит обращаться мягче и стараться привлечь его на сторону порядка, расслоив таким образом оппозицию. Одиссей подчеркивает, что по отношению к аристократу, в отличие от народа, не следует применять мер устрашения: знатный человек сам должен образумиться и призвать других к порядку; его можно в известной мере посвятить и в планы руководящей верхушки. Однако и аристократ должен помнить о дистанции, отделяющей его от царя, носителя „божественной власти“.

Ст. 190. Перевод неправилен: „Неразумный, тебя ведь не пристало устрашать, словно подлого“ (т. е. незнатного).

Ст. 194. Перевод неправилен: „Мы ведь не все слушали, что он говорил на совещании“; другими словами: только цари, присутствовавшие на совещании, знают истинные намерения Агамемнона.

Ст. 212 и сл. Злобная, карикатурная зарисовка демагога Ферсита и его усмирения Одиссеем резко выделяется на фоне благодушного отношения эпического поэта к его героям. Уже имя Ферсита напоминает слово „наглец“ (thersos — наглость); выступление его, по мнению поэта, не является голосом масс и только возбуждает негодование войска; классовая ненависть наделяет Ферсита отталкивающей наружностью и непристойным поведением. Для преемственности поэтических образов характерно, однако, что образ демагога нарисован путем привлечения мотивов из магической и очистительной обрядности, в которой сквернословие и уроды играли значительную роль. Если сцена испытания действительно является переоформлением старинного обряда (см. прим. к ст. 73), поэт уже мог найти в нем фигуру урода-шута. Ритуальное сквернословие, защищенное святостью обряда, являлось одной из легальных форм протеста низших классов; тем легче было превратить старинный образ в карикатуру на демократического агитатора. В древней саге Ферсит принадлежал к одному из знаменитейших царских родов и был близким родственником Диомеда. Поэт, сделавший Ферсита трусливым и наглым демагогом, уже находит подобное родство неудобным и вводит Ферсита без указания его происхождения, как лицо низкого рода (ср. О. М. Фрейденберг, „Ферсит“. „Яфетический сборник“, VI).

Ст. 217. Косоглаз — сомнительный перевод неясного слова; вероятнее — кривоног.

Ст. 223. Уже восставал негодующих ропот — неточно; в подлиннике: „и возмущались в душе“; в представлении поэта благонамеренные массы, по свойственной им кротости, не решаются сами обуздать агитатора.

Ст. 259 и сл. Т. е.: клянусь моей жизнью и жизнью моего сына.

Ст. 279. Мудрый Одиссей находится под особым покровительством Афины.

Ст. 285. Ясноглаголивый — очень сомнительный перевод непонятного эпитета, прилагающегося у Гомера к слову „люди“.

Ст. 302. Парки — в подлиннике речь идет о керах, т. е. демонах смерти, уводящих душу в преисподнюю: „кого еще не постигнули уносящие керы смерти“.

Ст. 318. Слова „чудо“ в подлиннике нет. Смысл фразы, текст которой вызывал сомнения уже у античных филологов: бог, явивший дракона, прославил его, обратив его в камень. В греческой религии имело место почитание священных камней; происхождение их нередко приписывалось какой-либо метаморфозе.

Ст. 353. Одесную блистал — т. е. посылал молнии с правой, „счастливой“ стороны.

Ст. 356. Любопытнейший образчик работы эпического певца. Месть за печаль и стоны Елены возможна лишь при допущении, что Елена была похищена силой; между тем во всех вариантах саги о троянской войне Елена добровольно следует за Парисом. Ст. 356 представляет собой формулу, целиком повторенную в ст. 590 и явно перенесенную в „Илиаду“ из какого-то эпоса, где речь шла о насильственном похищении Елены; сюжетом этого эпоса, вероятно, был миф о том, как Елена была похищена Тезеем и освобождена своими братьями Кастором и Полидевком. Гнедич несколько смягчает противоречие, прибавляя отсутствующее в подлиннике слово „тайные“; в ст. 590 перевод более соответствует смыслу оригинала.

Ст. 362. Тактический совет Нестора уводит в эпоху родовой организации войска. Поэт использует эту архаическую черту для того, чтобы подготовить перечисление племен, участвовавших в походе.

Ст. 379. Мысль об объединении с Ахиллесом, как условии взятия Трои, в данной ситуации неуместна. В подлиннике сказано только: „если у нас наконец будет единомыслие“, т. е. вероятно, у нас всех, только что обнаруживших свое единомыслие на собрании.

Ст. 389. Щит всеобъемный — длинный щит микенской эпохи, закрывающий воина спереди и с боков.

Ст. 393. Т. е. он будет мною убит и брошен на съедение собакам и птицам.

Ст. 400. Каждая община имела покровительствующее ей божество.

Ст. 413. Другими словами: „дай мне сегодня взять Трою“.

Ст. 420. Зевс принял жертвы, поскольку предполагал в будущем предать Трою в руки ахейцев.

Ст. 484 и сл. Перечень кораблей представляет собою, по мнению большинства исследователей, позднейшую вставку. В перечне упоминаются вожди и народы, которые в дальнейшем ходе поэмы не встречаются. Указывают, что упор, который делается на число кораблей, был бы более уместен в поэме, описывающей отплытие греческой рати из Авлиды, например в „Киприях“, и что перечень лишь слегка приспособлен к обстановке „Илиады“. Эти соображения совершенно справедливы по отношению к нынешней редакции перечня, но само по себе перечисление племен, составлявших греческую рать, и их вождей, нужное для „Илиады“, так как помогает ориентироваться в огромной массе действующих лиц, вполне уместно именно здесь, перед началом первого боя, и к тому же подготовлено советом Нестора расположить войска по племенам (ст. 362); возможно, что первоначальный перечень был заменен новым, рассчитанным не на одну „Илиаду“, а на весь цикл поэм о троянской войне. Уже в древности возникало подозрение, что ст. 546 и сл. относительно Афин являются афинской интерполяцией. Упоминания о некоторых других областях также могли быть вставлены из местного патриотизма. Географически перечень расположен так, что за средней Грецией (ст. 494—558) следует Пелопоннес (ст. 559—624), затем острова (ст. 625—680) и северная Греция (ст. 681—759); он заключает в себе ряд интересных историко-географических и этнографических сведений и упоминаний о редких обычаях (напр. ст. 542).

Ст. 550. Ее ублажают — неверно; надо его, так как речь идет именно об Эрехфее, которому воздается культ вместе с Афиной; описанные приношения имеют в виду ежегодное празднество, так наз. „Малые Панафинеи“.

Ст. 614. Аркадия — континентальная область, не имеющая выхода к морю.

Ст. 743. О борьбе лапифов с кентаврами см. прим. к кн. I, ст. 263.

Ст. 755. Клятва водами Стикса, подземной реки, являлась самой страшной клятвой, нарушить которую, по представлениям древних греков, боялись даже боги.

Ст. 782. Зевс сечет землю, когда скрытый в недрах Тифей, божество подземного огня, делает попытки подняться, т. е. при землетрясении.

Ст. 793. На высшей могиле — на вершине могильной насыпи.

Ст. 867. Наречием варварским — т. е. иноплеменным, не греческим. Древние толкователи Гомера понимали этот эпитет иначе: грубым наречием.

Книга третья

Ст. 6. Пигмеи — народ карликов, с которыми, по греческому сказанию, ежегодно ведут войну журавли, улетающие для этого осенью на юг.

Ст. 8. Ахейцы наступают молча, троянцы — с бранным кликом: одно из немногих мест в „Илиаде", подчеркивающих племенные отличия между борющимися сторонами. Бранный клик, вообще говоря, считался признаком варварства.

Ст. 40. Смерть до брака считалась величайшим несчастием: души умерших в этих случаях вынуждены были оставаться без культа, обязанность которого лежала на детях; первая половина стиха может иметь и иной смысл: о, если бы ты остался бездетным!

Ст. 57. Каменной ризой одет — побит камнями.

Ст. 70. В подлиннике: за Елену и за все сокровища; такой же пропуск в ст. 91. Гнедич несколько облагораживает гомеровский текст, в котором похищенное имущество стоит на одном уровне с похищенной женой.

Ст. 78. Гектор держит копье в горизонтальном положении и тем самым останавливает наступающие ряды троянцев.

Ст. 91. См. прим. к ст. 70.

Ст. 103 и сл. Неясное место. Повидимому, троянцы должны принести белого агнца в жертву Солнцу, мужскому божеству, а черную овцу — женской Земле; мрачным подземным силам приносятся в жертву черные животные. Греки же от себя принесут жертву Зевсу („пожрем" — принесем в жертву, от глагола „пожреть").

Ст. 121. Ириса — обычно вестница Зевса. Здесь она действует по собственной инициативе, т. е. по инициативе поэта, который использует для сцены смотра со стены перерыв в действии, вызванный приготовлением к обряду клятвы.

Ст. 215. Ни в речах околичен — правильнее: „не запинаясь".

Ст. 224. Неправильный перевод. В подлиннике: „И тогда мы уже не так удивлялись виду Одиссея". Мудрому и изобретательному на выдумки герою свойственна сосредоточенная манера речи, в отличие от обычной у южных ораторов оживленной жестикуляции. Поэтому неподвижная поза Одиссея и могла восприниматься как признак ораторской неопытности или озлобленного настроения (ст. 216—220).

Ст. 269 и сл. Церемония жертвоприношения при клятве значительно отличалась от обычного жертвоприношения. Боги не получали какой-либо доли от жертвенного животного, а лишь приглашались в свидетели магического обряда. Как животное гибнет под ударом ножа, как исчезает, впитываясь в землю, пролитое вино, так должны погибнуть нарушители клятвы (ср. ст. 300). Волосы жертвенного животного распределялись между участниками церемонии для того, чтобы сделать их причастными „заклятию". Произнося формулу клятвы, Агамемнон призывает в свидетели не богов поэтического Олимпа, а, как этого требует обряд, те божественные

силы, которые мыслятся присутствующими: Зевса, владыку троянской горы Иды, сияющее на небе солнце, местные реки, землю и, наконец, подземных богов, которые, по старинным верованиям, являются блюстителями клятв и карают клятвопреступников. Идея загробного воздаяния, вообще говоря, чужда гомеровскому миросозерцанию, но в обрядности сохраняются многочисленные следы верований, не гармонирующих с общим уклоном гомеровской идеологии, зато прочно бытующих в реальной жизни.

Ст. 288. Поскольку поединок мыслится как божий суд (см. ст. 321—323), троянцы обязаны в случае поражения Париса возвратить Елену и похищенные сокровища. Сверх этого очевидного обязательства Агамемнон требует пени и лишь выдачей пени обусловливает прекращение военных действий.

Ст. 354. Гостеприимство находится под особым покровительством Зевса.

Ст. 375. Кожу вола, пораженного силой — ремень, сделанный из шкуры убитого вола.

Ст. 376. Праздный — пустой.

Ст. 380. Как богиня — с той легкостью и быстротой, на которую способны боги.

Ст. 406. Т. е. от путей богов.

Ст. 433. Лично — лицом к лицу.

Ст. 439. Парис объясняет свое поражение помощью, которую Афина будто бы оказала его противнику.

Книга четвертая

Ст. 41. В связи с преобладанием тех или иных божеств в гражданском культе различных общин, каждый бог имел любимые города. Зевс, обладатель троянской горы Иды, являлся особо чтимым в Трое божеством, а стало быть — и ее покровителем. Сцена должна мотивировать согласие Зевса на грядущую гибель его Трои. Выполнение обещания, данного Фетиде, молчаливо отодвигается; лишь с VIII книги троянцы получают временный перевес.

Ст. 67. Нарушение клятвы со стороны троянцев закрепляет грядущую гибель Трои.

Ст. 75. Звезда, которую посылает Зевс,— метеор.

Ст. 111. Правильнее: „приделал золотой наконечник".

Ст. 137. Слово „медная" произвольно прибавлено Гнедичем. Повязь (митра) — мягкий, с нашитыми металлическими бляшками шарф, покрывавший тело ниже пояса.

Ст. 151. Завязка стрелы — струна, помощью которой основание наконечника приматывалось к концу ее древка.

Ст. 221. Эпитет „щитоносцы" относится к троянцам, которые открывают наступление. После выстрела Пандара не может быть речи о прекращении военных действий.

Ст. 306. На другую придет колесницу — достигнет колесницы противника.

Ст. 319. Об этом эпизоде своей молодости Нестор подробнее рассказывает в кн. VII, ст. 133—156.

Ст. 334. Башня — т. е. вал, тесно сплоченный ряд, может быть колонна.

Ст. 338 и сл. Сын Петея — Менесфей; одаренный коварствами — Одиссей.

Ст. 354. Игра слов: имя „Телемах" означает: бьющийся издалека.

Ст. 378. Полиник, сын Эдипа, изгнанный из Фив своим братом Этеоклом, собрал ряд греческих вождей для совместного похода против

Фив. Этот поход был одним из знаменитейших в греческой саге военных предприятий того поколения героев, которое мыслится непосредственно предшествующим времени троянской войны. Поход окончился неудачно: все вожди погибли. Только сыновьям их („эпигонам“) удалось разрушить Фивы (ср. ст. 405—409). Тидей, отец Диомеда, и Капаней, отец Сфенела, были участниками первого похода.

Ст. 398. Намек на какой-то неизвестный из других источников эпизод саги о Тидее. По позднейшим сведениям, Меон был птицегадатель и жрец Аполлона, который впоследствии предал погребению труп Тидея.

Ст. 426. Волны понурые скачут — правильнее: „вздымаются гребнем“ (эпитета „понурые“ в подлиннике нет).

Ст. 429. Дисциплинированное молчание ахейцев опять противопоставляется крику троянского войска (ст. 436). См. прим. к кн. III, ст. 8.

Ст. 441. Слов „бога войны“ в подлиннике нет, и они не вполне подходят к гомеровской концепции Арея. Божеством войны, по существу, является Афина. Арей — „мужегубец“, бог боевого смятения. Ужас и Страх — сыновья Арея; Распря — его сестра. Если отвлечься от традиционных эпитетов типа „любимец Арея“, которые прилагаются к ряду симпатичных поэту героев, отношение поэта к Арею враждебное (особенно в V книге); подчеркиваются его грубость и глупость. Противопоставление Афины Арею подготовляет столкновение между ними в V книге. Оно вызвано неясными для нас процессами в истории саги,— может быть, каким-нибудь местным соперничеством культов. Арей держит сторону троянцев здесь и в V книге, а затем в XX и XXI (битва богов), и дважды слышит от Афины упрек в вероломстве (кн. V, ст. 832—834, и кн. XXI, ст. 412—414), так как он прежде обещал помогать ахейцам. Такого рода мотивировки обычно имеют место в греческой саге, когда поэт желает отвергнуть какой-либо вариант ее как ошибочный. Сага мыслится как действительная история, и изменения в нее вносятся в форме поправок к существующим изложениям. В каком-то варианте саги Арей сражался, повидимому, на стороне ахейцев (сын Арея Аскалаф и в „Илиаде“ еще предводительствует одним из греческих отрядов и гибнет от руки троянца); враждебно относящийся к Арею певец вносит поправку: Арей действительно обещал покровительствовать ахеянам, но изменил своему обещанию.

Ст. 446 и сл. Описание сражения начинается, как обычно в „Илиаде“, с общей характеристики, сопровождаемой сравнением. Затем картина боя распадается на ряд отдельных сцен. Поэт дает три сцены (ст. 457—472, 473—516, 517—538), построенные по одинаковому принципу: боец убивает противника, и вокруг тела убитого завязывается стычка.

Ст. 447. Сразилися кожи — сшиблись кожаные щиты.

Ст. 508. Пергам — цитадель Трои, где находился храм Аполлона.

Книга пятая

Ст. 5. Как явствует из параллельного текста кн. XXII, ст. 26—31, осенняя звезда — это „пес Ориона“, т. е. Сириус. Гомеровская осень не вполне совпадает с нашей и обозначает время созревания плодов, приблизительно с августа по октябрь. Солнечное восхождение Сириуса (т. е. время, когда он впервые становится виден в утренние сумерки) в VIII веке до н. э. начиналось в конце июля и знаменовало, таким образом, начало осени. Поэтому Сириус — осенняя звезда, хотя „всех светозарнее блещет“ он как раз не осенью, а зимой.

Ст. 48. Обнажили — сняли доспехи, которые становятся добычей победителя.

Ст. 59 и сл. Словом „зодчий“ Гнедич перевел говорящее собственное имя. Ферекл — сын Тектона („Строитель“), сына Гармона („Прилаживатель“); придаточное предложение — „которого руки“ и т. д.—относится уже к Фереклу, в семье которого строительное искусство было, таким образом, наследственным.

Ст. 63. Т. е. суда, на которых Парис отплыл из Трои и привез Елену.

Ст. 78. Священник у Скамандра — жрец у Скамандра, речного бога.

Ст. 92. Юношей красных работы — в первую очередь земледельческие работы.

Ст. 102. Древние погоняли лошадей в упряжи не кнутом, а гибкой тростью с утолщением на конце, которое называлось „кентрон“, т. е. стрекало, бодец, отсюда бодатели.

Ст. 127. Мрак у тебя от очей отвела — очи людей покрыты мраком, который не позволяет им различать богов.

Ст. 150. Ирония. В „Илиаде“ вообще наблюдается скептическое отношение ко всякого рода гаданиям.

Ст. 151. Сорвал корысти — снял доспехи с трупов.

Ст. 194. К бережи их — т. е. для их сохранения; добавлено Гнедичем.

Ст. 222. О конях Троса см. ст. 265 и сл.

Ст. 247. Добродушный — см. прим. к кн. I, ст. 123.

Ст. 290. Боги ростом выше людей, поэтому копье, которое Афина направляет в Пандара, летит сверху вниз.

Ст. 340. Представление об особой жидкости, струящейся в жилах богов вместо крови, свойственно только V книге „Илиады“.

Ст. 355 и сл. Афродита находит Арея слева от поля сражения. На левом фланге в „Илиаде“ обычно происходят менее значительные схватки. Арей прислонил копье и колесницу к обычно окружающему богов облаку,— одно из многочисленных архаических представлений, свойственных V книге „Илиады“; оно казалось многим филологам настолько фантастическим и не соответствующим общему тону поэмы, что они считали необходимым ввести изменение в текст. Перевод Гнедича сделан на основании одной из таких поправок („покрыты мраком“, вместо „прислонены к облаку“).

Ст. 385 и сл. Мифы о борьбе людей против богов в общем относятся к более ранней стадии греческой мифологии, чем гомеровская, и придают повествованию архаический колорит.

Ст. 407 и сл. Зловещее пророчество Дионы не находит осуществления в известных нам сагах о Диомеде и имеет только орнаментальное значение; возможно, конечно, что оно было теснее связано с сюжетом в том старинном источнике, который использован в V книге „Илиады“; героем там мог быть и не Диомед.

Ст. 412. Эпитет, который Гнедич обычно переводит словом „добродушный“ (см. прим. к кн. I, ст. 123), к женщинам не применяется (исключая Афину). В подлиннике: „разумная“.

Ст. 419. Язвительная речь Афины является ответом на такую же язвительную речь Зевса в начале IV книги.

Ст. 438. Слово „демон“ стоит и в подлиннике, но означает оно: бог, божество. Диомед налетает — „богу подобный“.

Ст. 445. В рассказе о спасении Энея ряд неясностей. В храме Аполлона Лета и Феба „исцеляли его и сообщали ему бо̀льшую мощь“ (ст. 448— перевод Гнедича здесь неточен). Вокруг призрака завязывается схватка, словно вокруг трупа Энея. Арей разговаривает об Энее как о павшем. Когда Эней возвращается, о призраке уже нет речи. Поэт сам сознает неувязку в изложении, когда в ст. 514—518 сообщает, что троянцы обрадовались, вновь увидев Энея живым, но ни о чем не спрашивали,

так как заняты были другим делом. Отсюда ясно, что и читатели не должны ни о чем спрашивать. Неувязка получилась, вероятно, в результате переделки все того же старинного, полного чудесных событий сказания. Гомеровские боги часто похищают героев, но они не оставляют призраков взамен похищенных людей.

Ст. 453. Тяжелый щит — оружие знатных, сражающихся с колесницы и пользующихся при надобности услугами оруженосца. Рядовые воины употребляли вместо щитов неотделанные, покрытые шерстью шкуры животных. Эпитет „крылатые“ обозначает, может быть, развевающиеся. Легкометных — неудачно прибавлено Гнедичем.

Ст. 492. Грозы и упреки оставить — ошибочный перевод. В подлиннике — очиститься от тяжелого упрека (моего и союзников).

Ст. 499. Священные гумна — представление, свойственное земледельческой религии. Так, в кн. XI, ст. 631, говорится о священной муке́.

Ст. 504. По гомеровским представлениям, небесный свод — металлическое полушарие (из меди или железа). Ср. библейскую „небесную твердь“.

Ст. 593. Мятеж — т. е. смятение, либо персонификация (как перевел Гнедич), либо как атрибут (напр. оружие), которое Энио держит в руках.

Ст. 631. Сарпедон — сын Зевса; Тлиполем — сын Геракла, стало быть внук Зевса.

Ст. 638. Сила Геракла — Геракл.

Ст. 654. Конь, в древнейших верованиях греков, был связан с подземным миром и божеством смерти. Эпитет Аида — „гордящийся конями“— остаток этих представлений.

Ст. 693. Под буком — неправильно; надо „под дубом“; дуб — священное дерево Зевса.

Ст. 696. Дух Сарпедона оставил — Сарпедон потерял сознание.

Ст. 727—728. Словом „кузов“ Гнедич ошибочно перевел греческое „дифрос“. Кузова у греческой военной колесницы не было. Термином „дифрос“ (колесница) в данном случае обозначается ее главная составная часть — плетенка из туго натянутых ремней. Эта плетенка предохраняла стоявших на ней воинов от толчков во время езды по неровной почве. Две скобы (ст. 728) — поручни у обоих концов высокого передка колесницы, за которые держались стоявшие в колеснице. Смысл текста: колесница (т. е. ее площадка) была из золотых и серебряных ремней, и на ней имелись два округлых поручня.

Ст. 734. Разрешила — сняла с себя.

Ст. 744. Ста бы градов ратоборцев покрывший — очень сомнительный перевод, основанный на старинном толковании. Смысл подлинника совершенно неясен. Речь идет не о величине шлема, а о каких-то изображениях, украшавших шлем.

Ст. 769. Звездное — постоянный (так наз. „стоячий“) эпитет неба; гомеровская поэтика допускает, чтобы небо и днем было названо „усеянным звездами“.

Ст. 810. Фригияне — т. е. троянцы. Гнедич отступил от гомеровского словоупотребления, отожествив фригийцев с троянцами, как это обычно в позднейшей античной литературе.

Ст. 832. См. прим. к кн. IV, ст. 441.

Ст. 845. Шлем Аида — шапка-невидимка (самое имя Аид означает „невидимый“), чудесный предмет, известный из сказок, но очень редко попадающий в орбиту аристократического мифотворчества. У Гомера встречается только здесь. Любопытнее всего то, что эта шапка-невидимка скрывает одно божество от другого. Не менее наивно представление, что храбрый герой и грозная богиня должны отличаться особенно большим весом (ст. 838—839).

Ст. 857. См. прим. к кн. IV, ст. 137.

Ст. 905. По гомеровскому обычаю, мужчин всегда омывают девушки.

Книга шестая

Ст. 6. Свет — у Гомера очень часто — спасение или помощь.

Ст. 9. Коневласый — с гривой из конских волос.

Ст. 48. Хитрые, точнее — с трудом обработанные изделия из железа. На ранних ступенях техники плавления железа обработка его представляла значительные трудности.

Ст. 75. Слово „мудрый" добавлено Гнедичем и не вполне уместно в данной связи. Для слушателей „Илиады" заранее ясно, что мольбы к Афине о спасении ненавистной ей Трои от находящегося под ее особым покровительством Диомеда останутся без результата. Вполне естественное с точки зрения греческой религии обращение к Афине Градодержице в момент опасности, угрожающей городу, в данной обстановке воспринимается как жестокая ирония, подчеркивающая обреченность Трои. Вместе с тем совет Гелена мотивирует уход Гектора и подготовляет сцены встречи его с Гекубой, Парисом, Еленой и Андромахой.

Ст. 88. Храм Афины Градодержицы находился обычно на Акрополе („замок градской"). Шествие благородных женщин к Афине с просьбой защитить женщин и детей гибнущего города — мера, свидетельствующая об отчаянном положении Трои.

Ст. 92. В храме статуя сидящей Афины, может быть, в человеческий рост. Единственное у Гомера упоминание культового изображения бога.

Ст. 97. Т. е. возбудителя бегства.

Ст. 114. Гектор, который в дальнейшем с точностью выполнит все указания Гелена, здесь излагает свои намерения несколько иначе. Он ничего не говорит о предполагаемом приношении Афине, с другой стороны — собирается беседовать с „советными" старцами (т. е. старейшинами, членами аристократического совета), но не приводит этого в исполнение. Отсюда хотели сделать вывод, что в ст. 114—115 сохранились остатки другой редакции рассказа, в которой совет Гелена не имел места. Такая возможность, разумеется, не исключена (см. прим. к ст. 326). Однако и в нынешнем контексте вполне понятно, что Гектор, ободряющий троянцев, не говорит им ничего о столь крайней мере, как шествие женщин к храму Афины, а свою отлучку в трудную минуту мотивирует важностью переговоров с членами совета.

Ст. 128—129. В этих стихах гомеровская критика видит одно из наиболее резких противоречий „Илиады"; ведь только в предыдущей книге Диомед получил от Афины способность отличать богов от смертных и сражался с богами. Гнедич в своем переводе,— бессознательно, конечно, и имея в виду ст. 606 книги V,— еще более обострил это противоречие. Слова: „я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться" — совершенно неуместны в устах Диомеда. В подлиннике сказано, однако: „Если же ты, будучи одним из бессмертных, низошел с неба, я не склонен сражаться с бессмертными богами", и это нисколько не противоречит V книге, где Афина разрешает Диомеду сражаться лишь с Афродитой и запрещает нападать на прочих богов, а впоследствии самолично ведет его против Арея и сама направляет то копье, которым Арей ранен. Что же касается неспособности Диомеда определить, бог ли Главк или человек, и вытекающего отсюда противоречия с V книгой, то ведь должно быть совершенно ясно, что, по концепции поэта, Афина

„отвела мрак от очей Диомеда" не навсегда, а лишь на время, и время это измеряется не днями и часами, а длительностью того эпизода, в котором эта чудесная помощь понадобилась. С того мемента, как боги оставили поле сражения, и поэт в ст. 1 книги VI дал знать, что божественная режиссура на время снимается, Диомед уже не в состоянии безошибочно отличить бога от смертного. Гораздо интереснее, чем это мнимое противоречие, разница в тоне между V и VI книгами. В то время как в V книге Диона, утешая Афродиту, рассказывала старинные, полузабытые мифы о людях, безнаказанно наносивших раны богам, и особый колорит V книги связан с использованием в ней архаического материала,— в VI книге Диомед обосновывает свое нежелание сражаться с богами мифом из цикла Диониса, бога, культ которого проник в аристократическую религию очень поздно и являет для поэта самоновейшую стадию религиозности. И если в V книге наблюдалась тенденция смягчить первобытную грубость старинного повествования и оправдать божественной режиссурой несоответствие его обычным гомеровским представлениям, в VI книге тот же поэт, уже не связанный старинным источником, окончательно реабилитирует Диомеда, в свою очередь не связанного велением Афины и отражающего образ мыслей автора. Что и здесь уважение к богам основано лишь на страхе перед их местью, вполне в духе гомеровской этики.

Ст. 133. Нимфы — ошибочное добавление Гнедича. Вакханки — не богини (нимфы) а смертные женщины, участницы оргиастического культа Диониса-Вакха; в этом культе справлялось рождение молодого бога, и вакханки были его пестуньями („питательницами").

Ст. 155. Миф о Беллерофонте и Антии примыкает к очень распространенному сюжету типа библейского сказания об Иосифе и жене Потифара. Ряд других греческих сказаний также развивает тему об оклеветанном юноше, который, не желая обмануть своего родственника или господина, пренебрегает любовью его жены. Тот же сюжет в древней египетской сказке „о двух братьях".

Ст. 157. Недосмотр Гнедича; речь идет не о самом Прете, а о тесте Прета.

Ст. 168. Единственное место в гомеровском эпосе, где упоминается письменность. Но и здесь поэт выражается очень неясно, так что можно понимать „знаки" не как письмена, а как условные рисунки. По общей концепции века героев у Гомера, письменности еще не существует.

Ст. 179. Бой с Химерой образует самостоятельный сюжет, лишь поверхностно связанный с мифом об Антии. Он идет по линии сказочных повествований о герое, которому царь поручает совершить различные подвиги, в том числе борьбу с чудовищами, и который, выполнив поручение, женится на царской дочери. Привычной чертой сказок являются и три подвига. По обычной версии, Беллерофонт поражает Химеру, имея в своем распоряжении, как в сказках, чудесного помощника, а именно крылатого коня Пегаса. Тенденция гомеровского эпоса к ослаблению чудесного элемента устраняет Пегаса из рассказа.

Ст. 194. Удел — часть общинной земли, отдаваемая в собственность царям.

Ст. 200. Ненависть богов к Беллерофонту — затемненная в гомеровской переработке черта предания. Позднейшие источники сообщают миф о попытке Беллерофонта подняться с помощью Пегаса на Олимп для борьбы с богами, но трудно судить, содержится ли в нашем тексте намек на этот рассказ.

Ст. 205. Внезапное наступление смерти объяснялось стрелой, посланной богами-лучниками. Аполлон поражает мужчин, а Феба (Артемида) — женщин. Ср. прим. к кн. I, ст. 45.

Ст. 215. При полном бесправии чужеземцев в древних греческих государствах взаимоотношения между членами различных общин осуществлялись помощью завязывания гостеприимств. Обмен подарками скрепляет взаимное обязательство сторон принимать друг друга и оказывать друг другу покровительство на своей родине. Взаимоотношения эти обычно переходят и на последующих представителей обоих родов. Нечто аналогичное греческому гостеприимству — обычай куначества у многих народов СССР.

Ст. 220. См. прим. к кн. I, ст. 584.

Ст. 236. Равноценность подарков — необходимое условие обмена. Чеканная монета не входит в гомеровскую картину века героев, оценка производится поэтому еще в тельцах.

Ст. 288. Всходит — неправильно, в подлиннике — „спускается“. Это казалось непонятным, но раскопки в Кноссе (Крит) действительно обнаружили сокровищницу под жилыми помещениями.

Ст. 290. Предметы роскоши гомеровское общество получает путем импорта, в данном случае из Финикии, славившейся своим пурпуром.

Ст. 320. Кольцо охватывало основание наконечника копья в месте его прикрепления к древку.

Ст. 326. Перевод слишком резок. В подлиннике: „странный человек, нехорошо, что ты теперь вздумал гневаться“. По ходу действия „Илиады“ у Париса нет ни малейшего основания гневаться. Исследователи поэтому предполагают, что сцена первоначально находилась в ином контексте, где Парису, может быть, предлагали отказаться от Елены (ср. кн. VII, ст. 345—379).

Ст. 357—358. Точнее: „для того, чтобы мы и в будущем оставались на песни потомкам“. „Бесславные“ прибавлено Гнедичем и вряд ли соответствует мысли поэта. Эпический певец утверждает, что события, о которых он поет, произошли именно для того, чтобы стать предметом песни. Исключительно злая судьба Александра и Елены — основание для песен в будущем; момент бесчестия здесь не выдвинут.

Ст. 403. Имя Астианакс означает „владыка города“.

Ст. 418. Сожжение трупа вместе с оружием, которое еще понадобится душе умершего,— старинный обычай, являющийся для гомеровской эпохи уже пережитком.

Ст. 419. Ульмы (илимы) считались бесплодными деревьями и связаны были поэтому с культом мертвых.

Ст. 428. См. прим. к ст. 205.

Ст. 471. В подлиннике: „почтенная мать“. При всей мягкости сцены прощания эпитет „нежная“ совершенно выпадает из эпического стиля. Точно так же „кроткая“ в ст. 516 добавлено Гнедичем. Вместо „добрая“ (ст. 486) — в подлиннике „странная“.

Книга седьмая

Ст. 12. Крепость разрушил — убил.

Ст. 56. См. прим. к кн. III, ст. 78.

Ст. 59. Словно как ястребы, хищные птицы — в подлиннике только: „уподобившись ястребам“, т. е. приняв вид ястребов. Редкий у Гомера случай зооморфизма богов, обычно имеющих человеческий облик.

Ст. 69. Намек на неосуществленный договор III книги. Естественно, что новое единоборство уже не может быть предложено в качестве поединка, решающего исход войны, и является лишь очередной военной операцией, которая, по представлению поэта, была свойственна героическим временам.

Ст. 99. В древнейшей греческой литературе нередко встречается представление, что человеческое тело состоит из глины и воды и после смерти разлагается на эти составные части.

Ст. 127. Перед троянской войной Нестор и Одиссей отправились во Фтию, чтобы побудить Ахиллеса принять участие в походе.

Ст. 133. Рассказ Нестора, приближающийся к типу сказаний о Давиде и Голиафе,— вероятно, выдержка из пилосских саг. Географическая локализация Иардана представляет значительные трудности.

Ст. 139. Опоясаньем красных — см. прим. к кн. I, ст. 429.

Ст. 187. Означил — сделал свою пометку.

Ст. 195. Безмолвно молиться следует ввиду того, что, по первобытным представлениям, враг может каким-либо дурным словом остановить действие молитвы. Поэт, очевидно, относится скептически к этому суеверию.

Ст. 197—199 являются, быть может, афинской интерполяцией, для того, чтобы ввести в „Илиаду“ предание о саламинском происхождении Аякса. С островом Саламином Аякс, кроме этого места, связан в кн. II, ст. 557—558, где также есть основание подозревать афинскую интерполяцию (см. прим. к кн. II, ст. 484).

Ст. 232. Предложение Аякса является пренебрежительным вызовом Гектору, так как нападающий имеет известное преимущество во время поединка. В поединке Париса с Менелаем вопрос, кому начинать, решали жребием.

Ст. 240. Точнее: „и в пешем бою умею танцовать танец войны для Арея“. Речь идет о военных танцах, распространенных у первобытных народов и долго сохранявшихся у греков.

Ст. 334—335, повидимому, представляют собою интерполяцию. Предложение отвезти кости погибших в Грецию несовместимо с предложением похоронить их в Троаде. Интерполяция могла возникнуть в связи с тем обстоятельством, что в Греции показывали гробницы героев, павших под Троей.

Ст. 338—339. Стену и башни высокие.— В подлиннике „пюргос“, что означает: „укрепления“, „вал“. Впоследствии слово „пюргос“ означало „башня“, и это значение здесь ошибочно приписано гомеровскому языку. Вал и составляет ту стену, о которой дальше будет итти речь. В стене должны быть, по мысли Нестора, устроены „крепко сплоченные ворота“. „Створы“ — добавлено Гнедичем.

Ст. 402. Уверенность Диомеда вызвана, разумеется, теми же мотивами, что и предложение Антенора (ст. 350—353): после нарушения клятвы Троя обречена.

Ст. 409—410. Перевод неверен. Смысл: по отношению к мертвым не приходится скупиться на скорейшее предание их усладам огня.

Ст. 427. Рыдание над мертвым является для древних ритуальным действием. Поэтому в присутствии врагов так же не следует громко рыдать, как и громко молиться (см. прим. к ст. 195).

Ст. 437—438. См. прим. к ст. 338—339.

Ст. 441. По нем — в нем.

Ст. 452. Миф о службе Посидона и Аполлона у троянского царя Лаомедона рассказан в XXI кн. „Илиады“, ст. 444—457.

Ст. 456. Замыслов равных — т. е. подобной затеи. Смысл: другим богам, но не тебе, следовало бы пугаться высокого вала вокруг стана ахейцев.

Ст. 473. Естественный цвет железа — светлосерый. Отсюда его гомеровский эпитет: „седое“.

Книга восьмая

Ст. 13. Если Аид находится под поверхностью земли, то Тартар — в самых сокровенных глубинах ее; он мыслится по типу подземной темницы, какие бывали в греческих городах („яма“).

Ст. 19. Золотая цепь, или, может быть, „вервь“ между небом и землей, играющая значительную роль в античной и средневековой мистике,— отголосок старинных мифологических представлений, в основе которых, вероятно, лежит образ солнечного луча. Ср. лестницу между небом и землей, которую видит во сне библейский Иаков.

Ст. 36. Боги не будут участвовать в битве, а ограничатся внушением советов. Другими словами, поэт оставляет за собой свободу мотивировать те или иные действия героев божественным внушением.

Ст. 48. Т. е. алтарь, на котором происходят обильные воскурения благовониями.

Ст. 97. Эпитет „благородный страдалец“ (правильнее: многотерпеливый), обычный в „Одиссее“, но в „Илиаде“ встречающийся лишь в некоторых книгах (VIII—X, XXIII), связан с рассказами о страданиях, которые Одиссей претерпел на обратном пути из Трои и которые составляют предмет „Одиссеи“.

Ст. 106. Кони Троса — см. кн. V, ст. 221—223.

Ст. 108. Вчера — хронологическая ошибка Гнедича. Между первой и второй битвой прошли полных два дня. В греческом подлиннике: „как-то“.

Ст. 213. Гнедич оставил без изменения неясность, имеющуюся и в подлиннике. Что значит „от судов“, непонятно.

Ст. 228. Только по виду храбрые, ср. кн. III, ст. 39, и кн. V, ст. 787.

Ст. 247. Орел — священная птица небесного бога Зевса; появление орла свидетельствует о том, что Зевс услышал молитву.

Ст. 266. Напрягатель жестокого лука — натягиватель тугого лука.

Ст. 302. Невинного — в подлиннике: „непорочного“, обычный хвалебный эпитет; перевод может создать ложное впечатление, будто, по мысли поэта, Тевкр, прицелившись в Гектора, убил другого, невинного.

Ст. 363. Сын Зевса — Геракл, совершивший свои подвиги по поручению царя Эврисфея.

Ст. 367. Во Аид крепковратный,— правильнее: к Аиду, стражу ворот, т. е. тюремщику, не выпускающему тех, кто попал в его царство.

Ст. 368. Пес подземного царства — Кербер (Цербер).

Ст. 411. При первых вратах — у самых ворот.

Ст. 519. Стены Трои построены Посидоном и Аполлоном (см. кн. VII, ст. 452).

Книга девятая

Ст. 34. В сцене обхода, кн. IV, ст. 370 и сл.

Ст. 49. С богом пришли мы — т. е. мы, ахейцы, пришли под Трою при благоприятных знамениях.

Ст. 63—64. Нестор применяет полусакральные, полуюридические термины, определяющие положение изгоя в греческом обществе: тот — aphretor, т. е. лишен родового сообщества (участия в клане, фратрии), athemistos, т. е. не подлежит защите со стороны священных установлений (themistes), и anhestios, т. е. отгоняется от всякого домашнего очага (hestia), кто стремится к жестокой междоусобной брани. Это — намек на ссору между Агамемноном и Ахиллесом; Нестор, считая неудобным распространяться об этом на общевойсковом собрании, предлагает созвать заседание совета вождей.

Ст. 110. Боги чествуют Ахиллеса тем, что посылают поражение оскорбившим его ахейцам.

Ст. 122. Талант — единица веса у греков, не одинаковая в разных местностях и в разное время. Величина гомеровского таланта неизвестна. Лахань — точнее: котел (lebes).

Ст. 128. Эпитет „непорочный“ в подлиннике отнесен к искусству в рукоделии, а не к самим женщинам; перевод Гнедича легко может вызвать ложные представления о требованиях, которые гомеровское общество предъявляет к рабыням.

Ст. 145. Ифианасса, повидимому, должна соответствовать Ифигении других вариантов саги. Поэт, умалчивающий о жертвоприношении Ифигении (см. прим. к кн. I, ст. 106), находит нужным изменить и самое ее имя.

Ст. 146. В гомеровских поэмах обычной является покупка жены. Жених дает отцу невесты выкуп (вено). Для эпохи создания поэм это архаизм, бытовая черточка героических времен. В современной поэту греческой жизни почти повсеместно уже распространился обычай давать за дочерью приданое. В нашем случае поэт играет на сопоставлении старинного и нового обычая, чтобы подчеркнуть исключительную щедрость Агамемнона.

Ст. 149. Держава Агамемнона мыслится очень обширной: перечисленные семь городов находятся в Мессении. Получение городов в дар устанавливает, вероятно, вассальное обязательство, но для поэта, живущего в эпоху мелких автономных общин, эти старинные отношения уже неясны.

Ст. 160 и сл. Следует обратить внимание на обстоятельство, характерное для замысла поэта и концепции характеров действующих лиц: Нестор предлагал смягчить Ахиллеса „лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью“ (ст. 113); в отношении даров Агамемнон обнаруживает себя чрезвычайно щедрым, но остается непреклонным в вопросе о субординации. Одиссей, пересказывая Ахиллесу предложения Агамемнона (ст. 264 и сл.), опускает, разумеется, эти заключительные слова.

Ст. 168. В подлиннике место Феникса в посольстве неясно, и с ролью Феникса связаны даже текстовые трудности. Каким образом Феникс, воспитатель Ахиллеса, мог оказаться в стане Агамемнона, совершенно непонятно. Поэт, дороживший, очевидно, ролью Феникса для рассказа о гневе Мелеагра, вводит его, против обычая, без указания происхождения и отношения к Ахиллесу, чтобы не задерживать внимания слушателя на немотивированности появления самой фигуры. Все необходимые сведения о Фениксе слушатель получит позже в его речи.

Ст. 176. См. прим. к кн. I, ст. 471.

Ст. 187. Накольня — перекладинка, которая скрепляла рога на лире; на ней же помещались наколки, на которые накручивались струны.

Ст. 189. Слава героев — т. е. эпические песни о подвигах героев.

Ст. 203. Точнее: приготовь раствор покрепче. Греки всегда пили вино, смешанное с водой.

Ст. 236. Правая сторона считалась счастливой.

Ст. 337. Царь сладострастный — добавление Гнедича, совершенно выпадающее по тону из гомеровского стиля.

Ст. 376. Спокойный — т. е. оставив меня в покое.

Ст. 387. Дословно: пока он не заплатит мне сполна за обиду, терзающую душу, т. е. своим унижением, а не дарами.

Ст. 405. Имеется в виду храм в Дельфах (Пифосе) с знаменитым оракулом. В подлиннике, правда, эпитет Феба не „пророк“, а „стрелец“.

Ст. 409. Широко распространенное анимистическое представление о душе, покидающей человека через уста при последнем вздохе.

Ст. 454. Осквернение отцовского ложа — одно из самых тяжких, неискупимых преступлений с точки зрения морали патриархально-родового периода. Подземные богини Эриннии выступают здесь в своей прямой функции, как хранительницы семейных устоев, но олимпийская религия эпического поэта уже не проводит строгого разграничения между ними и Аидом („подземным Зевсом") с Персефоной. Проклятие отца основано на том принципе архаического права, что отомщение должно быть тожественно вине („око за око"). Пострадать должно то, что прегрешило, и Феникс обречен на бездетность. Принятие новорожденного на колени — акт признания его принадлежности к роду.

Ст. 495. Точнее: ты некогда защитишь меня от позорного горя, т. е. со временем защитишь мою старость.

Ст. 502. Молитвы — вернее: покаянные просьбы,— аллегорическая персонификация.

Ст. 557. Эвенина — дочь Эвена. Клеопатра была дочерью Ида и Марписсы (см. словарь), дочери Эвена.

Ст. 567. См. в словаре Мелеагр.

Ст. 572. Слово „фурия" — латинское наименование Эриннии, прибавленное Гнедичем для пояснения.

Ст. 599. Так — без даров, которые в гомеровском обществе высоко ценятся и как доход и как знак почета, которого требует обычай.

Ст. 634. В гомеровском обществе кровная месть заменена пеней (вира древнерусского права).

Ст. 636. Аякс, обращавший свою речь к одному Одиссею, теперь обращается к Ахиллесу, и Ахиллес отвечает ему лишь на эту часть речи.

Ст. 645. От души — неточно: „то, что ты говорил, мне по душе, но..."

Ст. 648. Скиталец — переселенец, человек, покинувший свою родину и, в качестве чужеземца, лишенный всяких прав в той общине, где он живет (ср. прим. к ст. 63—64).

Ст. 656. Кубок двоедонный — см. прим. к кн. I, ст. 584.

Ст. 661. Гомеровская постель состоит из тюфяка (замененного здесь овчиной), простыни (покрывала у Гнедича) и одеяла, в данном случае из льняной ткани.

Ст. 683. Обоюдувесельные — см. прим. к кн. II, ст. 165.

Книга десятая

Ст. 39. Смысл подлинника прямо противоположный: боюсь, что никто на подобное дело не вызовется и не пойдет одинокий соглядать врагов ночью.

Ст. 56. Особое положение караульной службы отмечается в системе античного миросозерцания тем, что она получает религиозное освящение.

Ст. 71. На родившихся — в самый момент нашего рождения Зевс уже уготовал нам тяжкое горе.

Ст. 110. Быстрый Аякс — Аякс, сын Оилея, в отличие от „подобного богу" (ст. 112) Аякса Теламонида. Сын Филеев — Мегес.

Ст. 173. На мечном острии распростерта — точнее: на острии бритвы,— поговорка: в ближайшем будущем решится в ту или иную сторону.

Ст. 214—217. Характер награды и оценка ее возбуждают справедливое недоумение, если вспомнить, что в совещании принимают участие вожди ахейского войска. Перед нами либо неуместное прибавление какого-нибудь рапсода, либо, что вероятнее, остаток какой-то более старинной версии, предполагавшей иную ситуацию.

Ст. 252. Ночь, т. е. промежуток от заката солнца до его восхода, делится на три части, и время ночи определяется по положению звезд.

Ст. 263. Описываемый шлем сохраняет еще черты первобытного головного убора — скальпа убитого зверя. Архаичность шлема подчеркивается рассказом о его происхождении.

Ст. 266. Знаменитый вор, Автолик, похищает шлем, не разрушив дом Аминтора, как переводит Гнедич в ст. 267, а пробив отверстие в доме.

Ст. 275. Цапля, часто фигурирующая на монетах как птица Афины, считалась благоприятным знамением.

Ст. 286. См. кн. IV, ст. 384 и сл.

Ст. 309. Опасно стрегомы — заботливо охраняемы.

Ст. 418. Перевод, основанный на старинном толковании этого места, очень неточен. Слов „в стане" и „у огниц" в подлиннике нет. Речь идет, повидимому, не о сторожевых огнях, а об очагах жителей города Трои; очаг — единица, соответствующая нашему двору. Дословно: „сколько есть очагов у троянцев, столько эти (т. е. троянцы), которым это необходимо, бодрствуют и побуждают друг друга быть настороже".

Ст. 475. Задней скобы у гомеровской военной колесницы не было. Имелся передок, к которому обычно привязывались вожжи. В подлиннике сказано: „быстрые лошади привязаны были ремнями (вероятно, вожжами) к заднему краю эпидифриады" (какая-то деталь дифроса) (см. прим. к кн. V, ст. 727).

Ст. 496—497. В подлиннике, вероятно, интерполяция. К словам: „тяжелый сон стал у него над головой" — кто-то прибавил: „в течение ночи Инидов сын (т. е. Диомед) по совету Афины". Эти слова, образующие стих 497 подлинника, были опущены в ряде античных изданий „Илиады".

Книга одиннадцатая

Ст. 20. Кинирас — в кипрской саге — первый царь Кипра и основатель культа Афродиты в Пафосе. Орнаментация лат соответствует, по мнению археологов, кипрскому искусству VIII века.

Ст. 24. Археологические данные в настоящее время позволяют точнее определить значение термина, который Гнедич мог только по догадке переводить как „черную воронь". Речь идет о темноголубом сплаве стали и меди, имитирующем лапис-лазурь. Кипр был одним из центров производства этого сплава.

Ст. 31. Ремни златые — золотой темляк. Такой золотой темляк был найден Шлиманом в Микенах.

Ст. 51. Перед рвом — неправильно; надо: „за рвом". Вожди останавливают свои колесницы перед рвом, переходят ров пешие, строят войско, а затем за ними следуют колесницы.

Ст. 62. Вредоносная звезда — Сириус (см. прим. к кн. XXII, ст. 29).

Ст. 78—83 со времен античных филологов считаются интерполяцией, так как вряд ли поэт приписал бы всем богам, из которых часть покровительствует троянцам, недовольство по поводу Зевса.

Ст. 129. Оба смутились они — неправильный перевод. Речь идет не о людях, а о конях. „Оба коня взбесились" или „смешались", как совершенно правильно Гнедич передает смысл того же выражения в кн. XX, ст. 489.

Ст. 140. См. кн. III, ст. 205.

Ст. 224. Белоногой — в подлиннике: прекраснолапитой.

Ст. 227. Славой ахеян увлекся — в подлиннике: прибыл при

известии об ахейцах, т. е. об их походе на Трою. Старинный обычай требовал, чтобы новобрачный известное время воздерживался от участия в войне.

Ст. 243. Имеются в виду не подарки жене, а выкуп за нее. См. прим. к кн. IX, ст. 146.

Ст. 271. Женам родящим присущие — присутствующие при родах.

Ст. 304 и сл. Неверный перевод. Точнее: словно как Зефир рассеивает тучи беловатого Нота, поражая их порывами сильного вихря.

Ст. 340. Так Пеонид омрачился душою — у Пеонида рассудок настолько помутился, что он отошел от колесницы на далекое расстояние.

Ст. 385. Спирально завитые локоны, прическа, называвшаяся „рогом".

Ст. 403. В греческом эпосе монолог всегда вводится как разговор с духом.

Ст. 413. Меж себя заключая их гибель — окружая Одиссея, который стал для них источником горя и гибели.

Ст. 445. См. прим. к кн. V, ст. 654.

Ст. 535. Скоба — см. прим. к кн. X, ст. 475.

Ст. 539. Греческий текст в этом месте неясен. Комментаторы истолковывали его двояко: 1) ненадолго расставался со своим копьем, т. е. давал себе лишь краткую передышку от брани; 2) незначительно отступал перед копьем, т. е. все время держался близко от вражеских рядов.

Ст. 543 отсутствует в рукописях „Илиады" и введен издателями на основании цитат у Аристотеля и Плутарха. Впрочем, и предыдущие стихи, 540—542, возбуждают сомнение относительно своей подлинности: 540—541 = 264—265, и совершенно неясно, почему бы Гектору избегать борьбы с Аяксом, который в ближайших книгах „Илиады" будет его главным противником.

Ст. 554. И свирепый — несмотря на всю свою свирепость.

Ст. 558. Сравнение Аякса с ослом служило поводом для многочисленных нападок на грубость „Илиады" в эпоху французского классицизма. До середины XVIII века ни один переводчик не решался воспроизвести это „низменное" сравнение.

Ст. 584. Трость — древко стрелы.

Ст. 632. Наилучшее представление о типе описываемого здесь кубка дает золотой кубок, найденный в Микенах Шлиманом. Кубок этот отличается от кубка Нестора лишь тем, что имеет две рукоятки, а не четыре, и по одной голубке на каждой рукоятке. В ст. 635 — „и был он внутри двоедонный" — ошибочный перевод; в подлиннике: и были внизу два основания (или две подставки). Речь идет, вероятно, о массивной двойной ножке сосуда.

Ст. 661. В изданиях греческого текста „Илиады" за этим стихом следует еще один стих: „ранен также и Эврипил стрелою в бедро", отсутствующий в большинстве рукописей. Издатели считают его интерполированным из кн. XVI (ст. 27), поскольку Нестор еще не знает о ране Эврипила,— и Гнедич его опустил. Поэтому дальнейшая нумерация стихов XI книги отстает на единицу от нумерации, принятой в изданиях „Илиады".

Ст. 673. Возмездие — вознаграждение за ущерб, причиненный похищением стада.

Ст. 688. Старинная сага повествовала об опустошительном походе Геракла на Пилос. Рассказ этот расцвечен многочисленными сказочными подробностями, которые поэт опускает.

Ст. 794. См. кн. IX, ст. 410 и сл.

Ст. 806. Площадь — место войскового собрания. Корабли Одиссея находились посреди ахейского стана (ст. 6).

Книга двенадцатая

Ст. 17. Ахейскую стену разрушают Посидон и Феб, т. е. те самые боги, которым приписывается построение первых стен Трои, разрушенных Геркалом (ср. кн. VII, ст. 452).

Ст. 23. Единственный случай в гомеровских поэмах, где участники похода против Трои названы полубогами. Фигуры саги обычно рассматриваются как люди, даже если происходят от божественных предков. Народная религия знала полубогов как промежуточную ступень между богами и людьми, и Гезиод действительно относит героев саги к полубогам.

Ст. 37. Башня — здесь и в дальнейшем — укрепления вала, воздвигнутого ахейцами (см. прим. к кн. VII, ст. 338).

Ст. 65 и сл. Перевод ошибочный. Изложение и в подлиннике очень неясное, но картину можно представить себе следующим образом: ров усеян кольями, которые находятся, однако, не на поверхности рва, как думает Гнедич (ст. 55), а вбиты несколько ниже, образуя над поверхностью зубчатый ряд. Очевидно, такой ряд кольев являлся бы препятствием не только для троянцев, но и для ахейцев, при переходе через ров. Стало быть, оставлены места — соответственно воротам стены — где ров более удобен для переправы, менее отвесен и не покрыт кольями. Однако и эти места пугали коней. Полидамас указывает, что пространство между рвом и стеной (которое мы не должны представлять себе чересчур узким) все же недостаточно удобно для развертывания боя на колесницах,— там нельзя ни спуститься с колесниц, ни сражаться на них; в случае необходимости отступить — колесницы легко опрокинутся в ров.

Ст. 92. Кебриона слабейшего — т. е. более слабого, чем Кебрион. Кебрион является возницей Гектора, начиная с кн. VIII, ст. 318.

Ст. 117. Девкалионом здесь по ошибке назван Идоменей, сын Девкалиона (Девкалид); то же в кн. XXIII, ст. 474.

Ст. 138. Вверх подымая щиты — так как ахейцы будут защищаться с высоты стен.

Ст. 235 и сл. Любопытный образец расхождения между идеологией поэта и традиционными приемами ведения рассказа. По ходу событий, толкование знамения, предложенное Полидамасом, окажется истинным, но поэт скептически относится к птицегаданию как предрассудку масс. Недаром поэт, идеолог единодержавия, ввел в спор Гектора с Полидамасом момент конфликта между царем и простым гражданином (ст. 211—214). Идеология царей в своей небесной проекции приводила к идее верховного владычества Зевса над богами и людьми, и религия Зевса заключала в себе монотеистическую тенденцию. По ходу рассказа, воля Зевса известна Гектору через Ирису (кн. XI, ст. 199 и сл.). Но сентенция в стихе 243 показывает, что в идею божества вкладывается и нравственный смысл.

Ст. 255. Дух унижал — точнее: затмевал разум — буря кружит пыль и вызывает чувство головокружения.

Ст. 258. Зубцы — правильнее: брусья. Грудные забрала — здесь и в дальнейшем — брустверы (дословный перевод с немецкого: Brustwehr).

Ст. 269. Передний — лучший.

Ст. 289. Твердыня — здесь и в дальнейшем — стена ахеян.

Ст. 296. На поверхности — неясный перевод; в подлиннике: изнутри. Имеется в виду внутренняя поверхность щита. Наружная, обращенная к врагу, покрывалась металлом.

Ст. 320. Из этого места можно заключить о лозунгах, под которыми шла демократическая оппозиция против царей.

Ст. 340. Обступили их все — т. е. все ворота. Смысл и самый текст подлинника спорны.

Ст. 421 и сл. Одно из свидетельств об общинном землевладении в древнейшей Греции. Слова, которые Гнедич перевел: „на смежном поле“, правильнее толковать: „на общем (т. е. общинном) поле“. По разделу все получают равные участки, но поскольку камень, играющий роль межи, легко передвинуть, на этой почве между соседями возникают споры.

Ст. 433 и сл. Это интересное сравнение из жизни беднейшего населения, свидетельствующее о начинающемся разделении труда даже в области таких специфических домашних работ, как прядение, не вполне точно передано Гнедичем: как добросовестная женщина-ремесленница, которая, держа с одной стороны гирю, а с другой шерсть, подымает кверху коромысло весов, выравнивая их, — для того, чтобы добыть для своих детей жалкое вознаграждение, так и т. д.

Книга тринадцатая

Ст. 5—6. Словом „бедные“ Гнедич перевел имя народа Абии. Правильный перевод будет: гиппемолгов (т. е. доителей кобылиц), питающихся молоком, и абиев, справедливейших из людей. Имеются в виду кочевые скифские племена, питающиеся кумысом; как уже было указано (прим. к кн. I, ст. 423), с отдаленными народами связывались представления об их праведной жизни.

Ст. 109. О враждебном настроении войска против Агамемнона в результате оскорбления, нанесенного Ахиллесу, до сих пор в „Илиаде“ речи не было. Трудно сказать, использован ли здесь какой-либо иной вариант предания (ср. кн. XIV, ст. 49—51), или поэт влагает в уста Посидону-Калхасу фиктивную мотивировку поражения, чтобы тем легче ее устранить. Речь Посидона по структуре и содержанию чрезвычайно напоминает увещания, типичные для древнегреческой элегии.

Ст. 115. Посидон апеллирует к сословной чести аристократов, противополагая их трусам („подлому“, ст. 119).

Ст. 140. Прядая кверху — подпрыгивая после каждого падения.

Ст. 162. Около трубки — в месте связи металлического наконечника с древком.

Ст. 246. Термин служитель применяется к ближайшим сподвижникам царя и свободно чередуется с термином товарищ (у Гнедича обычно: друг).

Ст. 268. Несколько неожиданным является то, что палатки Идоменея и Мериона находятся далеко одна от другой. Впрочем, есть основания думать, что в греческой саге Мерион когда-то был самостоятельным вождем и лишь впоследствии стал представляться „служителем“ Идоменея.

Ст. 299. С Ужасом сыном — см. прим. к кн. IV, ст. 441.

Ст. 326. Левая сторона рати — см. прим. к кн. V, ст. 355.

Ст. 342. Вновь уясненных — свежевычищенных.

Ст. 366. Дары — выкуп, вено (см. прим. к кн. IX, ст. 146).

Ст. 444. Перевод очень неясен. В подлиннике говорится, что Арей постоянно ослаблял стремительность движения копья. Это же выражение подлинника отчетливо переведено Гнедичем в кн. XVI, ст. 613, и кн. XVII, ст. 529. Однако в обоих местах переводчик опустил упоминание об Арее. Арей здесь не столько личный бог, сколько олицетворенный дух сражения, определяющий судьбу каждого удара.

Ст. 460. Эней — представитель младшей линии царского дома Трои, и ему суждено стать царем троянцев после гибели их города (кн. XX,

ст. 307). Здесь, очевидно, намек на неизвестные нам саги о вражде между разными линиями рода троянских царей.

Ст. 466. Собственном — добавлено Гнедичем. Поэт, вероятно, представляет себе дело иначе; Алкафой, зять Анхиза, живет с тестем, подобно зятьям Приама (кн. VI, ст. 250).

Ст. 514. Идоменей уже не в силах атаковать, бросаясь вперед для того, чтобы поразить противника, а затем, схватив свое копье и добычу, отпрыгнуть назад; поэтому он предпочитает оборонительную стоячую битву (а не стойкую, как переводит Гнедич, добавляющий от себя еще слово „упорную") и медленно отступает. Пагубный день — смерть.

Ст. 556. Он — Антилох.

Ст. 563. Черновласый — неточный перевод эпитета Посидона. Волосы Посидона морского цвета, голубые (ср. прим. к кн. XI, ст. 24).

Ст. 632. В переводе не передан момент противопоставления: „однако все, что здесь теперь делается, исходит от тебя".

Ст. 658. Отец убитого, Пилемен, сам уже убит Менелаем (кн. V, ст. 576—579), но поэт об этом забыл.

Ст. 659. Ибо не мог он врагам отомстить — неправильно. В подлиннике: „и не происходило мщения", поскольку и пафлагоняне и отец убитого отправились с телом в Илион.

Ст. 669. Пеня — призванный на войну мог за известную сумму откупиться.

Ст. 687. С нуждой — с трудом.

Ст. 701. Быстрый Аякс — сын Оилея; от могучего брата — редкая у Гнедича ошибка: Аяксы не братья; брат Аякса Теламонида — Тевкр. В подлиннике: но и Аякс, быстрый сын Оилея, совсем не отставал от Аякса Теламонида.

Ст. 713. Стойкий — см. прим. к ст. 514.

Ст. 730. За словами: „бог одного одаряет способностью к брани" — в изданиях „Илиады" следует отсутствующий в большинстве рукописей и считающийся подложным стих: „другого к пляске, другого к игре на кифаре и пению". Гнедич этот стих выпустил, и в дальнейшем нумерация стихов перевода отстает на единицу от нумерации, принятой в изданиях подлинника.

Ст. 745. Муж, ненасытимый бранью — Ахиллес, выступления которого можно опасаться, атакуя самые суда.

Ст. 753. Сравнение Гектора со снежной горой непонятно. Комментаторы предполагают ошибку в тексте. Могла бы итти речь о лавине, но обитатели Греции или малоазиатского побережья вряд ли были знакомы с этим явлением.

Ст. 836. Светы Зевеса — лучи Зевса, небесный блеск.

Книга четырнадцатая

Ст. 31—32. Греческий текст представляет в этом месте некоторые трудности, но перевод Гнедича во всяком случае неправилен. Дословно: „они извлекли их на сушу первыми (т. е. у самого моря), а вал соорудили около крайних (т. е. наиболее удаленных от моря)". Таким образом суда Агамемнона, Одиссея и Диомеда находились на более или менее значительном расстоянии от сражающихся.

Ст. 35. Лествицей — корабли стояли не в одну линию на берегу, а рядами.

Ст. 40. Вожди смущены тем, что Нестор, не будучи ранен, находится вдали от битвы.

Ст. 120. Глухая мотивировка волей богов свидетельствует о том, что

опущена какая-то неудобная для поэта черта предания. Действительно, до нас дошел рассказ, что Тидей вынужден был бежать из дома, так как совершил убийство. Естественно, что Диомед об этом не упоминает.

Ст. 136. Древний муж — старик.

Ст. 156. Гера — жена своего брата Зевса. Поэтому Посидон одновременно и брат и деверь Геры.

Ст. 201. Океан и Тефиса — родители Реи, матери Зевса и Геры. (Гнедич в ст. 208 ошибочно называет их родителями Геры.) Они взяли Геру к себе во время борьбы Зевса с его отцом Кроном и титанами. В этой генеалогии богов намечаются уже умозрительные элементы. Представление о том, что все произошло от Океана (ст. 246), подготовляет идеи ранней ионийской натурфилософии о воде (живительной влаге) как первоначале мира (Фалес).

Ст. 214 и сл. Пояса Афродиты у Гомера нет. Это испещренный узорами ремешок, который Афродита носит на груди, амулет, а не часть костюма.

Ст. 234. Намек на эпизод из саг о Геракле, подробно рассказанный в ст. 249 и сл. и, повидимому, послуживший прообразом для эпизода обольщения Зевса.

Ст. 249. Рукописи „Илиады" дают в этом стихе различные чтения. Большинство современных издателей принимают чтение, отличное от того, которому следовал Гнедич: „ведь уже раз проучило меня другое твое поручение".

Ст. 259. Ночь — старинное, доолимпийское божество — внушает почтение и богам и людям как источник страшных сил. У Гезиода: Ночь — мать Сна и Смерти.

Ст. 271. При клятвах часто призываются подземные силы (см. прим. к кн. III, ст. 269). Олимпийцы всегда клянутся хтоническими божествами, чаще всего водой Стикса (см. прим. к кн. II, ст. 755). Прикосновение к земле и воде устанавливает связь с подземными силами.

Ст. 279. Преисподних — в подлиннике: „находящихся в глубине Тартара", который в гомеровской космологии отличен от Аида (см. прим. к кн. VIII, ст. 13).

Ст. 288. Эфир — верхний, светлый слой воздуха, находящийся непосредственно под небесным сводом.

Ст. 290—291. Виталица — обитательница. Какая птица имеется в виду, неизвестно. О языке богов см. прим. к кн. I, ст. 399.

Ст. 317 и сл. Этот перечень любовных увлечений Зевса обычно рассматривается как неуместная ученая интерполяция какого-то рапсода.

Ст. 347. Одним из элементов греческой весенней обрядности является священный брак, обеспечивающий плодородие; так, в Афинах ежегодно справляется брак „царицы", жены сакрального „царя", с богом Дионисом. Священный брак Зевса и Геры праздновался в целом ряде греческих государств.

Ст. 392. Бой, в котором предводительствует морской бог, сопровождается волнением самого моря; это глубоко архаическая черта.

Ст. 414. Место, в которое ударила молния, считалось священным: Зевс выбрал это место, чтобы обнаружить на нем свою мощь.

Ст. 434. В первый раз встречаемся с указанием, что между ахейским станом и городом протекает река. Поэт в каждом случае свободно конструирует топографию местности, не имея о ней реального представления.

Ст. 516. Атрид — Менелай (ср. кн. XVII, ст. 24); раненый Агамемнон не принимает непосредственного участия в сражении.

Ст. 518. Душа всегда мыслится уходящей через отверстие тела (ср. прим. к кн. IX, ст. 409).

Книга пятнадцатая

Традиционный заголовок XV книги „Оттеснение от кораблей" („побег от судов и погоня", как переводит Гнедич соответствующее выражение подлинника в ст. 69) не соответствует ее содержанию: „оттеснение" троянцев имеет место лишь в исходной ситуации (ст. 1—3), за которым следует их новое наступление.

Ст. 17 и сл. Кары, которыми Зевс угрожает Гере, составляют продолжение мифа о Геракле, уже известного нам из рассказа Сна (кн. XIV, ст. 249 и сл.).

Ст. 37. Величайшая клятва — та, нарушение которой влечет за собой наиболее жестокую кару. Следует обратить внимание на то, что поэт влагает в уста Гере бессодержательную клятву. Зевс обвинял ее не в том, что она побудила Посидона защищать ахейцев, а в том, что благодаря ее хитрости Гектор оказался выведенным из строя. Искусство формулировать клятвы таким образом, чтобы обойти затруднительные пункты, высоко ценится в обществах примитивного уклада.

Ст. 64—71. В этом предвосхищении дальнейшего хода борьбы большинство исследователей видит интерполяцию.

Ст. 71. По советам Афины — намек на сказание о деревянном коне, сооруженном по совету Афины, при помощи которого ахейцы овладели, наконец, Троей.

Ст. 87. Всех обошед — т. е. не пожелав принять чашу от всех остальных.

Ст. 111. Аскалаф убит Деифобом (кн. XIII, ст. 518).

Ст. 119. Страх и Ужас — см. прим. к кн. IV, ст. 441.

Ст. 141. Перевод не вполне точен. В подлиннике говорится не об избавлении от смерти: „трудно покровительствовать родственникам и потомкам всех людей на свете" (имеются в виду родственники убитого по его смертной матери).

Ст. 187 и сл. Миф о разделе мира по жребию между Зевсом, Посидоном и Аидом отражает более старинные социальные отношения и религиозные концепции, чем обычные гомеровские представления о богах. Собственность еще делится на равных правах между старшими членами рода, и нерушимый обычай еще защищает неприкосновенность удела каждого. Обычное гомеровское представление о взаимоотношениях богов между собою построено уже по образцу отношений между царем (Зевсом) и подчиненными ему аристократами.

Ст. 204. Родовой строй земледельческих обществ ставит свои нормы под защиту хтонических божеств. Древние божества Эриннии стоят на страже родовой морали.

Ст. 214. Перечисляются те боги, которые в эпизоде битвы богов примут участие на стороне ахейцев (кн. XX, ст. 33—36). В других частях „Илиады" Гермес и Гефест не играют сколько-нибудь значительной роли как покровители ахейцев. Возможно, ст. 214 является позднейшей интерполяцией.

Ст. 226 перевода соответствует ст. 226—227 оригинала. Отсюда кажущаяся несообразность в нумерации стихов перевода.

Ст. 330. В переводе ошибка: афинский вождь Стихий — верный друг Менесфея, а Аркезилай — предводитель беотян.

Ст. 343 и сл. В рассказе об отступлении троян из ахейского лагеря (кн. XIV) о стене не упоминалось. Теперь, когда описание боя близится к концу, стена, функция которой была в членении битвы на ряд эпизодов, стала лишней, и поэт избавляется от нее тем, что заставляет Аполлона пробить в ней брешь длиной в полет копья.

Ст. 371 и сл. Молитва Нестора построена по формуле: если ты

однажды уже отнесся благосклонно к молению, то и сейчас сделай это. Ссылка на прецедент равносильна указанию на мощь и доброе желание божества (ср. прим. к кн. I, ст. 37).

Ст. 376 и сл. В подлиннике сказано только: „троянцы же, услышав удар Зевса Эгиоха“,— но Гнедич правильно передал затаенную мысль поэта, скептически относящегося ко всяким знамениям: их можно с равным правом толковать в пользу обеих сторон.

Ст. 652. Троянцы наступают через промежутки в крайнем ряду кораблей. Суда, извлеченные прежде — внесенные на сушу первыми и более всего удаленные от берега.

Ст. 667—672 в контексте нынешней „Илиады“ непонятны. Ни о каком облаке перед очами данайцев до сих пор не говорилось. Очевидно, стихи эти попали сюда из какого-то произведения, где о бое рассказывалось иначе.

Ст. 681. Битая дорога — проезжая.

Ст. 728. Какое именно сооружение, помещавшееся, очевидно, на корабельной палубе, обозначается здесь словом „скамья“, неизвестно. Семистопный — в семь футов (высоты или ширины).

Книга шестнадцатая

Ст. 18. Ахиллес возлагает на все ахейское войско известную долю ответственности за нанесенное ему Агамемноном оскорбление.

Ст. 28. Злаки — зелья.

Ст. 36. См. кн. IX, ст. 412 и сл.

Ст. 53. Идеология греческой аристократии считает всех представителей знати принципиально равными. Царь, обладающий большей властью, лишь первый среди равных.

Ст. 59. См. прим. к кн. IX, ст. 648.

Ст. 61 и сл. Ахиллес намекает на свои слова в кн. IX, ст. 650—653. Слово „давно“ не совсем удачно прибавлено Гнедичем, так как, по счету дней, со времени посольства к Ахиллесу не прошло еще суток.

Ст. 70. Чело — лицевая сторона шлема.

Ст. 72—73. Если б ко мне Агамемнон был справедлив — в подлиннике: „если бы властелин Агамемнон относился ко мне дружелюбно“. Гомеровская критика считает, что эти слова несовместимы с эпизодом посольства, где Агамемнон предлагает Ахиллесу удовлетворение; отсюда делается вывод, что IX книга не входила в первоначальный план „Илиады“. Читатель может сам судить о степени доказательности подобного аргумента и о том, действительно ли получаются какие-либо неясности в обрисовке характера Ахиллеса.

Ст. 80. Так да не будет — в подлиннике: „однако и при этих условиях, Патрокл“, и т. д.

Ст. 83. Ввиду центрального значения этих слов в концепции „Патроклии“ как эпизода „Илиады“ и многочисленных толкований, которые они возбудили, дословный перевод может помочь читателю выяснить их смысл: „повинуйся, как я положу тебе на душу цель моей речи: для того, чтобы ты стяжал для меня великую честь и славу от всех данайцев, а (с другой стороны) для того, чтобы они отослали обратно прекрасную деву и сверх того доставили славные дары,— вернись назад, отогнав (троянцев) от кораблей“. Поэт, таким образом, вводит „Патроклию“, данную ему традицией, при помощи довольно сложной мотивировки. У Ахиллеса сохранилось еще много горечи против Агамемнона и ахейцев; однако, при виде тяжелого положения ахейцев, он готов отправить Патрокла им на помощь. Задача Патрокла двоякая: он должен отразить

Гектора от судов и стяжать славу для Ахиллеса как вождя мирмидонян; но, с другой стороны, его победа не должна быть полной, так как в противном случае ахейцы потеряют надобность в помощи Ахиллеса и он не получит того удовлетворения за обиду, которое необходимо по понятиям аристократический чести и ради которого Зевс временно оказывает покровительство троянцам. Отсюда вытекает, что Патроклу надлежит вернуться назад, отразив опасность, непосредственно угрожающую судам. Вместе с тем, душевное состояние Ахиллеса еще таково, что он готов пожелать обоим враждующим лагерям полного взаимного истребления (ст. 97—100).

Ст. 93. Как обычно в „Илиаде“, запрет приближаться к стенам города получает добавочную мотивировку, апеллирующую к божественным силам. С другой стороны, слушатель, знакомый с сагой и отлично понимающий, что запреты вводятся в повествование лишь для того, чтобы потом быть нарушенными, уже может догадаться о будущей роли Аполлона в „Патроклии“.

Ст. 114. Ситуация лишь в общих чертах соответствует концу XV кн. О корабле Протезилая больше не говорится, и Аякс уже не держит в руках корабельного шеста.

Ст. 119. По невольному трепету сердца — модернизация. В подлиннике: „Аякс с трепетом познал своим непорочным духом дела богов“.

Ст. 154. Ксанф и Балий, родившиеся от сочетания ветра Зефира с демонами вихря Гарпиями, происходят, таким образом, от существ божественного порядка и поэтому бессмертны.

Ст. 174. От Зевса ниспадшей — гомеровский эпитет рек, поскольку их вскармливают дождь и снег.

Ст. 185. Незлобный — предположительный перевод неясного по значению эпитета Гермеса: akaketa.

Ст. 229. Сера неоднократно упоминается в гомеровских поэмах как очистительное средство перед приношением Зевсу. Озонный запах серы роднил ее в представлении греков с орудием Зевса — молнией.

Ст. 231. В средине двора обычно стоял жертвенник Зевсу.

Ст. 233 и сл. Оракул Зевса в Додоне (Эпир) являлся одним из древнейших святилищ Зевса. Архаическая обрядность, в силу которой толкователи оракула не моют ног и спят на голой земле, свидетельствует о том, что оракулы считались исходящими из глубины земли. До вторжения религии Зевса оракул, очевидно, принадлежал хтоническому божеству.

Ст. 243. Служитель — см. прим. к кн. XIII, ст. 246.

Ст. 262. Дети, по мысли поэта, раздражая ос, приучили их нападать на всякого, кто хотя бы нечаянно коснется их гнезда. Путешественник — путник.

Ст. 371. В гомеровской военной колеснице постромок не было: пара коней тянула только за дышло. Если оно было сломано, ничто, кроме вожжей, не связывало лошадей с колесницей.

Ст. 386—389. Выпад против неправедных судей, несколько необычный для „Илиады“, представляет собою мотив, очень часто встречающийся у Гезиода, идеолога обезземеливаемого крестьянства. Сравнение здесь, как и во многих других местах, служит для введения современного материала в поэму о героях.

Ст. 397. Гнедич ошибся: речь идет о стене города Трои.

Ст. 419. Беспояснодоспешных — ликийцы не носили митры (прим. к кн. IV, ст. 137).

Ст. 442. Совершенно — произвольное добавление Гнедича. Зевс не имеет в виду совершенно освободить Сарпедона от смерти; он колеблется,

спасти ли Сарпедона от смерти в данном сражении или дать ему уже теперь (ст. 438) погибнуть, как это предназначено судьбой.

Ст. 617. В презрительном слове „плясатель“ заключен намек на критское происхождение Мериона. Крит славился танцами.

Ст. 625. Властителю Тартара — в подлиннике: „славному конями Аиду“. Гнедич отожествляет здесь Тартар с царством Аида, что не вполне отвечает гомеровской космологии (см. словарь).

Ст. 630. Смысл: результат битв зависит от рук; от речей — результат совещаний.

Ст. 658. В подлиннике: „он постиг священные весы Зевса“, т. е. почувствовал, что судьба не благоприятствует троянцам. Весы Зевса — см. кн. VIII, ст. 69.

Ст. 793 и сл. Разоружение Патрокла Аполлоном несовместимо с повествованием XVII книги о борьбе за труп и оружие Патрокла. Стихи 792—804 представляют собою либо интерполяцию (в этом случае придется признать интерполированными и стихи 814—815 и 846), либо с небольшими изменениями перенесены из какой-то другой, более древней поэмы, которая послужила образцом для „Патроклии“ в „Илиаде“.

Ст. 831. Эпитет „священная“ в применении к свободе принадлежит не Гомеру, а Гнедичу.

Книга семнадцатая

Ст. 32. Событие зрит и безумный — когда беда приключится,— и глупец поймет: поговорка.

Ст. 51. Т. е. кудри, подобные кудрям Харит.

Ст. 122. Менелай уже имеет все основания полагать, что доспехи Патрокла находятся в руках Гектора, хотя поэт сообщает об этом только позже. Некоторые комментаторы, однако, предпочитают видеть в этом стихе интерполяцию из ст. 693.

Ст. 125. О несовместимости этого со сценой разоружения Патрокла Аполлоном см. прим. к кн. XVI, ст. 793.

Ст. 162. Об обмене трупами убитых упоминается только в этом месте, но военные обычаи гомеровской эпохи, допускавшие уродование трупов и бросание их на съедение зверям, естественно предполагают корректив в виде обмена трупами, так как обе враждующие стороны одинаково заинтересованы в своих мертвецах по соображениям сакрального характера. Главк, разумеется, не может знать, что боги уже перенесли тело Сарпедона в Ликию.

Ст. 163. Самого — тело (см. прим. к кн. I, ст. 3).

Ст. 200. Мудрой — неудачное добавление Гнедича. У Гомера голова еще не является вместилищем интеллекта, и мыслительные способности сосредоточены в „оболочке“ (диафрагме).

Ст. 250. Народное пьете — пируете на общественный счет. Цари обязаны устраивать пиры для аристократов.

Ст. 330. Смысл и самый текст этого стиха в подлиннике не вполне ясны.

Ст. 392. Тук исчезает — в подлиннике: „тук входит“ (в кожу).

Ст. 514. У бессмертных богов на коленах — в будущем (поговорка).

Ст. 545—546 исследователи обычно считают интерполяцией, мотивирующей появление Афины на поле сражения, поскольку запрет Зевса, исключающий помощь ахейцам со стороны богов, формально еще не снят.

Книга восемнадцатая

Ст. 36. См. прим. к кн. I, ст. 358.

Ст. 39—49. Перечисление Нереид обычно считается позднейшей вставкой: оно гораздо более соответствует стилю дидактических поэтов школы Гезиода, составлявших всевозможные каталоги богов и героев, чем гомеровскому эпосу. Характерно, что в то время как подлинник состоит из голого перечисления имен (лишь три эпитета — в ст. 40, 45 и 48), Гнедич счел необходимым оживить каталог введением ряда новых эпитетов Нереид, а также глаголов („спешила", „пришла"), придающих перечислению характер повествования.

Ст. 112. Перевод неправильный. Ахиллес от общей мысли (ст. 107—110) перешел к конкретному случаю — своей ссоре с Агамемноном: „Забудем старое, как оно ни горько". Тожественные стихи кн. XIX, ст. 65—66 переведены точнее.

Ст. 203 и сл. Помощь Афины несколько не вяжется с советом Ирисы, прибывшей к тому же тайно от всех богов, кроме Геры. Поэт, вероятно, использовал отрывок из более древней поэмы.

Ст. 250. Перевод неправильный. В подлиннике: „ибо он один глядел вперед и назад",— в смысле осмотрительности, а не ясновидения.

Ст. 288. Ясновещие — перевод того же эпитета, который Гнедич в кн. II, ст. 285 перевел словом ясноглаголивые (см. прим. к этому стиху).

Ст. 300. Ирония: если кто (как, очевидно, Полидамас) настолько измучен своим богатством, что предлагает советы, результатом которых будет гибель и разграбление Трои, пусть он лучше раздаст свое имущество согражданам. Перевод: „о богатствах домашних безмерно крушится" — вносит совершенно другой оттенок.

Ст. 309. Общий у смертных Арей — военное счастье не бывает всегда на одной стороне.

Ст. 356. На Олимпе — добавлено Гнедичем. Поэт не локализует разговора и, по всей вероятности, представляет себе Зевса находящимся еще на Иде.

Ст. 359. Гера выступает здесь в своей древней роли племенного божества ахейцев.

Ст. 370. Звездных — украшенных звездчатыми орнаментами.

Ст. 373. Треножники — столы-автоматы для трапез богов.

Ст. 385. Покровом закрытая — покрытая длинным платьем.

Ст. 395 и сл. Миф, параллельный мифу о том, как Зевс сбросил Гефеста с неба (кн. I, ст. 590 и сл.). Прочным элементом мифа является, очевидно, свержение бога-огневика с неба (молния); мотивировка низвержения может меняться.

Ст. 399. Недосмотр Гнедича: дочерью Океана является лишь Эвринома. Та же ошибка в ст. 405, где Гнедич добавил слово „сестра".

Ст. 410. Великан закоптелый — предположительный перевод неясного выражения.

Ст. 417. Чтобы Гефесту легче было ходить, его поддерживают изготовленные им золотые автоматы-прислужницы.

Ст. 469. Меха Гефеста действуют как живые,— они тоже автоматы.

Ст. 478 и сл. Знаменитое описание щита вызвало ряд попыток воспроизвести его разрисовку. Это не привело ни к каким определенным результатам: поэт при описании отдельных сцен исходил из реальных произведений искусства, в том числе критско-микенского, но щит, как целое, не находит для себя аналогий в известных нам памятниках. Его надо представлять себе медным, с резными инкрустациями из других металлов. Украшения его не связаны с сюжетом троянской саги, и все описание могло быть задумано независимо от „Илиады".

Ст. 488—489. Арктос (Большая Медведица) при восхождении Ориона начинает подниматься над горизонтом, словно избегая Ориона; чуждается мыться в волнах Океана — т. е. является незаходящим созвездием.

Ст. 501. Представив свидетелей — в настоящее время предпочитают другое толкование: „оба хотели получить решение от судьи".

Ст. 508. Смысл подлинника неясен. Вероятно, деньги поступают в пользу того старца, мнение которого будет признано справедливым

Ст. 519. На памятниках греческого искусства боги часто выделены тем, что их рост превышает рост людей.

Ст. 531. Предположительный перевод. Повидимому, рати, облегающие город, держат военный совет и в это время узнают, что осажденные сделали вылазку и захватили стада.

Ст. 548. Здесь, как и в ст. 562 и 564, имеется в виду затемнение естественного цвета золота посредством сплавов или глазури.

Ст. 550 и сл. Поле с высокими нивами — по другому, может быть, лучшему чтению — царский удел. Царь упоминается и в ст. 556 („властелин" у Гнедича), и в руках у него скипетр, а не простая палица. Следует обратить внимание на то, что рабский труд еще не проникает в земледелие.

Ст. 570. Дословно в греческом тексте значится: „И нежным голосом подпевал красивого лина" (linon). Слово это может означать лен: отсюда предположение о льняных струнах, которому следует Гнедич. В настоящее время господствует другое понимание: мальчик пел красивую песнь о Лине, мифическом отроке, преждевременная смерть которого оплакивалась в земледельческих обрядах. Как вся группа умирающих юных божеств, Лин был демоном плодородия, и песнь о его смерти вполне уместна во время сбора винограда.

Ст. 572. С криком — вернее: с рыданиями (по поводу смерти Лина).

Ст. 588—589. Эпитеты „тихая" и „смиренные" добавлены Гнедичем.

Ст. 590. Хоровод — в настоящее время думают, что имеется в виду изображение знаменитого в мифе Кносского лабиринта, извивам которого соответствуют движения пляшущих.

Книга девятнадцатая

Ст. 38. Вероятно, воспоминание о бальзамировании, применявшемся в микенскую эпоху.

Ст. 53. См. кн. XI, ст. 248.

Ст. 65. В прискорбии нашем — как это прошлое ни прискорбно (ср. прим. к этому же стиху в кн. XVIII, ст. 112, где Гнедич перевел несколько иначе).

Ст. 116. Персей — сын Зевса и Данаи. Генеалогия Геракла и Эврисфея представляется, по крайней мере на основании позднейших источников, следующим образом (скобками отмечены имена, не встречающиеся у Гомера):

Ст. 141. Вчера — в ночь на вчера (кн. IX).

Ст. 182 и сл. Одиссей выдвигает момент, на который Ахилл обращал усиленное внимание во время разговора с послами (кн. IX). Агамемнон готов признать свою ошибку в прошлом и вознаградить Ахиллеса дарами, но не берет на себя никаких обязательств в будущем, которые были бы неприятны для его самолюбия. Поэтому примирение имеет лишь формальный характер.

Ст. 197. Зевсу и Солнцу — см. прим. к кн. III, ст. 269.

Ст. 212. По античному обычаю, мертвецов в доме клали ногами к двери. В основе этого обычая — первобытное представление, что таким образом можно предотвратить возвращение призрака умершего в дом.

Ст. 221—224. Перевод затемняет мысль подлинника: люди скоро пресыщаются битвой, особенно если успех, по воле Зевса, не соответствует приложенному усилию: „много снятых колосьев, но плод жатвы невелик“; тем более необходимо насыщаться пищей. В переводе ошибочны слова: „жатва становится скудной“, которым в подлиннике соответствует: „а жатва скудна“; точка с запятой в конце ст. 222 соответственно должна быть изменена на запятую.

Ст. 234—235. Приказ — побуждение. Единственным побуждением к бою должно служить принятие пищи. Печально будет для тех, по отношению к которым придется прибегнуть к другим мерам побуждения.

Ст. 258. См. прим. к кн. III, ст. 269.

Ст. 395. См. прим. к кн. V, ст. 727.

Ст. 404 и сл. Представление о говорящем коне не вяжется с обычным гомеровским отношением к чудесному. Поэт, вероятно, заимствовал эффектный мотив из какой-нибудь старой поэмы. В греческой саге известен Арейон, говорящий конь Адраста.

Ст. 407. Вещим — т. е. говорящим.

Ст. 417. Ахиллес погибнет от стрелы, пущенной Парисом, по направленной Аполлоном.

Ст. 418. Почему Эриннии прерывают коня, в контексте неясно. В той поэме, откуда сцена заимствована, вмешательство Эринний было, может быть, подробно мотивировано.

Книга двадцатая

Ст. 32 и сл. Поэт мобилизует весь Олимп, в том числе и богов, которые до сих пор не проявили себя покровителями какой-либо из враждующих сторон.

Ст. 84. Цари — аристократы, созываемые на пир у царя.

Ст. 90. Копье Ахиллеса, срубленное на Пелионской горе, иногда называется „пелиас“, т. е. пелионским; но это не собственное имя копья. Гомеровский эпос не приписывает собственных имен вещам (как, например, в старофранцузском эпосе имя рога или меча Роланда). Пелиас Гнедича — плод недоразумения.

Ст. 102. Может быть, намек на сказание о неуязвимости Ахиллеса.

Ст. 147. См. в словаре Лаомедон.

Ст. 187. См. прим. к ст. 90.

Ст. 198. См. прим. к кн. XVII, ст. 32.

Ст. 204. Любопытное указание поэта на его источники, вложенное в уста героя.

Ст. 242—243. Аристократическая идеология нераздельно связывала доблесть с происхождением. Эней должен сослаться на волю Зевса для того, чтобы объяснить свое бегство при встрече с Ахиллесом (ст. 188—191).

Ст. 269—272, отсутствовавшие в некоторых античных изданиях, представляют собою явную интерполяцию. Поэт, несомненно, имел в виду,

что щит, изготовленный Гефестом, совершенно непроницаем для копья, и мыслил золото на поверхности, а не внутри щита. Интерполятор полагает почему-то, что пять полос щита (кн. XVIII, ст. 481) были из различных металлов, хотя естественно полагать, что гомеровский щит медный, а прочие металлы применены лишь для украшения поверхности.

Ст. 293. Покровительство, которое Посидон оказывает Энею,— остаток какого-то сказания, непонятный в контексте „Илиады". Не мотивирована и ненависть Зевса к Приаму и его роду. Предсказание Посидона о будущем царстве Энея и его потомков положено Вергилием в основу „Энеиды". Официально принятая в Риме версия мифа считала Ромула, основателя Рима, потомком Энея.

Ст. 321. Как бог — не совсем удачное добавление Гнедича.

Ст. 323. Поэт, очевидно, представляет себе, что щит Энея пригвожден к земле вонзившимся в него копьем Ахиллеса (ст. 279—281).

Ст. 349. Пусть он скитается — дословный перевод выражения, имеющего более грубый оттенок: пусть провалится, чорт с ним.

Книга двадцать первая

Ст. 2. Рожденного Зевсом — см. прим. к кн. XVI, ст. 174.

Ст. 60. Пелиас — см. прим. к кн. XX, ст. 90.

Ст. 223. Ответ Ахиллеса, повидимому, иронический: я исполню твою просьбу, когда закончу свое дело. Место, однако, очень неясное.

Ст. 229—232. Еще менее ясное место: Аполлон в „Илиаде" не получал поручения, о котором говорит река.

Ст. 300. Понималось — см. словарь.

Ст. 307. Обращение Скамандра к Симоису остается столь же безрезультатным, как и обращение к Аполлону (ст. 229—232).

Ст. 326. Излиявшейся с неба — стоячий эпитет реки (см. прим. к кн. XVI, ст. 174).

Ст. 394. Наглая муха — в подлиннике: собака-муха; собака символизирует бесстыдство, муха — наглость.

Ст. 414. Вероломных — в подлиннике: надменных (то же в ст. 459). Относительно изменчивости Арея см. прим. к кн. IV, ст. 441.

Ст. 457. Царь вероломный — добавление Гнедича.

Ст. 475. Может быть, намек на какие-то старинные мифы о борьбе Аполлона с Посидоном.

Ст. 483. Стрелы Артемиды приносят смерть женщинам, как стрелы Аполлона — мужчинам (см. прим. к кн. VI, ст. 205).

Ст. 497. Возвестительный — предположительный перевод сакрального эпитета Гермеса: diaktoros.

Ст. 542. Он — Ахиллес.

Ст. 557. В сторону града — ошибочный перевод; надо: в сторону от города.

Ст. 568. Устами Агенора поэт выражает свое скептическое отношение к мифу о неуязвимости Ахиллеса.

Книга двадцать вторая

Ст. 4. Щиты к раменам приклонивши — обороняясь от стрел, которые троянцы могут пускать сверху (ср. кн. XI, ст. 593, и кн. XIII, ст. 488).

Ст. 29. Пес Ориона — Сириус, солнечное восхождение которого (см. прим. к кн. V, ст. 5) начинается в малярийное время, в конце июля. Малярия приписывалась поэтому воздействию Сириуса.

Ст. 45. Острова Архипелага стояли на более высокой ступени хозяйственного развития, чем материковая Греция.

Ст. 46. Ликаон и Полидор погибли от руки Ахиллеса (кн. XXI, ст. 34 и сл.; кн. XX, ст. 407 и сл.).

Ст. 62 и сл. Устами Приама поэт напоминает слушателям картины грядущего взятия Трои, подробный рассказ о котором не входит в план „Илиады". Младенец, разбиваемый об дол (т. е. оземь),— Астианакс, сын Гектора.

Ст. 126. С зеленого дуба иль с камня — правильнее: от дуба и от камня. Поговорка, в основе которой лежат представления о происхождении людей из деревьев или камней. От дуба и камня означает, таким образом: с самого начала („от Адама"). Мысль Гектора: теперь не время вести с Ахиллесом разговор об основных, изначальных предметах спора между ахейцами и троянцами.

Ст. 210. На весы Зевса кладутся, строго говоря, не жребии, а Керы — демоны смерти, которые приходят за живыми душами; каждого человека подкарауливает особый Кер. Но в гомеровской религии это представление уже заглушено: так, в сцене взвешивания Керов в кн. VIII, ст. 69 и сл. они даже потеряли личный характер, и там перевод „жребии" по существу вполне правилен.

Ст. 398. Волочение трупа — фессалийский обычай отомщения убийце друга. Труп убийцы надлежит волочить вокруг могилы убитого, как Ахиллес и поступает в дальнейшем.

Ст. 467. Казалося — прибавлено Гнедичем, которому, вероятно, было неясно, что у Гомера „испустила дух" означает „потеряла сознание" (см. прим. к кн. V, ст. 696).

Ст. 468. Названия предметов женского головного убора переведены Гнедичем лишь приблизительно. Спала — современные издатели предпочитают другое чтение: сбросила.

Ст. 484 и сл. Картина несчастной доли сироты неприменима во всех деталях к царскому внуку, но содержит в себе мотивы традиционного обрядового причитания вдовы.

Ст. 496. Мальчик, у которого живы оба родителя, отгоняет сироту от трапезы сверстников,— таков смысл подлинника. В сиротстве усматривали симптом некоторого нерасположения богов к ребенку, и сирота являлся сакрально неполноценным: к ряду церемоний (особенно если церемонии были связаны с культами плодородия) допускались лишь дети, у которых оба родителя были в живых.

Ст. 506. См. прим. к кн. VI, ст. 403.

Ст. 513. Одежда умершего сжигалась на костре и тем самым отправлялась на тот свет вместе с душой. Поскольку тело Гектора не будет предано сожжению, одежды для него бесполезны,— его тело не будет в них лежать,— и церемония будет произведена только как последняя почесть от троянцев.

Книга двадцать третья

Ст. 8. Труп Патрокла мыслится уже не в шатре (кн. XIX, ст. 211), а в открытом поле. За торжественным обрядом воинского оплакивания с ритуальным обходом трупа (ср. прим. к книге I, ст. 37) должна последовать тризна, а затем сожжение трупа и сооружение могильной насыпи.

Ст. 14. Сильные аффекты приписываются действию божественных сил.

Ст. 34. По старинному верованию, призраки умерших питаются кровью (ср. представление о вампирах). Мертвый, вкушая кровь, принимает участие в похоронном пире.

Ст. 46. См. прим. к ст. 135.

Ст. 65. Эпизод с явлением души Патрокла основан на представлениях, глубоко отличающихся от обычной гомеровской концепции загробной жизни. Во вступительной статье уже указывалось, что немощные тени гомеровского Гадеса совершенно отрешены от земной жизни, между тем как массовые верования греков предполагают активное воздействие душ мертвых на деятельность живых. Система похоронных обрядов, описанная в XXIII кн. „Илиады", целиком покоится на вере в то, что призраки продолжают вести в могиле жизнь, напоминающую их жизнь на земле. Это противоречие вообще свойственно эпосу, который в описании обрядов держится реальных верований ближе, чем в концепциях, поданных от имени поэта. Явление души Патрокла интересно, однако, тем. что здесь сделана попытка перебросить мост между массовыми представлениями о загробной жизни и эпической религией. Согласно этому построению, похоронные обряды нужны для того, чтобы душа могла проникнуть в Гадес; прочие души умерших не пускают непогребенного в свою среду; с того момента, как умерший будет приобщен огню, душа вступит в пределы Гадеса и никогда не вернется на землю. Но и эта попытка совместить идею души-призрака с идеей души-тени выходит за пределы обычного гомеровского представления о смерти. Души, которые не допускают в Гадес непогребенного,—уже не бессильные тени; когда в „Илиаде" кто-либо гибнет, душа его немедленно уходит в Гадес, независимо от судьбы его трупа, который может остаться в руках врагов или оказаться добычей хищных животных, причем никогда не встает вопроса о том, что погребение необходимо для успокоения скитающейся души. Представление, что душа, прежде чем попасть в Гадес, должна перейти через подземную реку (ст. 73), также не находит аналогии в других частях эпоса. Вся обстановка погребения Патрокла глубоко архаична. Поэт имел в своем распоряжении старый материал, совершенно не укладывавшийся в концепцию души-тени, и переработка далеко не сгладила глубоких отличий между двумя кругами идей о загробной жизни. XXIII книга „Илиады" является ценным документом догомеровских верований.

Ст. 88. Патрокл убил Амфидамасова сына „не нарочно", т. е. без предварительного умысла, в результате ссоры, происшедшей во время игры в костяшки (козон).

Ст. 92 исследователи обычно считают позднейшей вставкой, интерполированной из „Одиссеи" (кн. XXIV, ст. 74). Фетида уже после смерти Ахиллеса принесла золотую урну для его праха.

Ст. 94—95. Перевод неточен. Смысл: зачем ты явился сюда и даешь мне все эти поручения? Но я со своей стороны их выполню.—Ахиллес смущен упреком, будто он забыл о Патрокле и пренебрег своими обязанностями.

Ст. 103—104. Передано очень неточно. Дословно: „Подлинно есть и в доме Аида душа и подобие (человека), но в нем (в этом подобии) нет совсем грудобрюшной преграды". Грудобрюшная преграда, по гомеровским представлениям,— средоточие мыслительной жизни человека. Это уже гомеровская концепция души-тени; неясно, как ее связать с последующими словами Ахиллеса и просьбами души. Быть может, здесь акцентируется, что душа стонет и молит, не сознавая ни того, что делается в ее честь, ни даже своей собственной немощи (просьба дать руку, ст. 75).

Ст. 135. Обряд приношения волос мертвому встречается у многих народов. Его объясняют как замену человеческого жертвоприношения. Часть тела (волосы) замещает целое, тем более, что волосы, продолжающие расти и у взрослых людей, считаются особо тесно связанными с жизненной силой.

Ст. 142. Местному речному богу волосы приносятся в жертву при наступлении зрелости. Ахиллес, почти мальчиком покинувший родину, еще сохранил волосы, предназначенные для Сперхия.

Ст. 148. Божество реки считается живущим у ее истоков. Посвятить овнов богу реки значило заколоть их и бросить в воду.

Ст. 159—160. Неверный перевод. В подлиннике: „этим делом (т. е. оплакиванием мертвого) займемся мы, которым покойник был особенно близок“.

Ст. 164. Стоступенный — в сто ступеней (футов).

Ст. 176. Умерщвление животных и людей для того, чтобы похоронить их вместе с умершим, основано, как известно, на верований, что они понадобятся умершему в будущей жизни. Поэт, не выходя из рамок эпического стиля, пытается выразить свое отношение к древнему обычаю.

Ст. 186. Ср. прим. к кн. XIX, ст. 38.

Ст. 219. Ср. прим. к кн. I, ст. 584.

Ст. 220. Лицо земное — землю. Ахиллес призывает душу Патрокла вкусить возливаемого вина.

Ст. 245. Гроба — могильной насыпи.

Ст. 247—248. Окончательно могила будет изготовлена уже после смерти Ахиллеса, чтобы принять обоих друзей; поэтому чашу с прахом Патрокла не кладут на могилу, а уносят в палатку Ахиллеса (ст. 254).

Ст. 255. Бросив основы — т. е. заложив каменный фундамент насыпи.

Ст. 259. Блюда — в подлиннике котлы (лебеты). Это же слово Гнедич переводит в ст. 267, 485 — умывальница, в ст. 613 — рукомойник, в ст. 884 — сосуд рукомойный.

Ст. 269. Талант — см. прим. к кн. IX, ст. 122.

Ст. 270. Двусторонний — правильнее: с двумя ушками.

Ст. 277. О конях Ахиллеса см. кн. XVI, ст. 148 и сл.

Ст. 291. Троские кони — см. кн. V, ст. 222, 265—273.

Ст. 297. Ср. прим. к кн. XIII, ст. 669.

Ст. 327. Сажень маховая — длина расширенных рук, расстояние от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой.

Ст. 352. Колесницы соперников стоят, конечно, рядом, а не одна за другой; поскольку, однако, колесница, стоящая слева, находится в лучших условиях и описывает меньший круг при огибании меты, порядок расположения колесниц определяется жребием.

Ст. 360. Мета находится вне поля зрения; необходимо поместить около нее человека, наблюдающего за правильностью пробега. Почтенный Феникс является для этого подходящим лицом.

Ст. 373. Последний конец — последняя часть пробега, после того как состязающиеся уже обогнули мету.

Ст. 441. Менелай потребует присяги в том, что Антилох неумышленно преградил ему дорогу (ст. 585).

Ст. 473. Образ Аякса, сына Оилея, подан в этом эпизоде „Илиады“ с явной враждебностью. Поэт, может быть, знает сказание о насилии, которое Аякс, после взятия Трои, совершил над Кассандрой, дочерью Приама.

Ст. 523. На вержение диска — на расстояние полета диска.

Ст. 542. Справедливо герой возразил Ахиллесу — перевод вряд ли правильный; смысл: если бы только Антилох, вскочив, не ответил ему возбуждением тяжбы.

Ст. 568. Менелай берет в руки скипетр в знак того, что он официально возбуждает вопрос о правомерности действий Антилоха.

Ст. 584. Посидон — божественный предок Антилоха и вместе с тем бог-конник.

Ст. 595. Антилох тем самым признает себя виновным.

Ст. 599. Цепенеют от зноя долины — правильнее: долины вздымаются (густыми колосьями).

Ст. 639. Числом одолели — поскольку их было двое. Акториды — близнецы со сросшимися телами. Нераздельность тел позволяет им выступить на состязании в качестве единого соперника, но в действительности они действуют, как двое.

Ст. 656. Греческие состязания имели обычно сакральный характер, и празднество не должно было быть омрачено тем, что кто-либо из участников, хотя бы и побежденный, остался без приза. Кубок двудонный — см. прим. к кн. I, ст. 584.

Ст. 674. Попечители — в подлиннике речь идет о родственниках, оплакивающих смерть близкого. Эпеос насмешливо приглашает родственников своего будущего противника притти подобрать для похорон его мертвое тело.

Ст. 694. Добродушный — см. прим. к кн. I, ст. 123.

Ст. 702. Огонный треножник — треножник, назначение которого стоять на огне.

Ст. 791. Но зелена, говорят, Одиссеева старость — дословно: „но говорят, что он свежестарец" (или: „сыростарец"), т. е. его старость еще не созрела, не дала еще своего естественного плода — одряхления. Образ зеленой старости навеян, вероятно, стихом 304 книги VI „Энеиды" Вергилия, где римский поэт, пользуясь гомеровским образом для характеристики вечно бодрой старости Харона, лодочника Аида, называет ее „сырой и зеленой" („cruda viridisque senectus"). Этот стих Вергилия приведен в комментарии к „Илиаде" Гейне, который Гнедич усердно изучал.

Ст. 805. Гнедич, вероятно, сознательно отступил от подлинника, так как текст уже в древности возбуждал сомнения. Дословно: „кто из обоих скорее достанет красивой кожи (противника) и через доспехи и черную кровь коснется внутренностей, тому" и т. д. Требование добраться до внутренностей казалось нелепым, когда речь шла не о настоящей битве, а о фехтовальном состязании. Однако поэт хотел, повидимому, приписать такие нравы „веку героев".

Ст. 843. Знаки — отмечавшие, как далеко метнул каждый участник состязания.

Ст. 847. За круг — за всех зрителей.

Книга двадцать четвертая

Ст. 13 и сл. Волочение Гектора представлено в переводе как однажды совершившееся действие. Это не соответствует подлиннику, где все время подчеркивается многократность: Ахиллес каждое утро волочит тело Гектора вокруг могилы Патрокла.

Ст. 28—30. Вина Париса — похищение Елены (ср. кн. VI, ст. 356). Суд Париса никогда не фигурирует в „Илиаде" как мотивировка враждебного отношения Геры и Афины к троянцам. Если бы поэт хотел воспользоваться этим сказанием, он, несомненно, упомянул бы о нем в первых книгах „Илиады", где по различным поводам экспонированы предпосылки похода греков на Трою. Трудно объяснить причину такого молчания. Обычно считают, что суд Париса является более поздним сказанием, чем „Илиада", и придуман для мотивировки взаимоотношений между богинями и роли, которую они играют в „Илиаде". Возможно, однако, что поэт „Илиады" знал рассказ о суде Париса, но не пожелал им воспользоваться: арбитраж смертного в споре богов мог казаться ему одним из тех примитивных мотивов, которые он нередко отвергает,

сохраняя, однако, традиционные соотношения между фигурами. Как бы то ни было, стихи 29—30 в „Илиаде“ неуместны; стилистически они также вызывают серьезные сомнения. Если считать XXIV книгу составной частью „Илиады“, а не позднейшим к ней добавлением, проще всего видеть в этих стихах интерполяцию.

Ст. 31. Двенадцатый день — со дня смерти Гектора. На второй день после его убийства Патрокл был похоронен, на третий была воздвигнута могильная насыпь и происходили игры. Таким образом, Ахиллес уже девятый день волочит тело Гектора.

Ст. 45. Гезиодовский стих („Труды и дни“, ст. 318), являющийся, вероятно, в нашем тексте интерполяцией.

Ст. 54. Землю — т. е. бесчувственное тело Гектора (ср. прим. к кн. VII, ст. 99).

Ст. 81. Имеется в виду роговая удочка.

Ст. 107. Девять дней — см. прим. к ст. 31.

Ст. 110. К словам своего перевода: „Ту славу“ — Гнедич делает примечание: „Чтобы он сам возвратил тело Гектора“. И переводом и комментарием Гнедич вносит в текст специфический оттенок морали, чуждой греческому подлиннику. Зевс хочет даровать Ахиллесу не „ту славу“, а „нижеследующую почесть“, а именно: предоставить ему возможность получить за убитого богатый выкуп, приличествующий достоинству Ахиллеса. Если боги приведут в исполнение свое намерение и выкрадут тело, Ахиллес лишится этой возможности. В получении ценного выкупа, а не в акте выдачи трупа отцу убитого, заключается та слава, которую Зевс намерен даровать Ахиллесу.

Ст. 158. Завсегда... милует — неправильно. В подлиннике: „помилует“, слова „завсегда“ нет. Это не характеристика Ахиллеса, а лишь указание на его предстоящее поведение при встрече с Приамом.

Ст. 181—187, вероятно, ошибочно повторены из стихов 152—158. Как показывает дальнейшее, Приам не знает, что ему ничто не грозит и что встреченный им юноша — Гермес. В словах Зевса все эти указания уместны с точки зрения гомеровской техники повествования: слушателю уже предварительно сообщается дальнейший ход действия. Ириса так же не должна передавать этого Приаму, как Фетида не передает Ахиллесу последних слов Зевса (ст. 117—119 о посылке Ирисы к Приаму).

Ст. 191. См. прим. к кн. VI, ст. 288.

Ст. 282. В уме их — в своем уме.

Ст. 306. См. прим. к кн. XVI, ст. 231.

Ст. 308. См. прим. к кн. III, ст. 269.

Ст. 436. Поскольку дар предназначен для Ахиллеса, воин, приняв дар, похитил бы его у царя.

Ст. 467. Сын [Ахиллеса] — Неоптолем.

Ст. 494. Т. е. ни одного из храбрых („браноносных“) сыновей (ср. ст. 256).

Ст. 506. В подлиннике имеется в виду другой жест. Приам протягивает свою руку к устам Ахиллеса, касаясь его подбородка,— обычный жест греческого „молителя“ (см. прим. к кн. I, ст. 500). Эффект противоположения в том, что Приам вынужден быть „молителем“ убийцы Гектора.

Ст. 570. В куще моей я не брошу — неправильный перевод; надо: „не дам тебе жить“, „не пощажу“, как совершенно правильно Гнедич переводит тот же глагол в ст. 684. „Не растравляй печали моего сердца,— обращается Ахиллес к Приаму,— не то не пощажу я тебя, старик, хоть ты и под моей кровлей и мой проситель; смотри, не нарушить бы мне греховно заветов Зевса“, покровителя молящих.

Ст. 644. На крыльце, и *ст. 650:* на дворе — в сенях.

Ст. 661. Сим — Гнедич, повидимому, понимает таким образом: если

дозволишь совершить обряд погребения, тем самым окажешь мне великую милость. Смысл подлинника иной: „если уж ты желаешь, чтобы я совершил погребение божественному Гектору, то, вот как поступая, Ахиллес, ты бы оказал мне приятное“, а именно — воздержись от битвы в течение одиннадцати дней.

Ст. 681. См. прим. к кн. X, ст. 56.

Ст. 692. См. прим. к кн. XIV, ст. 434.

Ст. 735. Поэт вкладывает в уста Андромахи предсказание. Сага именно так излагала судьбу Астианакса.

Ст. 759. Ср. прим. к кн. VI, ст. 205.

Ст. 765. Двадцатый год.— Время действия „Илиады“ отнесено к десятому году троянской войны. Согласно „Киприям“, между похищением Елены и началом войны также прошло десять лет; это же, очевидно, предполагается и здесь.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абанты — см. Эвбея.

Абид, Абидос — город на малоазийской стороне Геллеспонта.

Авгеас, или Авгий — царь северной части Элиды, обладатель вошедших в пословицу Авгиевых конюшен, не вычищавшихся в течение тридцати лет и в один день вычищенных Гераклом (см. Филей).

Авлида — морская гавань в Беотии, в Эвбейском проливе; в ней собрался союзный флот греков перед отплытием на войну под Трою.

Автолик — хитрый царь в окрестностях горы Парнаса, отец матери Одиссея, Антиклеи, великий обманщик: „славный хитрым притворством и клятв нарушеньем“ („Одиссея“, кн. XIX, ст. 396).

Автомедон — сын Диорея, возница Ахиллеса.

Агамеда — волшебница, дочь Авгеаса (Авгия), жена Мулия.

Агамемнон — сын Атрея, царь Микен, вождь всей ахейской союзной армии, брат Менелая.

Агенор — троянец, сын Антенора и жрицы Феано.

Ад — загробное царство бога Аида (см. Аидес и Аид).

Адмет — царь фессалийского города Фер (см. Алкеста).

Адметид — сын Адмета, Эвмел.

Адраст — 1) царь Сикиона и Аргоса, главный организатор и участник „похода семи против Фив“ (см. Полиник, Эгиалея, Арейон и Этеокл); 2) предводитель троянских союзников из Адрастеи; 3) троянец, убиваемый Агамемноном; 4) троянец, убиваемый Патроклом.

Адрастея — город в Мизии, на берегу Пропонтиды.

Азий — 1) сын Гиртака, из Аризбы, союзник Трои; 2) сын Димаса, брат Гекубы, фригиец.

Азийский луг — в Лидии, к югу от горы Тмола.

Аид — бог, властитель царства мертвых, дословно: „невидимый“. Это значение имени Аид делает понятным смысл выражения „шлем Аида“, т. е. „шлем невидимого“, сказочный образ, ближайшей аналогией ко-

торого служат шапка-невидимка русского фольклора и Tarnkappe, или Nebelkappe германских сказаний.

Аидес, Айдес, иначе Гадес, Адес, в русской сокращенной передаче Ад — см. Аид.

Акамас — 1) сын Антенора и жрицы Феано; 2) сын Эвсора, предводитель фракийских войск; 3) сын Азия, троянец.

Акризий — см. Персей.

Аксий — впадающая в Фермейский залив река в Македонии, позднейший Стримон, в настоящее время Бистрица.

Акториды — см. Молионы.

Алалкомена — одно из сакральных прозвищ Афины.

Алейское поле — дословно: „поле блужданий“.

Александр — второе имя Париса.

Алкафой — сын Эзиета, троянец, женатый на дочери Энея, Гипподамии.

Алкеста, или Алкестида — жена царя фессалийских Фер, Адмета. Согласно мифу, боги даровали Адмету милость: день его смерти мог быть отсрочен, если в момент ее наступления нашелся бы человек, который согласился бы умереть вместо него. Алкеста, жена Адмета, добровольно отдала за него свою жизнь.

Алким — сокращенная форма имени Алкимедон.

Алкимедон — мирмидонец, сын Лаеркия, предводитель пятого строя мирмидонцев, один из ближайших друзей Ахиллеса.

Алкиона — „чайка“, прозвище Клеопатры, жены Мелеагра, данное ей родителями в память слез ее матери Марписсы, похищенной Аполлоном. Согласно античному поверью, самка-алкиона, разлученная с самцом, долго не может утешиться (см. Марписса).

Алкмена — жена фиванского царя Амфитриона, родившая от союза с Зевсом Геракла (см. Амфитрион).

Алоиды — Эфиальтес и Отос, сыновья Алоэя, т. е. бога гумна (алоэ) (см. Эфиальтес).

Алфей — река в Пелопоннесе; течет по Аркадии и Элиде.

Алфея — мать Мелеагра (см. Иней).

Альт — отец Лаофои (см. Педас).

Амазонки — мифические всадницы-воительницы, образующие особое, враждебное грекам и дружественное троянцам, женское племя. Мифы об амазонках рассказывают об их набегах на греческие земли и битвах с греческими героями. „Эфиопида“, позднейшая поэма, примыкавшая своим содержанием к „Илиаде“, открывалась рассказом о том, как после смерти Гектора на помощь троянцам пришли конные войска амазонок под предводительством их царицы Пентесилеи, убитой затем в сражении Ахиллесом.

Амаринк — царь эпеян; его сын, Диор, предводительствует под Троей отрядами вупразийцев.

Амврозия — пища богов.

Амидон — город в Пеонии.

Амизодар — ликийский или карийский царь, выкормивший Химеру, отец Мариса и Атимния, товарищей Сарпедона.

Аминтор — сын Ормена, отец Феникса.

Амфигией — эпитет Гефеста, допускающий двоякое понимание: „крепкий на обе руки“ и „хромоногий“.

Амфидамас — 1) царь города Скандии на острове Крите; 2) отец юноши, убитого Патроклом у себя на родине, в Опунте.

Амфион — 1) царь беотийского города Орхомена; 2) муж Ниобы, брат Зета, игрок на лире, под волшебные звуки которой сами собой воздвиглись фиванские стены; 3) предводитель эпеян.

Амфитрион — царь Тиринфа, муж Алкмены, родившей от союза с Зевсом Геракла; последний обычно называется сыном Зевса, но иногда сыном Амфитриона.

Андромаха — дочь Гетиона, царя киликийских Фив в Малой Азии, жена Гектора.

Анкей — 1) отец Агапенора, предводителя аркадских войск, один из участников „калидонской охоты“; 2) этолиец из Плеврона, участник состязаний на похоронах Амаринка.

Антенор — троянский старец, муж жрицы Феано, отец многих сыновей, близкий друг Приама.

Антенорид — каждый из сыновей Антенора.

Антилох — старший сын Нестора. Согласно позднейшей мифологической традиции, убит был под Троей в конце войны союзником троянцев Мемноном, под оружие которого он бросился, защищая телом своим престарелого отца.

Антия — дочь ликийского царя Иобата, жена Прета, царя Тиринфа (см. Беллерофонт).

Анхиз — 1) царь Дардании, отец Энея; 2) сикионец, отец Эхепола.

Анхизид — сын Анхиза, Эней.

Апез — см. Пес.

Апизаон — 1) сын Фавза, троянец; 2) сын Гиппаса, один из предводителей пеонийцев.

Апия — древнейшее название Пелопоннеса. Возможно, однако, что слово „апия“ в „Илиаде“ (кн. I, ст. 270) не имя собственное, а имя прилагательное: „отдаленная“, „дальняя“ (земля).

Аполлон — юный бог-стрелок, брат-близнец Артемиды, сын Зевса и богини Лето (Латоны), покровитель Трои и ее союзников, постоянный защитник Гектора, бог Сарпедона и Главка, властителей Ликии, которому построен троянцами на твердынях Пергама храм. Хотя он и принадлежит формально греческому Олимпу, он по существу малоазийское божество.

Аргивцы, аргивяне — 1) жители города Аргоса; 2) жители Аргосской области; 3) греки вообще, в их противоположении всем негрекам (см. Ахеяне).

Аргисса — город в северной части Фессалии, в Пеласгиотиде.

Аргос — 1) главный город Арголиды, в Пелопоннесе; 2) область царства Агамемнона, с главным городом Микенами; 3) названием „Аргос“ обозначается, кроме того, и весь целиком Пелопоннес (см. также Пелазгический Аргос).

Аргоубийца — т. е. „убийца Аргуса“, перевод гомеровского эпитета бога Гермеса „аргеифонтес“, содержащего, согласно старому толкованию, которому Гнедич следует, намек на миф, рассказывавший о том, как Гермес, по приказанию Зевса, убил стоглазого Аргуса, приставленного Герой неусыпно сторожить Ио, возлюбленную Зевса, обращенную Герой в корову. Действительный смысл эпитета „аргеифонтес“ остается до сих пор загадочным.

Арей — сын Зевса и Геры, бог войны.

Арейон — черногривый конь героя Адраста, выносящий его из-под вражеских стрел после поражения войска „семи вождей“ под Фивами. Происходит он от богов: согласно одному из мифов, он родился от Деметры и Посидона, принявших лошадиный образ.

Арейфой — фракиец, возница Ригма.

Арейфоой — палиценосец, муж Филомедузы, царь беотийского города Арны.

Арена — город в Элиде.

Арет — 1) сын Нестора; 2) сын Приама, убиваемый Автомедоном.

Ариадна — критская царевна, дочь Миноса: помогла Фезею выйти из Лабиринта, после того как Фезей убил людоеда-чудовище, получеловека-полубыка, Минотавра.

Аризба — город в Троаде, близ города Абидоса.

Аримы — название страны, местоположение которой фиксировалось древними различно (в Лидии, Мизии, Киликии, Сирии). Возможно также, что Аримы — страна чисто мифическая.

Аркадия — горная область в центральной части Пелопоннеса.

Аркезилай — один из предводителей беотийских войск.

Арктос — созвездие Большой Медведицы. Слово „арктос" по-гречески значит „медведь", „медведица". Древний аркадский миф рассказывал о подруге девственной Артемиды, девушке по имени Каллисто („Красавица"), которую соблазнил Зевс. Когда перед Артемидой открылась беременность Каллисто, она превратила свою подругу в медведицу, а Зевс перенес Каллисто на небо и сделал ее созвездием.

Арна — город в Беотии, на южном берегу Копаидского озера.

Артемида — дочь Зевса и богини Лето (Латоны), сестра Аполлона, богиня-девственница, охотница, вооруженная, как и Аполлон, луком и стрелами. Вместе с братом поддерживает троянцев.

Аскалаф — сын бога Арея и Астиохи, брат Иялмена; оба брата предводительствуют беотийцами из Орхомена.

Аскания — область в Вифинии, в Малой Азии.

Асклепий — сын Аполлона, в историческое время бог-врач, культ которого был широко распространен в Греции; в „Илиаде" Асклепий не бог, а человек, родом из Трикки, в Фессалии, отец воинов-врачей, Махаона и Подалирия, и сам врач, научившийся своему искусству у кентавра Хирона.

Асоп — река в Беотии, впадающая в Эврип.

Ассарак — сын Троса, дед Анхиза.

Астеропей — сын Пелагона, предводитель пеонийцев, троянский союзник.

Астианакс — т. е. „защитник города",— прозвище Скамандрия, сына Гектора.

Атрей — сын Пелопса, брат Тиеста, отец Агамемнона и Менелая, царь Микен, ко времени троянской войны уже умерший.

Атрейон, Атрид — сын Атрея: Агамемнон, Менелай.

Афина — богиня-дева, дочь Зевса, согласно древнему мифу родившаяся без матери, вышедшая из головы Зевса, богиня мудрости и всяческих рукоделий и в то же время дева войны, обычно изображаемая одетой в костюм воительницы, со шлемом на голове, с копьем и щитом в руках, в нагрудной эгиде. Афина в „Илиаде" главная, наряду с Герой, противница Трои.

Афины — главный город Аттики.

Афос — гора Афон, на полуострове Халкидике.

Афродита — дочь Зевса и Дионы, богиня любви.

Ахайя — земля ахейцев.

Ахеи, ахейцы — см. Ахеяне.

Ахелой — 1) самая большая река в Греции, берущая начало в горах Эпира и впадающая в море у входа в Коринфский залив; 2) река во Фригии, в долинах горы Сипила.

Ахеяне — название греческого племени, служащее в „Илиаде" для обозначения греков вообще, противополагаемых не-грекам, в частности троянцам и их малоазийским союзникам.

Ахиллес — сын Пелея и Фетиды, царь фтиотийского Мирмидона, в южной Фессалии, предводительствующий войсками Фтиотиды, фессалийской Ахайи и небольшой фессалийской области, носящей название

Геллады. Часто войска Ахиллеса обозначаются обобщающим термином „мирмидонцы". До начала событий, развертывающихся в „Илиаде", Ахиллес сразил в бою сына Приама, Троила, взял и разрушил ряд малоазийских городов, поддерживавших Трою, предал разграблению мизийский город Лирнесс, где полонил Бризеиду, разорил киликийские Фивы, царем которых был Гетион, отец Андромахи, им собственноручно убитый; взял, далее, в плен молодого Ликаона, сына Приама, когда Ликаон, безоружный, работал в отцовском саду, и продал его на остров Лемнос (см. Бризеида, Неоптолем, Патрокл, Педас, Скирос, Фетида).

Аякс — 1) сын Оилея и Эриопы (Эриопиды), предводитель локрийцев; 2) сын саламинского царя Теламона, сводный брат Тевкра, самый сильный после Ахиллеса воин в ахейском стане („великий Аякс").

Балий, т. е. „пегий" — кличка одного из двух бессмертных коней Ахиллеса, рожденных ветром Зефиром и богиней бурного вихря Гарпией.

Беллерофонт — победитель Химеры (см. прим. к кн. VI, ст. 155—200).

Беотияне, беотяне — беотийцы, население Беотии, области средней Греции, между Аттикой и Фокидой.

Борей — северный ветер.

Бриарей — сторукий великан чудовищной силы. Кто был его мифический отец, чью силу он превысил, неизвестно. В Гезиодовой „Теогонии" Бриарей назван сыном Урана и Геи. Вместе с двумя своими братьями, Коттом и Гием, он упрятан отцом в недра Геи, Земли. Земля хочет дать волю заключенным и вступает с другими своими детьми, находящимися на свободе, титанами, в заговор против мужа. Один из титанов, хитрый Крон, получает от матери серп, и ночью, когда Уран — Небо — обнимает Землю, кастрирует своего отца этим серпом, после чего Бриарей и его оба брата получают свободу.

Бризеида — невольница и наложница Ахиллеса, жена Минеса (или Минета), взятая Ахиллесом в плен при разрушении Лирнесса (см. Ахиллес, Гипподамия, Лирнесс и Минес).

Бризей — отец Бризеиды.

Бризова дочь — Бризеида, дочь Бризея.

Будеон — город в северной Греции.

Вакх — другое имя бога Диониса.

Вакханки — служительницы бога Диониса-Вакха.

Ватиея — или, иначе, могила Мирины, высокий курган перед городом Троей (см. Мирина).

Вупразий, Вупрас — главный город эпеян (эпейцев) в Элиде.

Вупразийцы — жители Вупразия.

Гализоны — народность в Малой Азии, в области позднейшей Вифинии, на Черном море.

Ганимед — сын царя Троса, красавец-мальчик, которого Зевс купил у Троса, выменяв на лучших в мире коней, и взял к себе на Олимп, где Ганимед с Гебой стал прислуживать богам за их пиршествами. Позднейшие источники рассказывают о похищении Ганимеда: Зевс не купил, а похитил его, приказав своей птице, орлу, унести Ганимеда на небо.

Гаргар — одна из вершин горы Иды.

Гарпии — женские, реющие невидимо в воздухе, божества вихрей.

Геба — молодая богиня, дочь Зевса и Геры, прислуживающая главным богам на Олимпе во время их пиршеств.
Гекамеда — дочь Арсиноя, с острова Тенедоса, невольница Нестора.
Гекатомба — т. е. жертва в „сто быков“, а затем вообще большая, по числу закалываемых животных, жертва.
Гектор — сын Приама и Гекубы, главный защитник Трои, самый мощный из троянских героев, начальник военных сил Трои.
Гекуба — дочь фригийского царя Димаса, жена Приама.
Гелен — сын Приама и Гекубы, слывущий в Трое предсказателем будущего и истолкователем воли богов.
Гелика — город в области Ахайи, в северной части Пелопоннеса, с святилищем бога Посидона.
Геликийский бог — Посидон (см. Гелика).
Гелиос — солнце.
Геллада — 1) в широком смысле — Греция; 2) в узком — область в Фессалии, недалеко от Фтии.
Геллены — население области Геллады.
Геллеспонт — Дарданеллы, „понт (т. е. море) Геллы“; название производилось мифом от имени юной Геллы, вместе со своим братом Фриксом спасавшейся на спине златорунного барана от преследований злой мачехи: при переправе через пролив Гелла испугалась волн, упала с животного в море и утонула.
Гера — дочь Крона, сестра и жена Зевса, главная богиня, непримиримая противница Трои.
Геракл — излюбленный греческим фольклором самый могучий его герой (см. Алкмена, Амфитрион, Эврисфей, Копрей, Лаомедон и Авгеас).
Гераклид — сын Геракла.
Геренский конник — эпитет Нестора. Герения, или Герены — приморский город, или местечко, в Мессении, в Пелопоннесе, недалеко от Пилоса.
Герм — река в Малой Азии, впадающая в море недалеко от Смирны.
Гермес — юный бог, сын Зевса и богини Майи, родившийся в Аркадии, на горе Киллене, податель успеха и всяческого рода удач людям, посланник Зевса к богам и к смертным.
Гетион — 1) царь киликийских Фив, отец Андромахи; 2) троянец, отец Подеса.
Гефест — сын Зевса и Геры, хромоногий бог огня вообще и в частности огня, обрабатывающего металл: бог-кузнец.
Геэтион — друг Приама на острове Имбре.
Гиады, дословно „дождевые“, — созвездие.
Гигейское озеро — озеро в Лидии близ города Сард (см. Месфл).
Гида — город в Лидии, у горы Тмола.
Гила — город в Беотии.
Гилл — река в Лидии, впадающая в реку Герм.
Гиперенор — сын Панфоя и Фронтисы, брат Эвфорба.
Гиперея — источник в Фессалии.
Гиперион — эпитет солнца: „ходящий высоко в небе“ (подр. см. Гелиос).
Гиппемолги — дословно „доители лошадей“: может быть, скифы.
Гипподамия — 1) жена лапифа Пирифоя; 2) дочь Анхиза, жена троянца Алкафоя; 3) по свидетельству схолий, имя дочери Бризея, Бризеиды, пленницы Ахиллеса.
Гипполох — 1) сын Беллерофонта, отец Главка; 2) троянец, сын Антимаха.
Гипполохид — Главк.
Гиппофоой — 1) сын Лефа, из Ларисы, предводитель пелазгов; 2) один из сыновей Приама.

Гиртакид — сын Гиртака, Азий.
Главк — сын Гипполоха, внук Беллерофонта, вместе с Сарпедоном предводительствующий ликийцами.
Годий — 1) предводитель гализонов; 2) вестник в ахейском войске.
Горгона — женское чудовище, голова которого повергала всех, смотревших на нее, в ужас или, по некоторым мифам, даже обращала в камень (см. Персей).
Горы — цветущие молодые богини сменяющихся времен года: им вверена стража Олимпа, у ворот которого они то сгущают, то рассыпают облака.

Дальновержец — эпитет Аполлона, мечущего далеко стрелы.
Данаи — племенное название, служащее в гомеровских поэмах, подобно названиям „ахеяне“ и „аргивяне“, для обозначения вообще греков.
Даная — см. Персей.
Дардан — сын Зевса, предок Приама, основатель Дардании.
Дарданид, Дарданион — потомок Дардана.
Дардания — древний город в Малой Азии, на Геллеспонте, в историческое время не существовавший.
Дардановы врата — по толкованию александрийского ученого Аристарха, те же городские ворота Трои, которые иначе называются в „Илиаде“ „Скейскими“.
Девкалид — сын Девкалиона, Идоменей.
Девкалион — 1) сын Миноса, отец Идоменея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.
Дедал — древнейший мифический скульптор, искусству которого приписывалось в античное время множество произведений архаики. Тесно связанный в мифе с островом Критом, Дедал считался, между прочим, строителем критского Лабиринта; иначе говоря, он оказывался современником Миноса, Тезея и Ариадны.
Деифоб — сын Приама и Гекубы, один из наиболее мужественных и сильных защитников Трои.
Деметра — божество производительных сил земли, богиня земледелия и хлебных злаков. „Дары Деметры“ — хлебные зерна, хлеб. От союза с Зевсом у Деметры есть дочь Персефона, божество оплодотворенных недр земли и расцветающей по весне природы. Другое название Персефоны—Кора, т. е. „девушка“, „дочь“. Кору похитил у матери бог подземного царства и унес к себе в преисподнюю. Персефона стала его женой, царицей обители мертвых. Но каждую весну Персефона (Кора) выходит из-под земли, и вместе с ней поднимаются над землей и первые весенние всходы.
Демон — греческое слово „даймон“ — „божество“, „бог“.
Денница — Эос, богиня утренней зари.
Диомед — царь города Аргоса, предводитель аргосских войск.
Диона — мать Афродиты, богиня, принадлежащая к числу тех древних божеств, культ которых в историческое время уже почти совсем исчез.
Диорид — сын Диорея, Автомедон.
Додона — святилище Зевса в Эпире; при нем находился оракул, связанный с священным деревом Зевса, дубом; одно из древнейших мест культа Зевса в Греции (см. Селлы).
Долопы — греческое племя в Фессалии.
Дриас — 1) лапиф; 2) отец Ликурга.
Дулихий — остров у западных берегов Греции, недалеко от Итаки, в историческое время под таким названием не существующий; с ним, так же как и с Итакой, позже отожествлялся целый ряд островов.

Елена — дочь Зевса и Леды, жена Менелая, похищенная из Спарты Парисом и привезенная им в Трою, где она стала его женой (см. Парис).

Зевс, Зевес — бог неба, открывающийся людям в громе и молнии, сын Крона и Реи, главный, повелевающий другими богами бог (см. Крон).
Зевс Идейский — см. Идейский Зевс.
Зевс подземный — сакральное обозначение бога преисподней, Аида.
Зелея, Зелия — город у подошвы горы Иды: им правит Пандар.
Земледержатель, земли колебатель — эпитеты Посидона.
Зефир — западный ветер.

Иардан — река в Элиде.
Ид — см. Марписса.
Ида — высокая гора в Троаде; ее скалы образуют равнину Трои.
Идей — 1) вестник Приама; 2) сын Дареса, троянского жреца Гефеста, брат Фегеса.
Идейские горы — горы Иды.
Идейский Зевс — Зевс, пребывающий на горе Иде: ему воздается культ в Трое, где у него имеется особый жрец.
Идоменей — сын Девкалиона, царь на острове Крите, предводитель критских войск.
Икарийский понт — часть Эгейского моря у острова Самоса.
Иксион — царь лапифов в Фессалии, муж Дии, родившей от Зевса лапифа Пирифоя.
Ил — сын Троса, отец Лаомедона, брат Ассарака и Ганимеда, предок Приама, троянский царь. Его могила с надгробным памятником находится на равнине между стенами Трои и берегом моря.
Илион — другое название города Трои.
Илифии — богини-родовспомогательницы, насылающие родильные муки на рожениц и выводящие ребенка на свет из утробы матери.
Имбр, Имброс — остров в Эгейском море, у берегов Фракии.
Иней, или Эней — по-гречески Oineus (не смешивать с троянцем Энеем), царь Калидона, в Этолии, отец Тидея и Мелеагра (см. Мелеагр).
Ипподамия — см. Пирифой и Гипподамия.
Ипсипила — см. Язон.
Ириса, или Ирида — богиня радуги, посланница главных богов, особенно Зевса и Геры.
Ифака (Итака) — один из ионийских островов, родина Одиссея; обычно отожествляется с современным островом Фиаки; другая теория видит в гомеровской Ифаке остров Левкаду (соврем. Санта-Маура).
Ификл — сын Филака, царь Филаки в Фессалии, отец Протезилая и Подаркеса, обладатель замечательных стад, отличавшийся такой быстротой ног, что мог бегать по поверхности колосящейся нивы, и колосья не гнулись и не ломались под его стопами.
Иялмен — см. Аскалаф.
Яоны — „ионийцы“, одно из греческих племен.

Кабезиец — происходящий из Кабеза, города, находившегося, по одним свидетельствам, во Фракии, по другим — в Малой Азии.
Кавконы — племя, соседнее с троянцами. В „Одиссее“ упоминаются еще и пелопоннесские кавконы.
Кадм — сын Феникса, брат похищенной Зевсом Европы, основатель беотийских Фив: согласно мифу, Кадм, отправившийся отыскивать свою сестру, встретился по дороге с чудесной коровой, которая и привела

его в Беотию; там корова легла на землю. и в этом месте Кадм основал новый город — Кадмею, позднейшие Фивы.

Кадмеяне — фиванцы (см. Кадм).

Каистр — река в Лидии.

Калетор — сын Клития, родственник Приама.

Калидон — город в Этолии (см. Иней и Мелеагр).

Калликолона — т. е. „Красивый холм“, „Краснохолмье“, название местности близ реки Симоиса у Трои.

Калхас — предсказатель в союзном ахейском войске.

Капаней — отец Сфенела, участник „похода семи против Фив“.

Капанид — сын Капанея, Сфенел.

Кары, карияне — карийцы, народ, обитавший в юго-западной части Малой Азии.

Кассандра — троянская пророчица, красавица, дочь Приама. Она отвергла любовь Аполлона и наказана за это богом: отныне она предвидит только ужасное, и никто не верит правдивым ее предсказаниям.

Кастор и Полидевк — братья-близнецы „Диоскуры“, т. е. „дети Зевса“, или „Тиндариды“, т. е. „дети Тиндарея“, братья Елены. Полидевк обладал бессмертием, Кастор был смертным: первый родился у Леды от Зевса, второй — от Тиндарея. На войне, в бою, Кастор был убит, но Полидевк выпросил для него у Зевса бессмертие, взамен чего сам пожертвовал половиной собственной жизни. С этих пор Кастор и Полидевк попеременно умирают на сутки: чередуясь друг с другом, проводят одни сутки на земле, другие — в загробном мире.

Кебрион — один из сыновей Приама.

Кеней — имя одного из лапифов.

Кентавры — полулюди-полуживотные, неоднократно обозначаемые в „Илиаде“ термином „звери“, дикие обитатели горных долин Пелиона и Оссы в северной Фессалии. Греческое искусство изображало кентавров полулюдьми-полуконями.

Керан — 1) один из ликийских вождей; 2) критянин, из города Ликта, возница и друг Мериона.

Кефалленяне, кефаллены — население островов Самы, Итаки, Закинфа и Дулихия в Ионическом море.

Кефисское озеро — позже называвшееся Копаидским, в Беотии.

Киконы — повидимому, одно из фракийских племен.

Килла — название неизвестного города или острова в области Троады

Киминда — название птицы, которая на „языке богов“ зовется Халкидой.

Кинирас — царь Кипра, один из героев этого острова, учредивший, согласно преданию, в кипрском городе Пафосе культ Афродиты, перенесенный им сюда из финикийской Сирии.

Кипр — остров Средиземного моря, близ берегов Сирии и Киликии, богатый металлами, издавна добывавшимися в его недрах.

Киприда — прозвище Афродиты, образованное от названия острова Кипра, который в мифе считается ее островом. Отсюда и ее прозвище „Киприда“, т. е. киприянка, и „Кипрогения“ — родившаяся на Кипре.

Киф — город в юго-восточной части Фессалии.

Кифера — остров у берегов Лаконики, к югу от Малейского полуострова.

Клеопатра — жена Мелеагра, дочь мессенского царя Ида (или Идея) и Марписсы.

Клитемнестра (правильнее Клитеместра) — дочь спартанского царя Тиндарея, сестра Елены, Кастора и Полидевка, жена Агамемнона. В мифе о возвращении Агамемнона она изменяет мужу вместе с его двоюродным братом Эгистом и убивает Агамемнона, вернувшегося к

ней с войны. В сказании об Оресте Эгист, после гибели Агамемнона, семь лет правит в Микенах; на восьмой год приходит мстителем вернувшийся с чужбины Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, убивающий Эгиста и Клитемнестру.

Кносс — главный город острова Крита.

Колебатель — см. Земледержатель.

Конник Геренский — см. Геренский конник.

Коос, Кос — остров у берегов Малой Азии.

Копрей — имя вестника, передававшего Гераклу поручения Эврисфея: трусливый Эврисфей боялся Геракла, избегал встречи с ним и передавал ему поручения через вестника (см. Эврисфей).

Краная — остров, быть может мифический; в древности с ним отожествляли то остров Елены у берегов Аттики, то островок в Лаконском заливе, теперешний Маратонизи, то остров Киферу, являвшийся одним из главных мест культа Афродиты.

Крит — многолюдный, „стоградный“ остров в Средиземном море, центр чрезвычайно древней, догреческой, высокой культуры, получившей в науке название „критской“, когда в начале XX века она была открыта благодаря раскопкам английского археолога Эванса.

Крон — древний бог мифического „золотого“ века, когда люди не знали труда и земля сама приносила плоды, не требуя обработки. Жена Крона, Рея, родила мужу Зевса, Посидона, Аида, Геру, Деметру, Гестию. Зевс отнял у своего отца власть, победил заступившихся за старого бога титанов и сбросил их, вместе с Кроном, в подземные бездны, Тартар.

Кронид, Кронион — сын Крона, Зевс.

Ксанф — 1) другое название троянской реки Скамандра; 2) река в Ликии; 3) имя троянца, сына Фенопса; 4) кличка („буланый“) одного из бессмертных коней Ахиллеса; 5) кличка коня, принадлежащего Гектору.

Куреты — см. Иней.

Лаерт, Лаэрт — сын Аркисия, отец Одиссея.

Лаертид — сын Лаерта, Одиссей.

Лакедемон — область позднейшей Лаконики, в юго-восточной части Пелопоннеса.

Ламп („светлый“, „сивый“) — кличка одного из коней Гектора.

Лаодика — 1) дочь Приама и Гекубы, жена Геликаона; 2) дочь Агамемнона, позже отожествлявшаяся греческим поэтом Стесихором с Электрой.

Лаомедон — сын Ила, отец Приама, троянский царь, трудами Посидона и Аполлона построивший крепость Трои, Пергам, и обманувший затем обоих богов, не выдав им полагавшейся за работу платы. По другому мифу, укрепления Трои строил один Посидон, Аполлон же пас в это время стада Лаомедона. В наказание за обман Посидон наслал на Трою морское чудовище („кита“), на съедение которому предстояло отдать Гесиону, дочь Лаомедона. Царевну уже приковали к прибрежной скале, но пришел Геракл и обещал спасти Гесиону, если Лаомедон за это подарит ему знаменитых коней царя Троса. Лаомедон согласился и обещал, но, когда Геракл убил чудовище, отказался исполнить обещание. Геракл взял Трою силой и опустошил город.

Лаофоя — см. Педас.

Лапифы — одно из греческих легендарных племен в северной части Фессалии.

Ларисса — город пелазгов в Малой Азии, вероятно в Троаде.

Лаэрт — см. Лаерт.
Леда — жена Тиндарея, мать Клитемнестры, Елены, Кастора и Полидевка.
Ледина дочь — Елена.
Леит — сын Алектриона, один из предводителей беотийских войск.
Лект — возвышенный мыс в Троаде, против острова Лесбоса.
Лелеги — одно из древнейших греческих племен.
Лемн, Лемнос — остров Эгейского моря, царство Фоаса, или Эвнея (см. Язон).
Леонтей — см. Полипет.
Лесбос — остров Эгейского моря.
Лета, Латона (по-гречески Letó) — богиня, одна из жен Зевса, мать близнецов Аполлона и Артемиды.
Ликаон — 1) царь троянской Ликии, отец Пандара; 2) сын Приама (см. Полидор и Ахиллес).
Ликаонид — сын Ликаона, Пандар.
Ликияне — население Ликии: 1) собственно Ликии, области в южной части Малой Азии, между Карией и Памфилией; 2) троянской Ликии (см. Пандар).
Ликомед — сын Крейона, один из предводителей беотийских войск.
Ликт — город на Крите, к востоку от Кносса.
Ликург — 1) сын Дриаса, царь эдонов во Фракии; согласно мифу, в его царство пришел, окруженный вакханками, бог Дионис, несущий людям новые формы служения божеству посредством религиозного экстаза; Ликург стал бороться с пришлецом и его новой религией, пытался силой прогнать поклонниц Диониса за пределы своих владений, но потерпел неудачу и за свое противодействие богу понес суровое наказание; 2) аркадский царь, победивший Арейфооя.
Лирнесс — город в Мизии, близ киликийских Фив.
Локры — жители опунтской Локриды, области средней Греции, к северу от Фокиды, у Эвбейского пролива.
Луконосец — прозвище Аполлона.

Магнеты — греческое племя в Фессалии.
Макарова обитель — остров Лесбос. Макар — дословно „блаженный“ — имя древнего мифического царя, некогда царствовавшего на Лесбосе.
Марписса — дочь Эвена, жена Ида, мать Клеопатры. Миф рассказывал, что Марписсу, уже просватанную за Ида, захотел отнять у жениха Аполлон; защищая невесту, Ид поднял против Аполлона свой лук; конец спору положил Зевс, предоставивший выбор мужа самой Марписсе; Марписса предпочла смертного Ида богу Аполлону.
Махаон — см. Подалир.
Мегес — сын Филея, племянник Одиссея, с острова Дулихия, предводитель дулихийцев и эхинадцев.
Медон — 1) сын Оилея и Рены, побочный брат Аякса, бежавший из Локриды в Фессалию, в город Филаку, после убийства брата своей мачехи; под Троей он начальствует войсками Филоктета, покинутого на Лемносе (см. Филоктет); 2) один из ликийцев.
Мекистей, Мекестий — отец Эвриала, сын Талая, или Талайона, аргосский царь, некогда одержавший блистательную победу на погребальных играх во время похорон Эдипа (см. Эдип).
Мелеагр — сын калидонского царя Инея (Ойнея), герой „калидонской охоты“. Согласно мифу, калидонец Иней был женат на Алфее, взятой им из соседнего с калидонцами племени куретов. Однажды, при совершении жертвы богам по случаю жатвы, Иней забыл Артемиду, и разгневанная богиня наслала на окрестности Калидона огромного

кабана, который стал опустошать поля и сады калидонцев. Совместно с куретами калидонцы предприняли на кабана охоту, которой руководил молодой Мелеагр; в конце концов он убил зверя. При дележе добычи возгорелся спор из-за шкуры и головы животного. Мелеагр присудил то и другое охотнице Аталанте (о ней „Илиада“ не упоминает), чем обидел своих дядей, братьев Алфеи, куретов. Последние силой отняли у Аталанты награду, и тогда Мелеагр убил одного из дядей. Это послужило началом кровавой войны между куретами и калидонцами. Мать Мелеагра, Алфея, стала на сторону своих братьев, против своего сына, и погубила Мелеагра.

Менада — дословно „безумная“, „неистовая“; менадами назывались вакханки, участницы экстатического культа Диониса-Вакха.

Менелай — сын Атрея, царь Спарты, брат Агамемнона, муж Елены, похищенной у него Парисом (см. Парис).

Менесфей — сын Петея, предводитель афинских войск.

Менесфий — 1) из Арны, сын Арейфооя и Филомедузы; 2) мирмидонец, сын Полидоры, дочери Пелея, и бога реки Сперхия, предводитель первого строя мирмидонцев.

Менетиад, Менетид, Менетиев сын — сын Менетия, Патрокл.

Менетий — сын Актора, отец Патрокла, родом из Опунта.

Мения — древнее название Лидии.

Меоны, меоняне — меонийцы, население Лидии.

Мерион — сын Мола, с острова Крита, друг и помощник Идоменея.

Мессеис — родник, помещаемый древними в различных местах Греции: в Мессении, в Лаконике, в Фессалии.

Месфл — меониец, брат Антифа, сын Пилемена и нимфы Гигейского озера.

Мефона — фессалийский город в Магнезии, на берегу Пагасейского залива.

Мигдон — фригийский царь, брат Отрея.

Мизы, мизяне — мизийцы: 1) малоазийские; 2) европейские (фракийские).

Микена, Микены — один из городов Арголиды, в Пелопоннесе, столица Агамемнона.

Минеев Орхомен — см. Орхомен.

Минес, Минет — сын Эвена, царя города Лирнесса, муж Бризеиды, убитый Ахиллесом при взятии им Лирнесса.

Миниейос — река в Элиде.

Минос — сын Зевса и Европы, отец Девкалиона и Ариадны, царь Крита.

Мирина — погребенная у троянских стен амазонка (см. Батиея и Амазонки).

Мирмидоны, мирмидонцы — греческое фессалийское племя в Фтиотиде (см. Ахиллес).

Мол — сын Девкалиона, отец Мериона.

Молид — сын Мола, Мерион.

Молионы, или Акторионы (у Гнедича — Акториды) — два брата-великана, богатыри элейцев (см. прим. к кн. XXIII, ст. 639).

Молневержец — Зевс.

Музы — богини музыки, пения, пляски и поэтического творчества, дочери Зевса и Мнемозины (Памяти).

Наяда — нимфа источника.

Нектар — напиток богов.

Нелей — отец Нестора.

Нелид — сын Нелея, Нестор.

Неоптолем — сын Ахиллеса и Дейдамии, дочери Ликомеда (см. Скирос).
Нереиды — богини моря, дочери Нерея. Нереида, в частности,— мать Ахиллеса, Фетида.
Нерей — морское божество, „морской старец“.
Нестор — царь Пилоса, старейший из царей союзной ахейской армии под стенами Трои.
Несторид, Несторов сын — Антилох.
Нимфа — греческое слово, значит невеста, затем молодая девушка и, наконец, вообще молодая женщина. Нимфами назывались также низшие женские божества природы: были нимфы источников, рощ, гор, островов и т. д.
Ниоба — мать шести дочерей и шести сыновей, гордившаяся своим многоплодием и дерзнувшая однажды противопоставить себя богине Лете (Латоне), имевшей только двух детей, Аполлона и Артемиду. За эту дерзость боги наказали Ниобу: своими стрелами Аполлон перебил всех ее сыновей, Артемида — всех дочерей, сама же Ниоба была превращена богами в скалу: в Лидии, в горах Сипила, показывали утес, очертания которого напоминали фигуру плачущей женщины.
Нисса — название горы, на которой, согласно сказаниям о Дионисе, вакханки совершали свое бурное служение Дионису-Вакху; самая гора также принадлежит мифу.
Нот — южный ветер.

Обида (по-гречески — Ate; собственно, затмение, безумие, умопомрачение) — богиня, дочь Зевса.
Одиссей — царь Итаки, герой поэмы Гомера „Одиссея“.
Оилей — 1) царь в Локриде, отец локрийского Аякса и Медона; 2) троянец, возница Бианора.
Оилид — сын Оилея, локрийский Аякс.
Океан — мифическая мировая река, обтекающая земной диск и отделяющая земной мир от мира потустороннего. „Илиада“ говорит об Океане и как об особом, личном божестве, прародителе всех богов и отце всех морей, рек и источников. Его женой является Тефиса, дочь Урана и Геи.
Олимп — отожествленная преданием с высокой горой у Фермейского залива в Греции, на границе между Фессалией и Македонией, мифическая гора, на вершине которой живут главные (олимпийские) боги.
Олимпиец, олимпийский провидец — Зевс.
Онетор — жрец Зевса Идейского в Трое.
Опунт — главный город Локриды, у Эвбейского пролива.
Орест — 1) сын Агамемнона (см. Клитемнестра); 2) ахеец, убитый Гектором; 3) троянец.
Орион — мифический охотник, юный силач и красавец, возлюбленный богини зари Эос. Убитый Артемидой, он продолжал и после смерти охотиться на том свете. Его именем названо созвездие.
Ормений — город в Фессалии.
Орфей — один из предводителей союзных троянских войск из города Аскании; его имя (Orthaios) не имеет ничего общего с именем мифического певца Орфея (Orpheus).
Орхомен — 1) город в Аркадии; 2) Орхомен Минийский (у Гнедича — Миниев Орхомен), богатый город в Беотии, у Копаидского озера, минийцы — одно из древних, в историческое время уже исчезнувших, греческих племен.
Осса — дословно: „молва“; в „Илиаде“ богиня молвы, редкий в гомеровской поэзии случай персонификации отвлеченного понятия.
Отец и бессмертных и смертных — Зевс.

Отос — см. Эфиальтес и Алоиды.
Отрей — царь во Фригии.
Офрионей — союзник троянцев из города Кабеза, жених Кассандры.

Пазифея — имя одной из Харит.
Паллада — прозвище богини Афины.
Пандар — сын Ликаона, предводитель ликийцев из малой (троянской) Ликии, у подошвы Иды, искусный стрелок из лука.
Паноп — город в Фокиде, в пограничной полосе с Беотией.
Панфоид — 1) Полидамас; 2) Эвфорб.
Панфой — важный троянец, один из троянских старцев, отец Эвфорба, Полидамаса и Гиперенора. Сын Панфоя — Полидамас.
Парис — сын Приама, похитивший у Менелая Елену. По мифу, рассказывавшемуся в „Киприях“, древней эпической поэме, которая до нас не дошла, но сюжет которой известен, Парис, произнеся свой приговор в споре богинь (см. Фетида), приезжает в Спарту с тайной целью добыть себе обещанную ему Афродитой красавицу-жену Менелая Елену, радушно принят доверчивым Менелаем и гостит у него; когда Менелай уехал на Крит, в его отсутствие Парис соблазнил Елену и увез ее на корабле в Трою, забрав при этом множество драгоценных предметов, принадлежавших Менелаю. От стрелы Париса суждено погибнуть Ахиллесу.
Парки — римские богини судьбы, которым в греческой религии соответствуют Мойры; Гнедич, на ряду с русским словом „Судьба“, пользуется в своем переводе и латинским термином „Парка“.
Патрокл — сын Менетия, родом из Опунта в Локриде, ребенком ушедший в изгнание из родного города, после того как в ссоре, за игрой в кости, убил товарища. Менетий привел Патрокла во Фтию к отцу Ахиллеса, Пелею, который принял беглеца в свой дом. Здесь Патрокл стал близким другом Ахиллеса и отправился вместе с ним на войну под Трою.
Пафлагония — область Малой Азии, у Черного моря, между рекой Галисом и границами Фригии.
Пафлагоны, пафлагоняне — пафлагонцы, жители Пафлагонии в Малой Азии, на южном берегу Черного моря.
Пеан — просительная или благодарственная, по случаю избавления от происшедшего бедствия или угрожавшей опасности, священная песнь в честь божества, чаще всего Аполлона. Пеаном также называется благодарственное песнопение богу после победы, одержанной над врагом в сражении.
Педас — 1) город лелегов на реке Сатнионе в Малой Азии, царство Альта, отца Лаофои; 2) город в Мессении, в Пелопоннесе; 3) имя троянца, сына Буколиона и нимфы Абарбареи; 4) кличка смертного коня Ахиллеса.
Пелазги — древнейшие обитатели Греции.
Пелазгийский Зевс — Зевс, почитавшийся в Додоне, основанной, по преданию, древнейшими обитателями Эпира, пелазгами.
Пелазгический Аргос — название одной из равнин в Фессалии, определить местоположение которой трудно.
Пелей — царь мирмидонцев в Фессалии, муж богини Фетиды, отец Ахиллеса (см. Фетида).
Пелейон, Пелид — сын Пелея, Ахиллес.
Пелиас — копье Ахиллеса у Гнедича (см. прим. к кн. XX, ст. 90).
Пелий — царь города Иолка, в Фессалии, у Пагасейского залива, незаконно лишивший власти своего старшего брата Эзона и поручивший своему племяннику Язону вывезти из Колхиды золотое руно (см. Язон).

Пелион — гора в северной Фессалии, недалеко от Олимпа и Оссы.
Пелопс — сын Тантала, герой Пелопоннеса, „острова Пелопса“, предок Агамемнона и Менелая.
Пеней — большая река в северной Фессалии, берущая начало в горах Пинда, протекающая по Темпейской долине и впадающая в море у Фермейского залива.
Пенелей — сын Гиппалма, один из предводителей беотийцев.
Пеон — бог-целитель, врачеватель богов.
Пеоны — пеонийцы, жители Пеонии, области на территории позднейшей Македонии.
Пергам — крепость Трои.
Пергамляне — другое название троянцев.
Перифас — 1) сын Охезия, этолиец; 2) сын Эпита, престарелый вестник Анхиза.
Перифет — сын Копрея, из города Микен.
Перкозийский — родом из города Перкоты.
Перкота — город на малоазийском берегу Геллеспонта.
Перребы — одно из греческих племен, соседнее с энианами.
Персеид — сын Персея.
Персей — герой, серпом отрубивший Горгоне голову и спасший от морского чудовища прикованную к скале Андромеду, сын Зевса и дочери аргосского царя Акризия, Данаи, заключенной отцом в подземный медный чертог, куда через отверстие в потолке Зевс сумел все же тайно проникнуть, пролившись на Данаю золотым дождем.
Персефония, или **Персефона** — богиня загробного мира, жена Аида (см. Деметра).
Пес — город в Малой Азии, повидимому тот же, который в „Илиаде“ иначе называется Апез.
Петей — отец Менесфея.
Пигмеи — сказочный народ карликов.
Пиерия — область Македонии, у Фермейского залива.
Пизандр — мирмидонец, сын Мемала, предводитель третьего строя мирмидонцев.
Пилийская земля — см. Пилос.
Пилияне, пилосцы — см. Пилос.
Пилос — город в Мессении, в юго-западной оконечности Пелопоннеса, на берегу моря, царство Нестора.
Пираз — 1) город в Фессалии; 2) имя троянца, убиваемого Аяксом.
Пиритой — см. Пирифой.
Пирифой — царь лапифов в Фессалии, на свадьбе которого с Ипподамией произошла битва лапифов с кентаврами: пришедшие на свадьбу кентавры напились пьяными и набросились на лапифянок, бывших на свадебном пире; это послужило поводом к кровавой битве, в которой участвовал и друг Пирифоя, герой Фезей.
Пифос — древнейшее название (по-гречески Pythô) святилища и оракула Аполлона в Дельфах.
Плак — гора близ киликийских Фив.
Плеврон — город в Этолии.
Плияды, или **Плеяды** — созвездие.
Подалир, или **Подалирий**, и его брат **Махаон** — сыновья Асклепия, воины-врачи, предводители войск из города Трикки, в Фессалии.
Подарг („быстроногий“) — кличка коней Гектора и Менелая.
Подарга („быстроногая“) — имя одной из Гарпий.
Подаркес — сын Ификла, брат Протезилая, предводитель войск из Филаки и Пираза.
Подес — сын Гетиона, троянец, друг Гектора.

Полидамас — сын Панфоя, один из виднейших троянских героев.

Полидевк — см. Кастор.

Полидор — 1) младший сын Приама, от Лаофои, брат Ликаона; 2) неизвестный ахеец, побежденный Нестором на похоронных состязаниях в честь Амаринка.

Полиник — сын Эдипа, изгнанный из Фив своим старшим братом Этеоклом. На чужбине он собрал против брата войско и пошел на Фивы, в союзе с шестью другими вождями (поход семи против Фив). Поход окончился неудачей: союзное войско было разбито фиванцами, а братья в схватке убили друг друга (см. Этеокл и Адраст).

Полипет, сын Пирифоя и Ипподамии, и Леонтей, сын Кенея,— два мощных лапифа, предводители войск из Аргиссы, Гиртоны и ряда других городов северной Фессалии.

Полит — сын Приама.

Полифем — имя одного из лапифов.

Посейдон, Посидаон, Посидон — божество водной стихии, главный бог моря, брат Зевса. Символом его власти над морем был трезубец, которым он поражал волны, усмиряя их или, наоборот, поднимая бурю. Среди богов он, после Геры и Афины,— главный враг троянского царства.

Прамнийское вино — густое, красное, очень крепкое вино, получившее свое название по месту изготовления на горе Прамне в Карии.

Прет — царь Тиринфа.

Приам — престарелый царь Трои.

Приамид — сын Приама.

Протезилай — предводитель фессалийских войск из города Филаки, первый по прибытии соединенного флота ахейцев к вражеским берегам Малой Азии соскочивший на сушу и тут же убитый ударом неприятельского оружия.

Профоенор — сын Ареилика, один из предводителей беотийского войска.

Радаманф — сын Зевса и Европы, брат Миноса, справедливейший человек, после земной жизни получивший в удел от богов вечное блаженство на „островах блаженных" в Элисии.

Рез — фракийский царь, союзник троянцев (см. Эйоней).

Рена — наложница Оилея, мать Медона.

Рея — дочь Урана и Геи (Неба и Земли), сестра и жена Крона, мать Зевса, Посидона, Аида, Гестии, Деметры и Геры.

Родос — остров у берегов Малой Азии.

Саламин — остров в Сароническом заливе, у берегов Аттики.

Сам — позднейшая Самофракия, остров Эгейского моря, у берегов Фракии, против устья реки Гебра.

Сангарий — река, протекающая по Вифинии и Фригии и впадающая в Черное море.

Сарпедон — ликийский властитель, сын Зевса и Лаодамии, дочери Беллерофонта, союзник Трои.

Сатнион — река в Мизии, в Малой Азии.

Светоносец (эосфор) — утренняя звезда.

Селлеис — 1) река в Элиде; 2) река в Троаде.

Селлы, или, по другому преданию, геллы — додонские жрецы, которые передавали обращавшимся с вопросами к оракулу волю бога. Сакральный закон святилища предписывал селлам никогда не мыть ног и спать на ничем не прикрытой земле.

Семела — дочь мифического фиванского царя Кадма, родившая от союза с Зевсом бога Диониса.

Сидон — главный город Финикии.

Сизиф — мифический царь Коринфа, знавший тайны богов и открывавший их людям, за что он понес тяжелое наказание на том свете, где непрерывно вкатывает на крутую гору огромный камень, каждый раз срывающийся обратно под гору, как только Сизиф дотащит его до вершины.

Сикион — город в северной части Пелопоннеса, недалеко от Коринфа.

Сим, Сима — остров близ Родоса, у южных берегов Малой Азии.

Симоис — река, берущая начало на горе Иде, протекающая по троянской равнине и впадающая в реку Скамандр.

Синтийские мужи, синтии — древнейшее, мифическое население острова Лемноса.

Скамандр — впадающая в Геллеспонт река, у берегов которой стояла Троя. Ее название „на языке богов“ — Ксанф.

Скамандрий — 1) имя прозванного троянцами Астианаксом сына Гектора и Андромахи, данное в честь троянской реки Скамандра; 2) имя троянца, сына Строфия.

Скандия — гавань и город на острове Кифере.

Скейские ворота — дословно: „западные ворота“ Трои.

Скирос — остров в Эгейском море, между Эвбеей и Хиосом, тесно связанный в мифе с сказанием об Ахиллесе и Дейдамии. Ахиллес, на пути в Трою, завоевал Скирос и взял в плен Дейдамию, дочь скиросского царя Ликомеда. По другому сказанию, Пелей, желая спасти сына от предсказанной ему ранней гибели на войне, отослал Ахиллеса в дом своего друга, Ликомеда, на Скирос: переодетый в женское платье, Ахиллес скрывался там среди дочерей Ликомеда, с одной из которых, Дейдамией, он тайно сошелся. Между тем Ахиллеса искали, так как без него нельзя было взять Трою. На Скирос, под видом купцов, приехали Одиссей с товарищами и разложили во дворце уборы, благовония, драгоценности и оружие. Дочери Ликомеда набросились на украшения, Ахиллес же схватился за оружие: этим он выдал себя; сопутствуемый Одиссеем, он отправился на войну (см. Неоптолем и Энией).

Смерть — бог; по-гречески слово „танатос“ (смерть) — мужского рода.

Сминфей — одно из сакральных прозвищ Аполлона: „мышиный“.

Солимы — народ в Ликии, в южной части Малой Азии.

Сон — бог, брат бога Смерти.

Спарта — главный город Лаконики (Лакедемона), столица царя Менелая.

Сперхий — река, в Фессалии.

Сребролукий — эпитет Аполлона.

Стикс — река в подземном мире.

Стихий — один из предводителей афинских войск (см. прим. к кн. XV, ст. 330).

Стрелец — Аполлон.

Стреловержец — эпитет Аполлона.

Сфенел — 1) царь из Арголиды, сын Капанея, друг Диомеда; 2) сын Персея и Андромеды, отец Эврисфея, микенский царь.

Талай, Талайон — дед Эвриала, отец Адраста и Мекистея, царь Аргоса.

Талфибий — вестник Агамемнона.

Тарна — древнейшее название столицы Лидийского царства, города Сард.

Тартар — лежащая глубоко под землей, ниже Аида, покрытая мраком бездна, куда Зевсом были сброшены Крон, титаны и другие противники его власти.

Тевкр — родом с острова Саламина, сын Теламона и Гесионы, сводный брат Аякса, лучший во всем ахейском войске стрелок из лука.

Тезей — см. Фезей.

Теламон — сын Эака, брат Пелея, отец Аякса и Тевкра, царь острова Саламина.

Теламонид — сын Теламона, Аякс.

Телемак — малолетний сын Одиссея, оставленный им дома, на острове Итаке.

Тенедос — остров в Эгейском море, у берегов Троады.

Тефиса — см. Океан.

Тидей — отец Диомеда, сын калидонского царя Инея; бежал с родины после убийства одного из родственников и нашел приют в доме Адраста, который выдал за него свою дочь Деипилу; вместе с Адрастом принял участие в „походе семи против Фив“, предварительно выполнив опасное поручение: он был послан вождями союзного войска в Фивы для переговоров с Этеоклом (см. Полиник, Этеокл, Адраст).

Тидейон — сын Тидея, Диомед.

Тидид — сын Тидея, Диомед.

Тиест — сын Пелопса, брат Атрея, отец Эгиста.

Тиндарей — царь Спарты, муж Леды, отец Клитемнестры, Кастора и Полидевка.

Тиринф — один из древнейших греческих городов, в Арголиде, в северо-восточной части Пелопоннеса, прозванный „крепкостенным“; чудовищные размеры камней, из которых были сложены его твердыни (развалины которых сохранились до нашего времени), занимали воображение древних и рождали сказания: так, по преданию, стены Тиринфа воздвигнуты не простыми людьми, а великанами сверхчеловеческой силы, циклопами.

Титаны — побежденное Зевсом старое поколение богов, дети Урана и Геи, сброшенные Зевсом в Тартар (см. Ураниды, Крон и Тартар).

Тифей — чудовище с сотней огнедышащих змеиных голов, порождение Тартара и Земли.

Тифон — сын царя Лаомедона, брат Приама, троянец, возлюбленный богини Эос, унесшей его к себе на небо, где Зевс, по ее просьбе, даровал ему бессмертие.

Тлиполем — 1) сын Геракла, царь острова Родоса; 2) сын Дамастора, ликиец.

Тмол — гора в Лидии, близ города Сард.

Трикка — город в Фессалии, у реки Пенея, одно из древнейших мест культа Асклепия.

Тритогения, Тритогена — эпитет Афины (значение неясно).

Тритония — не более ясное, чем эпитет „Тритогения“, прозвище Афины, в подлиннике „Илиады“ к Афине не прилагаемое; Гнедич пользуется им взамен обычного гомеровского эпитета „Тритогена“, или „Тритогения“.

Троил — один из сыновей Приама и Гекубы, убитый Ахиллесом до наступления событий, изображаемых в „Илиаде“.

Трос — 1) предок Приама и Энея; от имени этого мифического царя сказание производило название города Трои; 2) сын Аластора, молодой троянец, убитый Ахиллесом.

Троские кони — кони Энея, родившиеся от кобылиц Анхиза и жеребцов, подаренных Тросу Зевсом (см. Трос и Ганимед).

Ураниды — сброшенные Зевсом в Тартар титаны, дети Неба (Урана) и Земли (Геи) (см. Крон).

Участь (по-гречески „Айса“) — богиня судьбы, при рождении человека начинающая прясть нить его жизни. Согласно верованию, человек умирал, когда Участь обрывала нить.

Фамир — мифический фракийский певец, дерзнувший состязаться в пении с музами и, в наказание за эту дерзость, ослепленный ими.

Феана, Феано — троянская жрица Афины, жена Антенора, дочь фракийского царя Киссея.

Феб — прозвище Аполлона.

Феба, Фебея — Артемида. Прозвище это, в точности соответствующее прозвищу Аполлона „Феб“, заимствовано Гнедичем из позднейшей, послегомеровской поэзии: в подлиннике „Илиады“ Артемида не носит этого эпитета.

Фезей, Тезей — аттический национальный герой, совершающий труднейшие подвиги, один из легендарных афинских царей (см. Эгей и Ариадна).

Фейские твердыни — укрепления города Фей, в Элиде (в Пелопоннесе).

Фемиса, Фемида — богиня права и правосудия.

Феникс — 1) старец, сын фессалийского царя Аминтора, воспитатель и друг Ахилла; юношей бежал из родного города, когда его проклял отец, любимую рабыню которого он соблазнил по совету матери, ревновавшей Аминтора к молодой рабыне; Феникс нашел приют в доме Пелея, который отнесся к нему дружелюбно и поставил царем над долопами; вместе с Ахиллесом отправился на войну, где начальствовал четвертым строем мирмидонцев; 2) собственно „финикиец“ — отец Европы.

Фенопс — сын Азия, отец Ксанфа и Феона, абидосец, союзник троянцев.

Фера — город в Мессении, в Пелопоннесе.

Ферсит — безобразнейший воин в ахейском войске (см. прим. к кн. II, ст. 212).

Феры — город в Фессалии.

Фессальцы — фессалийцы, население Фессалии.

Фестор — 1) отец Калхаса; 2) троянец, сын Энопа.

Фесторид — сын Фестора, Калхас.

Фетида — морская богиня, одна из Нереид, мать Ахиллеса, жена Пелея. Миф о браке Пелея с Фетидой известен в двух главных формах. Первая: смертный Пелей силой овладевает богиней. Вторая: сами боги выдают богиню Фетиду замуж за смертного. Причина, почему они это делают, различна по вариантам мифа. Наибольшую популярность получил впоследствии тот сюжет, который воспользовался распространенным в фольклоре мотивом страшного предсказания: Фетиду спешат просватать за смертного, так как получено предсказание, что имеющий родиться от нее сын будет сильнее отца. На свадьбе присутствуют боги; богиня спора Эрида вкатывает к пирующим свое „яблоко раздора“, предназначенное красивейшей из богинь. Из-за него начинают спорить Гера, Афина и Афродита; они отправляются затем на гору Иду, чтобы просить Париса быть судьей в их споре. Парис присуждает яблоко Афродите.

Фивы — 1) „семивратные“ — греческий город в Беотии; 2) „стовратные“ — в Египте; 3) киликийские — в Малой Азии, которыми правил отец Андромахи, царь Гетион, и которые были взяты и разрушены Ахиллесом.

Филак — 1) отец Ификла, мифический основатель Филаки; 2) имя одного троянца.

Филака — город в Фессалии.
Филакид — потомок Филака.
Филей — 1) отец Мегеса, сын Авгия (Авгеаса), собственника знаменитых конюшен, заступившийся за Геракла, когда Авгий отказал герою в награде за их очистку; разгневанный Авгий проклял сына и изгнал его из Элиды (см. Авгеас); 2) неизвестный грек, участник погребальных игр в честь Амаринка в Элиде.
Филоктет — герой-стрелок, обладатель лука Геракла, вождь фессалийских войск из города Мелибеи. Миф говорил, что по пути в Трою, на острове Хризе, он был укушен в ногу ядовитой змеей; от укуса у него на ноге образовалась язва; невыносимое зловоние, распространяемое этой язвой, заставило греков бросить Филоктета на острове Лемносе; впоследствии, однако, уже после событий, рассказанных в „Илиаде", ахейцы, ввиду пророчества, гласившего, что Троя может быть взята лишь с помощью стрел Геракла, привезли Филоктета в свой стан. Ездил за ним на Лемнос Одиссей, а залечил его язву Махаон.
Фимбра — равнина в Троаде.
Фирс — сакральный жезл участников культа Диониса: длинная, примерно в рост человека, трость, оканчивающаяся наверху шишкой пинии.
Флегияне — разбойничье племя, жившее в области города Гиртоны, в Фессалии, и соседившее с племенем эфиров; флегияне и эфиры постоянно враждовали друг с другом.
Фоас — 1) сын Андремона, царь Плеврона и Калидона, в Этолии; 2) царь острова Лемноса, отец или, может быть, сын Ипсипилы; 3) убитый Менелаем троянец.
Фокеяне — население соседней с Беотией области средней Греции, Фокиды.
Фразимед — сын Нестора.
Фраки, фракийцы, фракияне — население Фракии, обширной страны к востоку от Македонии, вдоль северных берегов Геллеспонта, Пропонтиды и западного побережья Черного моря.
Фракия — см. Фраки.
Фриоесса — город на реке Алфее, в Пилосском царстве, в полосе, пограничной с Элидой.
Фтия, фтияне, фтийцы — см. Ффия.
Фурии — богини римской религии, соответствующие греческим Эринниям. Гнедич вносит иногда в свой перевод этот римский термин.
Ффия — главный город Мирмидонского царства Пелея в Фессалии, родина Ахиллеса.

Халкида — название птицы (см. Киминда).
Хариты — богини радости, красоты, пленительности. Одна из них является в „Илиаде" женой Гефеста.
Химера, дословно „коза",— чудовище, побежденное Беллерофонтом.
Хирон — мудрый кентавр, воспитатель Ахиллеса, знавший много полезных искусств, в том числе и врачебное.
Хриз — жрец Аполлона на острове Хризе.
Хриза — название посвященного Аполлону мифического острова.
Хризеида — дочь Хриза, пленница Агамемнона.
Хризофемиса — дочь Агамемнона.
Хромоногий — эпитет Гефеста.
Художник небесный — Гефест.

Царь черновласый — Посидон.

Шлем Аида — см. Аид.

Эак — сын Зевса и нимфы Эгины, царь острова Эгины, отец Пелея и Теламона.
Эакид — 1) сын Эака, Пелей; 2) внук Эака, Ахиллес.
Эвбея — остров в Эгейском море, у берегов средней Греции. Главные города Эвбеи: Эретрия, Халкида и Гистиея. Основное население: воинственное греческое племя абантов.
Эвдор — мирмидонец, сын Полимелы и бога Гермеса, предводитель второго строя мирмидонцев.
Эвемон — отец Эврипила; **сын Эвемонов** — Эврипил.
Эвен — 1) царь Лирнесса, отец Минета (Минеса), мужа Бризеиды; 2) этолийский царь, отец Марписсы.
Эвенина — дочь Эвена, Марписса.
Эвмел — сын Адмета и Алкесты (Алкестиды), из фессалийского города Фер.
Эвней — см. Язон.
Эвр — восточный ветер.
Эвриал — сын Мекистея, один из предводителей аргосского войска.
Эврибат — 1) вестник Агамемнона; 2) вестник Одиссея.
Эвримедон — 1) возница Агамемнона; 2) прислужник Нестора.
Эвринома — морская богиня, дочь Океана.
Эврипил — 1) сын Эвемона, царь фессалийского города Ормения; 2) сын Посидона, царь острова Коса; 3) сын Телефа, мизийский царь, союзник троянцев.
Эврисфей — злой и трусливый микенский царь, в подчинении у которого находился Геракл, принужденный выполнять трудные подвиги, которые Эврисфей ему поручал; одним из опаснейших поручений, данных Эврисфеем Гераклу, было вывести из царства Аида трехглавого адского пса Цербера (см. Геракл и Копрей).
Эврит — царь фессалийского города Эхалии.
Эвфорб — троянец, сын Панфоя и Фронтисы, брат Гиперенора и Полидамаса.
Эга — см. Эги.
Эгей — мифический афинский царь, отец героя Фезея.
Эгеон — см. Бриарей.
Эги, Эга — город в области Ахайи, в северной части Пелопоннеса. В Эгах находилось святилище Посидона, одно из главных мест поклонения этому богу.
Эгиалея — дочь или, по другим мифам, внучка Адраста, жена Диомеда.
Эгид, эгида — носимая на плечах, преимущественно Зевсом и Афиной, косматая шкура, спадающая на спину и на грудь, спереди обычно украшенная изображением головы Горгоны. Переброшенная на левую руку, она могла служить щитом во время боя. В гомеровских поэмах боги пользуются ею не столько в целях самозащиты, сколько как своеобразным оружием нападения, магически вызывающим смятение и ужас в рядах неприятеля.
Эгиох — „носитель эгиды“, одно из эпических прозвищ Зевса.
Эгиоховы дщери — музы.
Эдип — мифический фиванский царь, сын фиванского царя Лая и Эпикасты (Иокасты аттических трагиков). При рождении брошенный родителями, страшившимися пророчества о судьбе ребенка и их собственной участи, он был подобран чужими и вырос далеко от родины. Юношей он идет искать своего отца, по дороге встречается с ним, не зная его, и случайно, по неведению, убивает его; потом попадает в Фивы, становится царем фиванцев и женится, не зная, что это его мать,

на Эпикасте, которая родит ему детей. Наконец тайна его рождения внезапно раскрывается перед всеми, и отныне над домом Эдипа тяготеет ничем не смываемый позор отцеубийства и кровосмесительства. В „Илиаде“ Эдип не уходит в изгнание, как рассказывается об этом позже, например у Софокла, в трагедиях „Царь Эдип“ и „Эдип в Колоне“, а умирает стариком в Фивах.

Эзеп — 1) имя малоазийской реки, впадающей у города Кизика в Пропонтиду; 2) имя одного троянца.

Эзиет — неизвестный троянец, умерший в глубокой старости.

Эзима — название города, повидимому, фракийского.

Эйоней — отец Реза; в приписываемой Еврипиду трагедии „Рез“ („Рес“) матерью этого героя является Муза, а отцом фракийская река Стримон.

Эксадий — имя одного из лапифов.

Элеон — город в Беотии.

Элеяне — население Элиды.

Элида — область в западной части Пелопоннеса.

Эмафия — повидимому, береговая область в Македонии, недалеко от границ Фессалии.

Эн — город во Фракии, у устья реки Гебра.

Эней — 1) царь Дардании, в Троаде, на Геллеспонте, сын царя Анхиза и богини Афродиты, предводитель дарданцев, родственник Приама и его союзник; главный герой „Энеиды“ Вергилия; 2) царь Калидонии (см. Иней).

Эниалий — прозвище Арея как бога войны (см. Энио).

Эниане — одно из греческих племен в Фессалии; в историческое время эниане жили в Эпире.

Энид — сын Энея (или Инея) Тидей (см. Иней).

Энией — царь Скироса, под которым, вероятно, следует разуметь не остров, а одноименный последнему город во Фригии.

Энио — богиня войны, соответствующая Беллоне римской религии.

Энносигей (по-гречески „колебатель земли“) — эпическое прозвище Посидона.

Эолид — происходящий от Эола, мифического родоначальника греческого племени эолийцев: Сизиф.

Эпеос — сын Панопея; согласно мифу, Эпеос построил громадного деревянного коня, пустого внутри; в нем скрылись лучшие ахейские воины, а остальное войско греков фиктивно отплыло в открытое море; троянцы ввезли загадочного коня к себе; ночью воины вышли из него, захватили жителей Трои врасплох и овладели городом.

Эпеяне, эпейцы — древнейшие обитатели северной части Элиды.

Эпит — мифический царь аркадского города Фэсан; его могилу показывали путешественникам еще во времена Павсания, во II веке новой эры.

Эреб, Эрев — окутанная мраком загробная обитель мертвых.

Эревфалион — аркадянин необычайной силы, сраженный молодым Нестором во время войны пилосцев с аркадцами.

Эрехфей — древнейший, рожденный Землей, легендарный афинский царь.

Эривея — вторая жена Алоэя, мачеха Эфиальтеса и Отоса, родная мать которых звалась Ифимедея (см. Алоиды и Эфиальтес).

Эрида — богиня спора, чаще ссоры, реже соревнования.

Эринния (правильнее Эриния) — богини пролитой крови, в частности кровной мести, преследующие убийцу за убийство родственника, особенно отца или матери.

Эриннис — Эринния.

Эриопа — жена Оилея, мать Аякса Локрийского.

Эриуний — гомеровский эпитет Гермеса, характеризующий дружески-благостное отношение этого бога к людям.

Эрихфоний — предок Приама, сын царя Дардана, отец Троса; не смешивать с афинским змееногим царем Эрихфонием.

Этеокл — сын Эдипа и Эпикасты, изгнавший из Фив своего младшего брата Полиника, вопреки обещанию, данному друг другу обоими братьями: чередоваться в управлении Фивами, власть над которыми они унаследовали от Эдипа (см. Полиник, Тидей, Эдип).

Этолия — область в западной части средней Греции, к югу от Эпира.

Эфа („гнедая“, „рыжая“) — кличка рыжей кобылицы Агамемнона (см. Эфон).

Эфиальтес и его брат Отос — силачи-великаны, сыновья Алоэя, однажды посадившие Арея в медную темницу, решившие взять приступом жилище богов, Олимп, взгромоздившие с этой целью гору Оссу на гору Пелион и убитые Аполлоном (см. Алоиды).

Эфиопы — мифический народ, живущий близ океана, у последних пределов земли, на крайнем востоке или крайнем западе.

Эфира — название ряда городов, в том числе некогда и Коринфа.

Эфиры — древнейшее название жителей области города Краннона в Пеласгиотиде, в Фессалии (см. Флегияне).

Эфон („пылающий“, „жаровый“) — кличка гнедого, красно-коричневого коня (см. Эфа).

Эхалия — см. Эврит.

Эхепол — 1) троянец, сын Фализия, убитый Антилохом; 2) сикионец, сын Анхиза, подаривший Агамемнону кобылицу Эфу.

Эхинадские острова — цепь островов в Ионическом море, у берегов Этолии и Акарнании.

Язон — герой мифического похода аргонавтов, сын Эзона, царствовавшего в Иолке, в Фессалии, и лишенного власти своим братом Пелием. Когда на пути в Колхиду Язон приплыл на корабле Арго к острову Лемносу, он застал на острове правление женщин: все мужское население Лемноса было истреблено женщинами, и власть находилась в руках царевны, дочери изгнанного царя Фоаса, Ипсипилы, оказавшей путникам гостеприимство. Обласканные лемниянками, аргонавты задержались на острове. Ипсипила полюбила Язона и от союза с ним родила сына, Эвнея (см. Пелий).

Язонид, Язонион — сын Язона, Эвней.

Япет — один из титанов, отец Прометея, сброшенный Зевсом в Тартар.

СЛОВАРЬ СТАРЫХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Алкиона — чайка (греч. слово).

Берцо — голень.
Беспокровный — беззащитный.
Бодатели коней — погоняющие коней стрекалом, другое название которого — бодец.
Блато — болото.
Боронитель — охранитель, защитник.
Браноносец — воитель, носитель войны, брани.
Брашно — еда.
Быстропарный — быстро парящий в воздухе, летающий.

Вдруг — вместе, совокупно.
Ведомец — разведчик.
Велелепный — прекрасный, великолепный.
Вено — выкуп, подарки жениха как выкуп невесты.
Вереи — притолоки, дверные косяки.
Вержение — расстояние, пролетаемое брошенным предметом; расстояние полета.
Верстаться — равняться.
Вертеп — грот, пещера.
Вертоград — сад.
Взметчивый — вспыльчивый.
Виталица — жительница, обитательница.
Возатай — возница.
Возлив — совершив возлияние богам.
Вой — воин.
Волна — овечья шерсть.
Воня — запах, благоухание.
Воспящает — обращает вспять, задерживает.
Во стретенье — навстречу.
Вразумите — уразумейте, поймите.
Выпука — выпуклое место.

Геспер — вечерняя звезда.
Главни — головни.
Глезна — голень.
Головоходы — жонглеры, акробаты.
Голодалый — голодный.
Горожитель — житель гор.
Господыня — госпожа.
Гридня — парадная комната.
Грозы — угрозы.
Грудные забрала — бруствер.

Десной — правый.
Длиннотенный — отбрасывающий длинную тень (о копье).
Днесь — сегодня.
Доблий — доблестный.
Дол — см. об дол.
Дружний — дружеский.
Дух — дыхание.

Елень — олень.

Забрала — см. грудные забрала.
Завязка — струна, приматывающая основание наконечника стрелы к концу ее древка.
Зажитники — фуражиры.
Зане — так как, потому что.
Запнул — задержал.
Запон — передник, снабженный передником военный пояс.
Зиять — разевать рот.

Избава — спасение, защита от гибели, избавление.
Избывший — спасшийся.
Изженет — изгонит.
Изучаться — обучаться, учиться.
Изученный — наученный, обученный.
Инде — где-либо.
Искупление — выкуп.
Испод — низ.

Кистистый — украшенный бахромой, кистями.
Класы — колосья.
Кладезь — колодец.
Клеврет — товарищ, помощник.
Ключ — ключица.
Кованъ — кованая вещь.
Ковчег — ящик, сундук, футляр.
Кожи — кожаные щиты.
Козон — игральная кость, бабка (астрагал).
Копь — ров, канава.
Корысти — доспехи, снимаемые победителем с тела убитого врага (см срывать корысти).
Котвы — якоря (см. прим. к кн. I, ст. 436).
Крава — корова.
Красно — красиво.
Крепкочелые — твердолобые.
Кругозарный — блестящий, блистающий.
Купа — кучка людей.
Куща — шалаш. Словами „куща“, „сень“, „сенница“ Гнедич передает гомеровские „*клисие*“ — термин, означающий в „Илиаде“ воинский, построенный в лагере, деревянный барак.

Ланиты — щеки.
Леповидная — красивая.
Лепогривый — с красивой гривой.
Лепокормые — с красивой кормой.
Лепокудрая — прекраснокудрая.
Лепотронная — восседающая на красивом троне.
Лилейнораменная — с белыми, как лилии, плечами.
Ловитва — охота.
Ловчий — охотник.
Ложница — спальня.
Локчут — локают.
Лот — мясничный стул для рубки и разрезания мяса.

Мание — знак, кивание, движение.
Масть — мазь.
Меск — мул, лошак.
Мирика — тамариск (кустарник).
Миро — благовоние, масло.
Многокистный — украшенный бахромой (кистями).
Мост — дамба.

Наглезна — застежка, пряжка.
Налящать — натягивать (лук).
Налящатель — натягиватель лука, лучник, стрелок.
Наперсье — конский нагрудник, подпруга.
Наустил — подстрекнул.
Небопарный — парящий в небе.
Необорный — неодолимый, непобедимый.

Обаял — зачаровал.
Об дол — оземь.
Оборучный — владеющий левой рукой столь же свободно, как и правой.
Обрядили — освежевали (о тушах).
Обтекать — обходить.
Обуялые — взбесившиеся (о конях).
Овен — баран.

Огневица — лихорадка.
Огнище — костер.
Омрак — обморок.
Опасно — с опаской, заботливо.
Опрятав — выпотрошив.
Осаднил — оцарапал.
Освежили — освежевали, содрали шкуры.
Оскорбленные речи — оскорбительные речи.
Особенный — отдельно стоящий, одинокий.
Ошуюю — с левой стороны.

Паки — опять
Пард — леопард.
Первый-на-десять — одиннадцатый.
Переметник — изменник, двурушник.
Перси — грудь.
Плесницы — подошвы, сандалии.
Повязь — женский головной убор, головная повязка.
Подбрадие — подбородок.
Подвижники — состязающиеся.
Подзорный холм — холм, с высоты которого удобно обозревать окрестность.
Пожрем — принесем в жертву.
Покляпый — кривой, крючковатый.
Покров — 1) защита, заступничество, 2) покрывало.
Полсти — простыни.
Полсть — войлок.
Помавать — помахивать, покачивать, кивать.
Понималось — захватывалось (о пространстве, заливаемом речными водами).
Поперсье — конский нагрудник, подпруга.
Поприще — арена, место состязания.
Поразительный — пронзительный.
Порост — водоросли.
Потылица — затылок.
Праг — порог.
Предтекшая — шедшая впереди.
Премогли — превозмогли, осилили.
Препоны — преграды (шлюзы).
Пресловутый — знаменитый.
Прористали — пробежали.
Пруги — саранча (акриды).
Прыща стрелами — метая стрелы.
Пря — спор, распря.
Прядать — прыгать.
Прянул — см. прядать.

Разрывчатый — упругий, тугой.
Рамена — см. рамо.
Рамо — плечо.
Раскат — дамба, вал, укрепление.
Ратовье — древко копья.
Риза — одежда.
Ристалися — состязались в беге
Рожны — вертела.
Розоперстая — с розовыми пальцами.
Румяноланитая — краснощекая.
Ручня — горсть, связка стеблей, споп.

Своячина — сестра жены.
Светоносец — утренняя звезда.
Селина — сельдерей.
Семистопная скамья — скамья длиной в семь футов.
Сенница — см. куща.
Сень — см. куща.
Скимн — греческое слово, означающее, собственно, львенок, щенок. У Гнедича — лев.
Скрания — виски.
Скудельник — горшечник.
Сметища — места, куда сметают сор или навоз, сорные или навозные кучи.
Собор — собрание.
Советы — намерения.
Сонм — собрание.
Спнул — оттеснил, задержал.
Спрянул — спрыгнул.
Среда — средина.
Сретение — см. во стретение.
Срывать корысти — снимать доспехи с убитого врага (см. корысти).
Стадятся — ходят стадами.
Створенные ворота — затворенные ворота.
Стегно — бедро, ягодица.
Стогны — улицы.
Сторг — сдернул, выдернул.
Стотельчие — в сто быков.
Страна — сторона.
Стрегомы — стерегутся, охраняются.
Стремница — обрыв.
Сулица — копье, дротик.

Твердынь — крепость.
Твердыня — городская стена.
Твердь — крепость.
Течь — итти; **текли** — шли; **потек** — пошел, отправился.
Тмочисленные — многочисленные.
Токмо — только.
Торжище — городская площадь.
Трескот — трескотня.
Трости — камыши, тростник.
Тук — жир.
Тул — колчан.
Тур — бык.

Удобрятель — возделыватель.
Улучать — попадать.
Ульм — вяз.
Уметить — попасть, угодить.
Усмарь — кожевник, скорняк.
Усыренный — увлажненный.
Уток — нить основы в ткацком станке.

Хитрошвенный — с хитрым швом, искусно сделанный.
Хлена — плащ (греч. слово).
Храмина — комната.

Цевка — катушка, шпулька.
Цевница — дудка.

Черен — рукоятка.
Чермный — красный.
Чресла — поясница.
Чудясь — дивясь, изумляясь.

Швение — вышивка.
Широкочелистый — широколобый.
Шуйца — левая рука.

Юница — телка.

Явор — чинара, платан.
Ярем — ярмо.
Яремный — упряжный: животное, ходящее в упряжи, под ярмом.

СОДЕРЖАНИЕ

Илиада

Комментарии

Редактор Д. А. Горбов
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Техред Л. Фрязинова

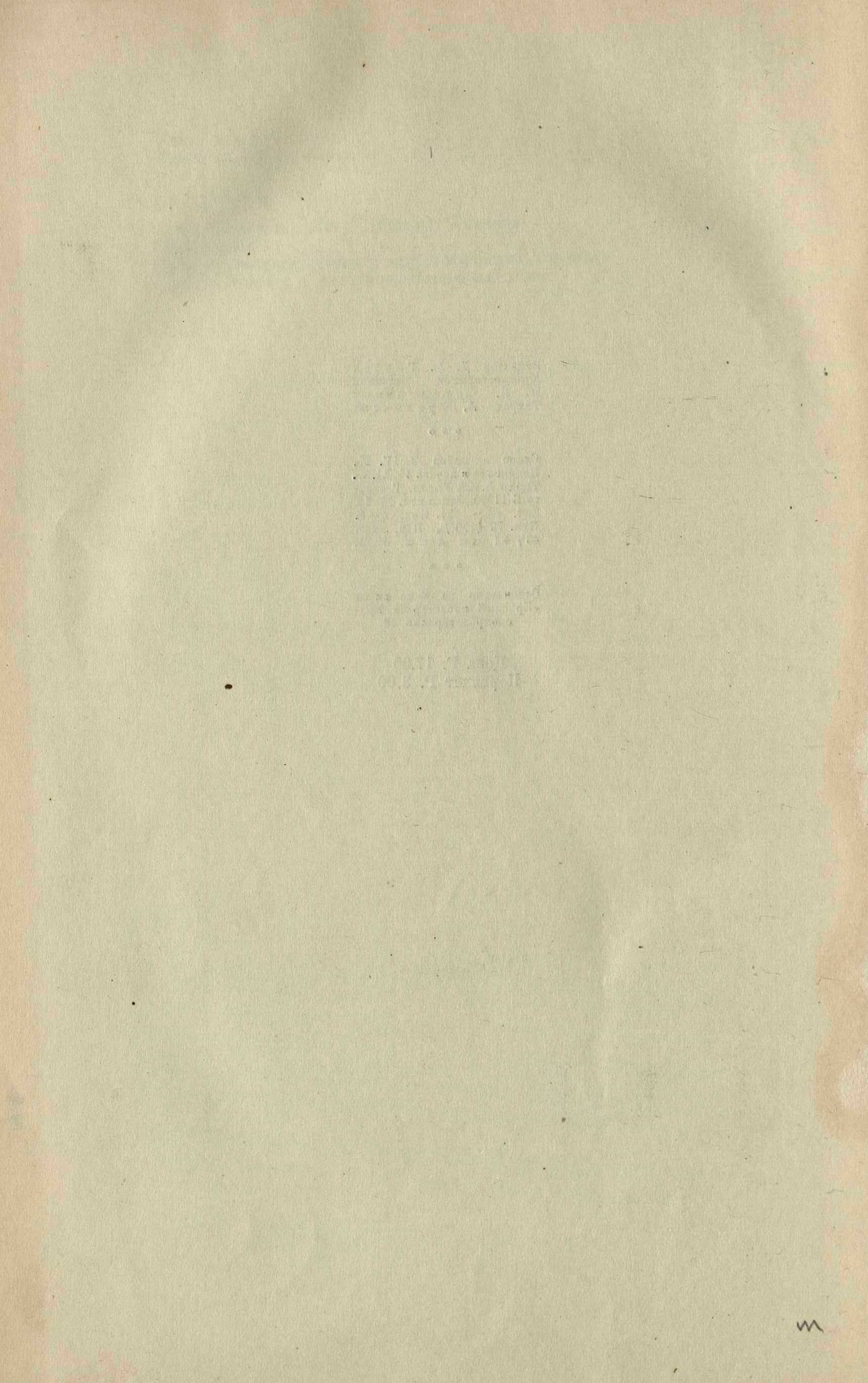
* * *

Сдано в набор 8. IV. 35.
Подписано в печать 15. XI. 35.
Тираж 5.300. Уполн. Главлита Б-11990. Заказ тип. № 20.
Зак. «Ас» 151. Инд. А—1.
Бум. 72×110 1/16. Печ. лист.
43 1/. +1 вкл. Авт. л. 44,24.

* * *

Отпечатано на ф-ке книги «Красный пролетарий». Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 17.00
Переплет Р. 3.00

ОПЕЧАТКИ К «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
IV	1 сверху	’ΟΜΗΡΟΥ	‘ΟΜΗΡΟΥ
CXXXV	13 сверху	XV, 718	XV, 717
30	12 снизу	вещавший	вещавшей
103	5 сверху	270	720
167	8 снизу	круг	вкруг
185	5 снизу	45	445
210	16 сверху	45	445
229	13 сверху	45	415
327	12 сверху	Мыщцей	Мышцей
335	1 снизу	Лочут	Локчут
344	9 снизу	407	470
542	2 сверху	Ст. 7	Ст. 6

Цифровые обозначения следующих строк сдвинуты на одну строку вверх: стр. 138, ст. 5 св.; ст. 10 св.; стр. 149, ст. 1 св.; ст. 4 сн.; стр. 167, ст. 16 св.; ст. 14 сн.; ст. 9 сн.; ст. 4 сн.; стр. 168, ст. 2 св.; ст. 7 св.; ст. 17 св.; стр. 178, ст. 13 сн.; ст. 8 сн.; ст. 3 сн.; стр. 179, ст. 3 св.

Цифровые обозначения следующих строк сдвинуты на одну строку вниз: стр. 31, ст. 13 сн.; ст. 8 сн.; ст. 3 сн.; стр. 99, ст. 2 сн.; стр. 232, ст. 2 сн. (на 2 строки).

Пропущены цифровые обозначения следующих строк:

Стр. 27, ст. 3 св.; ст. 18 св.; стр. 107, ст. 6 сн.; стр. 117, ст. 6 св.; стр. 154, ст. 2 св.; стр. 158, ст. 1 св.; стр. 522, ст. 5 сн.

